

Княгиня Ольга Бебутова.
(Снять въ 1910 году.)

КН. ОЛЬГА БЕБУТОВА

СЕРДЦЕ ЦАРЕВИЧА
(АБАСТУМАНЪ)

РОМАНЪ

Издательство ОЛЬГА ДЬЯКОВА и Ко., Берлинъ

Всѣ права сохранены за авторомъ.

Alle Rechte vorbehalten.

Типографія І. Визике
Брандеибургъ на Гавелѣ

Ея Императорскому Высочеству
Великой Княгинѣ
Ксеніи Александровнѣ.

Вамъ, милая Царевна, посвящаю я эти страницы. Въ нихъ найдете Вы грустную и нѣжную повѣсть любви боготворившаго Васъ брата. Въ нихъ запечатлѣлось сердце Царевича золотой сказки, сердце чистое и печальное, какъ слеза.

Авторъ.

Предисловіе.

Великій князь Георгій Александровичъ былъ вторымъ сыномъ русскаго императора, Александра III. Жизнь этого царевича мало знакома міру и окружена всевозможными легендами.

Красивый и цвѣтущій юноша — онъ былъ любимцемъ своей матери, императрицы Маріи Ѳеодоровны. Своему второму сыну, по традиціи, высочайшіе родители избрали морскую карьеру. Въ одно изъ морскихъ плаваній Георгій взобрался на мачту и, потерявъ равновѣсіе, свалился на палубу. Такъ говорили. Это паденіе дорого стоило царевичу — онъ повредилъ свои молодыя легкія и съ тѣхъ поръ здоровье ему измѣнило; исчезъ румянецъ, появился кашель, лихорадочно заблестѣли глаза. Начался опасный процессъ въ легкихъ.

Въ императорской семьѣ заволновались. Консультировали со всѣми знаменитостями міра. Возили больного царевича по теплымъ заморскимъ краямъ — въ Ниццу, Каннъ, Алжиръ.

Увы! Ни лекарства, ни южное благодѣтельное солнце не излечили недуга царевича. Тогда, по совѣту профессора Захарьина, отъ леченія тепломъ перешли къ леченію холодомъ. Георгія перевезли въ Россію, въ мѣстечко Абастуманъ.*)

Первый обратилъ вниманіе на Абастуманъ профессоръ Ремертъ.**) Онъ изучилъ абастуманскій климатъ и воды. Блестящіе опыты превзошли его ожиданія***) и онъ сталъ культивировать чудодѣйственное мѣстечко.

*) На Кавказѣ, вблизи турецкой границы; бывшая Турція.
**) Въ 1880 годахъ.
***) Излечивались слабогрудые, туберкулезные и золотушные.

Изумительно красива и богата природа Абастумана. Узкое ущелье расположено на высотѣ 6000 футовъ въ вѣчно-зеленыхъ горахъ, покрытыхъ южною душистою сосной. При въѣздѣ — водопадъ. Прозрачными струями онъ ударяется о камни. Бѣшено пѣнясь, разсыпая брилліантовыя искры, несется онъ бурной рѣкою навстрѣчу другимъ такимъ-же прозрачнымъ и быстрымъ рѣченкамъ, полнымъ форелей. Дѣвственные лѣса Абастумана полны душистыхъ и яркихъ цвѣтовъ, ягодъ, пестрыхъ бабочекъ и диковинныхъ птицъ и жучковъ.

Докторъ Ремертъ культивировалъ естественныя сосновыя рощи, насадилъ парки, выстроилъ ванныя зданія и ротонды. Частныя виллы и гостинницы выростали одна за другой. Лѣтомъ съѣзжалась нарядная публика, гремѣли военные оркестры въ паркахъ и рощахъ, бойко торговали буфеты. На зиму — снѣжную и солнечную — оставались только служащіе и больные. Жизнь затихала.

Но, въ одинъ прекрасный весенній день, въ самомъ концѣ Абастумана, на пустыхъ лѣсныхъ участкахъ, закипѣла спѣшная работа. Строили дворецъ и ограду, разбивали садъ, расчищали лѣсъ, утрамбовывали дорожки и площадки. И быстро, словно по волшебству, выросъ новый теремъ — дворецъ въ русскомъ стилѣ.

А золотою осенью Абастуманъ украсился гирляндами и флагами — встрѣчали больного царевича Георгія и его блестящую свиту.

Жизнь въ Абастуманѣ закипѣла. Строились одинъ за другимъ великокняжескіе дворцы. Съѣзжались высочайшія и знатныя особы. Въ мирномъ, дикомъ уголкѣ создался маленькій дворъ и плелось тонкое кружево придворныхъ интригъ. И здѣсь, у постели больного царевича, искали карьеры, наградъ, почестей.

Изъ Кутаиса *) прилетѣлъ, пребывавшій тамъ въ изгнаніи и немилости, принцъ Ольденбургскій. Онъ надѣялся, что дружба Георгія вернетъ ему милость императрицы. За принцемъ послѣдовалъ рой очаровательныхъ кавказскихъ княженъ и княгинь. Сердце царевича было мечтою каждой изъ нихъ.

А когда въ 1894 году, по смерти императора Александра III, на престолъ вступилъ старшій сынъ его Николай II,

*) Губернскій городъ на Кавказѣ.

и Георгій сдѣлался наслѣдникомъ русской короны, интриги и происки забурлили вокругъ маленькаго двора еще сильнѣе.

Почти всю свою недолгую жизнь наслѣдникъ цесаревичъ Георгій Александровичъ провелъ въ горномъ абастуманскомъ ущельи между розовой надеждой и чернымъ отчаяніемъ: Тамъ — въ царствѣ сосновыхъ горъ, быстрыхъ рѣчекъ и хрустальнаго воздуха, въ царствѣ лилій, рододендровъ и жасмина трепетало угасающею жизнью сердце царевича золотой сказки. Трепетало и угасло. И вокругъ внезапной и странной смерти Георгія вновь сложились таинственныя легенды.

Авторъ этого романа, княгиня Бебутова, писала его, пользуясь яркими воспоминаніями и разсказами дѣйствующихъ въ романѣ лицъ и письмами, дневниками и записками какъ самого царевича Георгія, такъ и его приближенныхъ. Почти всѣ дѣйствующія лица сохранили въ романѣ титулы, имена и фамиліи, нѣкоторыя измѣнены авторомъ и лишь немногія скрыты подъ псевдонимами. Ключъ къ этимъ псевдонимамъ и документы появятся въ печати по смерти автора.

Кн. О. Бебутова.

Прологъ.

1891 годъ.

Въ золотыхъ лучахъ осенняго солнца, въ червономъ золотѣ заката, волшебный Абастуманъ встрѣчалъ высокаго гостя — царевича Георгія. Зеленыя гирлянды вились по оградамъ нарядныхъ виллъ, по кружевнымъ балконамъ, спускались къ заросшимъ кустарникомъ берегамъ быстрой, шумливой рѣки. При въѣздѣ въ ущелье тріумфальную арку вѣнчали огромныя буквы — Г. А., подъ императорской короной. Тамъ, бѣшенымъ каскадомъ, волнуясь и пѣнясь, неслись струи водопада, ударяясь о камни.

Блѣдное голубое небо, безъ единаго облачка, разстилалось надъ Абастуманомъ и въ его легкомъ эфирѣ тонули причудливыя вершины горъ, казалось, замыкавшихъ ущелье со всѣхъ сторонъ. Принарядившіеся абастуманцы въ радостномъ волненіи высыпали на балконы, веранды и улицы. Телеграфъ уже извѣстилъ администрацію, что великій князь Георгій выѣхалъ съ послѣдняго полустанка и вся она, во главѣ со свѣтлѣйшимъ княземъ Шервашидзе*), блистая мундирами, приготовилась ко встрѣчѣ.

Промчались передовые — блестящій конвой царевича — и всѣ насторожились. Наконецъ то! Показалась первая коляска и въ ней, такъ всѣмъ хорошо знакомый по портретамъ, царевичъ Георгій въ сопровожденіи доктора и адъютантовъ. Юный царевичъ слегка приподнялся на подушкахъ экипажа. На худенькомъ, блѣдномъ лицѣ его заблистали глаза, синіе и измѣнчивые, какъ океанъ. Его увлекала дикая

*) Въ то время — тифлисскій губернаторъ; впослѣдствіи гофмейстеръ и любимецъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

красота этой новой для него природы, его тѣшила торжественная встрѣча. Слабая, ласковая улыбка, какъ тихій огонекъ, свѣтилась на его губахъ. За коляской царевича слѣдовалъ цѣлый рядъ свитскихъ экипажей и кортежъ замыкался конвоемъ.

— Красота, ваше высочество, вы любите природу, вы здѣсь не соскучитесь — ласково склонился къ Георгію молодой элегантный морякъ съ энергичными породистыми чертами сильнаго брюнета, тотъ, который занималъ почетное мѣсто рядомъ съ высокимъ больнымъ, любимый адъютантъ царевича, Алексѣй Владиміровичъ Гулакъ-Артемовскій.

— Волшебный уголокъ — задумчиво подтвердилъ царевичъ — вѣчная зелень пышныхъ лѣсовъ, волнующійся водопадъ, сказочная рѣчка. А воздухъ какой прозрачный и живительный. Сразу легче дышется полною грудью. Здѣсь все меня встрѣчаетъ лаской — ясное небо, золотое солнышко, добрые люди. Здѣсь моя надежда, Артемовскій и...

Легкій приступъ кашля и царевичъ, блѣднѣя, снова откинулся на подушки.

— Вы слишкомъ много говорите, ваше высочество — осторожно замѣтилъ докторъ Поровъ.

Онъ занималъ мѣсто въ коляскѣ противъ царевича. Это былъ рослый тридцатипятилѣтній богатырь, съ крупной головой, сильный, лубочно-красивый, съ затаенными огоньками въ круглыхъ, сѣровато-желтыхъ глазахъ. Очевидно, онъ не пользовался симпатіями царевича — Георгій не отвѣтилъ на замѣчаніе своего врача. Его голубоватыя вѣки устало сомкнулись и трепетная тѣнь каштановыхъ рѣсницъ скользнула по блѣдному лицу.

Третій спутникъ царевича, его второй любимый адъютантъ, Альфонсъ Леонардовичъ Хельстремъ, вдругъ неожиданно разсмѣялся. Молодой красавецъ — шведъ, яркій блондинъ, съ голубыми, какъ это небо, глазами, цвѣтущій и стройный, веселый и безпечный, онъ, безъ счета, шутя, покорялъ женскія сердца. Онъ любилъ роскошную, легкую жизнь и прекрасныхъ женщинъ. Онъ невредимо скользилъ въ тонкихъ кружевахъ придворныхъ интригъ. Самъ, придворный съ головы до ногъ, лишь въ атмосферѣ двора онъ дышалъ свободно и счастливо. Сейчасъ его неожиданный смѣхъ потревожилъ царевича.

— Что случилось, Хельстремъ? О чемъ? — невольно вздрогнулъ Георгій и, изъ тѣни рѣсницъ его, снова блеснула синева глазъ.

— Мелькнула мысль, ваше высочество — смѣясь признался Хельстремъ — что воздухъ здѣсь живительный, природа очаровательная, но... скука насъ всѣхъ здѣсь ждетъ смертельная. И, какъ всегда, въ рѣдкія минуты отчаянья, онъ весело разсмѣялся.

— Тебѣ-то ужъ не будетъ скучно, Хельстремъ! — иронія звучала въ голосѣ Артемовскаго. — И здѣсь, конечно, въ дикомъ углу, ты встрѣтишь не одну женщину, которую въ своемъ легкомыслiи назовешь прекрасной. Мы то тебя знаемъ, нашъ блестящій Донъ-Жуанъ.

— Можетъ быть — безпечно пожалъ плечами Хельстремъ. У меня вѣдь — «бей сороку и ворону».

— Хельстремъ — остановилъ его царевичъ.

— Не буду, не буду, ваше высочество, простите меня. Вы пуританинъ и считаете меня циникомъ, но я постараюсь исправиться.

— Ты неисправимъ, ты слишкомъ избалованъ! — и чуть замѣтная, снисходительная улыбка мелькнула по губамъ Георгія.

— Что женщины! — уже безпечно улыбался Хельстремъ. — Онѣ очаровательны, конечно, и украшаютъ нашу жизнь, какъ дивные цвѣты. Мы срываемъ ихъ, наслаждаемся ихъ ароматомъ, ихъ красою и... бросаемъ. Но дружба, дружба моего царевича — это уже сама жизнь. Ради нея я готовъ, не срывая, растоптать всѣ лучшіе цвѣты поднебеснаго уголка.

Пышный кортежъ остановился у высокой ограды. Въ золотыхъ лучахъ заката, на фонѣ зеленыхъ сосновыхъ горъ, вырисовывался стройный силуэтъ новаго дворца въ русскомъ стилѣ.

— Красиво! — сказалъ Артемовскій. — Нравится вамъ вашъ новый теремъ, ваше высочество?

— Я люблю нашъ русскій стиль. Какъ-то сразу чувствуешь себя дома. Будетъ-ли мой новый теремъ счастливымъ для меня? — и нотка затаенной грусти прозвучала въ голосѣ Георгія.

— Самымъ счастливымъ, ваше высочество! — весело подхватилъ Хельстремъ.

— А пока — дѣловито сказалъ докторъ — придется лечь въ постель, ваше высочество. Послѣ утомительнаго пути надо отдохнуть. Вѣдь мы уже завтра приступаемъ къ новому леченію.

Царевичъ покорно прошелъ въ свою спальню. Тамъ все располагало къ отдыху, все ждало больного хозяина.

— Его сіятельство, графъ Олтуфьевъ!

Тѣнь неудовольствія мелькнула по лицу Георгія, но она уже скрылась въ глубинѣ синихъ глазъ, когда на порогѣ обрисовалась мрачная фигура могущественнаго наставника. Характерныя черты холоднаго, словно покрытаго маской, лица; гордая голова на коренастыхъ плечахъ, сѣдѣющіе усы надъ чувственными губами.

— Какъ здоровье его высочества? Самочувствіе? Можетъ быть, великій князь что-нибудь прикажетъ? Не разрѣшитъ-ли онъ прочесть ему привѣтственную телеграмму ея величества?

Графъ важно расположился въ креслѣ и у самаго изголовья царевича отдавался его глухой, низкій голосъ. Отвѣты его высочества были кратки и холодны. И, такъ какъ Георгій казался утомленнымъ послѣ долгаго пути, визитъ наставника не былъ долгимъ. Онъ пожелалъ царевичу всѣхъ благъ и спокойнаго сна и величественно удалился.

У постели Георгія остался только одинъ его любимецъ — Артемовскій. Этому царевичъ могъ довѣрять. Единственный сынъ богатѣйшихъ родителей, онъ всю свою молодую жизнь посвятилъ больному другу. Ради дружбы онъ покинулъ старыхъ родителей, свѣтскую жизнь и свѣтскихъ красавицъ, свои богатые дома и владѣнія.

Теперь онъ нѣжно, какъ любящая мать, пожималъ хрупкую руку царевича.

— Тебѣ здѣсь нравится? Ты не раскаиваешься, что забрался въ эту глушь, Алексѣй?

— Развѣ я не съ тобой, Георгій?

— Ты очарователенъ и я очень, очень тебя люблю.

Рука Артемовскаго крѣпче сжала руку Георгія.

— И, право, здѣсь недурно — сказалъ онъ. — Волшебная природа и волшебный воздухъ. Ты наберешься здѣсь силъ, Георгій, окрѣпнешь и вмѣстѣ мы вернемся въ цвѣтущую,

веселую Ниццу. А теперь постарайся заснуть. Для бесѣды передъ нами долгіе дни. Покойной ночи.

Тишина. Глаза царевича открыты и не отрываются отъ образа Божіей Матери, озареннаго тихимъ свѣтомъ лампады. Блѣдныя губы шепчутъ молитву.

Вотъ дрогнули рѣсницы и сомкнулись. Осторожно поднялся Артемовскій и тихо-тихо направляется онъ къ двери.

— Алексѣй, покойной ночи — раздался ласковый голосъ.

— Не тревожься, я засыпаю. Я думаю... все думаю о томъ, что жизнь могла-бы быть прекрасна, если-бъ не эта болѣзнь. Мнѣ страшно, Алексѣй. Можетъ быть, мнѣ остаются только эти мои грезы, послѣдніе цвѣты умирающей осени.

Затихъ голосъ, словно замеръ. Артемовскій еще нѣсколько мгновеній ласково смотрѣлъ на это блѣдное лицо, озаренное тихимъ свѣтомъ лампады.

Уста царевича сомкнулись и нѣжная улыбка — улыбка грезъ, скользила по милому лицу.

По шоссе, мимо дворца, быстро мчится коляска, запряженная парой вороныхъ. Въ ней — одинокая, сумрачная, грузная фигура графа Олтуфьева. Нависшія брови сдвинуты, стальные глаза блестятъ изъ-подъ надвинутой на лобъ фуражки. Вельможа не въ духѣ. Перспектива уединенной жизни въ дикомъ углу ему не улыбается. Слишкомъ многое оставилъ онъ въ столицѣ. И блескъ большого двора, и свой роскошный особнякъ, и семью, и интимныя, закулисныя наслажденія. Но высочайшая воля направила его сюда и, только передъ этой волей, онъ, могущественный и гордый, становился жалкимъ рабомъ.

Георгій, любимый сынъ императрицы, «мой мичманъ» — нѣжно называетъ его она. И этотъ любимецъ, такъ близкій къ трону, борется со смертельнымъ недугомъ — чахоткой и, если онъ будетъ спасенъ, слава, почетъ и новое могущество при большомъ дворѣ графу Олтуфьеву...

Коляска лихо остановилась у деревянной рѣзной ограды. За палисадникомъ виднѣлась большая, ярко освѣщенная вилла.

Обширная комната вся въ тяжелыхъ, пестрыхъ коврахъ. Огромныя, готическія окна глядятъ въ густой запущенный садъ. Блѣдно улыбается луна съ прозрачнаго неба.

Графъ Олтуфьевъ откинулся на высокую спинку стариннаго кресла. Лицо его холодно, глаза опущены. Передъ нимъ почтительно склонился молодой морякъ Бойсманъ, тоненькій и невзрачный, съ быстрыми, карими глазками на мышиномъ лицѣ.

— Я сдѣлалъ все, что могъ, ваше сіятельство. Это лучшая вилла въ Абастуманѣ. Ваши ковры и богатыя ткани создали нѣкоторый уютъ.

— Благодарю, лейтенантъ. Помѣщеніе сносно, особенно, если принять во вниманіе, что все это не надолго. А теперь побесѣдуемъ о дѣлахъ. Вы должны безсмѣнно находиться во дворцѣ и каждый вечеръ, въ этомъ кабинетѣ, вы мнѣ будете давать полный отчетъ о вашихъ наблюденіяхъ. Я все и о всѣхъ долженъ знать, каждую мелочь. Моя отвѣтственность грандіозна.

— Положитесь на мою преданность, ваше сіятельство.

Въ полумракѣ графскаго кабинета вновь откинулась тяжелая портьера, пропуская богатырскую фигуру доктора Порова.

— Присядьте, докторъ. Наша бесѣда будетъ нѣсколько длиннѣе обычной. Какъ нашли вы великаго князя? Далекій путь, конечно, утомилъ его высочество?

— Драгоцѣнное здоровье его высочества внушаетъ мнѣ опасеніе, графъ. Завтра же мы приступимъ къ новому леченію. Отвѣтственность, конечно, не моя. Профессоръ Захарьинъ разсчитываетъ на чудо, а я только строгій исполнитель его предначертаній.

— На васъ — холодно, почти презрительно возразилъ Олтуфьевъ — никто и не возлагаетъ отвѣтственности. Надѣюсь, программу профессора вы въ точности изучили.

— Не сомнѣвайтесь, ваше сіятельство. Осень постепенно подготовитъ царевича, а зима здѣсь морозная и сухая. Какъ только на воздухѣ окрѣпнутъ силы его высочества, мы приступимъ къ легкому физическому труду. А, главное, подальше отъ волненій, подальше отъ прекрасныхъ женщинъ.

— Подальше отъ прекрасныхъ женщинъ — какъ эхо

повторилъ графъ и что-то вродѣ улыбки мелькнуло по его чувственнымъ губамъ. — Не легка и ваша задача, докторъ. Сложное леченіе, предначертанное чужой рукой и усиленное наблюденіе не только за высокимъ паціентомъ, но и за всѣми его окружающими. Проникнуть въ юную душу и улавливать всѣ мельчайшія перемѣны. Надѣюсь, что задача вамъ по силамъ и мнѣ придется васъ награждать, а не карать. Всего лучшаго... Намъ всѣмъ нуженъ отдыхъ послѣ долгаго пути.

— Пріятнаго и добраго сна, ваше сіятельство!

Глубокій, заискивающій поклонъ — и докторъ удалился.

Графъ Олтуфьевъ докурилъ сигару и тяжело поднялся. Онъ медленно подошелъ къ окну и отдернулъ легкое кружево занавѣси. Съ высоты неба феерически сіяла луна и голубоватымъ свѣтомъ озаряла садъ и горы. Легкій туманъ прозрачнымъ покрываломъ окутывалъ причудливыя вершины. Онъ медленно плылъ, этотъ бѣлый туманъ, превращаясь въ измѣнчивые таинственные образы. И даже окаменѣвшее сердце вельможи дрогнуло — онъ нѣсколько мгновеній не шевелился, словно зачарованный волшебной красотой дикой природы.

— А все-таки надо подумать, какъ скрасить жизнь въ этомъ медвѣжьемъ углу — пробормоталъ онъ и глаза его странно блеснули изъ-подъ нависшихъ бровей.

Дворецъ царевича Георгія въ Абастуманѣ (нынѣ сгорѣвшій).

Дворцовый паркъ и свитскій домъ въ Абастуманѣ.

Часть I.

I.

1894 годъ.

Въ снѣжномъ уборѣ такъ красивъ молодой дворцовый паркъ. Зелень сосенъ и пихтъ кажется особенно яркой. Послѣдніе лучи заката золотятъ вершины причудливыхъ горъ. Блѣдноголубое небо прозрачно, какъ воды озерла. Морозный воздухъ такъ упоителенъ, такъ легокъ и чистъ.

Во дворцовомъ паркѣ вспыхиваютъ огоньки — одинъ за другимъ. Съ каждымъ мгновеньемъ тускнѣетъ послѣднее золото заката. За высокой, тонкой оградой поскрипываютъ мѣрные шаги часовыхъ. Волшебной тишиной молчитъ завороженная природа...

И вдругъ... веселый женскій смѣхъ. Распахнулись двери дворца и цѣлый рой очаровательныхъ дамъ сбѣгаетъ по ступенямъ балкона, постукивая каблучками. И шумно пробѣгаютъ прелестныя женщины по дорожкамъ. Ласково шуршитъ шелкъ модныхъ туалетовъ, ароматъ духовъ страстной, ошеломляющею смѣсью врывается въ хрусталь горнаго воздуха.

— Скорѣе! — щебечутъ женскіе голоса. — Да тутъ и спрятаться-то негдѣ!

— Женское коварство будетъ наказано! — раздается звучный теноръ адъютанта Хельстрема и самъ онъ, стройный, блестящій и веселый, показывается на балконѣ, перепрыгиваетъ черезъ двѣ-три ступени и спѣшитъ догнать убѣгающихъ. А балконъ уже полонъ веселыхъ зрителей и, между ними, царевичъ Георгій.

— Не поймаете? — громко восклицаетъ докторъ Поровъ. — Ваше высочество, неужели господинъ Донъ-Жуанъ обойдется безъ нашей помощи.

— Обойдется! — застѣнчиво роняетъ Георгій. — За Хельстрема я спокоенъ.

Какъ измѣнился царственный юноша за эти годы. Окрѣпъ, возмужалъ. Легкій румянецъ проступаетъ на загорѣлыхъ щекахъ. Новый блескъ въ глазахъ, новая улыбка въ уголкахъ устъ.

Вскорѣ изъ глубины, запорошенной снѣгомъ, аллеи раздается женскій смѣхъ и торжествующій возгласъ Хельстрема.

— Побѣда!

Онъ возвращается объ руку съ двумя дамами. Одна изъ нихъ — Ольга Залѣсская, красивая барышня, привлеченная «высочайшимъ огонькомъ». Другая — княжна Полина Турадзе — стройная, высокая брюнетка. Она была бы красавицей съ этими правильными чертами лица и огненнымъ взоромъ, если-бы не красное родимое пятно, безобразившее лѣвую сторону ея лица. Манеры ея рѣзки въ движеніяхъ, смѣхѣ, отрывистыхъ фразахъ — смѣлость дикарки.

— Поймалъ и радуется! — звучитъ ея низкій контральто. — А вѣдь мы это нарочно — надоѣло бѣгать и прятаться.

За ними свѣтлой, нарядной группой приближаются остальныя дамы. Княгиня Дарико-Максени — миніатюрная шатенка, съ искрящимися наивными глазками и невинной улыбкой. Генеральша Alexandrine Рубанъ — высокая, тонкая, рыжеватая, съ ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица и длинными, какъ у бѣлки, зубами. Пухленькая, съ пышной темной головкой — Lise Залѣсская, младшая сестра Ольги.

— Принцъ, милый принцъ, передъ обѣдомъ недурно пройтись по свѣжему воздуху — кокетливо говоритъ принцу Ольденбургскому генеральша Рубанъ. — Или вы не хотите быть моимъ спутникомъ?

— Весь къ вашимъ услугамъ.

Изъ группы «наблюдающихъ» выдѣляется высокая, все еще молодцоватая и стройная фигура «опальнаго» принца Константина Ольденбургскаго. Правильное, безкровное лицо, большіе, бѣловатые, словно мертвые, глаза. Но мгновеньями они вспыхиваютъ, эти бѣлые глаза и тогда странно

оживаетъ безкровное лицо. Опираясь на его руку, генеральша Alexandrine кокетливо ему улыбается. Она — его послѣднее увлеченіе, впредь до новаго.

Молодые моряки — Бойсманъ и Мѣшковъ и докторъ Поровъ присоединяются къ группѣ Хельстрема и въ этой группѣ звучатъ двусмысленныя шутки и вызывающій смѣхъ.

Княгиня Дарико-Максени граціозно приближается къ великому князю Георгію. Легкая краска всп_хнула на его лицѣ. Одинъ быстрый, радостный взглядъ его синихъ глазъ — и снова они застѣнчиво скрыты тѣнью пушистыхъ каштановыхъ рѣсницъ.

— Я вамъ не помѣшаю, ваше высочество?

— Напротивъ, княгиня!

Такъ тихо-тихо шелеститъ его голосъ.

— Имъ всѣмъ очень весело! — маленькій пальчикъ княгини пренебрежительно указываетъ на группу въ саду. — Въ ихъ смѣхѣ что-то пошлое! Неправда-ли? Какъ будто они не во дворцѣ, а въ ресторанѣ. Вы молчите, ваше высочество. Вы не любите осуждать. И вы правы. Зачѣмъ думать о нихъ, когда міръ такъ прекрасенъ! Какой закатъ, ваше высочество! Но сейчасъ померкнетъ послѣднее его золото. День умираетъ.

Застѣнчивая улыбка погасла на устахъ Георгія и тѣнь пробѣжала по его лицу. Даже мимолетнее упоминаніе о смерти тревожило его. Онъ такъ былъ близокъ къ ней и только чудомъ вырвался изъ ея холодныхъ объятій. Но маленькая женщина не отличалась проницательностью — она все понимала по своему.

— Вы всегда такой молчаливый и замкнутый. Какъ богъ! Хочется сказать вамъ что-нибудь и страшно. Я васъ боюсь, ваше высочество.

Маленькія губки капризно, по-дѣтски, вздернулись.

— И я сама себя браню за свою застѣнчивость. Только смѣлые завоевываютъ счастье. Какъ Полина! Она никого не боится.

— И вы ей завидуете? Напрасно, княгиня.

Счастливая улыбка мелькнула по губамъ Дарико.

— Теперь я ей не буду завидовать, ваше высочество. Но... я очень ревнива... очень.

Царевичъ застѣнчиво опустилъ голову — ему хотѣлось скрыть свое волненіе.

— Добрый вечеръ, ваше высочество! Mille compliments, princesse — рѣзкимъ диссонансомъ прозвучалъ въ интимной тишинѣ надменный голосъ графа Олтуфьева.

Георгій вздрогнулъ и нахмурился. Княгиня Дарико казалась смущенной.

Медленно, тяжело ступая, приближался графъ Олтуфьевъ — строгій наставникъ его высочества, грозный повелитель Абастумана. Онъ, какъ будто, еще больше окрѣпъ за эти годы, только въ его бородѣ прибавились сѣдыя нити да крупная голова еще надменнѣе поднялась на широкихъ плечахъ. Развѣ не удалось ему «воскресить» царевича Георгія? Развѣ «большой дворъ» не улыбается ему особенно благосклонно? *Тамъ* ему вѣрятъ безгранично и *здѣсь* безгранична его власть.

— Нашъ повелитель, наконецъ-то! — оправившись, защебетала Дарико. — Среди непринужденнаго веселья не хватало только васъ!

И опять ея пальчикъ пренебрежительно указалъ на группу въ саду. Но могущественнаго графа, конечно, сейчасъ-же всѣ замѣтили и нарядные гости заискивающе къ нему приближались. Одновременно прозвучалъ колоколъ, призывавшій къ обѣденному столу.

За обѣдомъ натянутость мѣшала веселью. Только безпечный Хельстремъ смѣялся и шутилъ и ему вторила безцеремонная Полина. Дарико бросала наивные взгляды въ сторону царевича.

Принцъ Константинъ бесѣдовалъ съ Олтуфьевымъ о новыхъ назначеніяхъ и, съ ядовитой злобой изгнанника, все и всѣхъ осуждалъ.

А графъ — наблюдалъ. Какъ будто изрѣдка царевичъ бросаетъ взгляды на Дарико? Или это только кажется его наставнику?

Наконецъ-то конченъ этотъ обѣдъ — скучный, натянутый, длинный.

Графъ Олтуфьевъ и принцъ въ маленькой гостиной сражаются въ шахматы. Въ большомъ залѣ теперь легче дышется и Хельстремъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы развеселить общество. Онъ придумалъ игру въ «почту».

— Ваше высочество, берегитесь — я сегодня узнаю всѣ ваши тайны — звенитъ его веселый голосъ. Mesdemoiselles помогите-же мнѣ. Мы раздадимъ бумагу и карандаши

всѣмъ «грамотнымъ россіянамъ» и пусть направляютъ письма въ самые отдаленные углы міра. Я берусь ихъ доставить и принесу отвѣты. Его высочество, конечно, Россія, княгиня Максени — Грузія, генеральша Рубанъ — Испанія, княжна Полина — Африка. Вотъ списокъ всѣхъ странъ.

«Маленькій дворъ» погрузился въ корреспонденцію.

Черезъ полчаса Хельстремъ уже собиралъ письма. Маленькое письмецо, которое далъ ему, краснѣя, Георгій, было адресовано въ Грузію. И, передавая письмо Дарико, Хельстремъ что-то шепнулъ ей и она вся вспыхнула радостью и торжествомъ. Дрожавшими пальчиками она развернула записочку.

«Вы мнѣ нравитесь.»

Если-бы это написалъ *другой*, можно было-бы подумать: «и только?» Но написалъ это царевичъ Георгій — застѣнчивый, робкій, замкнутый... О, это побѣда, побѣда!

И Дарико, волнуясь, написала отвѣтъ:

«Я счастлива, потому что давно уже думаю о Васъ, но никогда не рѣшилась бы Вамъ это сказать.»

— Почта закрыта! — объявилъ Хельстремъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Еще одно письмо въ Россію — вся вспыхнула Дарико.

Это письмо доставитъ курьеръ — пошутилъ Хельстремъ.

Первая записочка женщины въ рукахъ Георгія. Онъ пробѣжалъ ее глазами и торопливо спряталъ. Дыханіе тѣснило его грудь. Это была новая, пріятная тяжесть.

Въ амбразурѣ окна, выпрямившись, стояла княжна Полина, кусая алыя губы. Она *все* замѣтила и злобное раздраженіе закипало въ ея душѣ. Неожиданно за ея плечомъ раздалась насмѣшливая фраза доктора Порова:

— Я вѣрилъ въ твои силы, Полина, но, кажется, я ошибался.

Огнемъ сверкнули ея черные глаза.

— Смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній!

И она рѣзко выдвинулась изъ амбразуры окна и стремительно подошла къ Георгію.

— Сегодня вы меня избѣгаете, ваше высочество.

— Вамъ это только кажется, княжна — потупился царевичъ.

— Я не вѣрю словамъ, ваше высочество. Посмотрите мнѣ въ глаза.

Ея страстная настойчивость побѣдила его робость. Взоры ихъ встрѣтились. Что-то новое, незнакомое ему въ этихъ жгучихъ глазахъ, черныхъ, какъ ночь.

— Вы избѣгаете женщинъ и вы правы — горячо заговорила она. — Когда вы ихъ узнаете также хорошо, какъ я, вы будете ихъ презирать. Но только не меня, я не такая, какъ всѣ. Или вы ко мнѣ не приглядѣлись?

Одно движеніе къ нему — и Георгій ощущаетъ горячую волну ея дыханія.

— Я люблю жизнь — кипучую, яркую, сильную. Я люблю страсть — мимолетную, но опьяняющую. Я знаю, что за мигъ можно отдать годы.

Для него было что-то неизвѣданное въ ея словахъ, въ самомъ звукѣ заглушеннаго страстью голоса.

Полина также стремительно отошла отъ него и въ амбразурѣ окна снова вырисовывался ея стройный высокій силуэтъ.

Докторъ Поровъ таинственно нашептывалъ княгинѣ Дарико:

— Говорятъ, что «Грузія» сегодня подъ особымъ покровительствомъ «Россіи». Я этому не вѣрю.

Она горделиво закинула головку.

— Маленькой записочкой я могла бы разрушить ваше «невѣріе», но... я запрятала ее слишкомъ далеко.

И Дарико хвастливо прижала маленькую ручку къ своей груди.

Веселый говоръ сразу затихъ и Дарико невольно обернулась.

Въ дверяхъ стоялъ графъ Олтуфьевъ. Сѣрые, острые глаза его пристально на нее смотрѣли.

— Слишкомъ много высокихъ побѣдъ — быстро ретируясь шепнулъ ей докторъ Поровъ.

А графъ уже къ ней приближался.

— Я могу васъ довезти, princesse, я ѣду домой — благосклонно предложилъ ей онъ.

Въ салонѣ сразу зашевелились и гости постепенно разсѣивались.

Георгій прошелъ въ свою спальню. Онъ отпустилъ камердинера, ему хотѣлось остаться одному.

Лежа въ постели, онъ перечитывалъ записку Дарико. Онъ такъ ясно представлялъ себя ея образъ — наивный и кроткій. Первая записка женщины. Она пропитана легкимъ

ароматомъ духовъ, она волнуетъ. Георгій невольно прижалъ ее къ губамъ и... вздрогнулъ. Почему, почему въ это мгновенье другой женскій образъ, жгучій и страстный образъ Полины, вдругъ заслонилъ миловидную Дарико? Что это — невѣдомое — тревожило молодую душу?

И, какъ всегда въ минуты волненія, Георгій вспомнилъ своего далекаго друга, Алексѣя Артемовскаго! Если-бъ онъ былъ здѣсь — ему довѣрилъ бы царевичъ свои первыя сомнѣнія, свои новыя грезы.

Но, увы, уединенная жизнь прискучила любимому адъютанту его высочества. Уѣхалъ не надолго, а пропадаетъ уже мѣсяцы. Конечно, въ Ниццѣ веселѣе, чѣмъ... въ Абастуманѣ. Безотчетной ревностью сжалось сердце Георгія. Такъ страстно захотѣлось ему вызвать друга изъ волшебной Ниццы и вернуть его себѣ. Онъ вырвалъ листокъ изъ записной книжки. Къ далекому другу летѣлъ его порывистый призывъ.

Дорогой Алексѣй,

Если-бъ ты зналъ, какъ ты мнѣ нуженъ! На душѣ — тревога... Я самъ себя не понимаю. Что-то новое стучится въ мою жизнь... и мнѣ страшно. Умираютъ золотыя грезы ранней осени. Буря близка. Я жду тебя, Алексѣй, немедленно. Не сердись на твоего эгоистичнаго, но любящаго и вѣрнаго друга — Георгія.

(Письмо великаго князя Георгія къ Алексѣю Владиміровичу Гулакъ-Артемовскому.)

III.

Быстро мчался экипажъ по снѣжной лентѣ шоссе. Докторъ Поровъ провожалъ княжну Полину Турадзе.

Чудная звѣздная ночь. Озаренный луннымъ свѣтомъ, волшебнымъ кажется «поднебесный уголокъ» — снѣжный покровъ, и темная зелень сосенъ, и грохотъ, пѣнящагося водопада. Въ прозрачномъ, блѣдномъ небѣ звѣзды кажутся такими далекими, далекими.

Полина и докторъ не обмолвились ни словомъ, будто волшебная ночь сковала ихъ уста.

Экипажъ остановился у небольшой виллы, обнесенной оградой. Громко залаялъ песъ. Распахнулась дверь и тяжелые шаги заскрипѣли по дорожкѣ сада.

— Зайдешь ко мнѣ?

— Пожалуй. Ты угостишь меня виномъ? А то я слишкомъ трезвъ сегодня.

— Ты всегда слишкомъ трезвъ — пробормотала Полина и странная усмѣшка искривила ея алыя губы.

Въ уютномъ будуарѣ Полины докторъ свободно расположился, какъ дома. Всѣмъ своимъ богатырскимъ тѣломъ онъ выпрямился на оттоманкѣ и въ пестрыхъ подушкахъ потонула его крупная, кудрявая голова.

Полина, въ яркокрасномъ, откровенномъ «robe de chambre», сбраженными руками наливала шампанское въ высокіе бокалы.

— Пей, чудовище!

Докторъ залпомъ осушилъ бокалъ.

— Хорошо. Отличную штуку придумали французы.

Онъ потянулся и зѣвнулъ.

— Знаешь, мнѣ невольно вспомнился первый бокалъ вина въ этомъ будуарѣ. Многое ли измѣнилось? Стоячее болото этотъ «маленькій дворъ»! А сколько было надеждъ! Въ погонѣ за могуществомъ мы съ тобой тогда заключили союзъ. Я тебя посвятилъ во всѣ свои наблюденія. Ты до сихъ поръ не съумѣла ихъ использовать. Сердце царевича такъ долго спало, казалось, непробуднымъ сномъ; теперь оно пробуждается...., но не для тебя. Глупенькая Дарико казалась неопасной, но она тебя перехитрила. Тутъ, конечно, уроки его сіятельства, графа-наставника.

— Напрасно ты поешь мнѣ отходную — сердито сверкнула глазами Полина. — Тебя взволновала глупая записочка. Конечно, мое выступленіе осталось незамѣтнымъ, но...если Георгій плохо спитъ сегодня, то Дарико тутъ ни причемъ. Всѣ ея сантиментальности только подготовляютъ мнѣ почву. Тебѣ не придется краснѣть за твою союзницу — Полина Турадзе будетъ первою страстью царевича! И мы съ тобою раздѣлимъ могущество.

— Попытайся!

Онъ слегка приподнялся и глаза его холодно блеснули.

— Только не забывай: горе побѣжденнымъ — дорогу побѣдителямъ. Я тебѣ благодаренъ за часы наслажденій; я ихъ, можетъ быть, не забуду, но...

— Не договаривай. Я тебя хорошо изучила, чудовище!

— Не осуждай меня, Полина. Я вышелъ изъ мрака, изъ народа. Тяжелымъ трудомъ, лишеніями, упорной борьбой я достигъ своего положенія. Случай мнѣ благопріятствовалъ. Болѣзнь царевича приблизила къ нему профессора Захарьина, а профессоръ выдвинулъ меня. Я — при дворѣ. Правда, это — маленькій дворъ, но, въ то-же время, это тропинка къ блестящей карьерѣ и богатству. И здѣсь «ставка на все». Она увлекаетъ и опьяняетъ. Бѣдный больной царевичъ! Вокругъ него уже сплелась цѣлая цѣпь интригъ. Кто завладѣетъ нетронутымъ сердцемъ любимаго «мичмана императрицы»!? Царевичъ не знаетъ реальной жизни, его вѣдь охраняютъ отъ малѣйшаго ея дуновенія. Глупцы! Не понимаютъ, что теперь первая искра и... вспыхнетъ пожаръ. Какъ они всѣ слѣпы! Георгій — натура замкнутая, но глубокая и страстная... Я такъ внимательно за нимъ наблюдаю. Въ наивныхъ глазахъ иногда вспыхиваютъ страстные огни. А чувственныя уста — развѣ мало они говорятъ? Боюсь, какъ-бы въ первомъ-же пожарѣ не сгорѣла драгоцѣнная жизнь.

Полина закурила папироску.

— Такъ было, можетъ быть — покачала она головой — но теперь Георгій совсѣмъ поправился. Онъ еще насъ съ тобой переживетъ.

— Да... если-бы онъ былъ простымъ смертнымъ — онъ нашелъ-бы свое маленькое, мѣщанское, но долгое счастье.

— Перестань. Шампанское какъ-то странно дѣйствуетъ на тебя сегодня. Уже мы-то не будемъ сантиментальничать. Мы — паучки. Мы боремся. Кто побѣдитъ? И, я увѣрена, золотая мушка будетъ моей. Съ закаленными я справлялась, а этого «дитю» я возьму, какъ хочу.

Она перегнулась гибкимъ кошачьимъ движеніемъ и ея красивая голова какъ-бы случайно коснулась широкой груди доктора.

— Требуется твоя немедленная помощь, чудовище.

— А именно?

Грудь доктора теперь высоко вздымалась въ пріятномъ волненіи и глаза его искрились.

— Я бы хотѣла, чтобъ ты развѣнчалъ малютку Дарико въ глазахъ Георгія. При немъ она не пьетъ и не куритъ, смущается и краснѣетъ, скромно одѣвается. Пусть царевичъ знаетъ, что все это «для него» и что Дарико пьетъ, какъ матросъ, куритъ, какъ извозчикъ, смакуя, разсказываетъ бездну анекдотовъ, самыхъ пикантныхъ и мѣняетъ свои увлеченія, какъ перчатки. Пусть знаетъ царевичъ, что наивныя губки уже цѣловали Хельстрема и принца Константина, а теперь цѣлуютъ грознаго графа. Всѣ эти крохотныя свѣдѣнія развѣютъ сантиментальныя грезы царевича.

Полина отбросила руку и, какъ бы случайно, погасила свѣчу. Но въ комнатѣ стало еще свѣтлѣе. Луна такъ ярко, такъ безцеремонно сіяла.

— Ты-ли меня возбуждаешь, діаволъ — Полина, или эта волшебная ночь? — весь дрожа, поднялся докторъ и его крупныя могучія руки крѣпко сжали ея гибкое тѣло.

— Причина безразлична! — усмѣхнулась Полина и ея губы обожгли его поцѣлуемъ.

Въ эту же дивную ночь элегантная коляска быстро мчала графа Олтуфьева и княгиню Максени.

— Я сегодня доволенъ тобою, малютка — понижая голосъ, по-французски говорилъ графъ Олтуфьевъ. — Ты осуществляешь мою волю и Георгій заинтересованъ тобой. Я наблюдаю за нимъ. Только ты не прорвись. Главное — не пей. Лишній бокалъ вина — и ты все погубишь. Твои пикантныя шалости восхищаютъ насъ, пресыщенныхъ, а наивнаго юношу оттолкнутъ отъ тебя. Знаю, тебѣ тяжела эта комедія, но... потерпи. Стоитъ! А пока — вотъ маленькое утѣшеніе.

И графъ передалъ Дарико небольшой ящичекъ.

— О, повелитель, ты меня балуешь...

— Брось свои ужимки — холодно перебилъ ее графъ и она сразу съежилась. — Огонекъ, который ты съумѣла во мнѣ зажечь, уже погасъ. Но я тебѣ благодаренъ за прошлое и, ты видишь, я дѣлаю все, чтобы создать твое будущее. Но, если ты будешь лукавить, или таить что-нибудь отъ меня, я съумѣю тебя раздавить какъ-бы высоко ты ни залетѣла.

Равнодушный, жесткій тонъ, холодный пронизывающій взглядъ и — Дарико затрепетала.

Графъ, какъ-бы ободряя, пожалъ ея руку, тонувшую въ теплой перчаткѣ.

— Но тебѣ нечего бояться, ты вѣдь будешь послушна, Дарико!

Коляска остановилась у бѣлой виллы.

— Ты — дома. Покойной ночи, Дарико.

— Можетъ быть, повелитель, ты зайдешь согрѣться?

— Нѣтъ! — коротко и рѣзко отвѣтилъ онъ. — Покойной ночи, princesse.

Грумъ помогъ Дарико сойти и коляска помчалась дальше.

Княгиня Дарико сбросила шубку на руки горничной и велѣла подать въ свой крошечный будуаръ чай и вино.

Какъ много напоминала ей эта комната-игрушка! Здѣсь чаровала она графа-наставника. И какъ гордилась она своей побѣдой. У ея маленькихъ ножекъ просиживалъ гордый вельможа часы досуга, казалось — ей повѣрялъ онъ тайны своей мрачной души. Одно интимное прикосновеніе маленькой ручки возвращало ему пылкую молодость. Холодный взоръ таялъ, туманился. Блаженная улыбка поглощала высокомѣрную надменность, плотоядныя губы горѣли пламенемъ страсти. Но эта страсть уже потухла. Такъ скоро!

Машинально Дарико отпила нѣсколько глотковъ вина и приникла головкой къ мягкой спинкѣ диванчика. Такъ мало прожито, а такъ много пережито! Въ воображеніи промелькнула ея родина — цвѣтущій, горячій Кутаисъ. Тамъ росла она подъ яркими лучами солнца, среди благоухающихъ садовъ. Тамъ, почти дѣвочкой, вышла она замужъ за кавказскаго князя Максени, обладателя бездоходнаго имѣнія подъ Кутаисомъ. Страсть мужа скоро смѣнилась равнодушіемъ. Онъ такъ часто уѣзжалъ и за хорошенькой княгиней «ухаживали» многіе. Наконецъ, самъ принцъ Константинъ обратилъ на нее благосклонное вниманіе. Не надолго, конечно, но зато она приблизилась къ его дому. Вслѣдъ за принцемъ потянулась и она въ Абастуманъ искать блестящаго счастья. Графъ Олтуфьевъ былъ ея первой абастуманской побѣдой. Онъ ускользаетъ теперь. Тѣмъ лучше! Дарико потянулась всѣмъ тѣломъ и счастливая улыбка озарила ея кукольное личико. Царевичъ! Она будетъ фавориткой его высочества и, кто знаетъ, какіе

сюрпризы дасть ей эта новая побѣда! Дарико коснулась своей высоко-вздымавшейся груди. Тамъ прошелестѣла записка. Дарико порывисто ее вынула и перечла. Передъ нею ярко промелькнуло нѣжное лицо царевича, озаренное печальными прекрасными глазами, весь его обликъ, печальный и хрупкій. И быстрѣе забилось ея птичье сердечко и незнакомая еще нѣжность наполнила его.

«Я буду любить тебя, царевичъ, буду вѣрной и преданной, я все и всѣхъ забуду для тебя» — шептали ея капризныя губки.

Но вотъ она порывисто поднялась, озираясь. Гдѣ-же футляръ — сегодняшній подарокъ графа? Ахъ, вотъ онъ! Сброшена голубая ленточка, футляръ открытъ. Какая прелесть! Дивная нить крупнаго, молочно-бѣлаго жемчуга... Темные глаза Дарико заискрились. Въ одно мгновенье прекрасная, холодная нитка обвила ея теплую, нѣжную шейку. Красота! Грозный повелитель умѣетъ баловать. Нѣтъ, въ жизни еще много-много прекраснаго.

Графъ Олтуфьевъ подъѣхалъ къ своей интимной дачѣ. Яркіе огни и расторопные слуги встрѣтили вельможу. Услужливыя руки подхватили его шинель и онъ прошелъ въ свой кабинетъ.

Двѣнадцатый часъ ночи. Графъ не привыкъ ложиться такъ рано. А дѣваться некуда. Тоска въ этомъ медвѣжьемъ углу!

Графъ тяжело опустился въ кресло у письменнаго стола. Его уже ждали обычныя высочайшія телеграммы. Перечелъ. Настрочилъ отвѣты...

Чувство томящей скуки теперь царило на мрачномъ лицѣ вельможи. Шутка-ли? Четвертый годъ онъ томится въ этой клѣткѣ и пока нѣтъ надежды вырваться. Онъ совершилъ чудо — царевичъ Георгій оживаетъ. Если онъ дотянетъ до тридцати, жизнь его спасена. Теперь ему двадцать четвертый — самый опасный возрастъ! «Подальше отъ женщинъ» — строго рекомендуетъ профессоръ Захарьинъ. Легко предписывать! А если юноша пробуждается къ жизни, если любовь уже стучится въ сердце? Отъ природы не уйти и только надо умѣло руководить «пробужденіемъ». Пусть лучше эта глупенькая Дарико, чѣмъ другая. *Эту*

можно держать въ рукахъ — и подарками, и страхомъ. Усмѣшка промелькнула по губамъ графа. Вѣдь только скука Абастумана могла зажечь его недолгое увлеченіе этою птичьей головкой! Ему вспомнились шикарныя, развращенныя женщины Парижа и Питера и онъ невольно тяжело вздохнулъ.

А лунная ночь дразнила его волшебнымъ обаяніемъ, пробуждала смутныя грезы и желанія въ пресыщенной душѣ.

— Скука, проклятая скука! — проговорилъ онъ, стиснувъ зубы и вдругъ рѣшительно позвонилъ.

— Я лягу спать — отрывисто сказалъ онъ камердинеру. — Никого не принимать. Эти депеши отправить немедленно.

А на своей виллѣ принцъ Константинъ въ интимномъ салонѣ встрѣчалъ утро въ обществѣ генеральши Alexandrine. На изящно сервированномъ столѣ красовались остатки роскошнаго ужина. Въ хрустальныхъ вазахъ алѣла парниковая земляника, нѣжно выглядывали изъ зеленыхъ листьевъ пушистыя щечки персиковъ. Огромные пауль-нероны и маленькія бѣлыя розы печально увядали на бѣлоснѣжной скатерти. Изъ хрустальнаго бокала принцъ соломинкой медленно тянулъ ледяное вино. Генеральша Alexandrine, вся красная, обмахивалась вѣеромъ, охлаждая свою обнаженную грудь.

— Какъ ты думаешь, Alexandrine — бормочетъ принцъ, отрываясь отъ соломинки — моя дружба съ Георгіемъ это не плохая штука? Пора мнѣ вернуться къ большому двору и, я надѣюсь, сердце Георгія будетъ моимъ волшебнымъ мостикомъ. Скорѣе-бы какая-нибудь изъ нашихъ дамъ забрала-бы Георгія въ руки. Не понимаю, чего онѣ медлятъ? Стоило тащить ихъ всѣхъ сюда изъ Кутаиса! Ахъ, императоръ Александръ, какая у него желѣзная, непреклонная воля! Ошибка моей молодости — и приходится расплачиваться цѣлою жизнью. Я думаю, пріѣздъ императрицы рѣшитъ мою участь. Георгій будетъ моимъ ходатаемъ. Ахъ, Петербургъ, Петербургъ!

Бѣлые глаза принца вдругъ засверкали и странно оживили безкровное лицо на нѣсколько мгновеній. И опять

принцъ приникъ губами къ маленькой соломинкѣ и потянулъ холодное вино.

— Все вернется, Constantin, не надо отчаяваться. Кажется, уже день? Мнѣ пора.

Генеральша откинула тяжелую занавѣсь и перламутровый, зарождающійся день заглянулъ въ окно первыми лучами солнца.

IV.

Еще одна безсонная ночь. Графъ Олтуфьевъ съ гнѣвомъ отбросилъ книгу. Право, эта монотонная скука подкоситъ его здоровье. Нѣжное, сверкающее утро смотритъ въ окно. Развѣ проѣхаться часокъ на разсвѣтѣ по горному ущелью? А потомъ можно и отдохнуть до завтрака.

Въ удобной коляскѣ графъ Олтуфьевъ полулежитъ, закутанный въ шинель и обернутый плэдомъ. Широкая грудь съ наслажденіемъ вдыхаетъ живительный горный воздухъ. Легкая дрема смыкаетъ тяжелыя вѣки вельможи.

Быстро мчится коляска мимо дачъ, рощъ, мимо высокой ограды дворцоваго парка. Исчезли строенія. Шоссе вьется крутыми поворотами надъ обрывомъ. Далеко внизу бѣлѣетъ лента горной рѣки. Морозный воздухъ румянитъ щеки дремлющаго вельможи. Грудь ровно и глубоко дышетъ.

И вдругъ... Испуганный возгласъ кучера сливается съ женскимъ крикомъ. Это — крикъ отчаянья! Изъ-за поворота неожиданно показалась бѣшено скакавшая амазонка.

Шоссе съузилось. Направо — отвѣсная скала, налѣво — крутой обрывъ. Одно мгновеніе — и... гибель. Но отчаяніе и ужасъ придали юной амазонкѣ невѣроятную смѣлость. Нервнымъ, сильнымъ движеніемъ руки она круто взяла поводъ влѣво и удержала свою серебристую, умную лошадь надъ самымъ обрывомъ.

Коляска спасена, но амазонка еще въ опасности. Одно пугливое движеніе лошади — и онѣ обѣ очутятся на днѣ пропасти.

— Проѣзжайте-же скорѣе! — гнѣвно крикнула амазонка. — Или вы хотите, чтобы я сломала себѣ шею?!

Коляска быстро проѣхала и остановилась. Соскочилъ грумъ. Онъ ловко схватилъ за узду серебристую лошадь и удачно вывелъ ее на шоссе.

— Мы въ безопасности, Бѣлянка! — вдругъ весело разсмѣялась амазонка и ласково потрепала шею испуганнаго животнаго.

Графъ Олтуфьевъ теперь не отрывалъ отъ нея безцеремонныхъ, острыхъ глазъ. Бѣлое сукно облегало ея тоненькую, стройную фигурку, гибкую какъ тростинка. Изъподъ бѣлой горностаевой шапочки красивыми волнами выбивались свѣтло-каштановые волосы, такъ гармонировавшіе съ ея большими золотыми глазами, съ ея нѣжнымъ правильнымъ лицомъ, съ яркимъ пурпуромъ ея гордыхъ маленькихъ устъ.

— Благодарю, mademoiselle. Вы спасли меня и я бы хотѣлъ...

— Не благодарите. Я спасала себя также, какъ и васъ. А теперь... намъ, кажется, не по пути.

Она надменно наклонила головку и быстрой иноходью промчалась мимо спасенной коляски.

Уже скрылась за поворотомъ бѣлая всадница, а вельможа все еще смотрѣлъ ей вслѣдъ... и коляска не трогалась.

— Кто это? — сквозь зубы пробормоталъ графъ Олтуфьевъ.

— Не могу знать, ваше сіятельство — почтительно отвѣтилъ грумъ, оправляя плэдъ на ногахъ господина.

Графъ вздрогнулъ, словно пробужденный отъ сна и брови его сдвинулись. Повелительное движеніе — и коляска помчалась ко дворцу.

Въ своей широкой, царственной постели графъ все-таки не могъ уснуть. Теперь ужъ не скука, а пріятное любопытство тревожило его. Юная бѣлая амазонка рисовалась его воображенію въ лучахъ утренняго солнца. Кто она? Очевидно — пріѣзжая. До сихъ поръ онъ ее не встрѣчалъ. Онъ не могъ бы ее не замѣтить. Кто она? Можетъ быть, на время жизнь станетъ веселѣе въ медвѣжьемъ углу, если блеснетъ на его пути золото ея глазъ?

— Ваше высочество, не помѣшаю?

И розовый, цвѣтущій Хельстремъ пріотворилъ дверь высочайшей спальни. Фавориту все было дозволено.

— Ты никогда мнѣ не мѣшаешь, Альфонсъ.

Георгій уже былъ совсѣмъ готовъ, чтобы ѣхать въ ванное зданіе. Рабочая морская курточка плотно обхватывала его хрупкую, стройную фигуру.

— Сенсаціонная новость! — весело заговорилъ Хельстремъ. — Чудовище чуть не погибло сегодня на разсвѣтѣ.

— Какое чудовище? — недоумѣвающе улыбнулся Георгій.

— Твой надменный наставникъ.

— Тише!

— Ты правъ. Бойсманъ или Поровъ уже навѣрно гдѣ-нибудь подслушиваютъ. Итакъ... Очевидно, какіе-нибудь грозные замыслы не давали спать твоему наставнику и на разсвѣтѣ онъ изволилъ кататься по дорогѣ къ «Воротамъ очарованія». Бѣшено летѣвшая коляска столкнулась съ таинственной бѣлой амазонкой. Коляска была на волоскѣ отъ гибели, но смѣлая всадница спасла ее, рискуя жизнью. Графъ пытался съ нею заговорить, но получилъ рѣзкій отпоръ. Графъ желалъ знать «кто она?», но любопытство его не удовлетворено. Очевидно, это какой-то волшебный призракъ. Никто ничего не знаетъ о ней.

— Но откуда у тебя всѣ эти свѣдѣнія?

— Я проинтервьюировалъ грума его сіятельства, такъ какъ меня заинтересовала такая ранняя поѣздка твоего наставника.

— О, тебѣ не даютъ покоя лавры провинціальныхъ репортеровъ, Альфонсъ! — разсмѣялся Георгій.

— И я буду не я, если не узнаю *кто* эта бѣлая всадница и не перебью дорогу его сіятельству. Мнѣ давно уже хочется помѣряться съ нимъ силами.

— Берегись! — не то шутя, не то тревожно остановилъ его Георгій. — Могущество Олтуфьева сильнѣе моего и дружба царевича не сможетъ защитить тебя отъ его мести.

И тайной, покорной печалью дрогнулъ голосъ Георгія.

— О, я то знаю, какъ не любишь ты графа!

— Не то, Альфонсъ. Я вѣчно чувствую его гнетущую руку. Онъ стоитъ между мной и моими родителями. Ему вѣрятъ слѣпо, больше чѣмъ мнѣ. И у меня какое-то странное предчувствіе, что мой наставникъ принесетъ мнѣ несчастье.

Царевичъ пристально смотрѣлъ въ окно, въ линію горизонта, гдѣ легкій голубоватый туманъ окутывалъ вершины горъ, словно въ этихъ неясныхъ очертаніяхъ хотѣлъ онъ разглядѣть грядущую судьбу свою.

V.

Кокетливая голубая вилла, вся въ кружевныхъ балконахъ, пряталась въ огромномъ саду. Оголенныя, покрытыя снѣгомъ деревья, какъ бѣлыя привидѣнія, терялись межъ нарядныхъ пихтъ и развѣсистыхъ вѣчно-зеленыхъ сосенъ.

Въ столовой, уютной и богатой, на столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, весело шумѣлъ самоваръ и сервировка блестѣла изяществомъ и чистотой.

Моложавая дама среднихъ лѣтъ энергично хозяйничала, разставляя домашнія явства, печенія, приготовляя аппетитные бутерброды и закуски.

— Къ вамъ можно, Татьяна Сергѣевна? — одновременно съ энергичнымъ стукомъ въ дверь раздался веселый, низкій женскій голосъ. — И Гутя со мной.

— Ну, конечно, можно, Анна Петровна.

Въ распахнувшейся двери показался лѣсничій, Бринскій, въ своей обычной формѣ, высокій, рыжеватый, съ бѣгающими свинцовыми глазками, съ вѣчно суетливыми движеніями. За нимъ слѣдовала его супруга, молодая смуглянка, всегда спокойная и ровная.

— Говорилъ я ей, что рано. Но развѣ ее удержишь? Узнала, что вчера вечеромъ пріѣхала ваша дочка. А вы знаете, какъ моя Анна Петровна любитъ вашу Мару. И вѣдь такъ давно не видались.

— Постой, Гутя — нетерпѣливо отстранила лѣсничаго жена. — Неужели Мара еще спитъ? Вѣрно, она очень устала съ дороги. Ну какъ она? Измѣнилась? Похорошѣла? А князь Рокотовъ, ея мужъ? Вы и его ждете?

— О, сорока! засыпала Татьяну Сергѣевну вопросами.

— Постой! Ты намъ мѣшаешь. Бѣда, когда во все путаются мужчины. Татьяна Сергѣевна, не слушайте его.

— Моя Мара, дѣйствительно вчера пріѣхала такъ неожиданно. И поздно! Намъ даже не удалось съ ней побесѣдовать. А сегодня я еще спала, когда она на разсвѣтѣ умчалась въ горы на своей любимой Бѣлянкѣ. Мара все еще

дитя, хоть и замужемъ. Я думаю она скоро вернется и готовлю ей чай.

Супруги расположились у стола и жена лѣсничаго нетерпѣливо поглядывала въ окно.

— Марѣ теперь будетъ весело у насъ въ Абастуманѣ. Она заблестаетъ при дворѣ!

— Тамъ достаточно и безъ нея — нахмурилась Татьяна Сергѣевна. — Моя Мара слишкомъ серьезна, врядъ-ли ей придутся по душѣ всѣ эти шаркуны. Мара отдохнетъ и вернется къ мужу.

Анна Петровна хотѣла возразить, но бѣшеный топотъ копытъ привлекъ ея вниманіе и она подбѣжала къ окну.

— Мара! Это — Мара.

Бѣлая амазонка на всемъ скаку сдержала коня и спрыгнула на землю.

— Абрамъ! — звонко крикнула она. — Прими Бѣлянку.

Смуглый слуга — грузинъ — уже бѣжалъ къ калиткѣ, широко улыбаясь и поблескивая здоровыми бѣлыми зубами.

Мара вихремъ ворвалась въ столовую.

— А! дорогіе гости! Анна Петровна! Густавъ Львовичъ!

— Вы все такая-же очаровательная, нѣтъ, вы лучше стали, Мара! — цѣловала лѣсничиха свою любимицу.

Раскраснѣвшаяся Мара опустилась на стулъ.

— Какъ твоя прогулка? — поинтересовалась Татьяна Сергѣевна.

— Была испорчена неожиданнымъ приключеніемъ и я чуть не сломала голову.

Мару осыпали тревожными вопросами и она описала свою встрѣчу.

— О, я угадываю *кто* этотъ надменный пожилой вельможа! — восторженно всплеснула руками Анна Петровна. — Вы, счастливица, спасли нашего повелителя — графа Олтуфьева! Мара, нашъ дворъ — великолѣпенъ. Царевичъ Георгій — ангелъ! А рядомъ съ нимъ его адъютанты: красавецъ Хельстремъ и утонченный придворный, Гулакъ-Артемовскій, пока отсутствующій. Придворный докторъ Поровъ — это типъ русскаго могучаго богатыря и...

— Довольно, довольно, Анна Петровна! Я все равно ихъ всѣхъ забуду. Дайте сначала отдохнуть. Я ищу тишины и уединенія среди родимыхъ горъ и меньше всего думаю о весельи.

Тѣнь набѣжала на нѣжное лицо Мары, глаза потускнѣли и она, какъ будто, сразу стала старше на нѣсколько лѣтъ. Тревожно и внимательно вглядывалась въ нее ея мать.

— Ты права, Мара, подальше отъ «маленькаго двора» — тихо проронила Татьяна Сергѣевна. — Мнѣ отъ души жаль царевича. Мнѣ кажется, ему, больному, не по себѣ среди этой кутерьмы. Нашъ чудесный воздухъ возродилъ его къ жизни, но окружающіе его не щадятъ молодыхъ силишекъ. Изъ Кутаиса примчался принцъ Ольденбургскій, за нимъ слѣдомъ прилетѣлъ цѣлый рой кавказскихъ красавицъ. Обѣды, пикники, флиртъ. И на этомъ пестромъ вертящемся фонѣ — кроткое, печальное лицо царевича. И мнѣ почему-то безотчетно жаль его.

— Вы вѣчно со своими фантазіями, Татьяна Сергѣевна! — возмутилась Анна Петровна. — Изъ васъ вышла-бы чудесная соціалистка.

— Какую чушь ты несешь, Анета!

— Пожалуйста, не краснѣй за меня, Гутя! Не слушайте маму, Мара! Здѣсь весело, здѣсь — жизнь. Кавалеры наши очаровательны и мы васъ не уступимъ, ни за что!

Мара отодвинула свою чашечку и поднялась.

— Извините, дорогіе гости, пойду, переодѣнусь и отдохну. Меня все-таки взволновала эта глупая встрѣча.

Но гости уже прощались. Мара прошла въ свою комнату, бывшую дѣтскую. Тутъ еще сохранились старые обои, разрисованные игрушками, и маленькій рѣзной шкафикъ, гдѣ хранились куклы Мары. Бѣлая кроватка подъ голубою сѣткой, лампа подъ большимъ абажуромъ и голубой диванчикъ... Милые старички! Мара окинула любовнымъ взглядомъ родную комнатку. Зачѣмъ, зачѣмъ измѣнила она этому покою? Безмятежное дѣвичество промѣняла на... Мара съ досадой сдавила руки.

На кругломъ столѣ небрежно валялась увѣсистая тетрадь. Это — дневникъ Мары. Что написала она вчера, въ первыя минуты своего возвращенія?

«Милое, родное ущелье! Опять я здѣсь! Опять мечтаю подъ вѣчный грохотъ водопада. Моя дѣтская! Какъ все это волнуетъ! Вѣдь здѣсь я провела лучшіе годы, когда не знала жизни и наслаждалась свободой.

Какъ я ненавижу цѣпи, которыми сама себя сковала. Забыться и отдохнуть. За окномъ мои любимые жасмины, оголенные, покрытые снѣгомъ. Но придетъ весна и они снова расцвѣтутъ и я буду дышать ихъ сладкимъ ароматомъ... какъ прежде... какъ бывало.»

(Изъ дневника Мары.)

И тутъ-же Мара описала свою утреннюю прогулку и случайную встрѣчу... и задумалась. Въ ушахъ ея отчетливо звучалъ надменный голосъ повелителя Абастумана и, казалось, она еще ощущаетъ его пронзительный, испытующій взоръ.

Странный холодокъ пробѣжалъ по ея спинѣ.

— О чемъ ты, дѣтка? — неожиданно вошла Татьяна Сергѣевна.

Мара вздрогнула и любовно прижалась къ матери.

— Не спрашивай. Не надо. Ахъ, мама, какая ужасная ошибка мое замужество! Мы — разные люди, я и князь Рокотовъ и нѣтъ плоскости, на которой мы могли-бы сойтись. Все, что мнѣ дорого — ему противно. Все, чѣмъ онъ живетъ и дышетъ — внушаетъ мнѣ отвращеніе. Отдохнуть, мама, набраться новыхъ силъ... и опять...

Голосъ Мары дрогнулъ. Съ безмолвною скорбью Татьяна Сергѣевна прижимала къ груди дорогую мятежную головку.

VI.

— Великолѣпно, ваше высочество — здоровѣете не по днямъ, а по часамъ, какъ истый русскій богатырь.

Къ грубоватому тону доктора Порова уже привыкли во дворцѣ, привыкъ къ нему и царевичъ.

— Сегодня, кажется, предстоитъ поѣздка къ «Воротамъ очарованія» и я бы васъ просилъ не злоупотреблять быстрой ѣздой и поменьше пить вина на привалѣ.

Георгій, потупившись, молчалъ.

— Конечно, это не легко — вѣдь у вашего высочества славныя компаніонки. Полина — молодецъ, откровенно пьетъ, куритъ и веселится. А вотъ княгиня Максени — та ловко притворяется. Подумаешь, какая святоша! Двуличіе меня всегда возмущаетъ, ужъ очень я прямой человѣкъ. Но больше всего меня на обѣдѣ восхитило торжество графа

Олтуфьева! Кажется, впрочемъ, вы, ваше высочество, не особенно довольны, когда вашъ наставникъ торжествуетъ.

— Я васъ не понимаю, докторъ — покраснѣлъ Георгій.

— А между тѣмъ все это ужъ слишкомъ просто — графу кружилъ голову успѣхъ его фаворитки. И съ какимъ торжествомъ княгиня Дарико всѣмъ показывала вашу записочку! И распотѣшила! Такой представилась святошей! А если-бъ вы хоть однимъ глазкомъ взглянули на нее, ваше высочество, когда она веселится «по своему». Оживлена и задорна, пьетъ и куритъ, какъ солдатъ. А какіе анекдоты разсказываетъ — даже я краснѣю! Въ Кутаисѣ многимъ кружила она головы. Самъ принцъ Константинъ не избѣгъ этой участи. И нашъ легкомысленный Хельстремъ ею увлекался. Правда, онъ быстро уступилъ свои права графу Олтуфьеву.

Безпечная болтовня доктора волновала Георгія, онъ то вспыхивалъ, то блѣднѣлъ. А докторъ... равнодушно просматривалъ рецепты и, какъ будто, не замѣчалъ волненія паціента.

— Итакъ, ваше высочество, побольше осторожности и здоровье будетъ наше.

Докторъ почтительно простился съ высокимъ больнымъ. Одинъ взглядъ изъ подлобья — и довольная усмѣшка мелькнула по крупнымъ, сочнымъ губамъ эскулапа.

Въ глубокой задумчивости сидѣлъ Георгій, сжимая руками горѣвшее лицо.

Блестящая кавалькада рысцой направлялась къ «Воротамъ очарованія». Впереди — Георгій и Хельстремъ.

— Какъ дѣла, Альфонсъ? Удалось-ли тебѣ напасть на слѣдъ таинственной бѣлой амазонки, или она такъ и исчезла, какъ призракъ?

— Живой призракъ, Георгій. Вчера я ее видѣлъ мелькомъ, но, признаться, не разглядѣлъ. Я рано утромъ проѣхалъ на велосипедѣ въ Курцханское ущелье. Слышу топотъ копытъ. Я поднялъ голову и невольно зажмурился. Мимо меня бѣшенымъ аллюромъ проскакала бѣлая амазонка, пригнувшись къ сѣдлу. Такъ я ее и не разглядѣлъ. Право, среди нашей монотонной жизни, это что-то новенькое и я не на шутку начинаю интересоваться живымъ призракомъ.

И ужъ не только, чтобы насолить надменному графу! А онъ забавенъ! Мечтаетъ! Нѣтъ, ты только вообрази легкую пелену мечты на этомъ лицѣ сановнаго палача!

Оба разсмѣялись.

— О, какъ вамъ весело! — зазвенѣлъ нѣжный голосокъ княгини Дарико-Максени. Она незамѣтно догнала друзей и кокетливо улыбалась Георгію. — Я къ вамъ посломъ, Альфонсъ Леонардовичъ. Вы что-то очень понадобились графу Олтуфьеву и онъ васъ проситъ спѣшно подъѣхать къ его коляскѣ.

— Слушаюсь, очаровательный посолъ. Вы разрѣшите, ваше высочество?

Георгій, молча, кивнулъ головой. Безпомощное смущеніе такъ ясно отражалось на его миломъ лицѣ.

— Вы избѣгаете меня, ваше высочество — тревожно оглянувшись, прошептала Дарико. — Почему?

Его вѣки опустились.

— Я не умѣю развлекать, княгиня... — едва разслышала она его уклончивый отвѣтъ.

— Еще такъ недавно вы *иначе* со мной говорили.

Она вздохнула и прижала руку къ сердцу.

— Ваша записочка всегда со мной. Или я не должна ей вѣрить? Что-то измѣнилось? Да?

Георгій покраснѣлъ. Черточка упрямая, жесткая появилась въ уголкахъ его губъ и придала ему сходство съ его отцомъ, императоромъ Александромъ III.

— Какое вино вы предпочитаете, княгиня? — вдругъ рѣзко спросилъ онъ.

— Я пью такъ мало и совсѣмъ не разбираюсь въ винахъ — застѣнчиво отвѣтила она. — Этотъ вопросъ вы бы лучше адресовали Полинѣ, ваше высочество.

— А какой вы любите табакъ, княгиня? — снова рѣзко спросилъ царевичъ.

— Я не курю. Но что за странные вопросы? Мы видимся такъ часто. Развѣ вы не замѣтили?

— Я слишкомъ еще неопытенъ, княгиня, я не умѣю замѣчать.

— Вы неискренни, ваше высочество.

На мгновенье его глаза поднялись и Дарико казалось, что они лукаво улыбаются.

— Вы мнѣ всегда казались наивной и простой, но люди злы и говорятъ...

— Люди умѣютъ клеветать, ваше высочество. Что говорятъ они?

— Боюсь, разсердитесь.

— Нѣтъ! о, нѣтъ! Что-же говорятъ они обо мнѣ?

— Говорятъ, что вы любите крѣпкое вино и добрыя сигары — не глядя на нее скороговоркой бросалъ Георгій — что вы любите веселиться и щеголяете пикантными анекдотами. За вами числятся побѣды... и между побѣжденными имена Хельстрема, принца Константина... и даже... и даже неприступнаго графа Олтуфьева. О, люди злы, княгиня!

Въ нервномъ волненіи онъ тронулъ поводъ и конь его рванулся.

— Ваше высочество...

Полными слезъ глазами Дарико смотрѣла ему вслѣдъ. Его конь уже спокойно выступалъ рядомъ съ конемъ Хельстрема и Полины. Дарико закусила губы. Золотая мечта уплывала, разсѣивалась. Гнусные интриганы травили ее и зависть росла. Неужели могущество графа не защититъ ее?

Георгій такъ спокойно говоритъ съ Хельстремомъ и только легкая краска выдаетъ его волненіе.

А Полина пользуется моментомъ.

— Ваше высочество — великолѣпный ѣздокъ — прищуривши, говоритъ она — но меня вамъ не догнать.

— Вы думаете, княжна?

Упрямая чѣрточка еще рѣзче обозначилась въ уголкахъ губъ царевича.

— Попытайтесь! — вызывающе бросила ему Полина и жестоко хлестнула своего коня. Онъ взвился на дыбы и, рванувшись, понесся впередъ, обгоняя Дарико.

Георгій, слегка блѣднѣя, далъ поводъ.

Конь его обогналъ коня Полины, но Георгій былъ взволнованъ и грудь его порывисто дышала, а глаза лихорадочно блестѣли.

— Вы побѣдили, ваше высочество — съ покорностью дикарки прошептала Полина. — Теперь *вы* мой повелитель!

Дрожь пробѣжала по тѣлу царевича. Порывъ погасъ и смущеніе ясно отражалось на его склоненномъ лицѣ. Онъ не отвѣтилъ Полинѣ и подозвалъ Хельстрема.

— Ты — геній — незамѣтно шепнула Полина доктору. — Кажется, пѣсенка Дарико уже спѣта.

— А твоя начинается? — усмѣхнулся докторъ.

— Начинается — кивнула она головой. — Только какой онъ — орленокъ. Съ нимъ надо быть на чеку. Все-таки онъ сынъ своего отца.

А маленькая Дарико металась и плакала въ своемъ игрушечномъ будуарѣ. Чьи злые уста погубили ее? И гибель-ли это? Тайная надежда ободряла птичью головку. Можетъ быть, ей еще удастся объясниться съ царевичемъ и, конечно, она разрушитъ козни враговъ. Первое чувство не такъ легко вырвать изъ юнаго сердца.

А... если *все кончено?* Дарико холодѣла. Золотая греза, свѣтлый царевичъ... прощай... И ей чудится острый, насмѣшливый, ядовитый взоръ графа Олтуфьева...

VII.

Свѣжій январьскій вечеръ такъ великолѣпенъ на лазурномъ берегу Ниццы. Тысячи звѣздъ соперничаютъ съ блескомъ электрическихъ огней. Голубоватый свѣтъ луны мягко льется на землю и море. Таинственно раскинули пальмы точеныя вѣтви. Ароматомъ цвѣтовъ насыщенъ прозрачный воздухъ. Чаруетъ шелестъ вѣтерка, пробѣгающаго по легкимъ волнамъ моря и по зелени береговъ.

Молодая, нарядная дама и изящный господинъ, молча любуются волшебнымъ вечеромъ.

Нѣжное, неправильное, капризное лицо молоденькой дамы ярко освѣщено. Какъ серебристыя облака по небу, пробѣгаютъ мысли и чувства по ея измѣнчивымъ чертамъ. Искоса поглядываетъ она чудесными глазами на своего молчаливаго спутника. Но напрасно ждетъ она словъ — словъ любви. Въ задумчивыхъ черныхъ глазахъ его — забота. Надменныя уста скрываютъ тайны замкнутаго сердца.

— Однако, наша прогулка безконечна — насмѣшливо проговорилъ онъ.

— Вамъ она кажется безконечной, Алексѣй Владиміровичъ — съ досадой бросила она. — Вамъ скучно и мы можемъ вернуться.

— Какъ прикажете, графиня. Если позволите, я провожу васъ домой.

— Буду вамъ признательна.

Ея капризныя губки дрогнули и она сердито повернулась на каблучкѣ.

— Пойдемьте.

И опять они шли, молча, подъ покровомъ чудесной ночи. У высокихъ ажурныхъ, позолоченныхъ воротъ онъ остановился и оставилъ руку своей дамы. За оградой благоухалъ роскошный садъ и, въ глубинѣ, ютилась изящная вилла въ стилѣ «empire».

— Вы дома, графиня. Доброй ночи.

Онъ корректно поцѣловалъ ея руку.

Но она уже не могла владѣть собой, она его порывисто остановила.

— И вы больше ничего... ничего мнѣ не скажете?

Его темные глаза вспыхнули. Радостью или торжествомъ? Но голосъ прозвучалъ церемонно:

— Что прикажете, графиня?

Нѣжный, бѣлый вѣеръ хрустнулъ въ ея рукахъ.

— Бѣдный вѣеръ не виноватъ — усмѣхнулся онъ. — Почему вы сердитесь?

— Вы знаете — «почему»!

— Не знаю, графиня.

— Алексѣй Владиміровичъ, эта прогулка была лучшей въ моей жизни — тихо сказала она — и завтра я бы хотѣла... чтобы мы опять встрѣтились тамъ же.

Снова вспыхнули его глаза. Маленькія ручки такъ довѣрчиво и нѣжно тянулись къ нему. Теряя самообладаніе, онъ быстро прижалъ ихъ къ губамъ одну за другой. Какъ горячи были его губы!

— До завтра!

И въ темнотѣ ея чуткое ухо уловило затаенную страсть.

Дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Она закрыла руками загорѣвшееся лицо. Она ждала словъ любви... можетъ быть, ласки. Его удалявшіеся шаги вернули ее къ дѣйствительности. Поникнувъ головкой, одинокая, вошла она

въ свой благоухающій садъ. Она опустилась на скамью. Не до сна въ такую ночь! И онъ могъ уйти? Нѣтъ, онъ не любитъ ее! Однако... Какъ вспыхивали его глаза, какъ горячи были его губы. Завтра! Скорѣй-бы завтра. Или все рѣшится, или надо бѣжать отъ него, пока не разорвалось сердце отъ муки...

Алексѣй Владимировичъ Гулакъ-Артемовскій, любимый адъютантъ великаго князя Георгія, быстрыми, рѣшительными шагами уходилъ отъ своего счастья въ эту волшебную ночь. Да, это было бы счастье прижать къ своей груди капризное, очаровательное созданіе — графиню Ольскую. Но счастье рискованное. Если ей удастся его сломить, то, конечно, онъ сразу все потеряетъ въ ея глазахъ. Она отвернется отъ него и намѣтитъ новую жертву. Ненасытная кокетка! Да, эта «игра въ любовь» становится опасной и лучше прервать ее, пока не поздно.

Не мало прекрасныхъ женщинъ мелькнуло на пути блестящаго адъютанта, но всѣ эти короткія увлеченія не оставили слѣда въ его сердцѣ. Теперь впервые это сердце въ опасности.

Графиня Ольская... Ея мужъ — старая развалина съ блестящимъ положеніемъ и огромнымъ состояніемъ. Своей молодой женѣ онъ даетъ полную свободу и ни разу ни малѣйшая тѣнь еще не легла на ея репутацію. Опасная кокетка! Всѣ это знали, но ни одинъ изъ «покоренныхъ» не могъ похвастаться побѣдой. Длинный списокъ «жертвъ» все росъ. Украсить его своимъ именемъ? Этого еще не хватало! И темныя брови Артемовскаго сдвинулись.

Порою Артемовскому казалось, что графиня Вѣра Аркадьевна Ольская любитъ его. Жгучая радость тогда охватывала его. Но сомнѣнія вытѣсняли эту радость и онъ боролся. Борьба его увлекала. Давно уже пора вернуться въ Абастуманъ къ далекому больному другу. Царевичъ Георгій скучаетъ безъ него... Но затянувшаяся борьба захватила Артемовскаго. Не было силъ уѣхать.

Онъ вернулся въ свой роскошный отель, сверкавшій огнями на самомъ берегу лазурнаго моря. Швейцаръ подалъ ему письмо. Почеркъ Георгія — ровный, красивый, еще не сложившійся.

Въ своемъ богатомъ номерѣ, у открытаго окна, Артемовскій прочелъ это послѣднее посланіе любимаго друга:

«Если-бы ты зналъ, какъ ты мнѣ нуженъ! Что-то новое стучится въ мою жизнь и мнѣ страшно. Буря близка. Я жду тебя немедленно.»

Такого страстнаго призыва еще не бывало. Вся душа Артемовскаго всколыхнулась. Къ нему! Немедленно. Хрупкій образъ царевича, съ вѣчно печальными синими глазами, стоялъ передъ нимъ. Слышался его тихій, ласковый голосъ. Скорѣй, къ нему!

Это была безсонная ночь. Борьбы уже не было. Рѣшеніе сразу окрѣпло въ душѣ, но сердце болѣзненно сжималось при мысли о разлукѣ съ Ольской, разлукѣ вѣчной. Такова судьба. Призывъ друга во время пришелъ ему на помощь.

Утромъ, направляясь на вокзалъ, Артемовскій зашелъ въ цвѣточный магазинъ. Розы — любимые цвѣты графини Ольской. Артемовскій выбралъ роскошную корзину. Онъ приложилъ къ ней свою визитную карточку: «р. р. с. Не сердитесь. Дружба выше всего. Ѣду въ далекій Абастуманъ. Пожалуй, не успѣю доѣхать, какъ вы уже забудете меня. Будьте счастливы...»

Ярко сіяло полуденное солнце, когда проснулась графиня Ольская. Первая ея мысль — объ Артемовскомъ. Вечеромъ — желанная прогулка. И счастливая улыбка надежды мелькнула по капризнымъ губкамъ. Она позвонила. Вошла камеристка съ роскошной корзиной розъ.

— Bonjour, madame. Voici des magnifiques fleurs de la part de monsieur Goulak-Artemosky. Et une petite lettre.

Великолѣпные глаза графини блеснули радостью. Похорошѣвшимъ, возбужденнымъ лицомъ она прижалась къ душистымъ розамъ. Маленькое письмецо — въ ея рукахъ.

Визитная карточка? р. р. с.? Что это? Уѣхалъ?! Въ далекій Абастуманъ? Къ царевичу Георгію?

Графиня Ольская поблѣднѣла. Острая, еще никогда не испытанная боль пронизала ея сердце. Невольныя слезы брызнули изъ потемнѣвшихъ глазъ.

VIII.

По бѣлой лентѣ шоссе быстро двигалась легкая коляска. Молодой морякъ откинулся на мягкую спинку экипажа и черные глаза его разсѣянно скользили по мелькавшей панорамѣ. Душою онъ былъ далекъ отъ этихъ зеленыхъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, полузамерзшей рѣки и блѣднаго, яснаго неба. Его мечтамъ рисовался яркій лазурный берегъ Ниццы, причудливыя пальмы, синее море въ лучахъ горячаго солнца. Изъ этой сверкающей рамки улыбалась ему плѣнительная капризная женщина, ея маленькія ручки довѣрчиво тянулись къ нему... и звенѣлъ ея взволнованный голосъ:

«Эта прогулка была лучшей въ моей жизни и завтра я бы опять хотѣла встрѣтиться съ вами.»

Но этому «завтра» не суждено было осуществиться.

Неожиданный грохотъ водопада разомъ развѣялъ грезы путника. Абастуманъ! Уже! Пора покончить съ глупыми мечтами. Кривая усмѣшка промелькнула по его губамъ.

— Неоконченная страница придастъ особый интересъ этому роману въ моихъ воспоминаніяхъ.

Царевичъ Георгій не вышелъ навстрѣчу Гулакъ-Артемовскому — ему не хотѣлось имѣть свидѣтелей ихъ свиданія. Любимый адъютантъ постучался въ дверь кабинета его высочества.

— Алексѣй!

Столько неподдѣльной радости въ голосѣ царевича, такъ ярко сіяютъ его чудесные глаза. Онъ весь просвѣтлѣлъ, прижимаясь къ другу.

— Наконецъ-то! Теперь ужъ я тебя не отпущу!

— И я никуда не собираюсь, Георгій.

Артемовскій разсказывалъ о Ниццѣ, о своемъ путешествіи, вскользь — о графинѣ Ольской.

— А ты, Георгій, что тебя тревожитъ?

Густою краской покрылось лицо царевича.

— Наша жизнь измѣнилась, Алексѣй. Такъ много новыхъ лицъ, такъ шумно и весело. Но я самъ себя еще не понимаю. Ты во всемъ разберешься, съ тобою я ничего, ничего не боюсь. Блудный другъ вернулся и я счастливъ. Завтра — пиръ въ твою честь. Принцъ Ольденбургскій пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы пировать.

IX.

Скучный обѣдъ во дворцѣ Георгія, приправленный длинными привѣтственными рѣчами, законченъ. Любители поговорить «отвели душу». На лицѣ виновника торжества, Артемовскаго, досада и покорность. Наконецъ, поднялся царевичъ и, съ невольнымъ вздохомъ облегченія, поднялись гости. Графъ Олтуфьевъ подошелъ къ Артемовскому.

— Еще разъ привѣтствую ваше возвращеніе — благосклонно проговорилъ графъ. — Съ удовольствіемъ выпилъ бокалъ вина въ вашу честь. А сейчасъ, прошу меня простить, долженъ васъ покинуть. Долгъ и дѣла прежде всего. Но безъ меня будетъ веселѣе, я вѣдь балластъ среди молодежи.

— Напротивъ, графъ, вы такъ оживляете наше маленькое общество. Всегда замѣтно ваше отсутствіе. Но, конечно, дѣла и долгъ выше всего. Съ глубокимъ сожалѣніемъ разстаюсь съ вами.

Надменныя губы графа благосклонно улыбались, а острый взоръ его пронизывалъ ненавистью независимаго фаворита царевича. Артемовскій, въ свою очередь, былъ почтительно и безмѣрно любезенъ, но, въ глубинѣ его темныхъ глазъ, искрилась злая насмѣшка. Эти двое не обмануты взаимной лестью, они знаютъ, какъ ненавистны они другъ другу.

Послѣ отъѣзда Олтуфьева, въ гостиной дворца стало шумно и весело. Игры, разсказы, шутки и споры.

Княгиня Дарико забилась въ уединенный уголокъ. Она виднѣлась оттуда, какъ бѣлое газовое облачко. Ея грустный взоръ настойчиво призывалъ Георгія. Царевичъ чувствовалъ этотъ взглядъ, онъ смущалъ его, но въ сердцѣ не было отклика. Другой огненный взоръ Полины смущалъ его еще больше и притягивалъ невѣдомой силой.

Тайное приказаніе Хельстрема — и на столѣ появилось вино. Стало еще шумнѣе. Полина, съ бокаломъ въ рукѣ, подошла къ Георгію.

— Мы всѣ уже немного пьяны, ваше высочество, а вы еще не выпили ни одного глотка. Этотъ бокалъ за мое здоровье!

Георгій подпалъ подъ власть страннаго чувства, охватывавшаго его, когда Полина стояла такъ близко и упорно

смотрѣла на него огненнымъ взоромъ. Онъ, молча, принялъ бокалъ изъ ея рукъ и осушилъ его до дна.

— Теперь я вѣрю дружбѣ вашего высочества! Еще одинъ бокалъ! — смѣло потребовала она.

Этотъ второй бокалъ ударилъ ему въ голову — вѣдь онъ почти никогда не пилъ вина.

Горящими глазами слѣдила за ними Дарико. Волнуясь, она быстро подошла къ Артемовскому.

— Вы — плохой другъ — сказала она, стараясь сдерживать свое волненіе — его высочество пьетъ ледяное шампанское. Кажется Полина всѣ успѣхи леченія сведетъ на нѣтъ. Пользуясь отсутствіемъ графа Олтуфьева, всѣ здѣсь бѣсятся. Какъ будто это — отдѣльный кабинетъ ресторана, а не дворецъ его высочества.

— Что я слышу! Развѣ «отдѣльные кабинеты» вамъ знакомы, княгиня? — съ чуть уловимой насмѣшкой спросилъ Артемовскій.

— И вы еще шутите!

Негодуя, «газовое облачко» опустилось въ кресло рядомъ съ Артемовскимъ, а темные глаза, не отрываясь, слѣдили за Георгіемъ и Полиной.

Полина смѣло вела игру. Или ревность Дарико подзадорывала ее?

— Въ этомъ весельи — говорила она царевичу — смертельная скука. И здѣсь душно. Прокатимся по воздуху. Вечеръ чудный. Или вы боитесь ревнивыхъ глазъ княгини Максени? Или ея «права на васъ», которыми она такъ откровенно гордится — реальны?

Георгій вспыхнулъ юношескимъ гнѣвомъ.

— Вы меня еще не знаете, княжна, я ничего не боюсь и никому еще не давалъ права слѣдить за собой. Здѣсь душно и скучно. Проѣдемся.

Георгій быстро направился къ двери. Полина, торжествуя, слѣдовала за нимъ.

— Она его уводитъ — затрепетало бѣлое облачко. — Боже мой, куда?! И вы, другъ великаго князя, хладнокровно смотрите? Она его уводитъ, разгоряченнаго... Пойдемте за ними... и остановимъ ихъ.

— Я пойду, если это васъ такъ тревожитъ — холодно проговорилъ Артемовскій. — Просто они рѣшили сыграть партіи въ домино въ сосѣдней комнатѣ. Я думаю, что вы

совершенно напрасно волнуетесь! Возьмите себя въ руки, за вами наблюдаютъ.

Полина и Георгій уже мчались въ шарабанѣ доктора. Артемовскій на мгновеніе уловилъ ихъ силуэты, скрывшіеся за поворотомъ. Онъ взволновался. Куда увлекла Георгія эта сумасшедшая? Дѣйствительно, онъ можетъ простудиться. Экипажей не было и Артемовскій вскочилъ на осѣдланную верховую лошадь, поджидавшую Хельстрема.

Полина правила. Опьяненная виномъ и собственною смѣлостью, она все время дергала возжи и шарабанъ вертѣлся въ разныя стороны.

Полина вынула гребень, сковывавшій богатую волну ея черныхъ волосъ.

— Такъ красиво?

И она отбросила темную шелковистую волну на плечо Георгія. Нѣжнымъ ароматомъ пахнуло ему въ лицо. Это было ново... и захватывало.

— За минуты — вызывающе смѣялась Полина — можно отдать жизнь!

Она выпустила возжи и лошадь неслась наугадъ въ темнотѣ по ровному, запорошенному снѣгомъ, шоссе.

Что вдругъ такъ испугало скакавшую лошадь? Грохотъ приближавшагося водопада? Или темный силуэтъ стараго дуба на краю шоссе? И лошадь, какъ безумная, рванулась въ сторону.

Дрожащей рукой Георгій искалъ возжи.

— Кажется, мы пропали — стиснувъ зубы, проговорилъ онъ. — Лошадь взбѣсилась, мечется, она свернетъ насъ въ кручу. Прыгайте скорѣе впередъ, пока еще не поздно.

Легкій хмѣль Георгія испарился, но опьянѣвшая Полина не сознавала опасности. Она разнузданно смѣялась.

— Жизнь за мигъ! Вамъ это не нравится, ваше высочество?

Ея возбужденное лицо теперь раздражало Георгія. Онъ закрылъ глаза, отдаваясь своей участи. Машинально онъ сбросилъ путавшуюся на его плечѣ длинную прядь ея душистыхъ волосъ. Сквозь бѣшеный топотъ копытъ въ его ушахъ тремолировалъ смѣхъ Полины.

Но вотъ... чей-то неожиданный возгласъ... и голосъ знакомый, близкій.

Шарабанъ вдругъ остановился. Лошадь еще трепетала, тяжело дыша.

— Ваше высочество, это я, Артемовскій. Откройте глаза, вы въ безопасности. Можетъ быть, вамъ плохо?

Артемовскій дрожалъ отъ волненія.

— Алексѣй, ты всегда меня спасаешь.

Слабая улыбка мелькнула на побѣлѣвшихъ губахъ царевича.

— Можно-ли такъ рисковать?

Глаза Артемовскаго сжигали гнѣвомъ Полину. Она притихла и молчала.

— Поправьте волосы, княжна — сухо проговорилъ Артемовскій. Приведите себя въ порядокъ, мы съ вами сейчасъ вернемся во дворецъ. Вамъ, ваше высочество, я уступаю свою верховую лошадь. Вы вернетесь первый и одинъ. Пройдите прямо въ свой кабинетъ, чтобы избѣжать ненужныхъ разспросовъ.

Георгій, молча, пожалъ руку друга и покорился. Конь Хельстрема быстро помчалъ его ко дворцу.

Нѣсколько мгновеній Артемовскій смотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ сѣлъ на мѣсто Георгія въ шарабанѣ рядомъ съ Полиной и твердой рукой направилъ все еще волновавшуюся лошадь.

— Вы рисковали жизнью его высочества. Надѣюсь, это не повторится.

— Вы, кажется, слишкомъ смѣлы! — вспыхнула Полина.

— А вы неблагодарны, княжна.

Георгій прямо прошелъ въ свою спальню подъ перекрестнымъ огнемъ любопытныхъ глазъ.

Вскорѣ появился и Артемовскій объ руку съ Полиной. Они подошли къ доктору.

— Прогулялись по воздуху. Ночь темная, но тихая. Усыпанные снѣгомъ, спятъ лѣса Абастумана.

И Артемовскій отошелъ отъ доктора и Полины.

— Ты что то натворила? Признавайся! — допытывался докторъ.

— Кажется, Артемовскій ясно сказалъ — сердито отмахнулась Полина. — Тебѣ все чудятся Поль-де-Коковскіе романы. Лучше проводи меня домой.

— Если ты пригласишь меня на чашку чая. Сегодня я въ такомъ настроеніи, что могъ-бы просидѣть съ тобою до утра.

— Просто ты много выпилъ. Впрочемъ это безразлично. Идемъ. И я готова сумасшествовать всю ночь.

Артемовскаго перехватила Дарико.

— Ну что?

— Конечно вы изъ мухи сдѣлали слона — холодно улыбнулся онъ. — И меня напрасно взволновали. Пришлось мнѣ прогуляться съ эксцентричной княжной по снѣжной дорогѣ безъ галошъ и я, кажется, простудился. Пойду лѣчиться. Покойной ночи, prinzesse.

Недовѣрчиво и тоскливо она смотрѣла ему вслѣдъ.

Царевичъ уже лежалъ въ постели. Глаза его были открыты.

— Ты не спишь, Георгій?

— Не до сна. Нѣтъ словъ, чтобы благодарить тебя. Присядь.. .Но ты дрожишь!

— За тебя. Ты такъ долго и упорно боролся съ недугомъ, а теперь — рискуешь. Ради чего?

— Не брани меня, Алексѣй, это не повторится. Я начинаю бояться реальной жизни и мнѣ теперь такъ жаль моихъ былыхъ грезъ, свѣтлыхъ и чистыхъ. Но что съ тобой? Твоя рука, какъ льдинка. Ты, вѣрно, продрогъ?

— Пустое. Выпью краснаго вина и все пройдетъ. А ты не волнуйся, не думай и спи. Покойной ночи.

— Покойной ночи, дорогой спаситель.

Но Георгій не скоро уснулъ. Съ содроганіемъ вспоминалъ онъ минувшій вечеръ. Что-то отталкивало его отъ Полины и что-то иное притягивало его къ ней. Не гасъ огонь, зажженный легкимъ прикосновеніемъ гибкаго женскаго тѣла, ароматомъ шелковистой, длинной пряди волосъ. А въ хаосѣ противорѣчивыхъ впечатлѣній мелькали призывающіе, тоскливые глаза малютки Дарико.

X.

Въ ясное воскресное утро длинная вереница придворныхъ экипажей направлялась къ церкви. Въ первой коляскѣ — Георгій и Артемовскій. Послѣ пережитыхъ наканунѣ волненій, великій князь блѣденъ и облачко грусти подернуло его глаза. Онъ заботливо смотритъ на своего друга.

— Ты мнѣ не нравишься, Алексѣй. Ты худѣешь и вянешь. Что съ тобой? Я не умѣю угадывать, но я сердцемъ чувствую какую-то заботу на твоей душѣ.

— У тебя чуткое сердце, Георгій — уклончиво отвѣтилъ Артемовскій.

— Ты, можетъ быть, съ сожалѣніемъ вспоминаешь покинутую Ниццу?

— Сожалѣнію нѣтъ мѣста. Но я стараюсь забыть то, что я долженъ забыть. И я забуду. Только ты не напоминай мнѣ Ниццу, Георгій.

Георгій опустилъ глаза. Да, онъ угадалъ — какая-то тяжелая тайна на душѣ его скрытнаго друга. И власть ея сильнѣе, чѣмъ думаетъ Артемовскій. Надо помочь ему «забыть», если онъ ищетъ забвенія. И инымъ тономъ, дѣланно-веселымъ, онъ проговорилъ:

— Тебя еще не посвятили въ «исторію бѣлой амазонки», которая спасла графа Олтуфьева и...

— Знаю, знаю. Хельстремъ уже разболталъ мнѣ все. Кажется, самъ онъ больше интересуется этой таинственной дамой, чѣмъ нашъ сумрачный графъ.

Вдали, на пригоркѣ, уже виднѣлась новая церковь, отстроенная Георгіемъ. Высокими бѣлыми стѣнами она тонула въ нѣжно-голубомъ эфирѣ. Ярко блестѣли ея купола въ золотѣ утренняго солнца. Радостно переливался звонъ колоколовъ и ему громко вторило щебетаніе птицъ.

Царевичъ, опираясь на руку Артемовскаго, вошелъ въ церковь, уже полную празднично-нарядныхъ молящихся. Богослуженіе началось. Отчетливо звучалъ голосъ молодого священника, отца Руднева. Что-то неземное было въ выраженіи его сѣро-голубыхъ глазъ. Свѣтлая борода и свѣтлыя длинныя пряди волосъ обрамляли его истомленное постами лицо.

Нарядные абастуманцы, администрація и офицерство въ парадныхъ формахъ, блестящая свита его высочества —

и маленькая церковь выглядѣла парадной. Стройно звучалъ хоръ. Слабые огоньки множества свѣчей радостно отражались въ золотѣ новенькихъ образовъ... Лучи солнца пробивались сквозь цвѣтныя стекла оконъ.

Дверь распахнулась. Вновь вошедшая привлекла вниманіе. Тоненькая, высокая, въ изящномъ бѣломъ туалетѣ. Она низко наклонила голову и большая бѣлая шляпа скрывала ея лицо. Любопытные разглядѣли только красивую линію ея нѣжнаго подбородка и тоненькой шеи и губы — маленькія, гордыя, алыя... Она прошла въ отдаленный уголъ и опустилась на колѣни. Слѣдомъ за нею вошла высокая брюнетка въ скромномъ сѣромъ костюмчикѣ и почтительно остановилась позади нея.

Въ горячей молитвѣ юная незнакомка ушла въ себя. Она забылась. Воспоминанія охватили ее. Знакомый голосъ священника воскресилъ иные, далекіе дни. Въ невольномъ порывѣ подняла она голову и ея золотые искрившіеся глаза встрѣтились съ краткимъ взоромъ Спасителя. Ея губы что-то шептали. Съ длинныхъ шелковистыхъ рѣсницъ соскользнули слезинки и медленно покатились по нѣжному лицу. Для нея обѣдня промелькнула, какъ мигъ.

— Княгинюшка, пойдемте приложимся ко кресту — склонилась къ ней ея спутница.

Она вздрогнула и поднялась.

— Уже?! Какъ скоро, Катя! Пойдемъ.

И она шла въ густой толпѣ, опустивъ голову и поля ея большой шляпы скрывали ея лицо. Но, когда она подошла ко кресту, священникъ узналъ ее.

— Съ пріѣздомъ, княгиня — тихо проговорилъ онъ.

Сквозь толпу къ ней энергично пробиралась смуглая лѣсничиха, завитая, оживленная, въ теплой красной кофточкѣ.

— Мара! Гдѣ вы прячетесь? Почему не заходите?

— Милая Анна Петровна — отдыхаю въ уединеніи.

— Но сегодня воскресенье. На три мои визита вы еще не отвѣтили. Это обидно, Мара. Нельзя забывать старыхъ, любящихъ друзей. Вы зайдете ко мнѣ сегодня?

— Зайду — улыбнулась Мара.

— Когда?

— Сейчасъ-же послѣ обѣда.

— Дайте слово!

— Клянусь — пошутила Мара. — А теперь — до свиданья. Катя, куда-же ты скрылась?

— Я здѣсь, ваше сіятельство. Я пройду впередъ. Надо вѣдь нашъ шарабанъ вызвать на шоссе.

Съ толпой вышла Мара изъ церкви. Ея шарабанъ, запряженный воронымъ конемъ, Кистиномъ, уже ждалъ на шоссе. Смуглый Абрамъ передалъ возжи Катѣ.

Когда Мара садилась въ шарабанъ, къ ней подскочилъ лѣсничій.

— Добрый день, княгиня — поцѣловалъ онъ ея руку. — Мы съ Анетой ждемъ васъ сегодня на послѣобѣденный чай. Какими васъ пирожками угощу!

Придворные экипажи вереницей проѣхали мимо Мары. Она не обернулась. Зато, когда она взяла возжи въ руки и хлестнула Кистина, ея шарабанъ понесся съ такою быстротой, что обогналъ царевича и его дворъ и далеко оставилъ ихъ за собой.

Толпа оттѣснила жену лѣсничаго и она неожиданно очутилась возлѣ Хельстрема.

— Добрый день, Анна Петровна. Съ кѣмъ это вы только что бесѣдовали? Что это за очаровательное созданіе?

— А вы любопытны!

— Не скрываю — горю любопытствомъ!

— «Очаровательное созданіе» — мой давнишній дружокъ. Я ее знала еще ребенкомъ. Въ старой церкви мы ее вѣнчали съ княземъ Рокотовымъ.

— Эта дѣвочка уже замужемъ? Но гдѣ-же счастливый супругъ?

— Въ другомъ городѣ, на службѣ. Рокотова пріѣхала къ матери «отдохнуть въ уединеніи».

— Она очаровательна — повторилъ Хельстремъ. — Даже нашъ неприступный суровый графъ сегодня усиленно на нее поглядывалъ.

— Еще бы! Она спасла ему жизнь.

— Она! Такъ вотъ она — бѣлая амазонка! Я отдалъ-бы полъ жизни, чтобы познакомиться съ нею!

— Не жертвуйте жизнью! — улыбнулась Анна Петровна; лучше приходите сегодня ко мнѣ послѣ обѣда, запросто. Княгиня Рокотова будетъ у меня.

— Вы — ангелъ, Анна Петровна!

И Хельстремъ восторженно поцѣловалъ ея руку.

Изъ церкви Георгій возвращался съ Артемовскимъ и Хельстремомъ. Блестящій адъютантъ сіялъ.

— Что съ тобой, Альфонсъ?

— Еще-бы, Георгій, тайна бѣлой амазонки расшифрована и сегодня я съ нею познакомлюсь.

— Вотъ какъ! Кто-же она?

— Очаровательное дитя. Неужели ты ее не замѣтилъ сегодня въ церкви? Вся въ бѣломъ — она пряталась въ углу и усердно молилась. Но, кажется, всѣ ее замѣтили.

— И ты, Альфонсъ — разсмѣялся Артемовскій — ты хочешь разрушить ея молитвенное настроеніе и съ неба вернешь ее на землю?

— Алексѣй — нахмурился Георгій — я знаю, ты не особенно религіозенъ, но... не надо смѣяться надъ молитвой.

— Я не смѣюсь, мой милый пуританинъ, напротивъ, я глубоко сожалѣю эту новую Маргариту, привлекшую благосклонное вниманіе нашего Фауста.

— Успокойся! — усмѣхнулся Хельстремъ. — Маргарита уже замужемъ за княземъ Рокотовымъ.

— Въ такомъ случаѣ — извиняюсь — переношу свое сожалѣніе на ея супруга.

Самодовольная улыбка мелькнула по лицу Хельстрема.

— Кажется, это разрѣшается! — разсмѣялся Артемовскій и невольно улыбнулся Георгій.

— А ты замѣтилъ, какіе взгляды нашъ графъ бросалъ на эту бѣлую даму? О, я перебью ему дорогу!

— Хельстремъ, Хельстремъ, смотри, какъ-бы твое легкомыслiе не породнилось съ пошлостью!

— Не буду, Георгій! Не сердись.

Съ быстротой молніи крохотный шарабанъ обогналъ коляску и скрылся за поворотомъ.

— Она! — восторженно проговорилъ Хельстремъ. — Бѣлая амазонка!

Наша церковка была переполнена молящимися. Хоръ пѣлъ торжественно и стройно. Отецъ Рудневъ вдохновенно читалъ молитвы. И я такъ горячо молился. Случайно я поднялъ глаза и, въ легкомъ облакѣ ладона, я увидѣлъ молодую дѣвушку (такъ мнѣ казалось) всю въ бѣломъ. Она забилась въ уголокъ и, не знаю, мечтала она или молилась? Мнѣ такъ хотѣлось увидѣть ея лицо, скрытое полями шляпы. Окружающіе для нея не существовали. Такъ погружается въ молитву только тотъ, кто страдаетъ. Но вотъ, наконецъ! Въ невольномъ порывѣ она подняла голову. Нѣжное блѣдное гордое лицо, озаренное золотыми глазами. Ея фамилія — княгиня Рокотова. Она — замужемъ. Мой легкомысленный Хельстремъ уже успѣлъ все разузнать. Сегодня онъ гдѣ-то встрѣтится съ нею. И мнѣ жаль ее. Хельстремъ такъ красивъ и такъ умѣетъ увлекать, но его любовь мимолетна, какъ молнія.

И графъ Олтуфьевъ узналъ ее, свою спасительницу, такъ странно завладѣвшую его думами. Онъ зорко слѣдилъ за нею, но она ни разу не взглянула въ его сторону. Но вотъ графъ замѣтилъ, что жена лѣсничаго съ нею бесѣдуетъ. Нить найдена!

Графъ непривычно-суетливо вышелъ изъ церкви. Въ его коляскѣ помѣстился Бойсманъ. Графъ угрюмо молчалъ, не осмѣливался заговорить и его спутникъ.

Но вотъ коляску обогналъ шарабанчикъ и въ немъ графъ примѣтилъ свою «спасительницу». Она правила.

— Кто это?

Напряженное выраженіе стянуло мышиное лицо Бойсмана, какъ всегда, когда онъ не могъ угодить графу.

— Не знаю, ваше сіятельство.

И опять угрюмое молчаніе.

(Изъ дневника царевича.)

XI.

Въ уютной простенькой столовой лѣсничій и его супруга суетливо угощали блестящаго адъютанта его высочества — Хельстрема. Узкій, длинный столъ былъ заставленъ печеніями и сладостями. Горячій чай и холодное вино, свѣжія сливки и ароматный коньякъ — кажется, ничто не было забыто.

— Альфонсъ Леонардовичъ, пожалуйста, еще одну чашечку.

— Ну что ты, Анета, пристала со своимъ чаемъ — сердился лѣсничій. — Стаканчикъ холоднаго вина, или рюмку коньяку? Не такъ-ли Альфонсъ Леонардовичъ?

Красивый адъютантъ проглотилъ рюмку коньяку. Упитанное лицо его порозовѣло, голубые глаза искрились и нетерпѣливо поглядывали на дверь.

— Можно? — послышался звучный басъ и большая кудрявая голова доктора Порова проглянула въ дверь. — Или непрошеный гость хуже татарина? И я вѣдь не одинъ. Со мною Бойсманъ.

Тучка досады мелькнула по лицу Хельстрема, но онъ мгновенно овладѣлъ собою и улыбнулся обычной любезной непроницаемой улыбкой придворнаго.

— Гдѣ одинъ гость, тамъ и другимъ рады, а угощенія хватитъ на десятерыхъ! — весело проговорилъ онъ.

Лѣсничій засуетился, усаживая неожиданныхъ рѣдкихъ гостей. Онъ пододвигалъ имъ кресла, наливалъ бокалы.

— Прошу, прошу, дорогіе гости! — приговаривалъ онъ.

Анна Петровна наливала чай, рѣзала тортъ.

— Въ вашемъ домикѣ магнитная сила — громко говорилъ докторъ и его сѣро-желтые глаза насмѣшливо пронизывали Хельстрема. — Всѣхъ насъ вдругъ потянуло къ вамъ. Смотрите, какъ-бы еще кто-нибудь изъ дворцовыхъ не заглянулъ сюда!

— Вотъ и еще одна дорогая гостья! — скороговоркой бросила хозяйка, взглянувъ въ окно и поспѣшила навстрѣчу Марѣ.

— Вы подвели меня, Анна Петровна, у васъ тутъ цѣлое собраніе. Я, кажется, сбѣгу!

Но Хельстремъ уже стоялъ противъ Мары, почтительно склонивъ голову. Взглядомъ знатока онъ оцѣнилъ каждую линію ея высокой, тоненькой фигуры въ складкахъ домашняго темнаго платьица. Голубые глаза его уже любовались богатствомъ небрежно заплетенныхъ косъ, нѣжностью смущеннаго лица, золотомъ глазъ, опушенныхъ шелкомъ рѣсницъ.

— Я счастливъ быть вамъ представленнымъ, княгиня!

И въ его почтительномъ тонѣ прозвучали нѣжныя нотки, всегда находившія откликъ въ легкомысленныхъ женскихъ сердцахъ.

— Докторъ Поровъ... Лейтенантъ Бойсманъ. Княгиня Рокотова — суетливо, неумѣло знакомилъ лѣсничій.

Анна Петровна уже подносила Марѣ трафаретную чашечку чая.

— Я такъ счастливъ — ворковалъ Хельстремъ — что случай далъ мнѣ возможность васъ видѣть. Сегодня въ церкви ваше появленіе произвело сенсацію. До сихъ поръ о васъ говорили, какъ о видѣніи. Бѣлая всадница, спасшая жизнь повелителю Абастумана! Но вы мелькнули, какъ метеоръ и только дразнили наше жадное любопытство.

Мара разсмѣялась.

— Боже, какъ вамъ всѣмъ здѣсь скучно, если даже мое скромное появленіе могло васъ развлечь! И я понимаю васъ — послѣ разнообразной, яркой жизни Петербурга и заграницей, вы всѣ здѣсь умираете отъ тоски. Каждый пустякъ привлекаетъ ваше вниманіе.

— Ваша скромность...

— Не будьте банальны, господинъ адъютантъ — перебила Хельстрема Мара.

— Великолѣпно! — расхохотался докторъ. — Будьте разнообразнѣе, Альфонсъ Леонардовичъ. Это — опасный покоритель сердецъ, осторожнѣе, княгиня.

— Мнѣ Донъ-Жуаны не опасны... тѣмъ болѣе, что ваша слава бѣжитъ впереди васъ. Меня уже познакомили съ легкомысліемъ «маленькаго двора».

— О, насъ оклеветали въ вашихъ глазахъ! — вступился Бойсманъ. — Встаемъ въ 7 утра, весь день распредѣленъ по часамъ. Ложимся въ 11. Его высочество уже поправляется, но еще на положеніи больного и мы всѣ подчиняемся строгому режиму.

— Стараюсь вамъ вѣрить... Лично для меня все это мало интересно. Я пріѣхала въ этотъ родной мнѣ дикій уголокъ отдохнуть въ тишинѣ и я найду свой тихій отдыхъ въ горахъ и далекихъ рощахъ.

Мара вдругъ повернулась къ доктору и рѣзко его спросила:

— Почему вы такъ пристально смотрите на меня? Или это одинъ изъ обычаевъ вашего «режима»?

— Васъ тревожитъ мой пристальный взглядъ? Извиняюсь, княгиня, хотя вина не моя.

Мара сердито вскинула головку. Онъ стоялъ теперь передъ нею — этотъ крупный русскій богатырь, красивый лубочной красотой, и безцеремонный взглядъ его сѣро-желтыхъ глазъ пронизывалъ ее.

— Ну, конечно, вы не виноваты, это «маленькій дворъ» васъ научилъ *такъ* смотрѣть — иронизировала Мара.

— Я уже всему былъ достаточно обученъ, княгиня, когда я былъ приглашенъ къ его высочеству. Я человѣкъ прямой, грубый и не умѣю скрывать своихъ впечатлѣній.

— Обычный комплиментъ подъ новымъ соусомъ!

— Только не обычный!

— Едва познакомились и уже ссоритесь! — вмѣшалась Анна Петровна.

— Развѣ это ссора? Княгиня не поняла меня и, предубѣжденная, въ чемъ-то заподозрила. Если разрѣшите, я разскажу страничку своего прошлаго, которая разъяснитъ княгинѣ настойчивость моего взгляда.

— Поэзія въ устахъ нашего доктора. Это забавно — улыбнулся Хельстремъ.

— Итакъ, попытаюсь оправдаться. Это было давно, въ дни моего дѣтства. Впрочемъ, тогда мнѣ было уже 12 лѣтъ. Мать моя себя очень плохо чувствовала и ея благодѣтельница-помѣщица послала ее въ Италію. Мы жили въ глуши, въ старинномъ замкѣ около Флоренціи. Замокъ этотъ принадлежалъ нашей помѣщицѣ. Я часто бродилъ съ книгой вокругъ замка и въ уединенныхъ уголкахъ настойчиво училъ уроки. Уже тогда я думалъ о будущемъ. И вотъ случайно я натолкнулся на полуразвалившуюся часовенку. Сквозь каменное отверстіе, обросшее травой и мхомъ, я проползъ внутрь часовенки.

— Цѣлый романъ! — пошутилъ Хельстремъ.

— Онъ не длинный! Поскучайте еще минуточку. Итакъ, я пробрался внутрь часовни... и застылъ, завороженный. На одной изъ каменныхъ стѣнъ дивно сохранился старинный образъ Мадонны. Краски были такъ ярки и такъ мягки! Складки простого темнаго хитона, опоясаннаго шнуркомъ, очерчивали тонкія линіи стройнаго тѣла Мадонны. Свѣтло-каштановыя богатыя волны волосъ обрамляли тонкое нѣжное лицо и разсыпались по покатымъ плечамъ. Искрились лучами

большіе золотые глаза. Полуоткрытыя уста — невинныя и гордыя — манили яркимъ пурпуромъ. Потомъ я цѣлые дни проводилъ въ часовенкѣ. Я безумно полюбилъ Мадонну. Это была моя первая и послѣдняя любовь. Ей я посвящалъ свои надежды и грезы. У ея ногъ упорно училъ уроки. И какъ горько, безутѣшно я плакалъ въ день разлуки. Въ сыромъ холодномъ Питерѣ я не забывалъ свою Мадонну. Ей я отдалъ всю небольшую поэзію души своей. И до сихъ поръ гдѣ-то въ далекой глубинѣ моего сердца — ея образъ. Женщинъ земли я презираю. Онѣ созданы для мимолетныхъ и грубыхъ наслажденій. Еще ни одинъ земной женскій образъ не коснулся моей души. И не коснется. И вотъ, черезъ 20 лѣтъ послѣ моей разлуки съ Мадонной, я встрѣтилъ васъ, княгиня. Если-бы не эти 20 лѣтъ, я былъ-бы убѣжденъ, что съ васъ писали мою Мадонну. Такое сходство! Я былъ пораженъ. Теперь, можетъ быть, вы мнѣ простите мой пристальный взглядъ?

— Великолѣпно придуманная сказка!

— Не вѣрите? Не надо. Но «смотрѣть» я буду и буду искать съ вами встрѣчи, чтобы «смотрѣть». Ухаживать, увлекаться вами — пусть другіе. Я же буду только «дерзко смотрѣть».

— Сегодня вы встрѣтились со мной случайно. Обычно я выхожу изъ дому или съ первыми лучами солнца, или позднею ночью, въ тѣ часы, когда дворецъ погружается въ сонъ.

— Только не я! — разсмѣялся докторъ. — Я рано встаю и часто брожу по ночамъ.

— Не забывайте — насмѣшливо замѣтила Мара — что здѣсь я провела свою жизнь. Я изучила эти причудливыя скалы и горы, я знаю каждую тропу. И я взбираюсь на горы легко и быстро, какъ звѣрьки, что обитаютъ въ этихъ лѣсахъ. Вамъ меня не догнать.

Острою сталью пронизалъ Мару мимолетный взглядъ доктора.

— О, княгиня, въ моемъ распоряженіи пластуны. Это не люди, а дьяволы. По самымъ дикимъ крутымъ скаламъ они ползаютъ изумительно. Когда я захочу, они васъ найдутъ.

Это была нелѣпая шутка.

— Вамъ, кажется, не даютъ покоя «тайны Мадридскаго двора»?

И Мара повернулась въ сторону Хельстрема.

— Каждый дворъ имѣетъ свои тайны! — тихо, слащаво вставилъ Бойсманъ.

— И я уже начинаю чувствовать шипы маленькаго двора! — дѣланно разсмѣялась Мара.

Она энергично поднялась...

— Какъ, княгиня, вы уже хотите насъ покинуть!?

Хельстремъ, казалось, былъ въ отчаяніи.

— Хитрый докторъ отвлекъ все ваше вниманіе и...

— Я тороплюсь. До скораго, Анна Петровна. Пирожки были восхитительны, Августъ Львовичъ. Не забывайте меня.

— Надѣюсь, вы разрѣшите проводить васъ?

И Хельстремъ взялся за фуражку.

— Не стоитъ. Я живу рядомъ. Вотъ эта голубая вилла.

— Очаровательная вилла! Мы всѣ ею любуемся. И все-таки я буду настойчивъ и доведу васъ до вашей калитки.

Мара пожала плечами и церемонно поклонилась доктору.

— Вы, конечно, позволите васъ навѣстить? — развязно спросилъ докторъ.

— Буду очень рада — холодно отвѣтила Мара — но я такъ рѣдко бываю дома.

— Постараюсь васъ застать.

— Тутъ ужъ вамъ не поможетъ Мадонна и не помогутъ пластуны.

Докторъ крѣпко пожалъ руку Мары. Онъ улыбался, но эта улыбка казалась ей циничной.

Мара шла домой очень быстро, Хельстремъ не могъ удержать ее.

— Нашъ докторъ дико велъ себя — говорилъ Хельстремъ — что это ему вздумалось паясничать? Пожалуй теперь вы возненавидите нашъ маленькій дворъ. Душою докторъ уже хитрый и тонкій придворный, но внѣшніе пріемы еще не усвоилъ. По доктору не судите объ остальныхъ.

Онъ улыбался и улыбка его была обворожительна.

— Вы вѣдь наша легенда, княгиня, и я такъ увѣренъ, что...

— Я уже дома, Альфонсъ Леонардовичъ — прервала его Мара. — Ваша любезность была безгранична. До свиданья.

— Когда вы принимаете, княгиня?

— Когда бываю дома.

Блестящій адъютантъ почтительно склонился и его мягкія теплыя губы коснулись руки Мары. Онъ восхищенно смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она взбѣгала по каменнымъ ступенямъ веранды, пока стояла у дверей и потомъ, когда она уже скрылась за дверью.

«Великолѣпная, таинственная ночь смотрится въ мое окно. Я вдыхаю морозный воздухъ и... мечтаю. Нелѣпыя мечты! Случай столкнулъ меня съ тѣми, кого я рѣшила избѣгать. Докторъ Поровъ! По внѣшности — лубочно-красивый русскій богатырь. И въ немъ чувствуется злая сила. И въ стальныхъ глазахъ, и въ недоброй улыбкѣ, и въ звучномъ голосѣ. Вся эта сказка о Мадоннѣ теперь уже не кажется мнѣ сказкой. Можетъ быть, это сходство — таинственная связь прошлаго съ будущимъ? Острый взглядъ доктора я и сейчасъ ощущаю и невольно вздрагиваю. Шутка о «пластунахъ» меня почему-то волнуетъ. Неужели суждено этому грубому цинику вмѣшаться въ мою жизнь? Когда я думаю о немъ, почему-то рядомъ всплываетъ другая фигура, сильная и антипатичная — графа Олтуфьева. И мнѣ становится жутко. Почему? И тутъ-же маленькій Бойсманъ — молчаливый, тихій, слащавый и... ядовитый. А Хельстремъ? Великолѣпный царедворецъ! Ярко красивъ, изящество движеній, неуловимый ароматъ лести въ нѣжномъ голосѣ. Я и сейчасъ ощущаю на рукѣ его легкій поцѣлуй. Онъ былъ мнѣ пріятенъ. Почему? Ночь надвигается, а сна нѣтъ. Завороженныя бѣлыя деревья оживаютъ, какъ призраки. Шевелятся, шепчутся... Можетъ быть, это не деревья, а... «креатуры маленькаго двора»? Можетъ быть, сейчасъ я услышу циничный смѣхъ придворнаго доктора, сладкую лесть блестящаго адъютанта, язвительный шопотъ Бойсмана, надменный голосъ графа-повелителя? Нѣтъ — нѣтъ, не надо, не хочу! Подальше отъ «маленькаго двора». А, между тѣмъ... визитная карточка Хельстрема уже на моемъ столѣ и рядомъ благоухаетъ корзина розъ. Эти чудные цвѣты изъ придворныхъ оранжерей.»

(Изъ дневника княгини Рокотовой.)

XII.

Въ кабинетѣ графа Олтуфьева, въ огромномъ креслѣ потонула граціозная княгиня Дарико. Она склонила темную головку, словно защищаясь отъ острыхъ пронизывающихъ глазъ повелителя.

— Плохи твои дѣла, малютка, твой первый блестящій успѣхъ, кажется и послѣдній. Растутъ шансы Полины и тебѣ придется уступить ей дорогу.

— Меня оклеветали въ глазахъ его высочества — со слезами роняетъ Дарико. — Ты не съумѣлъ меня оградить отъ интригъ, повелитель. Георгій посвященъ и въ мое прошлое, и въ мои привычки. Онъ меня избѣгаетъ, а у меня нѣтъ наглости Полины. Но я надѣюсь, мы объяснимся и...

Легкій стукъ въ дверь и докладъ.

— Докторъ Поровъ.

— Просите. Вытри слезы, малютка и улыбнись. Учись скрывать свои неудачи и не огорчайся. У тебя всѣ права на «утѣшеніе». А!.. докторъ... прошу.

Дарико встала.

— Не буду вамъ мѣшать, графъ. Гдѣ дѣла — тамъ намъ, женщинамъ, не мѣсто.

— Боюсь, что дѣловые разговоры усыпятъ васъ. До вечера, princesse.

Графъ поцѣловалъ ея руку и проводилъ ее до дверей кабинета.

Маленькій отчетъ о здоровьи и леченіи его высочества и докторъ умолкъ. Взоромъ онъ осторожно слѣдилъ за графомъ.

— Вкусы великаго князя непостоянны — снисходительная насмѣшка звучала въ голосѣ графа. — Теперь его высочество, кажется, предпочитаетъ общество Полины.

— Какъ будто, ваше сіятельство.

— Не спускайте съ нихъ глазъ. Не забывайте, что и другіе наблюдаютъ.

— Я на чеку, ваше сіятельство. По моему Полина удобнѣе, чѣмъ княгиня Максенй. Я всегда съумѣю ее выкинуть, если это будетъ нужно вашему сіятельству.

— Вы снимаете тяжелую обузу съ моихъ плечъ — благосклонно наклонилъ голову графъ. — Что новаго?

— Вчера въ домикѣ лѣсничаго я познакомился съ бѣлой амазонкой, спасавшей ваше сіятельство.

— А!

Острый взоръ графа вспыхнулъ.

— Это дочь мѣстной помѣщицы — княгиня Рокотова — продолжалъ докторъ. — Она пріѣхала къ матери. Въ домикѣ лѣсничаго со мною былъ Бойсманъ. Но Хельстремъ насъ опередилъ, мы его застали уже тамъ.

— Хельстремъ — легкомысленъ. Его близость вредна царевичу.

— Его высочество очень любитъ Хельстрема — осторожно возразилъ докторъ.

— Въ юности мы часто любимъ то, что намъ вредно. Хельстремъ удерживается во дворцѣ только какъ противовѣсъ Артемовскому. Когда-нибудь я съ ними обоими сведу мои маленькіе счеты.

Безпощадныя холодныя слова прозвучали какъ подписанный уже жестокій приговоръ. Докторъ невольно съежился. Не хотѣлъ бы онъ быть на мѣстѣ этихъ двухъ! Нѣтъ, лучше всегда итти объ руку съ графомъ Олтуфьевымъ.

Но вотъ въ глубинѣ глазъ графа блеснули странные огоньки. Словно невидимая рука приподняла ледяную маску и легкое дуновеніе жизни пробѣжало по лицу вельможи. За эти годы докторъ изучилъ своего повелителя, онъ читалъ сокровенныя мысли и желанія его властной души. Осторожно наблюдая, онъ ждалъ.

— Если не ошибаюсь — вскользъ проговорилъ графъ — фамилія моей неожиданной спасительницы — княгиня Рокотова? Придется забросить ей карточку и послать цвѣты и конфекты.

— Конечно, ваше сіятельство. Но... молодая дама, вѣроятно, скучаетъ здѣсь. Титулъ и положеніе даютъ ей право приблизиться ко двору. Думаю, что это будетъ ей пріятнѣе, чѣмъ конфекты или цвѣты.

— Можетъ быть — благосклонно отвѣтилъ графъ. — Но въ этихъ случаяхъ я не люблю торопиться. Мы вѣдь совсѣмъ не знаемъ княгиню Рокотову.

— Мы также мало знали княгиню Максени, княжну Турадзе, генеральшу Рубанъ и остальныхъ.

— Тамъ вся отвѣтственность падаетъ на принца Ольденбургскаго — поморщился графъ. — *Я* не могу быть опрометчивымъ. Можетъ быть, удастся встрѣтиться съ княгиней Рокотовой въ домикѣ лѣсничаго? Она такъ молода и неопытна, ее не трудно раскусить.

Докторъ понялъ «намекъ».

XIII.

Стояли дивные дни. Новаго снѣга не было, а старый таялъ, уступая улыбкѣ солнечныхъ лучей. Бѣлые, нѣжные, какъ невинность, подснѣжники украшали комнату Мары. Не терялась ихъ красота рядомъ съ роскошными цвѣтами дворцовыхъ оранжерей. Ими неутомимо дарилъ Мару Хельстремъ.

Дни шли за днями, а жизнь Мары стояла все на томъ же. Визитеры — Хельстремъ, докторъ и Бойсманъ — такъ и не смогли «застать ее дома». Ихъ визитныя карточки покоились въ фарфоровой вазочкѣ, брошенныя небрежной рукой. Мара искусно пряталась. Она жила среди своихъ грезъ и фантазій. Книги, покинутыя послѣ замужества, ждали ее здѣсь, какъ старые друзья. Новая жизнь, ненавистная ей, куда-то отодвинулась, приблизилось прошлое и слилось съ настоящимъ. Бесѣды съ матерью, ея ласки. Долгіе часы уединеній, далекія прогулки въ горахъ. Мечты лунныхъ ночей. Все, какъ прежде!

Близилась весна и чарующимъ дуновеніемъ охватывала все существо Мары. Иногда въ ея воображеніи вырисовывались ярко очерченныя фигуры новыхъ знакомыхъ. Мгновеньями хотѣлось повидать ихъ, приблизиться къ нимъ, побесѣдовать съ ними, но невольный страхъ и жажда уединенія удерживали Мару. Сквозь кружево занавѣсей видѣла она проѣзжавшіе мимо ея виллы придворные экипажи. Часто — въ сопровожденіи верховаго конвоя. Она приподнималась и вглядывалась. Могучая фигура доктора, маленькій Бойсманъ, блестящій Хельстремъ, величавый, надменный Олтуфьевъ. А въ первой коляскѣ вѣчно задумчивый и скромный царевичъ Георгій и, рядомъ съ нимъ, характерное красивое лицо яркаго брюнета, незнакомое Марѣ. Но она

угадывала, что это — любимый другъ царевича — Гулакъ-Артемовскій.

И тутъ-же — цѣлый цвѣтникъ молодыхъ нарядныхъ женщинъ. *Онѣ* счастливы, конечно, онѣ берутъ жизнь такою, какою она имъ дается. Не роются въ глубинѣ своихъ легкомысленныхъ сердецъ, не ищутъ невѣдомой красивой жизни-мечты. У нихъ свой пчелиный рой. Онѣ борятся за высочайшую улыбку, за высочайшее вниманіе. Одна изъ нихъ вытянетъ «счастливый номеръ», а остальныя утѣшатся иначе...

Какъ сказка иного, чуждаго міра проносились нарядные экипажи мимо оконъ Мары. Проносились и исчезали. А дикая природа Абастумана — молчаливая, волшебная, казалось, удивленно смотрѣла имъ вслѣдъ. И рука Мары невольно опускалась и падало кружево занавѣси. А потомъ въ трепетавшихъ пальцахъ быстро двигалось перо по бѣлымъ страницамъ дневника.

Поздно вернулась Мара съ прогулки. Эта ночь пробуждающейся весны была такъ упоительна. Въ яркомъ свѣтѣ луны выступали очертанія погруженной въ сонъ голубой виллы. Легкій туманъ окутывалъ вершины горъ.

Мара расположилась на каменной террасѣ. Было свѣжо и она куталась въ теплую ротонду. Хорошо! Грудь высоко вздымается, наслаждаясь воздухомъ. Сердце громко стучитъ. Молодое тѣло полно энергіи и силы. Мысль, окутанная легкокрылой мечтой, такъ быстро мчится въ золотой колесницѣ фантазіи.

Съ горныхъ вершинъ, сотканные изъ бѣлаго прозрачнаго тумана, медленно ползутъ странные образы. Въ нихъ что-то знакомое. Нарядные быстрые экипажи. Олтуфьевъ, докторъ, блестящіе адъютанты, грустный царевичъ. Всѣ они тамъ, въ бѣлой дымкѣ тумана, въ мечтахъ Мары. Все ближе и ближе...

— Вы прекрасны, какъ эта свѣтлая ночь, княгиня! — вдругъ раздается такъ близко заглушенный голосъ.

Или это голосъ призрака, рожденнаго прозрачнымъ туманомъ?

— Я испугалъ вашу мечту, княгиня.

Нѣтъ, это не призракъ, это сама жизнь стояла передъ Марой въ лицѣ великолѣпнаго адъютанта его высочества — Альфонса Леонардовича Хельстрема.

— Однако вы бродите позднею ночью, Альфонсъ Леонардовичъ, а, кажется, по строгому режиму дворца въ одиннадцать вечера вы уже должны быть въ постели.

— Въ подобную ночь разлетаются всѣ «режимы». Сила лунныхъ лучей подняла меня и повлекла. Я шелъ за путеводной звѣздой и она привела меня къ вашей виллѣ. Наконецъ то удалось мнѣ увидѣть владѣлицу неприступнаго замка. И теперь я умоляю, чтобы могущественныя уста разрѣшили мнѣ переступить запретную границу.

— «Запретной границы» тутъ нѣтъ, но...всѣ спятъ, Альфонсъ Леонардовичъ. Уже поздно.

— О, я никого не потревожу!

Скрипнула калитка. Хельстремъ двигался медленно, какъ видѣніе. Вотъ онъ облокотился о каменный выступъ веранды. Голубой свѣтъ луны озарялъ его стройную фигуру. Его красивое лицо казалось блѣднымъ, феерически вспыхивали голубые глаза, въ чарующей улыбкѣ перлами блестѣли зубы. Не рыцарь ли это, рожденный волшебною ночью? И первое реальное слово не развѣетъ ли дивные чары?

И Мара молчитъ.

Молчитъ и Хельстремъ. Одна неосторожная фраза... и вдругъ нѣжная мечта этихъ золотыхъ глазъ смѣнится холодной насмѣшкой!

Мара первая сбросила странное очарованіе.

— Вы меня балуете цвѣтами. Благодарю. Но я предпочитаю яркіе и душистые цвѣты нашихъ горъ вымученнымъ розамъ оранжерей.

— Какъ только появятся ландыши и фіалки, я буду бродить по лѣсамъ и наводню вашъ домъ «цвѣтами горъ».

— Вы очень любезны, только все-таки... напрасно вы бродите ночью...

— Въ одиннадцать я уже былъ въ своей комнатѣ, но когда все затихло, я выпрыгнулъ въ окно. Я здѣсь брожу давно, но васъ не было. И я уже приходилъ въ отчаянье. Эта ночь сильнѣе меня.

— Вы меня удивляете! Блестящій адъютантъ царевича прыгаетъ въ окно, какъ наказанный гимназистъ! А все-таки становится холодно...

Мара поднялась.

— Уже?! Вы сильнѣе этой ночи и вы сильнѣе насъ! Вы насъ игнорируете. Признаться — мы даже слѣдили за вами.

— Кто это «мы»? — насмѣшливо спросила Мара.

— Маленькій дворъ — этимъ все сказано. Даже его высочество спросилъ о васъ. Помните, когда вы были въ церкви.

— О, это было такъ давно. И все-таки... покойной ночи, Альфонсъ Леонардовичъ.

— Одну минуту, княгиня. Когда же удастся васъ повидать?

— Не знаю. Да, думаю, и вамъ это безразлично. Придворная любезность меня не обманетъ. Неопытное сердце — чутко.

Она еще разъ привѣтливо улыбнулась Хельстрему и скрылась за дверью своей виллы.

«Что волнуетъ меня? Почему меня такъ захватила эта ночь... Или «красивое и блестящее» влечетъ меня, какъ глупаго ребенка? Все въ немъ чаруетъ, въ этомъ Хельстремѣ. Его голосъ проникаетъ въ душу. Его улыбка, его ласковый взглядъ. О, если-бъ я не знала, что это — пустой и опасный Донъ-Жуанъ!

Весна зоветъ. Ея первое дыханіе меня волнуетъ. Я вся дрожу. Или мое уединеніе не въ силахъ излечить меня?»

(Изъ дневника княгини Рокотовой.)

XIII.

— О чемъ ты все думаешь, Георгій?

Артемовскій ласково обнялъ царевича. Полуулыбка мелькнула по смущенному лицу Георгія.

— Самъ себя не понимаю, Алексѣй. Это хуже всего. Прежде было такъ ясно на душѣ. Я трепетно ждалъ выздоровленія. Я упорно лечился. Силы прибывали и я радовался, какъ дитя. День проходилъ такъ незамѣтно —

леченіе, физическій трудъ, бесѣды съ тобой. Вечеромъ въ одиночествѣ я уносился въ міръ свѣтлыхъ грезъ. Иногда мечты мои были такъ ярки, такъ захватывали меня, словно я жилъ въ иномъ, несуществующемъ мірѣ. Тамъ царила красота, тамъ царила любовь. Святая любовь, когда каждаго хочется сдѣлать счастливымъ. И тамъ ты всегда былъ со мной.

— Это лучшая награда за мою вѣрную дружбу.

Артемовскій улыбался. Такъ мать улыбается любимому ребенку.

— Ты уѣхалъ. Часы моихъ грезъ — стали лучшими часами моей жизни... Но вотъ... властной волной ворвалось «новое» въ нашъ дикій, тихій уголокъ. Принцъ Константинъ съ неутомимой жаждой шумнаго веселья... и...

— И цѣлый цвѣтникъ очаровательныхъ созданій terre à terre»? И каждая старалась поймать твою улыбку и зажечь первый огонекъ въ твоемъ сердце? А ты?

— Не знаю. Такъ много было опьяняющихъ очарованій и...

— Отрезвляющихъ разочарованій? въ жанрѣ вечерней поѣздки съ княжной Полиной, которая могла стоить жизни вамъ обоимъ? Я до сихъ поръ злюсь, когда вспоминаю этотъ вечеръ.

— И вотъ... старое борется въ моемъ сердце съ чѣмъ-то новымъ... И я самъ себя не понимаю.

— Старое побѣдитъ, я увѣренъ. Врядъ ли идеалы почтенныхъ графа и принца будутъ твоими идеалами. А ты замѣтилъ, что наставникъ теперь особенно упорно наблюдаетъ за тобой?

— Онъ не сводитъ съ меня глазъ. Даже вдали я чувствую этотъ упорный стальной взоръ. Ничѣмъ не могу побѣдить своего отвращенія къ графу. Дурное предчувствіе. Когда-нибудь оно осуществится. Я намекалъ мамѣ, что предпочелъ-бы другого на мѣстѣ графа Олтуфьева, но всѣ они ему такъ вѣрятъ. Я привыкъ покоряться, Алексѣй. У отца моего такая непреклонная, желѣзная воля.

— Пока не стоитъ бороться съ Олтуфьевымъ, онъ сильнѣе тебя.

— О, какъ я сознаю свое безсиліе! Сынъ императора — я игрушка въ рукахъ графа. Даже васъ, друзей своихъ, я не съумѣлъ-бы защитить отъ его мести.

— Я не боюсь борьбы, я всегда былъ побѣдителемъ. Жизнь избаловала меня. И, кажется, графъ чувствуетъ мою нравственную силу.

— Но какъ онъ ненавидитъ тебя!

— За твою ласку, Георгій! Всѣ остальные передъ нимъ пресмыкаются. Даже твою волю онъ придавилъ желѣзной пятой, но... сердца твоего онъ взять не съумѣлъ. Онъ чувствуетъ твою враждебность.

Легкій стукъ и дверь легкомысленно распахнулась.

— Не помѣшалъ?

Хельстремъ ревниво окинулъ друзей. Его неожиданное появленіе нарушило интимность. Онъ былъ любимцемъ Георгія, но зналъ, что сердцу царевича Артемовскій ближе.

— Ты никогда не мѣшаешь, Альфонсъ — любезно пожалъ ему руку Георгій — садись и разсказывай. У тебя всегда запасъ новостей.

— Только не теперь. Я влюбленъ, какъ идіотъ въ недотрогу, которая къ тому же еще прячется отъ людей и въ неприступныхъ скалахъ ищетъ уединенія.

— Ты всегда влюбленъ, но что ты золъ, это — ново. Всѣ твои избранницы покоряются тебѣ, какъ овечки и самодовольная улыбка — любимое украшеніе твоей блестящей внѣшности — посмѣивался Артемовскій.

— Ты издѣваешься, Алексѣй, но ты не знаешь, какъ отвратительно у меня на душѣ! Нѣсколько ночей бродилъ я вокругъ виллы моей красавицы и только вчера удалось захватить ее на верандѣ и то на нѣсколько минутъ! Кажется, ни одна женщина мнѣ такъ не нравилась, какъ эта юная Психея съ золотыми глазами!

— Ты говоришь о княгинѣ Рокотовой? — спросилъ Георгій и легкая краска проступила на его лицѣ.

— Однако, ты запомнилъ ея имя, пуританинъ!

— И ея молитву. Такъ молятся только чистыя душой. Не смущай ее, Альфонсъ. Твоя любовь всегда такъ непродолжительна.

Хельстремъ внимательно взглянулъ на Георгія и громко разсмѣялся.

— О, это что-то новое, ваше высочество! Вы, кажется, стали покровителемъ «чистыхъ душею прекрасныхъ созданій»! Не тревожьтесь за мою Психею. Я буду любить ее долго-долго!

— Пока она будетъ сопротивляться твоимъ чарамъ, неукротимый Донъ-Жуанъ.

— Ты все шутишь, Алексѣй, а мнѣ, право, не весело.

— Весна идетъ! Она развеселитъ тебя, Альфонсъ — разсмѣялся Артемовскій.

— Весна идетъ — тихо повторилъ царевичъ. — Скорѣй-бы! Я не люблю зимы. Снѣгъ уже таетъ, становится теплѣе. Скорѣй-бы!

И что-то грустное промелькнуло въ его глазахъ, устремленныхъ вдаль, туда, гдѣ все еще окутанныя снѣгомъ вершины горъ тонули въ прозрачномъ эфирѣ блѣднаго неба.

XIV.

Въ сердцѣ благоухающаго, роскошнаго сада съ первыми лучами солнца пробудилась жизнь на виллѣ «Empire». Распахнулись двери и окна. Слуги усердно приводили въ порядокъ салоны, веранды и садъ. Какъ нѣжныя крылья взвились бѣлыя прозрачныя занавѣси. И только окна угловой комнаты второго этажа были окутаны плотно спущенными драпри. Въ этой комнатѣ жизнь пробудилась лишь съ яркими лучами полуденнаго солнца.

Рѣзкій, продолжительный звонокъ извѣстилъ камеристку, что графиня Ольская, наконецъ, изволила проснуться.

Отдернуты драпри, распахнулись окна и солнечные лучи на крыльяхъ ароматнаго воздуха весело и смѣло врываются въ кокетливую спальню, шаловливо золотятъ спутанные сномъ локоны графини Ольской.

Камеристка передаетъ ей цѣлую кипу визитныхъ карточекъ, приглашеній, писемъ.

— И тамъ еще много цвѣтовъ, графиня — говоритъ она.

Равнодушный взоръ Ольской оживляется только, когда въ ея рукахъ письма съ россійскими штемпелями. И опять разочарованіе: — отъ Артемовскаго ни слова. Но вотъ хорошо знакомый почеркъ любимой старушки — тети Ани. *Эта,* конечно, на всѣ вопросы отвѣчаетъ племянницѣ. Ольская торопливо разорвала конвертъ. Привѣтствія, распросы... а! наконецъ-то!

«Великій князь Георгій все еще въ Абастуманѣ» — пишетъ тетя. — «Императрица съ дѣтьми вскорѣ собирается

туда-же навѣстить своего любимаго больного мичмана. Да! и корона не страхуетъ отъ горя! Любимый сынъ боленъ. Никакихъ перемѣнъ при дворѣ Георгія. Развѣ только то, что вернулся къ нему его любимый адъютантъ Гулакъ-Артемовскій. Но ты это, конечно, знаешь, такъ какъ онъ изъ твоей Ниццы. Хорошо тебѣ въ теплыхъ краяхъ, но не мѣшало-бы и родину вспомнить и своихъ близкихъ, тоскующихъ по тебѣ. Когда-же, наконецъ, мы тебя увидимъ, Вѣра? Крѣпко, крѣпко цѣлую, обнимаю и благословляю тебя. Твоя любящая, одинокая старая тетя Аня.»

Роднымъ повѣяло отъ этого письма и на сердцѣ стало еще тяжелѣе. Нѣтъ, ни яркая цвѣтущая Ницца, ни блестящіе поклонники, ни шумная жизнь — ничто не погаситъ огня ея бѣднаго сердца.

Въ сверкающемъ веселіи не забыть непокорнаго! Тоска охватила Ольскую съ новой непобѣдимой силой.

Можетъ быть, родной Питеръ, старые друзья, ласки тети Ани излечатъ ее...

Вѣра Аркадьевна порывисто поднялась. Отмѣнить всѣ визиты, всѣ пріемы, поѣздки, спектакли и... и упаковывать чемоданы. Домой! Въ Россію!

— Ты? Вѣрочка, ты?

Тетя Аня и смѣется, и плачетъ, и крѣпко обнимаетъ Ольскую. И глядитъ на нее, не наглядится.

— Надолго-ли?

— Надолго, тетечка родная!

Какъ все знакомо! Холодный, важный Питеръ въ гордыхъ объятьяхъ красавицы Невы. Теперь его таинственные туманы тоскующему сердцу возвратившейся дороже сверкающей пестрой Ривьеры.

Старые друзья, блестящіе придворные балы, поѣздки «на острова». Кажется, нашла она забвеніе! Но не надолго, нѣтъ! Опять затосковало сердце. Насмѣшливый изящный образъ адъютанта его высочества дразнитъ мечту.

Въ безсонныя ночи ярко вспыхиваютъ темные глаза Артемовскаго надъ изголовьемъ Вѣры Аркадьевны. Подъ утро ее тревожатъ тяжелые сны. Такъ часто просыпается она въ слезахъ.

— Вѣрочка, милая, что съ тобой?

Тетя Аня въ отчаяніи. Лучшіе доктора выслушиваютъ, выстукиваютъ и разспрашиваютъ Ольскую.

Нервы! Во всемъ виноваты нервы. На свѣжій воздухъ! Тишина и горная природа — вотъ лучшія лекарства.

Тетя Аня куда-то исчезаетъ, о чемъ-то хлопочетъ, не все-ли равно «о чемъ»?

Въ будуарѣ тети Ани, у топящагося камина, Вѣра Аркадьевна грустно мечтаетъ. На фонѣ бѣлоснѣжнаго горностая выдѣляются ея каштановыя кудри и нѣжное лицо кажется особенно блѣднымъ и усталымъ.

Какъ побѣдить свое сердце? Какъ заставить себя «забыть»? Любовь горячая, какъ пламя, сильная, какъ буйный вѣтеръ, чистая и свѣтлая, какъ струя ручейка, захватила душу. Первая любовь молодого строптиваго сердца.

Развѣ темные глаза *любимаго*, загораясь, не дарили ее надеждой?

Нѣтъ, о нѣтъ! Если-бъ онъ любилъ меня, хоть крошечку, онъ жалѣлъ бы меня.

Уѣхалъ, не пишетъ, забылъ. Можетъ быть, «другой» теперь свѣтитъ невѣрный огонь его глазъ?

Задрожали длинныя рѣсницы. Незамѣтно скользнула слезинка, за нею другая... Какъ капельки чистой росы блистали они на блѣдныхъ щечкахъ.

— Вѣрочка!

Ольская вздрогнула и обернулась. Тетя Аня еще въ шапочкѣ, еще вся пропитанная морознымъ воздухомъ, стояла тутъ рядомъ и укоризненно покачивала головой.

— Опять плачешь, Вѣрочка? Какъ расходились твои нервы! Ничего, родная, вылечимся! Я уже все устроила. Такой уголокъ разыскала, гдѣ самые безнадежные поправляются. И поѣздка почетная! Собирай чемоданы. Недѣльки черезъ двѣ-три провожу тебя въ далекій путь. Императрица ѣдетъ къ сыну въ Абастуманъ и беретъ тебя съ собой.

— Тетечка, милая!

Вѣра Аркадьевна неожиданно вскочила. Она обнимала тетю Аню, она душила ее въ своихъ объятьяхъ, она и смѣялась, и плакала.

— Нѣтъ, ты совсѣмъ сумасшедшая! — отмахивалась тетя Аня. — Свалишь меня. Лечить тебя надо!

Въ эту ночь Ольская не сомкнула глазъ. Каждый нервъ ея дрожалъ отъ волненія. Въ Абастуманъ! Къ нему! Сама

судьба толкаетъ ее къ Артемовскому. О, ея неожиданный пріѣздъ разгадаетъ загадку. Первая встрѣча ей *все* скажетъ.

И тревожно, и сладко сжималось ея сердце. Мечта уносила ее въ далекое невѣдомое горное ущелье. Но почему въ самой глубинѣ ея взволнованнаго сердца глухо постукивалъ молоточекъ злого предчувствія?

XV.

Почему мнѣ такъ грустно? Почему мнѣ порою до боли хочется одиночества? Даже присутствіе Алексѣя тяготитъ меня? Весна близится. Здоровье мое крѣпнетъ. Я уже могу «надѣяться». Почему же эта тоска безпричинная. Прежде, въ минуты слабости и отчаянья я искалъ опоры въ молитвѣ. Теперь молитва ускользаетъ отъ меня. Или я, забывшій свои чистыя грезы, незамѣтно погружаюсь въ грѣховную жизнь? Болѣзнь оторвала меня отъ научныхъ занятій. Это тяжело, но я покоряюсь. Прежде надо вернуть физическія силы. И вотъ я работаю лопатой до усталости. Мы рѣшили прокопать дорожку до вершины горы и назвали ее «морской». Теперь наша «морская дорожка» подходитъ къ концу. На вершинѣ я поставлю послѣднюю скамью. И когда-нибудь, черезъ много лѣтъ, путешественники, любуясь чуднымъ видомъ, вспомнятъ Георгія. Или это единственная память, которую я оставлю по себѣ? Нѣтъ — нѣтъ! Я еще хочу жить, учиться, работать. Мои силишки еще пригодятся родной Россіи. Если-бы я могъ свою родину сдѣлать счастливой!

(Изъ дневника Георгія.)

— Что это ты киснешь, Георгій? Смотри, какой чудесный день! Ждалъ весны, а теперь прячешься въ комнатѣ и строчишь что-то таинственное.

Жизнерадостный Хельстремъ, какъ весенняя благоухающая струя, ворвался въ кабинетъ Георгія. Его высочество смущенно и торопливо спряталъ толстую исписанную тетрадь въ ящикъ стола.

— Я не такой поклонникъ природы, какъ ты, Георгій, и то наслаждаюсь весной. Нашимъ садомъ мы проберемся до

дальней рощи. Я знаю, ты не любишь «праздныхъ наблюдателей». Но у родника «Мировой любви» мы никого не встрѣтимъ. А тамъ сейчасъ все цвѣтетъ и благоухаетъ. Пойдемъ.

Великій князь неохотно взялся за фуражку, онъ покорился, ему не хотѣлось огорчать своего любимца.

Прошли дворцовый садъ и медленно пробирались лѣсной чащей къ роднику «Любви».

Дождливая недѣля обновила природу. Горный воздухъ легкой струей проникалъ въ грудь. Глазъ отдыхалъ на яркой зелени бархатистой травы. Густую чащу лѣса разсѣкала крохотная тропинка.

— Думаю, что теперь ты доволенъ прогулкой, Георгій? Ты сразу оживился и порозовѣлъ.

— Я вѣдь не протестовалъ, Альфонсъ. А у тебя праздничный видъ. Вѣроятно, всѣ твои дѣла великолѣпны.

— О, нѣтъ! Это только мое обычное легкомысліе! На сердцѣ — не важно. Вотъ и весна пришла и громко зоветъ все живущее къ счастью, къ любви... а я... Ахъ, Георгій, бѣлая амазонка неуловима. То не было возможности застать ее дома, а теперь совсѣмъ исчезла. Ея лукавая горничная увѣряетъ, что она уѣхала въ Уравель.

— И въ церкви ее не видно, вѣроятно уѣхала — задумчиво проговорилъ Георгій.

— Меня это огорчаетъ, Георгій, вѣдь я не на шутку увлеченъ. А тутъ еще генеральша Мицкая собирается въ Абастуманъ. Ты представляешь себѣ, какъ мнѣ будетъ весело клясться ей теперь въ любви!

— Зачѣмъ-же? — наивно возразилъ царевичъ. — Вѣдь тебѣ нравится другая.

— Безумно! Но ты не знаешь женщинъ, мой милый Георгій. Генеральша Мицкая откуситъ мнѣ голову, если я скажу ей правду. Она не остановится ни передъ какимъ скандаломъ. Женщины дьявольски ревнивы и требуютъ вѣчной любви. О! — неожиданно разсмѣялся Хельстремъ — у каждой розы свои шипы, а путь Донъ-Жуана часто тернистый путь!

— Тише!

Царевичъ крѣпко сжалъ руку адъютанта. Голубые глаза Хельстрема устремились за пристальнымъ взглядомъ Георгія. Красивая картина!

Сквозь зеленую гирлянду деревьевъ, надъ бархатистой лужайкой, виднѣлся клочекъ неба. Серебристое облако плыло по голубому эфиру, какъ легкій вуаль и разворачивалось причудливою лентой. Козій Аистъ разцвѣлъ душистыми желто-розовыми букетами. Подъ его тѣнью тихо журчалъ «родникъ любви». На пестромъ ложѣ безпощадно сорванныхъ цвѣтовъ выдѣлялся гибкій, стройный женскій силуэтъ, въ живописныхъ складкахъ бѣлой одежды. Лучи солнца, прорываясь сквозь молодую листву, золотятъ запрокинутую женскую головку, встрѣчаются съ золотомъ глазъ, погруженныхъ въ далекую мечту.

Слабая рука Георгія не могла удержать Хельстрема.

— Я очень извиняюсь, княгиня...

Рокотова рѣзко поднялась и разсыпались ландыши, ласково покоившіеся на ея груди.

— Какъ вы меня испугали, Альфонсъ Леонардовичъ!

— Погруженная въ мечты, вы не слышали шаговъ, княгиня.

Хельстремъ улыбался, но что-то грустное таилось въ глубинѣ его глазъ. Или это только казалось Марѣ? Она нахмурилась.

— Ненавижу, когда...

— Я не одинъ, княгиня! — быстро остановилъ ее Хельстремъ.

Она невольно обернулась и ярко вспыхнула. Такъ близко, въ двухъ-трехъ шагахъ отъ нея стоялъ царевичъ! Глаза его были опущены, смущеніе такъ ясно отражалось на его лицѣ.

— Позвольте вамъ, ваше высочество, представить княгиню Рокотову — церемонно проговорилъ Хельстремъ.

Мара уже встала. Она стояла противъ Георгія. Какъ крѣпко пожала она робко протянутую руку царевича.

— Я съ вами уже давно, давно знакома, ваше высочество.

Быстрый удивленный взглядъ синихъ глазъ.

— Я съ вами, но не вы со мной, ваше высочество.

— Можетъ быть, вы не такъ ужъ сердиты, княгиня, на насъ, потревожившихъ ваши мечты... и разскажете мнѣ объ этомъ вашемъ загадочномъ знакомствѣ со мной?

Тихій голосъ. Надо прислушиваться къ нему, какъ къ шелесту вѣтра.

— Но вѣдь мы не будемъ такъ стоять, какъ наказанные ученики? Надѣюсь, княгиня вернется на свое душистое ложе, а мы, ваше высочество, устроимся на этомъ сломанномъ сукѣ. Ничего лучшаго я не могу предложить царевичу.

— A la guerre, comme à la guerre! — разсмѣялась Мара, вновь располагаясь на своемъ импровизированномъ ложѣ.

— А меня ваши домашніе увѣрили, что вы покинули Абастуманъ.

Хельстремъ красиво изогнулся на деревѣ.

— Таковъ былъ мой приказъ — улыбнулась Мара. — Я же вамъ говорила, что ищу тишины и уединенія.

— Хельстремъ, вы отвлекаете княгиню, она обѣщала намъ...

— Ахъ, да, ваше высочество, мое знакомство съ вами... Это было давно-давно. Лѣтъ семь-восемь тому назадъ. Я была тогда маленькой институткой, второклассницей; я воспитывалась въ Тифлисѣ. Императорская семья проѣзжала по Кавказу и, конечно, прежде всего заглянула въ столицу Грузіи. Какъ мы были счастливы, когда узнали, что царь и царица посѣтятъ нашъ институтъ. Какъ мы готовились! Спѣвались, плели гирлянды, связывали букеты. Наконецъ, насталъ желанный часъ! Сотни дѣтскихъ голосовъ въ экстазѣ пѣли: «Боже царя храни». Этихъ минутъ не забыть! И вотъ вся царская семья шествуетъ по гладкому асфальту нашего институтскаго двора. Впервые я увидѣла васъ, ваше высочество. Юный-юный! Вамъ было тогда лѣтъ 17! Такой стройный, блестящій. Широкая голубая лента черезъ плечо. Такой цвѣтущій!

— Я былъ тогда здоровъ! — печально проронилъ царевичъ.

— О, вы и теперь цвѣтете! — быстро оправилась Мара. — Трудно даже подумать, что вы хворали.

— И это все наше знакомство?

— О, нѣтъ! Главное впереди. Вечеромъ намъ, институткамъ, раздавали коробки конфетъ съ царскими портретами. И я получила тогда коробку... съ вашимъ портретомъ. Подумайте, ваше высочество, только одинъ вашъ портретъ на весь институтъ и я его получила. Всѣ мнѣ завидовали. Я бережно спрятала вашъ портретъ. Онъ и теперь хранится у меня. Тогда моему дѣтскому воображенію

это казалось предзнаменованіемъ. Думалось, можетъ быть, когда-нибудь придется васъ спасать или служить вамъ. Я часто рисовала васъ себѣ въ дѣтскихъ грезахъ. И вотъ, черезъ столько лѣтъ, я все-таки встрѣтилась съ вами!

— Да, это странно — подтвердилъ Георгій. — Но и я съ вами познакомился *не сегодня.*

— Когда-же?

— Еще зимой — въ церкви. Вы такъ горячо молились. Я вамъ завидовалъ... Я прежде умѣлъ такъ молиться.

Онъ какъ-то сразу умолкъ и Мара не рѣшилась разспрашивать. Долгое молчаніе коробило Хельстрема, но въ присутствіи Мары онъ терялъ свою развязность.

— Это вашъ любимый уголокъ, княгиня? — скромно спросилъ онъ.

— Тутъ всякій уголокъ — мой любимый. Я здѣсь росла. Здѣсь пробуждались мои грезы. Здѣсь властно царила моя «свобода».

— Мы всѣ сегодня грустно настроены.

— Я просто испугана.

— Нами? — вспыхнулъ царевичъ.

— О нѣтъ! — докторомъ вашего высочества. Я его боюсь и избѣгаю. И вотъ сегодня вышла изъ дома, наслаждаюсь весной, прыгаю по скаламъ, какъ дѣвчонка и вдругъ... докторъ Поровъ! Я спряталась за деревья, притаилась, не дышу. Онъ прошелъ мимо меня такъ близко. Злой, озабоченный. Когда, наконецъ, скрылась его крупная фигура, я выскользнула изъ засады и быстро-быстро понеслась въ противоположную сторону. Кажется, никогда я такъ быстро не летала!

Георгій разсмѣялся.

«Какой это милый, дѣтскій смѣхъ» — подумала Мара и внимательно взглянула на царевича. Глаза ихъ встрѣтились на мгновенье и онъ, смущенный, потупился.

— Зачѣмъ вы прячете ваши глаза — бездонные и синіе, какъ океанъ? Ну вотъ! Вы совсѣмъ залились пурпуромъ. Не буду, не буду! Не сердитесь на своевольную дикарку и не судите меня строго. Я придворныхъ тонкостей не изучала. Однако... пора и домой. Лишь-бы опять не наскочить на какого-нибудь «звѣря»... — вродѣ доктора его высочества.

— Подъ моимъ конвоемъ! — предложилъ Хельстремъ.

— Не забудьте и меня. Я болѣе надежный конвой — тихо проронилъ Георгій.

— Великолѣпно. Подъ такой охраной я въ безопасности. И все-таки я проведу васъ полузаросшей тропой.

Шли за Марой. Она шутила, обламывала сухія вѣтки, сбрасывала камни.

— И вы опять скроетесь, опять будете неуловимы?

— Неуловима и неумолима. Удаляюсь въ свою пустыню.

— Но, можетъ быть, вы позволите скромному послушнику навѣстить васъ въ вашей пустынѣ? застѣнчиво спросилъ Георгій.

— Не могу сказать, чтобы вы были краснорѣчивы, ваше высочество — улыбнулась Мара — но въ васъ чувствуется внутренняя сила, которая побѣждаетъ мое упорство.

— Искренность! — подсказалъ онъ.

— Пожалуй. Во всякомъ случаѣ я побѣждена и разрѣшаю вамъ навѣстить меня въ моей пустынѣ. Назначьте день и часъ.

— Завтра. Въ 9 вечера.

— Отлично. Жду васъ завтра... на чашку... меда. Вѣдь въ пустынѣ питаются медомъ — пошутила Мара. — Ровно въ 9 часовъ вы подойдете къ калиткѣ моего сада. Господинъ адъютантъ укажетъ вамъ дорогу, онъ отлично изучилъ ее. У калитки васъ встрѣтитъ Катя! Пароль: «пустыня». Вы добровольно завяжете глаза и Катя проведетъ васъ въ пустыню.

— Условія приняты! — улыбнулся царевичъ.

— Отлично. А вотъ и моя дача виднѣется внизу. До завтра! «Конвой» уже мнѣ не нуженъ.

Мара перепрыгнула черезъ камень и по пригорку спустилась по каменной лѣстницѣ. Еще разъ на шоссе мелькнуло ея свѣтлое платье и исчезло.

— Очаровательна! Неправда-ли, Георгій? Ради нея, пожалуй, многимъ можно рискнуть.

Они медленно шли ко дворцу. Георгій не отвѣтилъ на вопросъ Хельстрема.

Выслушавъ вечерній докладъ о здоровьи его высочества и о «настроеніяхъ» во дворцѣ, графъ Олтуфьевъ небрежно спросилъ доктора Порова:

— Докторъ, посвящены-ли вы въ грандіозные планы нашихъ дамъ? Онѣ рѣшили торжественнымъ пикникомъ встрѣтить весну.

— Кое-что слышалъ, ваше сіятельство.

— По просьбѣ принца Ольденбургскаго, генеральша Рубанъ будетъ хозяйкой. Помогите ей, вы меня этимъ обяжете.

Что-то вродѣ благосклонной улыбки скользнуло по лицу графа.

— Весь къ услугамъ вашего сіятельства! — склонился докторъ.

— И...

Графъ остановился какъ-бы въ нерѣшимости и закурилъ сигару.

— Что прикажете, ваше сіятельство?

— Можно было-бы пригласить нѣсколькихъ дамъ... съ мужьями... женъ офицеровъ... и еще кого-нибудь. Пикникъ — это вѣдь не въ стѣнахъ дворца.

— Можно было-бы пригласить княгиню Рокотову. Эта молодая особа, кажется, ведетъ себя примѣрно. Она не скомпрометируетъ нашихъ дамъ.

Чуть уловимая насмѣшка звенѣла въ монотонномъ голосѣ графа.

— Я думаю! — въ тонъ повелителю отвѣтилъ докторъ. — Только эта княгиня Рокотова, правда, очень милая, но большая чудачка. Тогда мнѣ удалось познакомиться съ нею въ домикѣ лѣсничаго, а потомъ она скрылась. Нѣсколько разъ я заходилъ къ ней и оставлялъ визитныя карточки. Я не могъ застать ее дома. Какіе-то аргусы ее стерегутъ. А теперь аргусы увѣряютъ, что княгиня Рокотова покинула Абастуманъ, что всю весну она проведетъ въ Уравели.

Докторъ слѣдилъ за графомъ. Досада промелькнула по надменному лицу и смѣнилась холодной скукой.

— Уравель не такъ далеко — равнодушно проронилъ онъ — можно было-бы послать приглашеніе. Я думаю, что эта дѣвочка откликнется. Все-таки приглашеніе ко двору — почетно и лестно.

— Кажется, блескъ двора не особенно привлекаетъ эту даму, ваше сіятельство.

Злобные огоньки блеснули въ глазахъ графа.

— Вамъ это только кажется, докторъ.

— Конечно, ваше сіятельство, это потому, что она еще не вкусила сладкой отравы.

Графъ потушилъ сигару и устало откинулся на спинку кресла.

— Мы слишкомъ много удѣляемъ времени этому глупому празднику весны. Дѣлайте, какъ знаете. Возьмите себѣ въ помощники Хельстрема.

— О, бѣдный Донъ-Жуанъ, кажется, на сей разъ терпитъ пораженіе — врядъ-ли онъ видитъ княгиню Рокотову чаще, чѣмъ я.

— Довольно! Не повторяйтесь, докторъ. У меня найдутся дѣла посерьезнѣе вашихъ забавъ.

Явное раздраженіе звучало въ голосѣ повелителя. Докторъ поспѣшилъ ретироваться.

Графъ даже не взглянулъ на свои дѣловыя бумаги. Онъ медленно поднялся и, тяжело ступая, подошелъ къ окну. Въ кабинетѣ было душно. Онъ слишкомъ много курилъ сегодня.

Нетерпѣливая рука распахнула окно. Свѣжій воздухъ ранней весны могучей волной ударилъ ему въ голову. Было что-то сладкое и ядовитое въ смѣшанномъ ароматѣ цвѣтовъ. Прерывистое дыханіе поглощало этотъ сладкій ядъ и голова повелителя кружилась. Думы рисовали образы и картины и они свѣтлыми видѣніями выступали въ глубокомъ сумракѣ беззвѣздной ночи...

Графъ видѣлъ себя на краю гибели — между отвѣсными скалами и кручей. Испуганныя лошади, растерявшіеся слуги и самъ онъ, скованный тяжелымъ плэдомъ и шубой, въ своей коляскѣ. И близко-близко — бѣлая амазонка на серебристомъ конѣ, юное, прекрасное созданіе, спасавшее его — рискомъ собственной расцвѣтающей жизни. Гордо пронесся мимо коляски бѣлый силуэтъ и увлекъ на путь мечты холодную, старѣющую голову.

Мечта воскресла въ церкви. Бѣлое видѣніе, колѣнопреклоненное передъ образомъ. Поблѣднѣвшее лицо въ слезахъ, золотые глаза въ огнѣ экстаза...

И потомъ въ легкомъ шарабанѣ пронеслась она мимо его экипажа и ни единымъ взглядомъ не подарила гордаго повелителя.

А за этими поздними мечтами пробуждались далекія, далекія воспоминанія. Тѣ дни, когда, очерствѣлое теперь,

сердце горѣло святымъ огнемъ первой любви и готово было на самопожертвованіе. Но та, которую онъ любилъ, поднялась еще выше. Она не приняла жертвы, она свою молодую прекрасную жизнь посвятила Богу. И онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ монастырскомъ храмѣ, издали. Колѣнопреклоненная, она молилась. По блѣдному лицу ея струились слезы, глаза сіяли огнемъ экстаза.

«Она спасла тебя отъ гибели!» — тогда сказалъ его отецъ — гордый, знатный, очерствѣлый вельможа.

Графъ съ силой захлопнулъ окно и вернулся къ своему креслу.

Неудовлетворенное желаніе наполняетъ бредомъ его голову. Надо сорвать цвѣтокъ и... растоптать его.

Онъ пододвинулъ телеграфные бланки и взялся за перо. Надо писать телеграфный докладъ ея величеству. Круглыя, ровныя буквы потеряли свою обычную твердость. Рука повелителя еще дрожала.

Артемовскій, блѣдный и словно усталый, докуривалъ послѣобѣденную сигару въ кабинетѣ своего высочайшаго друга.

— Ты мнѣ не нравишься, Алексѣй. Почему ты не посовѣтуешься съ докторомъ? Ты таешь на моихъ глазахъ. Кажется, мнѣ самому придется тебя гнать изъ Абастумана въ Ниццу.

Тѣнь волненія пробѣжала по лицу Артемовскаго.

— Не гони. Все равно я не поѣду, Георгій. Тамъ скоро начнется адская жара, а тутъ — цвѣтущее лѣто. Перемѣна была-бы не веселая. Что касается твоего доктора, то я его терпѣть не могу. Найду себѣ другого, если будетъ плохо. Ты преувеличиваешь, Георгій.

— Я не могу разгадать твою душевную тайну, но...

Ласково, но твердо рука Артемовскаго опустилась на руку Георгія.

— Оставимъ это. Лучше ты скажи, Георгій, почему ты такъ часто смотришь сегодня на часы?

Царевичъ отдернулъ руку и что-то усердно разыскивалъ на столѣ.

— Я жду Хельстрема. Мы затѣяли маленькую прогулку. Боюсь, какъ-бы онъ не опоздалъ. Вѣдь къ 11 надо вернуться.

— Вечерняя прогулка съ Хельстремомъ? — это что-то новое. О, Георгій!

— Алексѣй! — вспыхнулъ царевичъ.

— Я смутилъ и оскорбилъ тебя своими подозрѣніями, какое ты еще дитя, Георгій. Прости своего блуднаго друга.

Царевичъ не смотрѣлъ на Артемовскаго. За дверью слышался веселый голосъ Хельстрема. Георгій заволновался и всталъ.

— Ты меня извини, Алексѣй.

— Пожалуйста. Посвящу сегодняшній вечеръ письмамъ. Давно уже не отвѣчалъ своимъ старымъ родителямъ. Все какъ-то неможется. Одѣнься потеплѣе, Георгій.

За дверью царевичъ столкнулся съ Хельстремомъ.

— Намъ пора. Только осторожнѣе, Альфонсъ, чтобы насъ не прослѣдили. Въ моемъ дворцѣ такъ много любопытныхъ.

— Особенно докторъ и Бойсманъ — эти очаровательные шпіоны графа. Самое лучшее пошли Бойсмана съ какимъ-нибудь порученіемъ къ доктору.

— Но Бойсманъ удивится — я никогда не даю ему порученій.

— Чортъ съ нимъ, пусть удивляется, лишь-бы не выслѣживалъ! — безпечно улыбнулся Хельстремъ.

Хельстремъ остановился у калитки.

— Здѣсь? — волнуясь спросилъ царевичъ.

— Здѣсь — спокойно отвѣтилъ адъютантъ. Или онъ лучше владѣлъ собою, чѣмъ Георгій?

У калитки уже стояла высокая брюнетка въ кокетливомъ передникѣ и кружевной наколкѣ.

— Катя, вы?

— Я, господинъ Хельстремъ.

На ея смугломъ миловидномъ лицѣ лукаво блестѣли темные глаза.

— Пароль? — спросила она, еле удерживаясь отъ смѣха.

— Пустыня! — важно отвѣтилъ Хельстремъ.

— Завяжите глаза и я васъ проведу.

Опираясь на руку Кати, смѣясь и спотыкаясь, они пошли.

— Еще три ступени. Теперь дверь направо. Остановитесь.

Катя постучала.

— Пароль? — вопрошалъ смѣющійся голосъ Мары.

— Пустыня! — не вытерпѣвъ, расхохоталась Катя.

Завѣтная дверь распахнулась.

— Снимите повязки, дорогіе гости.

Освобожденные глаза съ любопытствомъ перебѣгали съ предмета на предметъ. Обширный бѣлый салонъ, старомодная мягкая мебель, старый рояль, готическія окна, плотно затянутыя тяжелыя драпри... и много-много цвѣтовъ. Фіалки, ландыши, жасминъ и тутъ же роскошныя блѣдныя розы царскихъ оранжерей, присланныя Хельстремомъ.

Дверь въ сосѣднюю столовую широко раскрыта. Тамъ длинный столъ сверкаетъ бѣлоснѣжной скатертью и сервировкой, щеголяетъ обиліемъ домашнихъ печеній и вареній, весело шумитъ самоваръ. И навстрѣчу дорогимъ гостямъ поднимается молодая хозяйка. Простое бѣлое платьице, широкій кушакъ перехватываетъ гибкую талію. Волосы сплетены въ двѣ тяжелыя косы. Съ тоненькой шеи на полудѣтскую грудь спадаетъ большой золотой крестъ на черной бархаткѣ. Въ этой красивой простотѣ такъ много желанія быть «не какъ всѣ». Ею любуются и она это чувствуетъ и особенно ярко соритъ золото ея глазъ.

— Мы не опоздали, княгиня?

— О, ваше высочество, ни на одну минуту. Но развѣ я не сумѣла-бы васъ ждать? А теперь прошу въ нашу скромную столовую, прямо къ столу. Бокалъ холоднаго крюшона замѣнитъ обѣщанный мною медъ. Мамы нѣтъ дома и я ее замѣняю. Я не особенно хорошая хозяйка, но буду очень и очень стараться.

— Разрѣшите вамъ помочь?

И Хельстремъ долгимъ поцѣлуемъ прильнулъ къ маленькой ручкѣ. Теплое нѣжное прикосновеніе душистыхъ мягкихъ устъ — и Мара не отняла руки.

— Вы только будете мнѣ мѣшать, Альфонсъ Леонардовичъ. Впрочемъ — лукаво улыбнулась она — на разнообразномъ пути Донъ-Жуана встрѣчались и хорошія хозяйки, конечно. Можетъ быть, любя, давали и уроки? Какъ вы думаете, ваше высочество?

— О, конечно, дамы всему уже обучили моего Хельстрема! Онъ даже вышиваетъ и вяжетъ.

— Вы плохой другъ, ваше высочество, вы стараетесь меня унизить въ глазахъ княгини.

— Знанія, каковы бы они ни были, не унижаютъ, а возвышаютъ — наставительно сказала Мара. — А теперь... будьте искренни: нравится-ли вамъ моя пустыня?

— Въ такой пустынѣ и съ такой пустынницей — сіяя, проговорилъ Хельстремъ — я бы готовъ былъ провести всю свою жизнь, до могилы.

— О, если эта жизнь будетъ долгой, а ваше здоровье въ этомъ не оставляетъ сомнѣній, то вспомните «Руслана»: я превращусь въ страшную старушонку, à la Наина. Всѣ эти чудесные цвѣты истлѣютъ. Комнаты покосятся, покроются паутиной, пылью, а я... улыбаясь беззубымъ ртомъ, костлявыми пальцами вопьюсь въ вашу руку и буду хрипѣть: «я не пущу васъ, вы останетесь со мною до могилы».

— Не веселая картина и у васъ уже удрученный видъ, мой адъютантъ! — разсмѣялся Георгій. — Однако вы — фантазерка, княгиня!

— Безмѣрная! Закажите мнѣ сказку. Чарующую или страшную?

— Конечно, чарующую.

— Я разскажу ее когда-нибудь вамъ, ваше высочество, ибо Альфонса Леонардовича врядъ-ли заинтересуешь сказкой.

— Я буду наслаждаться мелодіей вашего голоса — любезно сказалъ адъютантъ.

— Комплименты — ваша сфера. Лучше скушайте кусочекъ сладкаго пирога. Мама удивительная мастерица и все это очень вкусно.

— Замѣчательно! — одобрилъ Георгій. — Наши повара такъ не сумѣютъ.

— Мама будетъ польщена.

— Итакъ, ваше уединеніе вы посвящаете домашнимъ пирогамъ.

— Вы хотите меня уколоть, Альфонсъ Леонардовичъ? Не удастся! Въ уединеніи я читаю, изучаю науки. Я такъ рано вышла замужъ и теперь лихорадочно стараюсь пополнить пробѣлы въ своемъ образованіи. Не заглядывайте на нижнюю этажерку; вы испугаетесь, тамъ все такія скучныя книги — наука и философія. А вы вѣдь любите легкую жизнь — жизнь наслажденій.

— Вы угадали — безпечно заявилъ адъютантъ — не читаю книгъ и, вѣроятно, потому не выношу уединенія.

— Люблю откровенность — улыбнулась Мара.

— Но, вѣдь, не весь-же день вы за книгами?

— О, конечно! музыка, книги, прогулка, природа и... мечты о прошломъ.

— Развѣ вы уже такъ стары? Живете прошлымъ?

— Девятнадцатый — гордо отвѣтила Мара.

— О, какой я старикъ въ сравненіи съ вами; мнѣ двадцать четвертый. Въ ваши годы, право, еще не все потеряно.

Мара, молча, пожала плечами и легкое облачко грусти набѣжало на золото ея глазъ.

— Вотъ только заговорили о книгахъ и уже хмуритесь — взволновался Хельстремъ. — Лучше бросьте, а то еще серьезные разговоры доведутъ до слезъ. Берите жизнь такою, какою она дается. Молодость для наслажденій. Все скучное оставьте старости.

— Гдѣ наслажденіе? — тихо спросила Мара.

— Въ любви, въ нѣжной ласкѣ, въ бѣшеной страсти, — не задумываясь отвѣтилъ адъютантъ.

— Я не любила, не знаю — еще тише сказала Мара.

Георгій быстро взглянулъ на нее.

— Вы удивлены, ваше высочество? Вы знаете, что я замужемъ. Это тяжелое недоразумѣніе, но я покорно несу свои цѣпи. Тутъ — маленькая передышка среди волшебныхъ грезъ прошлаго, гдѣ каждый цвѣточекъ, каждый камушекъ — памятникъ моей свободы. Мы въ Россіи, ваше высочество. Здѣсь разводы трудны; власть мужа сильна и общество всегда на его сторонѣ. Однако, все это скучно. Альфонсъ Леонардовичъ правъ. Еще по бокалу крюшона и станетъ веселѣй. Не правда-ли?

Мара повернулась къ Хельстрему; легкой бравадой звучалъ ея вопросъ.

— Правильно! Когда нѣтъ любви, то хмѣль ея суррогатъ.

— Не вздумайте читать намъ лекцію о любви и ея суррогатахъ?

— Не посмѣю, княгиня.

Георгій взглянулъ на часы.

— Мы неосторожны; пустыня насъ увлекла; уже безъ двадцати одиннадцать.

Онъ торопливо поднялся.

Засуетился и Хельстремъ.

— Охъ! и боитесь-же вы вашего графа! — разсмѣялась Мара.

— Подчиняемся лечебному режиму! — съ оттѣнкомъ комизма заявилъ Хельстремъ. — Подождите, страшный графъ еще нагрянетъ въ вашу пустыню.

— Не пророчьте!

— Кажется, ему доставляетъ большое удовольствіе считать васъ своей спасительницей; по крайней мѣрѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ онъ твердитъ объ этомъ.

— Хельстремъ! уже безъ четверти.

— Завязывайте глаза. Катя пропала; я сама проведу васъ къ калиткѣ.

— Мы готовы, ваше сіятельство.

Повязки на глазахъ и опять шутливое настроеніе. Идутъ, спотыкаются, удерживаются за руку Мары.

— Милый, милый вечеръ! — тихо роняетъ Георгій. — Я благодаренъ вамъ за него, княгиня. Когда же вы намъ разрѣшите вновь побывать въ чудесной пустынѣ?

— Я всегда вамъ буду рада, ваше высочество.

— Ловлю васъ на словѣ. Сегодня вторникъ, ждите насъ въ четвергъ, опять въ девять вечера.

— Медъ уже будетъ на столѣ, ваше высочество.

— И — вставилъ Хельстремъ — скучныя книги будутъ сожжены ради веселья.

— Только спрятаны, Альфонсъ Леонардовичъ. Мы уже у калитки. Снимите повязки.

Георгій неловко пожалъ руку Мары и торопливо пошелъ впередъ. Хельстремъ, напротивъ, приникъ долгимъ поцѣлуемъ къ этой маленькой рукѣ. Можетъ быть, ему казалось, что пріятная дрожь, пробѣгавшая по его тѣлу, передавалась и Марѣ? Силуэты гостей уже скрылись, а Мара еще долго стояла у калитки. Въ темномъ небѣ, какъ далекія искры, поблескивали звѣзды. Садъ былъ напоенъ ароматомъ жасмина. Въ кустахъ блестѣли свѣтлячки и часто-часто мелькали волшебными огоньками.

Жизнь и сонъ. Какъ провести границу? Сны, самые сладостные и самые страшные, развѣ не осуществляются въ жизни? А правда жизни развѣ часто, о какъ часто, не прорывается въ наши сны?

Царевичъ, о которомъ мечтала Мара въ дни своего дѣтства, какъ о сказочномъ видѣніи, царевичъ былъ въ ея домѣ. Онъ говорилъ съ нею; такъ тихо и ласково. Его рука касалась ея руки. Въ синевѣ его глазъ тонулъ ея взоръ. И уйдетъ этотъ сонъ изъ ея жизни, скоро уйдетъ. Высота золотого царскаго трона такъ недостижима. Въ дни ея дѣтства царская сказка промелькнула по широкому асфальту институтскаго двора.

Юный Георгій тогда завладѣлъ ея дѣтскими грезами. Какъ святыню она хранила его портретъ. Въ мечтахъ своихъ она и спасала его, и служила ему, и молилась за него. Годы унесли ея дѣтскія грезы. Царевичъ былъ забытъ. Даже извѣстіе о его болѣзни и неожиданный его переѣздъ въ Абастуманъ не встревожили Мару. Личная жизнь тогда захватывала ее. Даже здѣсь, только теперь она вспомнила милое прошлое, когда снова заглянула въ синеву робкихъ глазъ. И какъ ярко вспомнила!

— Я зналъ, что вы еще здѣсь, я это чувствовалъ.

Ласковый голосъ прозвучалъ такъ тихо и такъ близко.

Мара подняла голову. Хельстремъ! Въ темнотѣ вырисовывался его стройный силуэтъ.

— Я благополучно довелъ его высочество до двери его спальни. Но въ своей комнатѣ я пробылъ не болѣе минуты. Я не могъ. Эта ночь сильнѣе меня.

— Кажется, каждая ночь сильнѣе васъ! — усмѣхнулась Мара.

— Меня ли одного? И вы во власти этой ночи. Мечта еще трепещетъ въ вашихъ глазахъ.

— Мечта! — задумчиво повторила Мара. — Вы правы. Золотая мечта. Какъ начало волшебной сказки мелькнула она въ моемъ дѣтствѣ и оборвалась. Теперь...

Мара остановилась.

— Продолженіе? — прищурился Хельстремъ.

— Можетъ быть. Вы слишкомъ любопытны, а путь сказки — скользкій путь. Итакъ, вы опять бродите ночью. И опять, вѣроятно, выпрыгнули изъ окна, какъ гимназистъ.

— Вамъ весело, а мнѣ... мнѣ грустно... Мы помѣнялись ролями.

— Вашей грусти я не вѣрю.

— Меня оклеветали въ вашихъ глазахъ. Веселый нравъ это не легкомысліе. Я только поклонникъ всего прекраснаго въ высшемъ смыслѣ, а ко мнѣ пристегнули славу Донъ-Жуана. Я не хотѣлъ бы, чтобы вы этому вѣрили.

— Если это доставитъ вамъ удовольствіе, могу и не вѣрить и этимъ закончимъ нашу ночную бесѣду.

— Не спѣшите, княгиня!

Мольба звучала въ красивомъ голосѣ адъютанта. Что это съ нимъ? Откуда эта небывалая робость? Съ другими смѣлый до наглости, въ присутствіи этой дѣвочки онъ теряется, словно сила какая-то въ яркомъ золотѣ ея глазъ.

И Мара невольно остановилась. Изящный царедворецъ — онъ былъ частицей волшебной сказки, вновь развернувшейся въ ея жизни, вновь чаровавшей ея воображеніе. И въ этой темной ночи было что-то сильнѣе человѣческой воли...

— Вы, кажется, опять собираетесь увѣрять меня въ своей добродѣтели?

— Я готовъ говорить о чемъ угодно, лишь бы удержать васъ здѣсь. Что-то странное, самому мнѣ не понятное захватило меня. Самъ себя не узнаю. Любуюсь вами, не отрывая глазъ и это мнѣ кажется высшимъ счастіемъ.

Онъ умолкъ. Казалось, дыханіе перехватило его взволнованную рѣчь. Откровеннымъ восторгомъ сіяли его глаза, но вотъ ихъ небесная лазурь подернулась облакомъ грусти.

— О комъ вы только что мечтали? — настойчиво спросилъ онъ.

— О жизни и снахъ — загадочно отвѣтила Мара. — Этотъ вечеръ въ пустынѣ, эта ночь, кроткій царевичъ и его шаловливый адъютантъ, наконецъ, моя свобода — все это *сонъ*. Настанетъ пробужденіе. Вернется *жизнь*. Исчезнетъ все, что дарилъ мнѣ волшебный сонъ. Я вернусь въ уѣздный городокъ и затрепещетъ душа моя, какъ бабочка въ осиномъ гнѣздѣ. А теперь...

Мара подавила вздохъ и шаловливо тряхнула головкой.

— Сонъ — такъ сонъ! Поживу хоть во снѣ. А вы? — вдругъ повернулась она къ Хельстрему. — Чего вы такъ уставились на меня?

— Наблюдаю — восторженно отвѣтилъ онъ — ваше лицо такъ мѣняется. Каждая мысль, каждое настроеніе проносятся...

— То, какъ легкомысленныя, серебристыя облака, то какъ грозныя тучи по небу — смѣясь закончила Мара. — А все-таки пора спать. Не уговаривайте и не заговаривайте. Пора. Покойной ночи.

Она шаловливо протянула ему обѣ руки, глаза ея лукаво искрились, ласково улыбались.

— Покоряюсь — смиренно склонилъ Хельстремъ красивую голову.

Теплыя мягкія губы такъ нѣжно, такъ почтительно коснулись ея руки.

— Эта ночь сильнѣе меня — изъ темноты донесся его удаляющійся голосъ — но вы, княгиня, сильнѣе этой ночи!..

Мара еще долго стояла у калитки, не шевелясь, словно боялась неосторожнымъ движеніемъ развѣять волшебную сказку. Похолодѣвшія руки прижимала она къ горячему лицу и съ невольнымъ наслажденіемъ вдыхала странный и сильный ароматъ духовъ — слѣдъ поцѣлуя Хельстрема.

XVI.

Едва закончился обѣдъ, Гулакъ-Артемовскій незамѣтно проскользнулъ въ свою комнату. Онъ плотно притворилъ окно. Весенній вечеръ, свѣжій и прохладный давилъ его. И холодно и душно. Въ груди непонятная свинцовая тяжесть. Лежать вотъ такъ, неподвижно вытянувшись, думать и грезить, забыться въ грезахъ. Все то-же, все тѣ-же мечты. Лазурный берегъ, неумолчный говоръ моря; ароматъ цвѣтовъ, волшебное дыханіе южной ночи. И ручки любимой женщины — гибкія, нѣжныя, розовыя, какъ лепестки причудливаго цвѣтка, въ его дрожавшихъ рукахъ.

— Эта прогулка лучшая въ моей жизни — вздрагивая, звенѣлъ ея мелодичный голосъ.

Въ тотъ дивный мигъ онъ могъ-бы властно прижать къ груди любимую — это было-бы счастье! Пусть мимолетное! Вѣчнаго — нѣтъ! Вѣдь счастье, даже долгое, когда оно уже ушло, кажется исчезнувшимъ мгновеньемъ.

Что-то царапнуло въ горлѣ, болью отдалось въ груди. Онъ закашлялъ привычнымъ, сухимъ кашлемъ. Онъ боленъ. Конечно, онъ боленъ. Но не все-ли равно?!

Гдѣ-то она теперь, графиня Вѣра Аркадьевна Ольская? Кого манятъ ея великолѣпные глаза? Надъ кѣмъ смѣются ея капризныя губки? Изъ Ниццы теперь всѣ разъѣзжаются. Конечно, сначала — Парижъ, за нимъ — Виши, Довилль, Біарриць. Веселая, богатая, бездѣльная свѣтская волна переливается съ мѣста на мѣсто согласно модѣ. Ахъ, Вѣра Аркадьевна, не надоѣстъ ей это вѣчное пустое веселье?

— Но почему я не могу ее забыть? Почему? — Какъ тихій стонъ эти слова невольно сорвались съ устъ Артемовскаго и онъ вздрогнулъ, словно испуганный собственнымъ голосомъ, такимъ чужимъ и жалобнымъ по звуку.

— Ты отдыхаешь, Алексѣй? Тебѣ опять нездоровится?

Артемовскій быстро поднялся, напрягая силы. Онъ пододвинулъ кресло царевичу.

— Послѣобѣденная лѣнь, Георгій — небрежно сказалъ онъ. — Всѣ тамъ веселятся, я межъ ними чужой. Ты уже такъ увлекся шахматами, что я предпочелъ тебѣ не мѣшать. Добрая сигара и веселыя мечты — это вѣдь великолѣпно для пищеваренія.

Артемовскій бодрился.

— Мѣшковъ сегодня непобѣдимъ — признался Георгій — я проигралъ ему двѣ партіи подрядъ. Надоѣло. Скорѣйбы прошелъ сегодняшній вечеръ. Какъ странно, Алексѣй. Иногда такъ хочется жить, такъ хочется задержать каждое мгновенье жизни..., а иногда...

— Хотѣлось-бы, чтобы скорѣй промелькнули дни, недѣли, мѣсяцы? — горячо закончилъ Артемовскій мысль царевича.

Георгій быстро взглянулъ на друга. Онъ еще что-то хотѣлъ сказать, но остановился — вѣдь опять пришлось-бы напомнить-то, что Алексѣй старается забыть.

— Какъ твоя вчерашняя прогулка съ Хельстремомъ?

Чуть замѣтная улыбка промелькнула по лицу Георгія.

— Это моя маленькая тайна, не спрашивай.

А за дверью уже слышался веселый голосъ Хельстрема:

— Не здѣсь-ли вы запрятались?

— Входи, входи. Ты легокъ на поминѣ.

Хельстремъ вошелъ — улыбающійся, цвѣтущій, красивый. Эти двое, хрупкіе и блѣдные, могли позавидовать ему.

— Развѣ всѣ уже разошлись? — спросилъ Георгій.

— Напротивъ, тамъ веселятся. Генеральша Рубанъ съ дамами обсуждаетъ детали «Встрѣчи весны». Генеральша будетъ хозяйкой этого пикника и ей хочется создать что-то особенное. Уголокъ Ниццы въ горахъ Кавказа.

Натянутой улыбкой Артемовскій согналъ легкую тѣнь, вдругъ набѣжавшую на его черты.

— Какъ-же ты оставилъ дамъ? Не понимаю! Ты измѣняешь самому себѣ, Альфонсъ.

— Я слишкомъ хорошо изучилъ ихъ и, притомъ, я теперь весь во власти новыхъ чаръ. Ахъ, Артемовскій, иногда и темныя ночи бываютъ обворожительными! Иногда золото женскихъ глазъ ярче луны. Вы тутъ киснете оба, а я... я полонъ жизни. Мнѣ хотѣлось-бы пѣть, смѣяться, прыгать.

— Кто-же тебѣ мѣшаетъ, Альфонсъ? — усмѣхнулся Артемовскій. — Ты насъ позабавишь въ новой для тебя роли развеселившагося козленка. Пой и прыгай, а мы послушаемъ и поглядимъ.

— Твои ядовитыя стрѣлы сегодня пролетаютъ, не задѣвая меня. Я счастливъ — этимъ все сказано.

Георгій молчалъ, опустивъ голову. Онъ бросалъ короткіе быстрые взгляды на Хельстрема.

Въ дверь осторожно постучались и показалась широкая, добродушная физіономія капитана Мѣшкова.

— Хельстремъ здѣсь? Извиняюсь, ваше высочество, Хельстрему телеграмма.

— Навѣрное изъ Швеціи — безпечно рѣшилъ Хельстремъ, распечатывая телеграмму. — Спасибо, Николай Михайловичъ.

Хельстремъ у лампы читалъ телеграмму.

— Изъ Швеціи, кажется, шлютъ какіе-то необычайныя вѣсти! — не безъ сарказма проронилъ Артемовскій. — Что-то нашъ Донъ-Жуанъ дрожитъ и мгновенно потерялъ весь свой великолѣпный румянецъ.

— Тебѣ бы только подсмѣиваться! — голубые глаза Хельстрема сердито блеснули.

— Что-нибудь непріятное? — съ участіемъ спросилъ Георгій.

— Елена Мицкая торжественно возвѣщаетъ о своемъ пріѣздѣ. Я погибъ! Она отравитъ мое существованіе.

Артемовскій разсмѣялся. Хельстремъ молча поклонился царевичу и сердито вышелъ изъ комнаты.

— Ты всегда его дразнишь, Алексѣй.

— Онъ большой комикъ. Даже меня развеселилъ. Воображаю, какъ онъ себя будетъ чувствовать между двухъ огней. Вѣдь Мицкая — женщина очень рѣшительная. Я предвкушаю забавный водевиль.

Георгій хотѣлъ что-то возразить, но... промолчалъ.

Въ четвергъ, послѣ обѣда, царевичъ застѣнчиво подозвалъ Хельстрема.

— Среди твоихъ волненій, надѣюсь, ты не забылъ, Альфонсъ, что мы сегодня приглашены въ «пустыню»?

Краска сгустилась на лицѣ адъютанта.

— О, конечно, я не забылъ и двадцать Еленъ мнѣ не помѣшали-бы откликнуться на милое приглашеніе пустынницы, но... но я ее сегодня случайно встрѣтилъ и она... она просила отложить наше посѣщеніе. Ей нездоровится. Она назначитъ намъ другой вечеръ.

Великій князь пытливо смотрѣлъ на Хельстрема. Краска все сгущалась на лицѣ адъютанта.

Въ ночной темнотѣ громоздкимъ силуэтомъ выступаетъ старая дача. Освѣщена только квадратная веранда, затянутая парусиновыми занавѣсками. Тамъ, у самой лампы, на диванѣ полулежитъ молодая женщина. Лицо ея блѣдно. Крупныя черты его правильны, но рѣзки. Она нервно покусываетъ алыя, чувственныя губы. Ея большіе свѣтлые глаза сердито поблескиваютъ. Адъютантъ его высочества, Хельстремъ, заботливо оправляетъ подушки за ея спиной.

— Тебѣ такъ удобно, Леля?

Красивое лицо адъютанта, какъ всегда, розово и спокойно. Можетъ быть, лишь движенія его немного нетерпѣливы и не такъ размѣренны и граціозны, какъ обычно.

— Благодарю.

У нея низкій, глубокій, нѣсколько рѣзкій голосъ.

— Теперь ты преувеличенно заботливъ. Лучше бы было вести себя иначе и мнѣ не пришлось-бы полубольной скакать сотни верстъ, чтобы тебя обуздывать.

Хельстремъ, не поднимая глазъ, старательно разглядываетъ свои холеные ногти.

— Не понимаю твоего безумія, Елена. Я счастливъ, конечно, что вижу тебя, но... не надо было рисковать здоровьемъ.

— Молчи. Когда ты такъ крутишься, ты лжешь. О, я тебя изучила. Дарико не стала-бы меня безпокоить напрасно. Я пріѣхала, кажется, во время, чтобы пресѣчь твои «новыя исканія». Я своихъ правъ не уступлю. Я ихъ купила слишкомъ дорого. До встрѣчи съ тобой я стояла высоко, внѣ подозрѣній; тебѣ я пожертвовала и репутаціей и душевнымъ покоемъ. Но я терпѣливо жду. Я не забываю твоихъ обѣщаній. Я добьюсь развода. Ты знаешь — я энергична и я буду твоею женой. Я беру тебя такимъ, каковъ ты есть со всѣми твоими слабостями. Со временемъ я надѣюсь тебя исправить. Но *другой* я тебя не уступлю.

— Какъ много словъ, Елена! И все это глупая сплетница Максени.

— Молчи!

— Клянусь тебѣ, Леля! Рокотова симпатичная дѣвочка. Я съ нею еле знакомъ. Мы всѣ ею заинтересовались только потому, что она гдѣ-то таинственно спасала графа Олтуфьева и благодарный вельможа, кажется, не прочь за нею поухаживать: по крайней мѣрѣ онъ поручилъ пригласить ее на «праздникъ весны».

— Тебѣ?

— Доктору и... и мнѣ.

— Почему *тебѣ?*

— Я помогаю генеральшѣ Alexandrine, я ея «адъютантъ» на «праздникѣ весны».

— Вотъ какъ! Но я тоже буду тамъ! Я все и всѣхъ увижу и, конечно, повѣрю собственному впечатлѣнію.

— И ты поѣдешь? — невольно вспыхнулъ Хельстремъ.

— А тебѣ это не по вкусу! — тонко улыбнулась Елена. — Да, милый, я вѣрю только себѣ. Вѣдь ты геніально лжешь и изворачиваешься! Если когда-нибудь ты оставишь дворъ и службу, ты, вѣроятно, поступишь на сцену.

— И ты будешь женой актера?

Шутка плохо удалась Хельстрему.

— О, я вездѣ за тобой! — серьезно и рѣзко сказала Елена — я уже не могу выбирать. Даже если ты будешь съ гитарой по дворамъ распѣвать свои сладкіе романсы, я и тогда за тобой — съ тарелкой. Жребій брошенъ.

Обѣими руками она сдавила голову, словно тяготило ее то, что она такъ ясно сознавала теперь. У нея были такія красивыя, тонкія, блѣдныя руки и Хельстремъ невольно вспомнилъ, какъ часто и какъ долго онъ ихъ цѣловалъ.

Но вотъ Елена рѣзко выпрямилась, ея руки упали на колѣни.

— Я ни передъ чѣмъ не остановлюсь! Все равно — хуже не будетъ.

— Перестань, Елена, успокойся...

Онъ нѣжно приглаживалъ пышные волосы, непокорные, какъ она сама.

— Все будетъ такъ, какъ мы рѣшили и тебѣ незачѣмъ тревожиться.

— Все будетъ такъ — твердо повторила Елена.

Она неожиданно закинула голову, глаза ея встрѣтились съ глазами Хельстрема и ей показалось, что въ ихъ красивой, лазурной глубинѣ таится... страхъ...

«Царская сказка удаляется. Она казалась мнѣ такой близкой. Ея нѣжный ароматъ врывался въ мою жизнь, какъ ароматъ жасмина въ мою комнату. Глупая дѣвчонка! Царевичъ и его приближенные видѣли блестящую жизнь грандіозныхъ дворцовъ и лачуга самозванной «пустынницы» могла ихъ потѣшить одинъ только вечеръ. Второй — былъ бы слишкомъ скученъ. И вотъ адъютантъ его высочества удостоилъ меня сегодня посѣщеніемъ и на оставленной имъ визитной карточкѣ я прочла:

«Безмѣрно сожалѣю. Его высочество боленъ и мы лишены возможности посѣтить «пустыню». До скораго свиданія. Цѣлую ручки очаровательной пустынницы.»

Позолоченная пилюля! Развѣ сегодня два раза придворные экипажи не пронеслись мимо моихъ оконъ? И царевичъ совсѣмъ не выглядѣлъ больнымъ! Ахъ... Читать не могу, бродить не хочется. И я очень, очень рада, что «лѣсная чета» пригласила меня сегодня скоротать вечерокъ.»

(Изъ дневника княгини Рокотовой.)

Скромную столовую лѣсничаго принарядили роскошные букеты душистыхъ лѣсныхъ цвѣтовъ. Розовый сервизъ, гордость Анны Петровны, утопалъ въ жемчужныхъ колокольчикахъ ландыша и ярко-лиловыхъ глазкахъ фіалокъ. Тутъ-же, межъ закусокъ и домашнихъ соленій, ютились разноцвѣтныя бутылки и графинчики.

Смуглая лѣсничиха, завитая «барашкомъ», въ яркокрасномъ платьицѣ, суетилась около первыхъ гостей — доктора Порова и лейтенанта Бойсмана. Они уже «контрабандой» осушили не одну рюмку домашней наливки и смаковали маринованные рыжики.

— Однако — нетерпѣливо взглянулъ на часы докторъ — ваша красавица не спѣшитъ.

— Мара придетъ — съ увѣренностью сказала хозяйка. — Обѣщала, значитъ — придетъ.

Докторъ крупными шагами измѣрялъ комнатку.

— Какой-то неуловимый метеоръ! Ее ищутъ, приглашаютъ, а она ломается и прячется. Слѣдовало бы, какъ слѣдуетъ, проучить ее за фокусы.

— Напрасно вы браните Мару, докторъ — заступилась Анна Петровна — вотъ она сбѣгаетъ со своего балкона и черезъ садъ направляется къ намъ. Мой мужъ спѣшитъ ей навстрѣчу.

— А мнѣ, конечно, надо спрятаться, ибо если она меня примѣтитъ издали — повернетъ обратно. Она избѣгаетъ меня, какъ страшное чудовище. Да и вы, лейтенантъ, кажется, не пользуетесь расположеніемъ княгини Рокотовой. У насъ съ вами, батенька, нѣтъ лазоревыхъ Хельстремовскихъ глазъ и мы не умѣемъ сладко улыбаться и сладко льстить.

Въ голосѣ доктора слышалась непритворная досада.

А смѣхъ Мары уже звенѣлъ на балконѣ, смѣшиваясь съ громкими привѣтствіями лѣсничихи.

— Ручку!

Въ дверяхъ Мара столкнулась съ докторомъ. Дерзкая и загадочная улыбка блуждала по его сочнымъ губамъ. Мара даже растерялась и не вырвала руки, которую онъ такъ крѣпко сжималъ.

— Наконецъ-то! Послѣ долгихъ исканій и сотни непринятыхъ визитовъ — мы съ вами, все-таки, встрѣтились.

— Вѣдь я васъ предупреждала, докторъ, что пріѣхала

искать уединенія и что среди родныхъ скалъ я неуловима. Вы спорили. Теперь вы сознаетесь, что споръ вами проигранъ. И Мадонна васъ не спасла, и пластуны вамъ не помогли.

Мара уже овладѣла собой, высвободила руку и спокойно расположилась въ креслѣ, любезно пододвинутомъ ей Бойсманомъ.

Но докторъ не отступалъ.

— Наша встрѣча, княгиня, не будетъ обычной. И въ вашей жизни, и въ моей она оставитъ неизгладимый слѣдъ.

— Вы, кажется, прорицатель, а не докторъ?

— Во всякомъ случаѣ, я никогда не былъ суевѣрнымъ. Но если отдаленное прошлое такъ сказочно связано съ нахлынувшимъ настоящимъ, невольно призадумаешься. Ваше изумительное сходство съ Мадонной, этимъ единственнымъ образомъ, захватившимъ мое бѣдное воображеніе — неспроста. Я буду играть роль въ вашей жизни — и не послѣднюю. Вы это чувствуете и избѣгаете меня.

— Вы умѣете шутить, докторъ — нахмурилась Мара — но ваши шутки слишкомъ однообразны.

Пикировка была прервана совсѣмъ неожиданно. У калитки скромнаго домика лѣсничаго остановилось элегантное ландо. Лѣсничій сорвался, какъ угорѣлый и бросился навстрѣчу высокому гостю. Это былъ первый визитъ «запросто» самого графа Олтуфьева, о которомъ лѣсничій еще такъ недавно не смѣлъ и мечтать.

— Анна Петровна! — нервно позвалъ онъ супругу. Но она уже стояла рядомъ и заискивающе «молила его сіятельство зайти».

— Съ удовольствіемъ — благосклонно басилъ графъ — я наглотался свѣжаго воздуха и маленькій привалъ меня вполнѣ устраиваетъ. Ахъ! и вы здѣсь Бойсманъ?!

Всѣ всполошились, встрѣчая почетнаго гостя, только Мара и докторъ остались въ столовой.

— Что-же — вы? — усмѣхнулась Мара. — Идите, угождайте. Это вашъ властелинъ. Я не обижусь.

— Плохо вы меня знаете, княгиня. Я и при дворѣ независимъ. Не полажу — опять вернусь въ академическую клинику.

— Не рисуйтесь. Вы уже пропитались ядомъ придворной атмосферы и сами «вьете паутину». Вы не докторъ — вы паучекъ.

— Какое презрѣніе къ паучкамъ и паутинѣ?

— Язвительной бравадой Мара старалась побороть необъяснимое волненіе, охватившее ее. Она бросала колкія фразы доктору, а слухъ ея улавливалъ тяжелые приближающіеся шаги и властную тягучую рѣчь графа Олтуфьева. Съ той минуты, когда судьба столкнула ихъ на краю гибели, Мара видѣла графа только разъ мелькомъ въ церкви и часто, часто сквозь кружево занавѣски изъ окна своей комнаты, когда онъ, важный и надменный, проѣзжалъ мимо ея дачи. Онъ — одинъ изъ яркихъ силуэтовъ «царской сказки», плѣнявшей ея воображеніе!..

Какъ сквозь сонъ слышитъ она свое имя и протягиваетъ руку и ощущаетъ сильное пожатіе крупной мягкой руки.

— Очень, очень радъ, princesse, что лично могу вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе. Вы смѣлая, прекрасная наѣздница и съ удивительной находчивостью предупредили несчастье.

На серьезномъ лицѣ Мары лукавыми огоньками заискрились золотые глаза.

— Для васъ, графъ, я всегда готова рискнуть своей маленькой, незамѣтной жизнью.

Улыбка промелькнула по суровымъ устамъ графа.

— Вы такъ-же любезны, какъ прекрасны, princesse.

— Ваше сіятельство — суетилась хозяйка, пододвигая кресло къ столу, а закуски и графинчики къ прибору — осчастливьте, не откажите отвѣдать. Тутъ все домашнее. Мара, помогите угощать дорогого гостя.

Лѣсничиха усадила Мару рядомъ съ графомъ, а съ другой стороны безцеремонно расположился докторъ.

— Я не рѣшался васъ тревожить, princesse, но, надѣюсь, что вы получили мои цвѣты, скромный знакъ моей благодарности.

— И конфеты, compte — шаловливо отвѣтила Мара. — Букетъ, конечно, завялъ, но одинъ цвѣточекъ я сохранила на память.

— Вы безконечно любезны.

— Вамъ везетъ, ваше сіятельство — вставилъ докторъ — до сихъ поръ со всѣми нами княгиня была необычайно сурова.

— Вы покушались на мое уединеніе. Вы запугивали меня пластунами. Я защищалась.

Откровенность Мары не понравилась доктору, онъ быстро перевелъ разговоръ.

— Но Хельстремъ васъ не запугивалъ?

— Еще до встрѣчи съ нимъ меня устрашила его гремучая слава непобѣдимаго покорителя сердецъ. Я выросла въ этихъ горахъ. Я немного дикарка и боюсь «новаго». Разрѣшите дополнить вашъ бокалъ, compte? Я пью за свободу и уединеніе!

— Принимаю только первую половину тоста. Какъ много въ васъ жизни, princesse!

— Не всегда. Во мнѣ, все-таки, нѣсколько капель восточной крови и потому, вѣроятно, я, порою, вся киплю жизнью, а порою — неподвижна и лѣнива, какъ одалиска.

Знакомый желтый шарабанъ лихо подкатилъ къ калиткѣ.

— Хельстремъ! — усмѣхнулся докторъ. — Вырвался таки изъ когтей Елены Мицкой! Не везетъ бѣднягѣ. Не во время она прикатила. Дама она рѣшительная и цѣпко приберетъ его къ рукамъ. Да, не отъ всякой побѣды легко отдѣлаться. Почему вы покраснѣли княгиня?

— Я не люблю, когда меня посвящаютъ въ чужія интимныя тайны.

Краска сгустилась на ея лицѣ. Такъ вотъ *почему* сегодня высокіе гости отказались отъ ея приглашенія! Царевичъ не рискнулъ притти одинъ, а Хельстрема... удержала возлюбленная. Почему все это такъ взволновало Мару? Словно острая иголочка кольнула ея сердце. Докторъ подмѣтилъ ея волненіе и теперь она уже не могла удержать густую волну крови, хлынувшую къ ея лицу.

Хельстремъ вошелъ — блестящій и оживленный. Глаза его безпечно улыбались, ничто въ немъ не выдавало только что пережитой борьбы. Или его легкомысленное сердце умѣло мгновенно забывать? Только, замѣтивъ графа, онъ нѣсколько смутился.

— Разрѣшите, ваше сіятельство?

— Прошу, прошу, господинъ адъютантъ.

Только что улыбавшееся лицо графа подернулось обычной холодной маской. Вдругъ наступившее неловкое молчаніе смущало хозяевъ и Мара поспѣшила имъ на выручку.

— Вамъ остается скромная роль моего vis-à-vis, Альфонсъ Леонардовичъ — сказала она.

— Это счастливая роль, княгиня!

Смущенія какъ не бывало и голубые глаза адъютанта съ ласковымъ восхищеніемъ устремились на Мару. А она невольно думала, что полчаса тому назадъ эти глаза также восторженно смотрѣли на другую.

— Когда-же, наконецъ, состоится «праздникъ весны»? — отрывисто спросилъ графъ Хельстрема.

— Еще не назначенъ ни день, ни мѣсто — иронизировалъ докторъ. — Вѣроятно, «праздникъ весны» откладывается до осени.

— На этотъ разъ иронія ваша безцѣльна — безпечно отвѣтилъ Хельстремъ.— Празднуемъ весну двадцатаго апрѣля, черезъ пять дней и уже разсылаютъ приглашенія.

Графъ благосклонно наклонился къ Марѣ.

— Счастливъ, princesse, что лично могу васъ пригласить на «праздникъ весны», хотя приглашеніе вы, конечно, получите. Надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ моей первой просьбѣ?

— Я польщена, графъ и, конечно, буду. Я увижу тамъ не мало любопытнаго. Праздникъ весны, это — праздникъ любви. Вы будете его рыцаремъ, Альфонсъ Леонардовичъ. За здоровье рыцаря любви и пожелаемъ ему полнаго успѣха.

Насмѣшка звучала въ словахъ Мары. Она наклонилась къ Олтуфьеву.

— Мой первый маленькій спичъ плоховатъ. Не правда-ли? Я вѣдь новичекъ.

— Вы очаровательны и я пью только ваше здоровье.

Хельстремъ насторожился... Онъ слишкомъ хорошо зналъ женщинъ. Мара чѣмъ-то возбуждена, новыми нотками звучитъ ея голосъ, новыя искры въ ея глазахъ. И она избѣгаетъ его взгляда.

— Ой, скоро одиннадцать! — взглянулъ на часы притихшій докторъ.

— И современныя Сандрильоны должны спѣшить! — разсмѣялась Мара.

Графъ Олтуфьевъ первый тяжело поднялся. Голова его слегка кружилась.

Лѣсная чета приниженно благодарила его сіятельство за оказанную высокую честь.

— Я долженъ васъ благодарить — благосклонно протянулъ графъ руку хозяйкѣ дома — это мой лучшій вечеръ въ Абастуманѣ. — Надѣюсь и васъ, Анна Петровна, я увижу, на «праздникѣ весны».

Анна Петровна вся вспыхнула.

— Ваше сіятельство... — пробормотала она, захлебываясь.

— Princesse — графъ удержалъ руку Мары въ своей — я знаю, что у васъ чудесный конь, но, все-таки, разрѣшите мнѣ прислать за вами коляску на «праздникъ весны». Вы пріѣдете вмѣстѣ съ Анной Петровной.

— При одномъ условіи, графъ — таинственно улыбнулась Мара.

Графъ наклонилъ голову, выжидая.

— Вы меня и на «праздникѣ весны» не оставите своимъ вниманіемъ.

Онъ даже слегка покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Ce que femme veut . . .

— Заранѣе благодарю, графъ. Покойной ночи.

Теперь Мара удерживала руку графа пока они спускались по ступенямъ балкона къ калиткѣ сада.

Коляска, увозившая графа и Бойсмана, была уже далеко, а Мара все еще стояла у калитки и странная улыбка блуждала по ея губамъ.

— Вотъ и васъ, княгиня, начинаетъ опьянять ядовитый ароматъ придворной жизни.

Укоръ звучалъ въ грустномъ голосѣ Хельстрема.

— Я все хочу испытать — не глядя на него, шутливо отвѣтила Мара.

— И даже страшную любовь графа-наставника? — въ упоръ спросилъ Хельстремъ.

— О, это прежде всего! — расхохоталась Мара. — И вотъ «онъ» уѣхалъ и увезъ съ собой мое веселье. Пора и мнѣ домой.

— Разрѣшите мнѣ проводить васъ?

Голосъ Хельстрема звучалъ мольбой.

– Ну, конечно. Только, вѣроятно, и высокопросвѣщенный докторъ не откажется меня проводить? Подъ двойною охраною надежнѣе.

— Весь въ вашемъ распоряженіи — поклонился докторъ и бросилъ адъютанту: — не весь міръ Юлію Цезарю!

Докторъ предложилъ руку Марѣ, а Хельстремъ шелъ рядомъ, стараясь улыбнуться, но яркія пятна предательски вспыхивали на его щекахъ.

— Вы меня сегодня покорили, княгиня — заговорилъ докторъ. — Вы — незаурядная женщина. Хотѣлось-бы какъ-нибудь съ вами потолковать. Ваша жизнь не должна пройти незамѣтной. Вы еще сыграете свою роль.

— Каждый сыграетъ свою роль въ огромной міровой трагикомедіи — пожала плечами Мара.

— Ваша роль не будетъ ролью «каждаго», вѣрьте моей опытности.

— Вотъ мы и дома. Благодарю мою почетную охрану. Покойной ночи.

— А мнѣ такъ много-много нужно вамъ сказать — печально проронилъ Хельстремъ.

— У насъ нѣтъ съ вами тайнъ! — весело отпарировала Мара. — Поручаю васъ доктору. Онъ запретъ дверь вашей спальни и поставитъ стражу у вашихъ оконъ. Темная ночь соблазнительна, вы великолѣпно прыгаете, а вамъ необходимъ сонъ, чтобы во всеоружіи побѣдителя появиться на турниръ, т. е. на «праздникъ весны». А мы тамъ будемъ пить и славить ваши побѣды. Еще разъ — добраго сна.

Смѣясь, Мара скрылась въ густой липовой аллеѣ. Хельстремъ, понурившись, смотрѣлъ ей вслѣдъ. Она такъ рѣзко измѣнилась и онъ угадывалъ, что ей что-то новое разсказали о немъ.

— Пойдемте, дорогой! — комически покачалъ головою докторъ. — Сегодня вы, какъ будто, въ опалѣ, но не унывайте — вѣдь «женщины перемѣнчивы, какъ вѣтерокъ» — закончилъ онъ мотивомъ изъ «Риголетто».

Хельстремъ въ своей комнатѣ. Всю дорогу онъ что-то болталъ доктору о «праздникѣ весны» и теперь радъ, что, наконецъ, освободился отъ докучнаго спутника.

Хельстремъ рѣзко отбросилъ фуражку и закурилъ папиросу. Не разъ его сегодня хлестнули по самолюбію. И

все эта дѣвченка! Она дала просторъ остроумію доктора и завтра, пожалуй, весь «маленькій дворъ» будетъ повторять его остроты. Сболтнутъ что-нибудь и царевичу. И всплыветъ его ложь о «нездоровьи» Рокотовой. Но разъ онъ самъ не могъ навѣдаться въ «пустыню», нельзя-же было допустить, чтобы царевичъ отправился туда одинъ. Вообще не слѣдовало знакомить Георгія съ Рокотовой. Проклятое легкомысліе!

Но смѣяться надъ собой онъ никому не позволитъ. Онъ сумѣетъ согнуть эту дѣвченку. Она уже ревнуетъ. Вѣроятно ей сообщили о пріѣздѣ Елены. Вѣдь кругомъ все враги! Ахъ, эта Елена — Елена! Дьяволъ, а не женщина. Изволь теперь галопировать на дурацкомъ «праздникѣ весны» подъ перекрестнымъ огнемъ любопытныхъ глазъ!

Тоненькій, задорный образъ Рокотовой дразнилъ воображеніе Хельстрема. Ему думалось, что давно, среди вихря разнообразныхъ утѣхъ, женщина не казалась ему такою желанной. При первой же встрѣчѣ онъ рѣшилъ, что это будетъ легкая побѣда, но дикарка, полная причудъ, не давалась ему. Еще такъ недавно въ темную ароматную ночь нѣжнымъ обѣщаніемъ свѣтило ему золото ея глазъ. Незнакомой поэзіей та ночь охватила его душу и сковала небывалой робостью его уста. Новое манило пресыщеннаго. И теперь нѣжныя воспоминанія растопили его досаду, его злобу и невѣдомая поэзія незамѣтно и дивно побѣждала его сердце.

— Княгиня Рокотова мило воспитана и не глупа. Она гораздо приличнѣе нашихъ кутаисскихъ «сіятельствъ», пользующихся широкимъ покровительствомъ принца — изрекалъ графъ Олтуфьевъ, откинувшись на мягкую спинку ландо.

Бойсманъ, какъ воробушекъ на вѣткѣ, вытягивалъ свою тоненькую шею и поддакивалъ «его сіятельству».

— Только все-таки, лейтенантъ, и за нею необходимъ усиленный надзоръ. Я хотѣлъ-бы знать каждый ея шагъ. Докторъ обѣщалъ слѣдить за нею. Мы должны быть осторожны.

Въ тотъ вечеръ графъ Олтуфьевъ не принималъ обычныхъ докладовъ. Онъ только прочелъ высочайшія телеграммы и составилъ отвѣтъ. У него былъ свой особый телеграфный проводъ на Петербургъ.

Пріѣздъ императрицы Маріи задерживался семейными дѣлами — страстною любовью ея старшей дочери, Ксеніи, къ великому князю, Александру Михайловичу. Семейный совѣтъ рѣшалъ судьбу царской дочери. А потомъ, конечно, императрица навѣститъ «своего мичмана» и надо къ этому готовиться. Присутствіе принца Ольденбургскаго стѣсняло графа. Неужели «опальный» не поспѣшитъ ретироваться во время въ свой Кутаисъ?

Заботы, тяготившія графа, промелькнули быстро, какъ весеннія тучи. Разсѣялись складки на лбу и легкая улыбка смѣнила горделивую суровость.

Графъ вспоминалъ минувшій вечеръ и смаковалъ каждое движеніе, каждый взглядъ, каждое слово своей новой знакомой.

Въ ней много породы и много страстности — пробормоталъ онъ — и, кажется, она знаетъ, чего хочетъ.

А та, о которой въ этотъ вечеръ мечтали «силуэты царской сказки», нервная и возбужденная вернулась домой. Только въ столовой еще горѣла лампа и Мара направилась туда.

Татьяна Серѣевна углубилась въ чтеніе. Она слегка вздрогнула и подняла голову. Улыбка нѣжной любви озарила ея лицо.

— Ты была у лѣсничаго, Мара? И веселилась?

— Мамочка! — горѣвшимъ лицомъ Мара прижалась къ матери, избѣгая ея глазъ. — Черезъ нѣсколько дней большой придворный пикникъ. Встрѣчаютъ весну. И я приглашена самимъ графомъ Олтуфьевымъ.

— И ты поѣдешь? — нахмурилась Татьяна Сергѣевна — Мара, берегись! Дворъ тебя захватываетъ. Люди «высоты» появились въ нашемъ скромномъ домѣ. Ты со мной неоткровенна. Ты тщеславна — этотъ скользкій путь опасенъ твоей восторженной головкѣ. Остановись, пока не поздно. Отправимся въ Уравель. Тамъ такъ хорошо и тихо. Пріѣдетъ твоя любимая бабушка и въ тѣсномъ семейномъ кругу проведемъ счастливые дни. Давно мы не были вмѣстѣ.

— Ты слишкомъ много значенія придаешь чарамъ «маленькаго двора» — упрямо отвѣтила Мара. — Я обѣщала и не могу не поѣхать на этотъ праздникъ. И мнѣ не хотѣлось-бы

быть хуже другихъ. Графъ пришлетъ коляску Аннѣ Петровнѣ и я поѣду съ нею.

— Тебя трудно переубѣдить, когда ты что-нибудь заберешь въ свою упрямую головку. Только будь осторожна, дѣтка. Высота не для насъ. Кромѣ разочарованій она тебѣ ничего не принесетъ.

Мара молча цѣловала свою мать, какъ прежде, въ дни дѣтства — короткими и быстрыми поцѣлуями...

«Я не боюсь «высоты». Я иду туда, куда меня влечетъ жизнь, куда притягиваетъ меня судьба. Я жажду только мгновенья торжества. Я уйду отъ нихъ, а не они отъ меня. Я больше никогда не поддамся лживымъ чарамъ беззвѣздной весенней ночи. Ея ароматное дыханіе не отравитъ моего сердца. На пресловутомъ «праздникѣ» я хочу быть замѣтной, красивой, не такой «какъ всѣ». Напрасно мама такъ боится — моя голова не закружится на «высотѣ».»

(Изъ дневника княгини Рокотовой.)

XVII.

По случаю грандіознаго пикника отмѣнили утреннюю ванну его высочества и Георгій всталъ позднѣе обыкновеннаго. Онъ плохо спалъ эту ночь. Зеркало отразило его поблѣднѣвшее лицо. Опять ему нездоровится, а онъ такъ надѣялся на весну, онъ ждалъ исцѣленія.

Георгій распахнулъ окно. Тепло. Ароматно. Горы сбросили туманную пелену и, яркозеленыя, отчетливо рисуются въ синевѣ неба.

Красивая голова Хельстрема проглянула въ полуоткрытую дверь.

— Проснулся, Георгій?

— Да, и уже предвкушаю скорую поѣздку. Какой у тебя сумрачный видъ, Альфонсъ! Право, это тебѣ не къ лицу.

— О, этотъ идіотскій «праздникъ весны»! Его придумала рыжая вѣдьма Alexandrine. И Елена! Я зналъ, что ея пріѣздъ отравитъ мнѣ жизнь. Все этотъ змѣенышъ — Максени! Глупая доносчица.

— Ты, кажется, готовъ проклясть весь міръ, Альфонсъ! — невольно улыбнулся царевичъ забавному гнѣву своего адъютанта.

— Ты еще можешь смѣяться надо мною, Георгій! Елена вчера закатила мнѣ дьявольскую сцену! Вцѣпилась, угрожаетъ. Бѣсъ, а не женщина. Сегодня я, вѣроятно, составлю себѣ ясное представленіе о мукахъ грѣшниковъ, которыхъ въ аду поджариваютъ на сковородахъ.

— О — разсмѣялся царевичъ — мы еще на землѣ, гдѣ власть дьявола не такъ сильна.

— Но бѣсы въ юбкахъ также безпощадны и отвратительны — поморщился адъютантъ.

Весна праздновалась у «Воротъ очарованія» — въ излюбленномъ мѣстѣ для пикниковъ, въ 6 верстахъ отъ дворца. Исключительно красивая природа создала естественныя ворота оригинальнымъ расположеніемъ горъ и скалъ. Широкую, щеголявшую зеленымъ бархатомъ травы, лужайку застелили тяжелыми коврами и разбросали пни, покрытые цвѣтными подушками, и пестрыя мутаки*). По краямъ — длинные, наскоро сколоченные столы. На нихъ — запасы закусокъ и посуды.

Въ первой парусиновой палаткѣ Мѣшковъ завѣдуетъ горячими и прохладительными напитками. Тутъ-же онъ подготовляетъ свой фотографическій аппаратъ для снимковъ. Во второй, разубранной цвѣтами, палаткѣ «хозяйка», генеральша Alexandrine, повелѣваетъ шампанскимъ и крюшонами.

Въ глубинѣ, на берегу шумливой рѣчки — шатеръ его высочества, увѣнчанный императорской короной, сплетенной изъ любимыхъ бѣлыхъ розъ царевича. Русскій флагъ развѣвается надъ этимъ шатромъ. А рядомъ — шатеръ графа Олтуфьева.

За рѣкой — заросшее ущелье манитъ прохладой. Надъ нимъ зеленѣютъ душистою сосною горы и высятся громады скалъ, какъ грандіозныя ворота. И эту дикую красу съ высоты яснаго неба весенній день заливаетъ горячимъ золотомъ солнечныхъ лучей.

---

*) Кавказскіе мягкіе валики, обтянутые сукномъ и шелкомъ и расшитые пестрыми восточными узорами.

Свои и приглашенные съѣзжаются. Экипажи и кони — въ цвѣтахъ. Дамы — въ свѣтлыхъ весеннихъ туалетахъ.

Вотъ въ легкой коляскѣ сестры Залѣсскія съ семьей Азбелевыхъ. Ихъ цвѣтокъ — пестрая гвоздика, переплетенная русской національной лентой.

Желтый шарабанъ Хельстрема обвитъ яркоалыми розами. Блестящій адъютантъ, какъ будто позабылъ свои утреннія сѣтованія — онъ сіяетъ молодостью, здоровьемъ и красотой.

Изъ густыхъ вѣтокъ сирени таинственно выглядываетъ экипажъ принца Ольденбургскаго.

Фаэтонъ княгини Максени и Елены Мицкой въ зелени и фруктахъ. Совсѣмъ фруктовый движущійся садикъ!

Въ небольшой коляскѣ, сплошь покрытой бѣлыми розами — царевичъ и его любимецъ — Гулакъ-Артемовскій. Георгій доброй улыбкой отвѣчаетъ на привѣтствія нарядныхъ гостей.

Какъ розовое видѣніе появляется экипажъ графа Олтуфьева, щедро разукрашенный букетами блѣднорозовыхъ розъ во мшистой зелени. Рядомъ съ наставникомъ — Бойсманъ.

Невольный общій смѣхъ вызываетъ докторъ Поровъ, весь въ желтыхъ одуванчикахъ, съ видомъ Донъ-Кихота, гарцующій на ворономъ конѣ. Царевичъ и Артемовскій, заинтересованные, выглядываютъ изъ шатра.

Вотъ подъѣзжаетъ ярко желтая колясочка княжны Турадзе, увитая бѣлой сиренью. Полина, стоя, правитъ. На ней яркожелтый туалетъ, отдѣланный тонкимъ кружевомъ. Золотой ободокъ легко подхватываетъ темную роскошную мантію ея распущеныхъ волосъ. Полина дерзко-огненнымъ взглядомъ ловитъ взоръ царевича и невольная дрожь пробѣгаетъ по его тѣлу.

Гости непринужденно располагаются на коврахъ, устилающихъ поляну. Появляется легкомысленный крюшонъ со льдомъ. Звонъ бокаловъ, шумливый говоръ, веселый смѣхъ.

Создаются интимныя группы. Дамы плетутъ вѣнки и гирлянды изъ полевыхъ цвѣтовъ.

Край высочайшаго шатра широко откинутъ и царевичъ на разстояніи любуется пестрой нарядной живой картиной. Съ нимъ оба адъютанта — Артемовскій и Хельстремъ.

Графъ Олтуфьевъ — въ палаткѣ Alexandrine.

— Бокалъ шампанскаго за здоровье хозяйки, могущественный — кокетливо улыбается генеральша, обнажая свои бѣличьи зубы.

Графъ мелкими глотками пьетъ шампанское. Острый взоръ его не отрывается отъ бѣлой ленты шоссе, виднѣющейся за мостомъ. Легкое облако пыли разсѣялось и показалась еще одна коляска. Графъ быстро наклонился къ генеральшѣ:

— Это княгиня Рокотова. Встрѣтьте ее. Она здѣсь почти никого не знаетъ. Представьте ее обществу.

— Не безпокойтесь, не обидимъ — лукаво прищурила глазъ генеральша.

Острые, любопытные взгляды впиваются въ новую гостью. Коляска Мары обтянута голубымъ шелкомъ, по ней разбросаны букетики жасмина и розовыхъ розъ. Мара — въ блѣдноголубомъ туалетѣ, рядомъ съ нею — жена лѣсничаго, вся въ бѣломъ. Розы на колѣняхъ и на груди Мары, жасмины украшаютъ ея спутницу. Ensemble эффектный.

Генеральша Рубанъ, съ чарующею свѣтской простотой встрѣтила княгиню Рокотову и съ тѣмъ-же свѣтскимъ искусствомъ ввела ее въ общество. Жена лѣсничаго краснѣла и дичилась, а Мара казалась непринужденно веселой, какъ будто родилась она въ этой средѣ.

Но вотъ глаза Мары встрѣтились съ большими свѣтлыми глазами. Почему эта красивая дама смотритъ на нее съ такою непримиримою злобой?

— Елена Васильевна Мицкая — знакомитъ Alexandrine.

Мара вздрогнула. «Возлюбленная Хельстрема!»

— Очень счастлива — съ тонкой насмѣшкой говорила Мара. — Я такъ много слышала о васъ отъ Анны Петровны.

Вѣжливо кивнула головой и проходитъ дальше за генеральшей. Вотъ хорошенькая куколка — княгиня Максени — недовольно блеснула темными глазками.

Вотъ экзотическая, стройная красавица въ яркожелтомъ. Она старается скрыть распущенными волосами обезображенную родимымъ пятномъ лѣвую половину точенаго лица. Княжна Полина Турадзе! О ея безшабашности, о ея вечерней дикой поѣздкѣ съ царевичемъ такъ много говорятъ теперь въ Абастуманѣ. Ему приписываютъ пылкую къ ней любовь.

— Мы идемъ къ шатру его высочества — шепнула Alexandrine — не растеряйтесь, я васъ представлю великому князю.

Мара съ трудомъ удержала шаловливую улыбку.

— Ваше высочество — торжественно проговорила генеральша Рубанъ — разрѣшите мнѣ представить вамъ новую гостью — княгиню Рокотову.

Георгій встрѣтилъ Мару, какъ старую знакомую. Изъза плеча царевича выглядывало смущенное лицо Хельстрема. А издали, съ пестраго ковра полянки, впивались въ маленькую группу злые, свѣтлые глаза Елены.

— Вотъ какъ мы встрѣтились, пустынница!

Тихій голосъ царевича звучалъ укоромъ.

Въ золотыхъ глазахъ Мары онъ читалъ ласковую заботу.

— А вы дѣйствительно хворали, ваше высочество. Я же думала, что вы только сказались больнымъ, чтобы избѣжать вторичнаго посѣщенія скучной пустыни, гдѣ все было поддѣльно, даже медъ.

Розовое лицо Хельстрема стало пурпуровымъ; онъ громко бесѣдовалъ съ генеральшей Рубанъ.

— Я сказался больнымъ? — переспросилъ Георгій. — Такъ-ли это? Напротивъ, мнѣ было сказано, что *вы* нездоровы и не можете меня принять.

— Кто осмѣлился вамъ солгать, ваше высочество?

Георгій оглянулся. Хельстремъ оживленно бесѣдовалъ съ генеральшей, но красное лицо и бѣгающіе глаза выдавали его жестокое волненіе.

Царевичъ не отвѣтилъ на рѣзкій вопросъ Мары; онъ представилъ ей Артемовскаго.

— Мой лучшій другъ, княгиня, Алексѣй Владиміровичъ Гулакъ-Артемовскій, онъ всегда говоритъ только правду.

— Теперь, княгиня, прошу васъ въ мою палатку — вмѣшалась генеральша Рубанъ — вѣдь вы — моя помощница.

— Можетъ быть, мы еще сегодня съ вами встрѣтимся, ваше высочество?

— Я надѣюсь, княгиня.

Въ глубокомъ почтительномъ поклонѣ Хельстремъ склонился передъ Марой. Она только небрежно кивнула ему и торопливо прошла мимо.

— Ты, конечно, сердишься, Георгій! Я не могъ поступить иначе — волновался Хельстремъ. — Если-бы мы тогда

пошли, Елена нашла-бы насъ и устроила-бы грандіозный скандалъ. А ты одинъ, вѣдь, не могъ-бы пойти. Я хотѣлъ, чтобы все это прошло незамѣтно и вотъ... наскочилъ. Не сердись, Георгій.

— Я больше не буду тебѣ вѣрить, Хельстремъ — послѣ короткаго молчанія тихо проронилъ царевичъ и круто повернулся къ Артемовскому.

Хельстремъ догналъ Мару.

— Вышло маленькое недоразумѣніе и я хотѣлъ-бы съ вами объясниться, княгиня!

— Недоразумѣніе? — Мара посмотрѣла широко открытыми глазами на Хельстрема. — Вы сказали неправду намъ обоимъ — его высочеству и мнѣ. И я даже знаю, что вами руководило.

— Альфонсъ Леонардовичъ! — рѣзкій голосъ Елены покрылъ слова Мары.

— Сію минуту, Елена Васильевна — торопливо откликнулся Хельстремъ. — Я бы хотѣлъ, княгиня...

— Альфонсъ Леонардовичъ! — прервалъ его новый окрикъ Елены.

— Идите! — усмѣхнулась Мара. — Этотъ настойчивый призывъ разъясняетъ и подтверждаетъ все безъ вашихъ словъ.

Хельстремъ слишкомъ хорошо зналъ Елену, чтобы медлить. Уничтоженный, онъ пробормоталъ:

— Мы объяснимся съ вами, когда оба будемъ свободны.

Но Мара не слышала его словъ, она уже входила въ палатку Alexandrine.

Глаза Елены метали молніи.

— Еще минута и я разбила-бы тебѣ голову!

— Зачѣмъ такъ афишироваться? Великій князь поручилъ мнѣ проводить дамъ до палатки, а ты...

— Молчи! Я тебѣ сказала: говори съ кѣмъ хочешь, только не съ нею!

Хельстремъ пожалъ плечами и, съ видомъ мученика, опустился на мутаки рядомъ съ Еленой.

Въ палаткѣ Мару встрѣтилъ графъ Олтуфьевъ.

— Привѣтствую царицу весну! — и онъ поцѣловалъ руку Мары.

— Царица весна сердится — шутила Мара — вы бросили меня на произволъ судьбы, графъ. Неутомимый Донъ-

Жуанъ пытался ко мнѣ приблизиться, но ревнивая Донна-Анна чуть не растерзала насъ обоихъ.

— Поведеніе Хельстрема становится невыносимымъ! — нахмурился графъ. — Но вашъ укоръ несправедливъ; я ждалъ васъ здѣсь и думалъ о васъ, princesse. Надѣюсь, вы не откажетесь позавтракать въ моемъ шатрѣ?

— Я и вы?

— Не пугайтесь. Приглашены еще двое — его высочество и княжна Турадзе. Вашу ручку, princesse.

Графъ ступалъ медленно и важно. Тоненькая Мара только легко касалась его руки.

— Какая я безстрашная! Вѣдь вы еще опаснѣе Хельстрема. О васъ говорятъ, что...

Мара невольно умолкла, она почувствовала острый пронизывающій взглядъ Елены.

— Договаривайте, princesse.

— Говорятъ, что... что женщины часто становятся на вашемъ пути и также часто слетаютъ съ него. Я этого боюсь. Я не умѣю летать.

Изъ-подъ нависшихъ бровей сверкнули глаза графа.

— Для васъ этотъ путь не былъ-бы опасенъ. Вы сумѣли-бы подарить мнѣ иллюзію молодости.

— Моя юность обманчива — душою я старше васъ.

Графъ снисходительно улыбнулся, приподнимая край своего шатра. Бойсманъ торопливо поднялся ему навстрѣчу. Маленькій столъ, осыпанный розами, уже былъ накрытъ на шесть приборовъ.

— Вы, кажется, знакомы? Лейтенантъ — плохой кавалеръ, но безопасный. Я васъ покину на нѣсколько минутъ — извинился графъ.

Короткое молчаніе.

— Я наблюдаю, лейтенантъ — лукаво сказала Мара — какъ вы наблюдаете за другими. Вы виртуозъ и я восхищаюсь вами.

— Вы приписываете мнѣ достоинства, которыми я не обладаю — скромно отвѣтилъ Бойсманъ. — Я лишь маленькій человѣчекъ и знаю свое мѣсто.

Мара не успѣла возразить, какъ въ шатрѣ вновь появился Олтуфьевъ съ княжною Турадзе.

— Мы уже знакомы — сказала Полина, безцеремонно разглядывая Мару — и, вѣроятно, скоро будемъ друзьями.

— Лейтенантъ, попросите его высочество; у насъ все готово — приказалъ Олтуфьевъ Бойсману.

— Постараемся, княгиня — Полина фамильярно пожала руку Мары — чтобы наши кавалеры не скучали.

— Боюсь взять на себя столь отвѣтственную задачу. Я — гостья и думаю, что хозяева позаботятся о *моемъ* веселіи.

— Безусловно. Развѣ я допущу, чтобы вы скучали въ моемъ шатрѣ, княгиня? — любезно заявилъ графъ.

А Бойсманъ уже торжественно приподнялъ край шатра, пропуская царевича и Артемовскаго.

Графъ усадилъ Полину между Георгіемъ и Артемовскимъ. Мара помѣстилась vis-a-vis. Ея сосѣди — Олтуфьевъ и Бойсманъ.

— А я вамъ своего кавалера не уступила и не уступлю — вызывающе бросила Полина.

— Котораго? — наивно спросила Мара. — Впрочемъ не отвѣчайте на мой безцѣльный вопросъ. Я могла-бы спорить лишь о томъ, что мнѣ всецѣло принадлежитъ...

— О, да вы добродѣтельны, а, говорятъ, что добродѣтель...

— Скучна? Знаю! Увы, я только скучна, но далеко не добродѣтельна. За ваше здоровье, княжна!

— Старшинство за вами. Кавалеры, я поднимаю бокалъ за здоровье княгини Рокотовой!

— Буду примирителемъ — улыбнулся Артемовскій. — Кавалеры, за здоровье всѣхъ прекрасныхъ дамъ, а нашихъ въ особенности!

Въ робкой рукѣ бокалъ царевича потянулся къ бокалу Мары. На одно мгновенье глаза ихъ встрѣтились.

Утонченный завтракъ и ароматныя вина располагали къ веселью. Легкій разговоръ сплетался, какъ затѣйливое кружево. Упитанное лицо графа-наставника порозовѣло, глаза его благосклонно искрились.

— Офиціальные тосты закончены — сказалъ онъ — теперь я предлагаю каждому изъ насъ провозгласить интимный тостъ. Первое слово за его высочествомъ.

Царевичъ задумчиво смотрѣлъ въ свой бокалъ, не поднимая глазъ.

— Мой интимный тостъ — тихо, смущаясь, проговорилъ онъ — за скромную, далекую пустыню.

— Слишкомъ интимно. Не понимаю! — разсмѣялся графъ.

— И я не понимаю — серьезно сказала Мара — но чувствую къ «пустынѣ» почтеніе, страхъ и любовь, а потому пью до дна.

— Всѣ до дна! — сверкнула Полина глазами въ сторону Мары. — Кажется, тостъ за вами, княгиня?

— Мой тостъ очень сложный и я прошу, чтобы онъ былъ послѣднимъ.

— Здѣсь просьба женщины — законъ — благосклонно наклонилъ голову Олтуфьевъ. — Княжна Полина — ваше слово.

— Пью за мигъ тотъ, что дороже самой долгой жизни!

Огненный взоръ Полины напрасно искалъ глазъ царевича. Но ей казалось, что онъ взволнованъ, его рѣсницы чуть трепетали, какъ крылья умирающей бабочки.

— Я пью за доблесть бѣлой амазонки! — торжественно провозгласилъ графъ и бокалы потянулись къ Марѣ.

— А ты, Алексѣй? — тихо спросилъ Георгій.

Незамѣтный вздохъ вырвался изъ груди его любимца.

— За неоконченную страницу, которая придаетъ особо пикантную и печальную прелесть прерванному роману.

— Сантиментально, но не понятно! — усмѣхнулся графъ.

— Напротивъ — возразила Мара — слишкомъ прозрачно, но жестоко и безцѣльно.

Вспыхнувшіе темные глаза Артемовскаго съ удивленіемъ вскинулись на Мару.

— Тостъ Бойсмана! Послушаемъ! — оживилась Полина.

— Пью за прекрасныхъ женщинъ! — съ невозмутимымъ спокойствіемъ предложилъ Бойсманъ.

— Фарисей! Онъ ненавидитъ насъ! — возмутилась Полина.

— Почемъ знать, княжна — заступился Артемовскій — лейтенантъ умѣетъ скрывать свои чувства и настроенія.

— Готовъ-ли послѣдній тостъ, княгиня? — поинтересовался Олтуфьевъ.

— О, да! — оживилась Мара. — Прошу наполнить бокалы. Въ эти мгновенья создается новый «орденъ». Ваше высочество, прошу васъ быть первымъ кавалеромъ новаго ордена.

— Сегодня здѣсь дамамъ ни въ чемъ не откажу, скромно проговорилъ царевичъ.

— Я принимаю ваше обѣщаніе и подымаю новый орденъ «Олтуфьевцевъ». Каждый узнаетъ Олтуфьева по золотой серьгѣ въ правомъ ухѣ. Я завтра же надѣну серьгу. А васъ, графъ, мы избираемъ почетнымъ кавалеромъ новаго ордена.

Шумные возгласы покрыли тостъ Мары, бокалы потянулись къ графу Олтуфьеву.

— Вы меня тронули, princesse — пробасилъ, цѣлуя руку Мары. — Золотая серьга въ правомъ преданіе и гербъ моего рода. Какъ вы узнали?

— Не разъ встрѣчала на страницахъ историчников имя графовъ Олтуфьевыхъ — любезно отвѣтила Мара.

— Завтра весь нашъ маленькій дворъ заблеститъ тыми сережками — съ еле уловимой иронією проронилъ Артемовскій.

— Въ этомъ никто не сомнѣвается — осторожно вставилъ Бойсманъ. — Вѣдь его высочество — первый кавалеръ ордена.

— Разрѣшите, ваше сіятельство? — раздался за шатромъ официальный голосъ Хельстрема.

Неудовольствіе отразилось на лицѣ Олтуфьева и онъ вышелъ изъ шатра.

— Курьеръ привезъ телеграммы вашему сіятельству — доложилъ Хельстремъ. — И я рѣшился побезпокоить...

— Благодарю.

Графъ просмотрѣлъ телеграммы и, озабоченный, вернулся въ шатеръ.

— Не хотѣлось-бы, а придется васъ покинуть, дорогіе гости. Ваше высочество, вы мнѣ кажетесь утомленнымъ и я боюсь вамъ поручить роль хозяина моего шатра. А вы, princesse? Я бы могъ васъ довести до вашей виллы.

— Польщена, графъ, но... сегодня я на попеченіи Анны Петровны. Буду вамъ благодарна, если вы передадите меня ей.

Слишкомъ много было любопытныхъ глазъ и Мара любезно, но официально простилась съ царевичемъ и окружающими. Опираясь на руку графа Олтуфьева, она вышла изъ шатра.

— Вы меня боитесь, princesse?

— Я вамъ въ этомъ уже призналась, графъ.

Рука вельможи слишкомъ крѣпко прижимала руку Мары, слишкомъ ярко искрились его глаза... Да, онъ угадалъ — Мара начинала его бояться. На счастье Анна Петровна уже шла имъ навстрѣчу.

— Графъ передаетъ меня вамъ, Анна Петровна. Я устала, ѣдемте домой.

Графъ милостиво проводилъ дамъ до экипажа.

— Разрѣшите навѣстить васъ, princesse, васъ, создательницу моего ордена?

— Это будетъ большое счастье, графъ.

Экипажъ тронулся и Мара, усталая и грустная, откинулась на подушки. Она была искусственно весела и шумлива сегодня и завяла, какъ завяли роскошныя розы и жасмины, украшавшіе ея экипажъ.

— Я осталась одна среди васъ, кавалеры Олтуфьевскаго ордена! — весело заявила довольная Полина — надѣюсь, вы не соскучитесь со мною. Скука удалилась вмѣстѣ съ добродѣтелью. Поддержите меня, ваше высочество.

— Къ сожалѣнію я такъ усталъ, княжна, что могу думать только объ отдыхѣ! Артемовскій!!...

— Ваша коляска уже ждетъ, ваше высочество.

Царевичъ общимъ поклономъ простился съ огорченной Полиной и Бойсманомъ.

— Намъ тутъ дѣлать нечего! — сердито сказала Полина и шатеръ графа опустѣлъ.

Коляска царевича быстро неслась къ дворцу.

— Алексѣй, какое впечатлѣніе произвела на тебя Рокотова? — вдругъ спросилъ Георгій.

— Не знаю еще. Или это избалованное дитя, или опытная интригантка. Мнѣ не понравилось ея откровенное кокетство съ графомъ.

— А онъ былъ забавенъ, нашъ графъ-наставникъ, я никогда еще не видѣлъ его такимъ. Кажется, онъ увѣренъ, что можетъ еще нравиться.

— Онъ хорошо знаетъ, что его могущество и богатство замѣняютъ ему молодость и красоту.

Царевичъ промолчалъ.

«Не знаю, почему мнѣ такъ грустно, почему я такъ разочарована? — Я жаждала «праздника весны». Я думала, что этотъ день будетъ моимъ торжествомъ. И что-же? Ложь и страхъ Хельстрема. Пошлое ухаживаніе графа и мое пошлое кокетство. Куда я иду? Кажется, на опасный путь увлекаетъ меня мое легкомысліе? Сразу порвать! Опять запрячусь. Какъ грустно, какъ пусто, какъ тяжело!»

(Изъ дневника княгини Рокотовой.)

XVIII.

Моросилъ мелкій дождичекъ. Сѣрое небо хмуро глядѣло на землю. Улицы и рощи опустѣли и только изрѣдка проѣзжалъ фаэтонъ съ поднятымъ мокрымъ верхомъ.

Мара, въ кожаной курточкѣ и высокихъ сапожкахъ пробиралась изъ ближней рощи въ дальнюю. Она шла, опустивъ голову, въ глубокой задумчивости. Эта недѣля уединенія не унесла ея тоски.

— Княгинюшка!

Тихій, знакомый голосъ раздался такъ близко.

— Ваше высочество! — вздрогнула Мара. — Вы не боитесь такой погоды?

— Климатъ здоровый и сухой. Я даже люблю этотъ живительный весеній дождичекъ. А вы уже вернулись изъ Уравеля? Давно-ли?

— Нѣтъ, еще не вернулась — улыбнулась Мара — я здѣсь инкогнито, а докучныхъ визитеровъ выпроваживаютъ сообщеніемъ, что я въ Уравели.

— Ихъ много, этихъ докучныхъ визитеровъ?

— Все силуэты «маленькаго двора», ваше высочество.

— Конечно, Хельстремъ и графъ?

— О! Графъ удостоилъ меня только однимъ официальнымъ визитомъ, вмѣстѣ съ Бойсманомъ, но Хельстремъ и докторъ неутомимы.

— Вы, кажется, очень веселились на «праздникѣ весны». И совсѣмъ покорили моего наставника. Пришлось намъ всѣмъ продѣть «Олтуфьевскія сережки» въ правое ухо. И графъ очень доволенъ. А гдѣ-же ваша сережка, княгиня?

— Я еще числюсь въ Уравелѣ, ваше высочество. Когда вернусь — надѣну. Но врядъ-ли это будетъ очень скоро. Мое веселье на «праздникѣ весны» не было искреннимъ. Я сама себя подтягивала. А когда вернулась домой, сразу стало тоскливо и пусто. Уединеніе! Увы! и это средство уже безсильно. Однако я нагоняю скуку. У васъ во дворцѣ, конечно, веселѣе, чѣмъ въ моей пустынѣ. Какъ чувствуетъ себя блестящій Донъ-Жуанъ, пойманный во лжи?

— Мнѣ его жаль. Онъ смущенъ и оправдывается. И вообще... *теперь* мнѣ его жаль.

— Запутался въ собственныхъ сѣтяхъ. Вижу, что его слава заслуженная. Жаль только, что отблескъ этой славы падаетъ на васъ. И о васъ *говорятъ*, ваше высочество.

— Знаю и возмущаюсь. Кажется, ни о комъ такъ безсовѣстно не сочиняютъ въ Абастуманѣ, какъ обо мнѣ.

— Еще бы! Вы — центръ, на васъ устремлены всѣ взоры. Каждое движеніе вашихъ рѣсницъ — уже событіе.

— О, я предпочелъ-бы, чтобы сплетники меня совсѣмъ не замѣчали.

Бесѣдуя, они дошли до дальней рощи.

— Теперь я обратно — сказала Мара.

— Разрѣшите и мнѣ, княгиня. Съ вами такъ легко и просто и время летитъ незамѣтно.

— Какъ съ добрымъ, старымъ товарищемъ?

— Пожалуй — слабо улыбнулся Георгій.

— Если-бы Хельстремъ увидѣлъ насъ вмѣстѣ?!

— Вы подписали суровый ему приговоръ, а забыть его не можете.

— Не могу. Я бы хотѣла отомстить ему.

— За что?

— Я съ вами слишкомъ откровенна, ваше высочество. Кажется, я разскажу вамъ всю мою жизнь.

— Я привыкъ жить *чужими* радостями и печалями, у меня *своей* жизни нѣтъ.

— Почему такъ грустно? Придетъ и своя жизнь. Лучше ***поздняя*** **весна, теплая и цвѣтущая, чѣмъ** такая ранняя, какъ моя — холодная и ненужная, какъ пустоцвѣтъ.

— Иногда я мечтаю о горячей веснѣ, но почти никогда не надѣюсь — печально проронилъ царевичъ. — Здоровья нѣтъ и нѣтъ свободы. А все-таки вы мнѣ не отвѣтили, за что вы хотите мстить Хельстрему?

— За что? Трудно объяснить. Такъ неуловимо, такъ спутанно въ моей душѣ. За... чары безлунной, темной, ароматной ночи. За то, что золотую царскую сказку онъ омрачилъ своею лживостью.

— Однако, васъ это волнуетъ. Я запомню ваши слова и постараюсь расшифровать ихъ тайный смыслъ.

— Не стоитъ. Остается только заключеніе — моя месть. Можетъ быть, это мелкое самолюбіе? Я потомъ ужъ поставлю послѣднюю точку. Ваше высочество, я уже почти дома и прощусь съ вами. Я не хочу, чтобы насъ видѣли вмѣстѣ. Это создастъ новыя сплетни, а вы ихъ такъ не любите.

— Когда-же мы увидимся, княгиня? — застѣнчиво спросилъ царевичъ.

— Право трудно сказать. Въ дождикъ я расхрабрилась и выползла на прогулку въ неурочный часъ, а обычно я выхожу изъ дому въ шесть утра, брожу въ моихъ любимыхъ скалахъ у «родника міровой любви» и возвращаюсь въ девять, когда вы только пробуждаетесь.

— Еще одинъ родникъ любви! — улыбнулся царевичъ. — Я никогда тамъ не былъ. Гдѣ-же эти скалы?

— На полъ пути межъ ближней и дальней рощей. У обрыва надо свернуть налѣво въ скалы, итти все прямо, не смущаясь ихъ крутизной и выберетесь на дивную поляну. Тамъ родникъ «мировой любви» подъ тѣнью дикой черемухи.

Необычная улыбка, полная мальчишескаго упрямаго задора, сверкнула въ синихъ глазахъ царевича.

— Придумалъ, княгиня! Это будетъ великолѣпно. Въ тишинѣ спящаго дворца, я на разсвѣтѣ выпрыгну въ окно, прямо въ садъ и паркомъ выйду въ рощу. Тѣмъ-же путемъ до утренняго завтрака я вернусь обратно. И это будетъ моя маленькая тайна. До завтра. Въ скалахъ я васъ найду.

— Можно?

Кокетливая головка княгини Максени заглянула въ кабинетъ графа Олтуфьева.

— Пожалуйста, малютка — нехотя обернулся онъ. — Только предупреждаю, я очень занятъ.

— О, мой повелитель теперь всегда занятъ. Онъ сумрачный, сердитый, раздражительный. Кажется, молва не лжетъ.

— Какая молва? — нахмурился графъ.

Дарико шаловливо прикрылась вѣеромъ.

— О, не такъ сурово. Я боюсь.

— Брось свои ужимки, дитя. Онѣ меня раздражаютъ. Начала, такъ договаривай. Опять глупыя сплетни?

— Я не знаю, повелитель, такъ говорятъ.

— Что говорятъ? — уже совсѣмъ нетерпѣливо повысилъ голосъ графъ.

— Говорятъ, что нашъ грозный повелитель влюбленъ въ развязную дикарку, которая удостоилась на «праздникѣ весны» завтракать въ его шатрѣ въ высочайшемъ присутствіи.

Чуть замѣтная тѣнь промелькнула по лицу Олтуфьева. Небрежный тонъ звучалъ искусственно.

— Глупцы болтаютъ ерунду, а княгиня Максени ее повторяетъ вмѣсто того, чтобы пристыдить сплетниковъ. Княгиня Рокотова воспитана, вмѣру весела и гораздо приличнѣе многихъ нашихъ дамъ. Это свое мнѣніе я подчеркнулъ на «праздникѣ весны». Могу только прибавить, что она уѣхала отсюда и что я желалъ-бы не возобновлять подобныя бесѣды.

— А если я ревную, повелителъ? — наклонила головку Максени.

— Надъ этимъ заявленіемъ я бы посмѣялся, малютка, если-бы не былъ такъ занятъ сегодня.

И графъ рѣшительно взялся за перо.

Дарико вспорхнула, какъ испуганная птичка.

— Повелитель не зайдетъ ко мнѣ сегодня вечеркомъ? — протянула она Олтуфьеву свои тоненькіе пальчики, унизанные кольцами.

— Я занятъ — повторилъ графъ, еле касаясь жесткими надушенными усами этой крохотной руки.

Едва закрылась дверь за бывшей фавориткой, графъ позвонилъ.

— Никогда больше никого не пропускайте ко мнѣ безъ доклада.

Его повелѣніе прозвучало такъ холодно и такъ жестко.

Перо медленно, какъ сонное, движется въ небрежной рукѣ.

— Нѣтъ, довольно! Разсѣянная голова плохо соображаетъ и можетъ спутать тонкія нити придворной паутины. Олтуфьевъ шумно отодвинулъ кресло и подошелъ къ окну.

Тамъ, за окномъ, полная весна. Ея волшебными соками наполнились распускающіеся деревья и цвѣты. Тамъ клокочетъ жизнь въ каждой беззаботно пролетающей птичкѣ, въ шелковистой бабочкѣ, въ чуть замѣтной мошкѣ. Весна! Она властно стучится въ это окно, прорывается въ щели. Могучая волна ея льется въ широкую старѣющую грудь, согрѣваетъ оледенѣвшее сердце... И оно бьется все быстрѣе, все сильнѣе. Какъ тогда, когда на «праздникѣ весны» легкая женская рука опиралась на его руку и онъ осторожно прижималъ ее къ груди, прислушивался къ мелодичному смѣху и ловилъ золотыя искры лукавыхъ глазъ.

Тогда эта дѣвочка казалась близкой и доступной. Казалось, что ей пріятно вниманіе повелителя. Но вотъ она опять исчезла. И далекая, невѣдомая манитъ, какъ эта всесильная весна.

XIX.

Лужайка въ горахъ, среди скалъ, пробуждается въ розовыхъ лучахъ восходящаго солнца. Капли росы дрожатъ на свѣтлой зелени травы, сверкаютъ брилліантиками въ пестрыхъ головкахъ цвѣтовъ. Дикая черешня матерински простираетъ свои нарядныя душистыя вѣтви надъ колыбелью родника. Его свѣтлая струйка льется по деревянному желобку и, нѣжно журча, спадаетъ на камни.

На скалистомъ пригоркѣ, въ ласкѣ утренняго солнца, растянулся царевичъ всей своей гибкой, не крупной, изящно сложенной фигурой. Широко открыты глаза его и любуется онъ чудесной природой земли и ясною глубиною неба. Улыбка грезъ нѣжно скользитъ по его лицу. Чиста она, какъ хрусталь, наивна, какъ юность, печальна, какъ предчувствіе.

Мара — легкое и свѣтлое видѣніе — появилась на огромномъ камнѣ. Царевичъ не слышалъ ея шаговъ. Пробѣжалъ вѣтерокъ. Шелестѣли листья. Съ цвѣтами шепталась трава.

Георгій машинально обернулся. Или онъ почувствовалъ пристальный взглядъ Мары? Смутился, вскочилъ, оправляетъ свою тужурку.

Одинъ легкій прыжокъ и Мара рядомъ.

— О чемъ это вы замечтались, ваше высочество?

— Любовался природой. Вашъ любимый уголокъ восхитителенъ.

— О, здѣсь великолѣпно. Такъ тихо-тихо. Никогда никого. Только въ полдень появляются неожиданные гости — пастушокъ со своимъ стадомъ. Тутъ ихъ водопой. Коровы тянутся къ желобку, пастушокъ ложится на землю и погружается лицомъ въ родникъ. Напьется вволю, поднимется, вытретъ рукавомъ свое мокрое лицо и устраивается подъ черешней. Это — его столовая. Меню всегда одно и то-же: чурекъ*), овечій сыръ и фрукты. Мое присутствіе его не смущаетъ. Поѣстъ, уляжется и спитъ. А я добровольно его замѣняю — слѣжу, чтобы не разбѣжались его коровы. Вы смѣетесь, ваше высочество!

— Еще бы! Княгиня Рокотова, замѣняющая пастушка! Берегитесь, если Хельстремъ или графъ провѣдаютъ объ этомъ. Оба явятся сюда. Хотѣлъ бы я видѣть графа-наставника въ роли пастушка!

— Какъ я васъ развеселила! Однако, что-же мы стоимъ, ваше высочество? На этой полянѣ мои законы. Здѣсь не полагается стѣсняться! Устраивайтесь на вашемъ камнѣ, а я...

Она сбросила кофточку на траву подъ черешней.

— А я — въ столовой пастушка. Теперь разскажите мнѣ, что новаго у васъ во дворцѣ?

— Все то-же, княгиня. День расписанъ по часамъ. Безпорядокъ вносятъ только пикники и поѣздки. Вотъ и сегодня затѣяли поѣздку верхами къ перевалу. Не хочется, а придется принять участіе. Принцъ Константинъ всегда такъ упрашиваетъ, такъ умоляюще смотритъ на меня своими бѣлыми глазами...

— И вы уступаете?

— Уступаю. Не знаю почему, но мнѣ жаль принца. Такъ бы ему хотѣлось вернуться ко двору, но императоръ и слышать объ этомъ не хочетъ. Императоръ недоволенъ,

*) Кавказскій хлѣбъ.

что принцъ меня навѣщаетъ. Объ этомъ пишетъ мнѣ моя любимица, сестра Ксенія. Я думаю, что скоро всѣ они пріѣдутъ сюда — мама, Ксенія, ея женихъ, братъ Николай. Помолвка Ксеніи — наша послѣдняя семейная новость. Отецъ, наконецъ, далъ согласіе и Ксенія — невѣста великаго князя Александра Михайловича. Она его такъ любитъ и она такъ счастлива. А сколько было волненій и слезъ. И я волновался вмѣстѣ съ Ксеніей. Мы съ дѣтства съ нею особенно дружны. Мой маленькій дворъ, конечно, трепещетъ въ ожиданіи императрицы и наслѣдника. Пріунылъ принцъ Константинъ. Ему, вѣроятно, придется уѣхать.

— Я думаю, вы очень рады пріѣзду вашей матушки и близкихъ.

— О, да! Я очень люблю мама́, но... съ нею я не такъ откровененъ и не такъ близокъ, какъ съ Ксеніей.

Царевичъ потупился.

— Болѣзнь оторвала меня отъ близкихъ, отъ общей жизни. Я вдали, одинъ, среди чуждыхъ людей.

— А ваши любимые адъютанты?

— Легкомысленный Хельстремъ — онъ развлекаетъ меня своей жизнерадостностью. Онъ весь сотканъ изъ романтическихъ новеллъ, подчасъ забавныхъ. Но развѣ можно съ нимъ серьезно бесѣдовать? Артемовскій мнѣ ближе. Онъ — лучшій другъ, самоотверженный. И ему я вѣрю. Съ нимъ я откровеннѣе, чѣмъ съ другими, но тоже... не вполнѣ. Точно завѣса въ глубинѣ моей души и я не рѣшаюсь ее приподнять. Думы, ощущенія, желанія порою еле уловимы.

— И у меня не было истиннаго друга. Но когда-нибудь я его найду. Чья-то душа когда-нибудь такъ тѣсно сольется съ моей и безъ словъ разгадаетъ каждое мое дыханіе. Я этому вѣрю.

Долгое молчаніе.

— Я не знаю вашей жизни, княгиня, но чувствую, что и вамъ не легко.

— То я веселюсь и балаганю, то прячусь, какъ сурокъ, но покоя не нахожу. Одна роковая ошибка погубила меня. Семейныя обстоятельства такъ сложились, что пришлось выйти замужъ почти ребенкомъ. Тогда, казалось, это былъ единственный выходъ и я не сознавала, что дѣлала. И вотъ, я — собственность чуждаго мнѣ человѣка. Князь вдвое старше меня и мы не понимаемъ другъ друга. Онъ презри-

раетъ все, что мнѣ дорого и свято. Я ненавижу все то, чѣмъ онъ живетъ и дышетъ. По своему онъ любитъ меня, но это любовь тирана, собственника. Онъ скорѣе разобьетъ мою голову, чѣмъ возвратитъ мнѣ свободу. Но я пойду напроломъ. Лучше смерть, чѣмъ ненавистное рабство!

Лицо Мары разгорѣлось въ волненіи. Глаза ея то вспыхивали, то гасли.

— Ваше высочество, эта откровенность мнѣ дорого стоитъ, но я хочу, чтобы вы знали только правду о моей жизни. Я знаю, что злая людская фантазія неисчерпаема. Но больше ни одного слова не скажу я вамъ объ этомъ. Теперь я все хочу забыть и отдохнуть передъ жестокой борьбой.

— Я еще плохо разбираюсь въ вашей драмѣ и не умѣю утѣшать. Но я чувствую, что вы будете свободны и счастливы. Я такъ часто задумываюсь о жизни. Когда мнѣ было очень плохо и я былъ близокъ къ смерти, мнѣ страстно хотѣлось жить... Какъ птица, какъ звѣрекъ! Дышать, двигаться, грѣться на солнышкѣ, любоваться природой и всѣмъ живущимъ. Если вы не были близки къ смерти, вы этого не поймете.

— Вы жаждали уходившей жизни, какъ я — утерянной свободы.

— Пожалуй. Но теперь, когда я окрѣпъ, просто «жизнь» меня не удовлетворяетъ. Заговорила моя душа. Пробудилась жажда познаній, полезной работы, искренней, утонченной дружбы, довѣрія.

Онъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь и низко опустилъ голову. Онъ говорилъ такъ тихо, что Мара еле улавливала его слова. И когда замерло послѣднее — она не шелохнулась. Нѣжно шумѣла листва подъ лаской вѣтра. Звонко перекликались птицы. Шаловливо журчалъ ручей, ударяясь о камни. А солнце поднималось все выше и выше.

— Ваше высочество — почти шопотомъ сказала Мара.

Царевичъ поднялъ голову.

— Мы будемъ друзьями, ваше высочество? Если-бы вы могли мнѣ вѣрить такъ, какъ я вѣрю вамъ — безотчетно!

— Мы будемъ друзьями — по движенію губъ угадала Мара его тихій отвѣтъ.

Я попалъ во время въ свою комнату, слава Богу. Какъ я привыкъ бояться и скрывать! А теперь у меня настоящая тайна, моя тайна. Среди моихъ придворныхъ — серьезный, молчаливый, непроницаемый — въ душѣ я буду смѣяться надъ ними. Всѣ они слѣдятъ за мной, ловятъ мои взгляды и движенія и не догадываются, не знаютъ моей тайны. До завтра! Опять на разсвѣтѣ я буду любоваться волшебнымъ уголкомъ. Сначала одинъ. Приласкаетъ меня восходящее солнце, вѣтерокъ споетъ мнѣ свою пѣсенку и на легкихъ крыльяхъ унесетъ мою мечту къ голубому небу, а потомъ... потомъ придетъ мой новый другъ и я буду слушать и говорить и буду чувствовать, что меня понимаютъ. Новый другъ даритъ мнѣ новую жизнь. Я безотчетно ей вѣрю.

(Изъ записокъ царевича).

XX.

Блестящая кавалькада дружною рысью направлялась къ Дзекарскому перевалу*). Вотъ показался аджарскій сторожевой постъ, гдѣ былъ назначенъ привалъ. Аджарцы въ живописныхъ національныхъ костюмахъ — стройные и граціозные — выстрѣлами и своей дикой музыкой привѣтствовали высокаго гостя и его свиту. Ярко пылали костры и молодые барашки уже жарились на шампурахъ**). Огромные глиняные кувшины хранили прохладу винъ.

Царевичъ, утомленный ѣздой, по деревяннымъ мосткамъ прошелъ въ сколоченную изъ досокъ бесѣдку надъ обрывомъ. Его сопровождалъ Хельстремъ.

Георгій смотрѣлъ внизъ, гдѣ по зеленой травѣ разстилали коверъ и приготовляли завтракъ. Суетились у винъ и закусокъ. Говоръ, шумъ, смѣхъ.

— Муравейникъ — задумчиво проговорилъ онъ. — Посмотри, Альфонсъ, какая красивая группа. Взгляды, какъ мѣткія стрѣлы, летятъ прямо къ тебѣ.

— Какъ надоѣли мнѣ эти взгляды, я прячусь отъ нихъ,

*) Дзекарскій перевалъ — между Абастуманомъ и Багдадами, ведетъ къ Кутаису.

**) Шампуръ — кавказскій вертелъ.

Георгій. Ты улыбаешься, а я готовъ броситься съ этой кручи и разбить себѣ голову о камни. Елена — это самая настойчивая женщина въ мірѣ. Но такъ продолжаться не можетъ и я скоро положу этому конецъ! Ужасно! И даже ты, Георгій, ты противъ меня. Это плохая награда за мою преданность и любовь.

— Я тебя не понимаю, Хельстремъ.

— Ты видѣлся съ княгиней Рокотовой и скрылъ это отъ меня.

— А развѣ я долженъ давать отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ? Я этого не зналъ. И кто такъ настойчиво слѣдитъ за мной?

Непривычно холодно и сурово прозвучали эти слова.

— Не сердись, Георгій, это — случай. Я бродилъ по горкѣ противъ дома Рокотовой и увидѣлъ васъ вмѣстѣ. Вы оживленно бесѣдовали. Я видѣлъ, какъ вы простились и княгиня направилась домой. Я думалъ, что ты мнѣ скажешь объ этой встрѣчѣ. Ты вѣдь знаешь, какъ я добиваюсь свиданія съ нею. Она прячется отъ меня. Я даже повѣрилъ, что она уѣхала въ Уравель. Но теперь я найду ее, я долженъ съ нею объяснится.

Легкая тѣнь промелькнула по лицу его высочества.

— Ты не доволенъ Еленой, а, между тѣмъ, идешь по ея стопамъ. Только у Елены права на настойчивость, а у тебя ихъ нѣтъ.

— Права Елены въ прошломъ. А мои права дарованы чарами безлунной, темной, волшебной ночи.

Хельстремъ повторилъ слова Мары. Легкая краска выступила на лицѣ его высочества. Онъ искоса взглянулъ на своего адъютанта и отвернулся.

Въ бесѣдку по мосткамъ пробирался Бойсманъ.

— Завтракъ готовъ, ваше высочество — доложилъ онъ.

Хельстремъ, сумрачный, слѣдовалъ за царевичемъ. Онъ глупо велъ себя сегодня и онъ это сознавалъ.

Во время завтрака аджарцы развлекали царевича. Лучшіе танцоры показывали свое искусство подъ звуки стонущей и звенящей музыки. Плясали между острыми кинжалами, воткнутыми въ землю, и лихо перескакивали черезъ горящіе костры.

Княгиня Максени, вся въ голубомъ, бросала нѣжные, поэтичные взгляды на Георгія и презрительные — на Полину,

фривольно расположившуюся почти у ногъ царевича. Елена Мицкая, нарядная и гордая, тревожно слѣдила за Хельстремомъ.

— Позови его! — шепнула она своей сосѣдкѣ, Дарико Максени.

— Что это вы уединились, Альфонсъ Леонардовичъ? Идите къ намъ — кокетливо улыбнулась Дарико адъютанту.

— Ни за что, княгиня! Я сегодня въ ужасномъ настроеніи, я способенъ кусаться и потому избѣгаю общества прекрасныхъ дамъ.

— Нашъ Донъ-Жуанъ приближается къ концу трагедіи — разсмѣялся докторъ Поровъ — кажется онъ уже ждетъ «командора».

— Лучше молитесь своей Мадоннѣ, докторъ! — отпарировалъ Хельстремъ.

— У моего доктора своя Мадонна? — съ удивленіемъ спросилъ царевичъ.

— О, вы еще не знаете исторію о Мадоннѣ доктора, ваше высочество? — обрадовался Хельстремъ. — Поучительная исторія! Когда докторъ впервые увидалъ княгиню Рокотову, онъ замеръ, пораженный. Ея красивая внѣшность оказалась точной копіей образа Мадонны, очаровавшаго доктора во дни его дѣтства въ какомъ-то уединенномъ замкѣ вблизи Флоренціи. Докторъ признался, что Мадонна была его единственной любовью. Кажется, это необычайное событіе разстроило и запугало княгиню Рокотову и она немедленно бѣжала въ Уравель...

— Бѣгству Рокотовой больше способствовали усовершенствованные комплименты Донъ-Жуана — съязвилъ докторъ.

— Какой вы затѣяли скучный разговоръ — лѣниво потянулась Полина и взоръ ея недовольно сверкнулъ въ сторону доктора.

Послѣ завтрака блестящая кавалькада помчалась къ перевалу. Утомленный царевичъ уклонился отъ этой поѣздки — онъ отдыхалъ въ аджарской будкѣ. Тамъ ему устроили удобное ложе изъ ковровъ и мутакъ.

Бойсманъ и докторъ въ бесѣдкѣ сражались въ пикетъ. Полина разсѣянно наблюдала за игрой.

— И какъ вамъ не надоѣстъ! — вдругъ рѣзко поднялась она.

Быстро и легко, какъ граціозная пантера, сбѣжала Полина по мосткамъ на лужайку. Напѣвая пѣсенку, долго бродила она, срывая цвѣты. Она украшала пестрыми и яркими букетами темныя волны своихъ распущенныхъ волосъ.

Незамѣтно очутилась она у аджарской будки и въ нерѣшимости поглядывала на плохо прикрытую дверь.

— Вы отдыхаете, ваше высочество?

Отвѣта не было.

Полина оглянулась. Никто не обращаетъ на нее вниманія. Она быстро толкнула дверь и вошла въ будку.

На пестрыхъ мутакахъ выдѣлялся блѣдный лобъ царевича, красиво очерченный, испещреный голубыми жилками. Его опущенныя вѣки чуть трепетали тѣнью каштановыхъ рѣсницъ. Или онъ спалъ, или грезилъ — онъ не слышалъ легкаго скрипа дверей и шелеста шаговъ.

— Ваше высочество!

Георгій быстро оглянулся, приподнимаясь.

— Княжна!

— Ну, конечно. А вы испугались? Если я васъ разбудила, простите. Только, ради Бога, не вставайте. Отдохните. Даже я, неугомонная, устала. Выдумали удовольствіе — скачку по жарѣ и пыли!

Полина беззаботно расположилась на коврѣ.

— Послѣдніе дни вы разсѣянны и грустны, ваше высочество! Почему?

— Нездоровится, княжна.

— Вы, кажется, все еще сердитесь на меня за тотъ безшабашный вечеръ? Я тогда слишкомъ много выпила вина.

— Не стоитъ вспоминать, княжна.

— О, я давно-бы забыла, но вы такъ измѣнились съ тѣхъ поръ. Вы меня избѣгаете.

— Вамъ это кажется, княжна.

— О, не уходите!

Она порывисто, обѣими руками, сжала его руку. Яркія пятна выступили на щекахъ царевича. Онъ избѣгалъ огненныхъ глазъ Полины.

— Ваше высочество, помните тотъ вечеръ, когда вы неосторожно написали записочку Дарико? Я, огорченная, подошла къ вамъ? Тогда я не была вамъ безразлична. Я это чувствовала...

Царевичъ рѣзко высвободилъ свою руку.

— Вы и тогда ошибались, княжна. Здѣсь душно, пойдемьте на воздухъ.

Ошеломленная Полина, понурившись, смотрѣла ему вслѣдъ. Она слишкомъ понадѣялась на свои чары. Досада и злоба душили ее. Гдѣ ключъ отъ этого равнодушія? Неужели тотъ проклятый вечеръ сыгралъ роковую роль?

Царевичъ торопливо вышелъ изъ будки. Порывъ дорого ему стоилъ. Голова его кружилась и онъ прислонился къ широкому стволу сосны. Дрожь пробѣгала по его гѣлу и утомленныя вѣки сомкнулись.

— Вамъ нездоровится, ваше высочество? — тревожно спросилъ подоспѣвшій докторъ. — Можетъ быть, поѣдемъ обратно?

Царевичъ молча наклонилъ голову.

Медленно и осторожно экипажъ его высочества спускался съ горы по пыльному шоссе. Артемовскій и докторъ сопровождали царевича.

— Постоянное веселье меня утомляетъ — тихо, но твердо говорилъ Георгій. — Я хочу покоя и отдыха. Неужели никто этого не понимаетъ?

Онъ закашлялся и прижалъ платокъ къ губамъ. Кровавая жилка ярко выдѣлилась на бѣломъ полотнѣ.

Въ широко раскрытыхъ глазахъ царевича мелькнулъ испугъ.

— Этого давно не было — прошепталъ онъ, блѣднѣя.

Мерцающій свѣтъ лампадокъ нѣжно озаряетъ постель его высочества. На бѣлыхъ подушкахъ темнѣетъ голова царевича. Глаза его закрыты, но рѣсницы и губы вздрагиваютъ. Артемовскій охраняетъ покой своего друга.

— Мы одни, Алексѣй?

— Одни, Георгій!

— Меня теперь навѣрно продержатъ нѣсколько дней въ постели.

— Безусловно.

— Алексѣй, если-бъ ты исполнилъ мою просьбу, если-бъ ты передалъ письмо княгинѣ Рокотовой. Только непремѣнно сегодня.

— Уже письмо? — невольно удивился Артемовскій. — Не безпокойся, я передамъ.

Какъ я огорченъ свѣтъ-княгинюшка, что не придется мнѣ завтра вмѣстѣ съ Вами наслаждаться поэзіей Вашего любимаго уголка. Расхворался. Лежу. Силишекъ нѣтъ. Не надолго выпустила меня изъ когтей моя болѣзнь, играетъ мною, какъ кошка мышью. Пригвожденный, я завидую пастушку, который завтра утомлитъ свою жажду у родника «Міровой любви».

Думается, что даже смерть не казалась-бы такою страшной подъ заботливой тѣнью черешни на бархатистой травѣ. Необъятное небо — послѣдній и вѣчный пріютъ души — тамъ такъ прекрасно! А сейчасъ оно смотритъ въ мое окно сѣрымъ клочкомъ и кажется мнѣ далекимъ, загадочнымъ. Если-бы Вы написали мнѣ нѣсколько словъ? Вечеромъ Артемовскій зайдетъ и, если моя просьба не покажется вамъ дерзкой, вы передадите ему вашъ отвѣтъ. *Георгій.*

(Письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)

«Какъ меня огорчила Ваша болѣзнь, ваше высочество. Но въ темномъ небѣ печали свѣтлою звѣздочкой мелькнуло Ваше письмецо. Не забыли новаго друга! Только гоните прочь мрачныя мысли! Болѣзнь не уступаетъ безъ борьбы и самовнушеніе — великая сила. Не пользуйтесь ею во вредъ себѣ. Лежите спокойно, набирайтесь силъ, мечтайте. Вѣдь Вы умѣете мечтать. И Вы красиво пишете. Это уже маленькій талантъ. Сегодня я одна бродила по скаламъ и полянкѣ. Именно — «бродила». Мнѣ не хватало моего спутника, его смущенной улыбки, тихаго голоса, пытливыхъ вопросовъ. Поправляйтесь — полянка и другъ Васъ ждутъ.

Рокотова.

P. S. Вечеромъ, закутанный въ свой морской плащъ, появился у нашей калитки вашъ любимецъ — Артемовскій. Кажется, роль почтальона ему не особенно улыбается. Онъ былъ холодно вѣжливъ. Онъ любитъ Васъ, а мнѣ не довѣряетъ. Съ явной тревогой онъ взглянулъ на мое письмо. Р.»

(Письмо княгини Рокотовой царевичу.)

Со ступенекъ веранды, облокотившись о каменную вазу, Мара смотрѣла вслѣдъ Артемовскому. Когда въ темнотѣ исчезъ темный силуэтъ «почтальона» его высочества, Мара приникла головкой къ душистой резедѣ, наполнявшей вазу. Легкій ароматъ скромнаго цвѣтка смѣшался съ ея нѣжными грезами. Золотая царская сказка снова ожила въ ея душѣ, снова плѣняла и притягивала.

— Кто тамъ? — вздрогнувъ, откликнулась Мара на рѣзкій стукъ захлопнувшейся калитки.

— Свои! — послышался знакомый голосъ и стройная фигура Хельстрема словно выросла на ступеняхъ веранды.

— Вы очень смѣлы! — отшатнулась Мара.

— Даже дерзокъ, сознаюсь. Можетъ быть, не такъ дерзокъ, какъ тотъ, съ кѣмъ вы сейчасъ бесѣдовали у калитки. Я узналъ Артемовскаго. Развѣ онъ такъ интимно посѣщаетъ вашъ домъ?

— Кто далъ вамъ право допрашивать меня и слѣдить за мной? — круто повернулась Мара.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы не уйдете, княгиня! Я слишкомъ долго и упорно искалъ этой встрѣчи. А мое право — вы его знаете. Я почерпнулъ его въ нѣжной мечтѣ золотыхъ глазъ, въ вашей ласковой улыбкѣ, въ трепетѣ вашего голоса, въ ту темную, волшебную ночь. Вы не забыли ее, конечно?

— Я могла-бы сказать вамъ, что забыла, но я не Хельстремъ и лгать не хочу. Только вы и тогда не поняли мечты моей. Я грезила о золотой царской сказкѣ. Вы были ея блестящимъ силуэтомъ. Ваша ненужная ложь свалила васъ съ пьедестала и уже нѣтъ силы, которая могла-бы васъ поднять.

И Мара быстро скользнула мимо Хельстрема по ступенямъ террасы и скрылась за дверью своей виллы.

Балконъ абастуманскаго дворца.
(Въ дверяхъ царевичъ Георгій, на перилахъ — великая княгиня Ксенія Александровна и великій князь Александръ Михайловичъ.)

Съ нетерпѣніемъ я ждалъ Артемовскаго, княгинюшка! Я вѣдь не зналъ, какъ мой новый другъ приметъ мое посланіе. А если-бы вы разсердились? Но пришлось радостно бранить себя за сомнѣніе. Всѣ Ваши рецепты я выполняю. Лежу уже третій день и поправляюсь. Самовнушеніе теперь идетъ мнѣ на пользу.

Въ моемъ дворцѣ стало тихо. Неудобно веселиться, когда я лежу.

Въ Петербургѣ встревожились и мама ускоритъ свой пріѣздъ. Принцъ повѣсилъ носъ; Хельстремъ сумраченъ; Артемовскій ворчитъ. У Васъ, конечно, веселье и мысленно я съ Вами. Порою такъ реально рисую себѣ полянку въ скалахъ. Каждую мелочь, каждый звукъ. Ваши легкіе шаги, Вашъ смѣхъ. И тогда хочется вскочить съ постели, разбить склянки съ лѣкарствами, разогнать докторовъ и докучную свиту и у всѣхъ на глазахъ выпрыгнуть въ окно. Видите, какія глупыя мысли приходятъ мнѣ въ голову! И мнѣ кажется, что мы увидимся скорѣе, чѣмъ вы думаете. *Георгій.*

(Второе письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)

«Спасибо, ваше высочество, не забываете новаго друга. Ваше второе письмо бодрѣе и, даже, порою веселое. Какъ видно, мои рецепты не плохи, я ими горжусь. У меня все то-же, если не считать коротказо ночного свиданія съ Хельстремомъ на ступеняхъ моей веранды. Онъ слишкомъ много надеждъ возлагаетъ на мимолетные чары «одной темной волшебной ночи». Я прямо сказала ему, что ложь свалила его съ золотого пьедестала и нѣтъ такой силы, которая могла бы его поднять. Видите, какъ я откровенна съ моимъ другомъ! Отъ волшебнаго царевича у меня нѣтъ тайнъ. Вамъ кажется, что мы увидимся скорѣе, чѣмъ я думаю? Хотя бы! Рокотова.»

(Второе письмо княгини Рокотовой царевичу.)

XXI.

Зарождающійся день былъ еще такъ блѣденъ, какъ утомленная красавица, какъ лилія у тѣнистаго ручья. Востокъ вспыхивалъ розовымъ перламутромъ грядущаго солнца.

Люди еще спали, но пернатое царство пробудилось. Зашевелились крохотные обитатели лѣсовъ и полей.

Мара медленно поднималась по скаламъ. Высоко вздымавшаяся грудь ея наслаждалась чистотою ароматнаго воздуха. Она остановилась на камнѣ, высившемся надъ ея полянкой. Солнце блеснуло первыми яркими лучами и заискрилось на брилльянтовыхъ росинкахъ и на хрустальной струйкѣ родника.

— Ваше высочество уже на ногахъ!

Мара протягиваетъ обѣ руки своему новому другу. Почему онъ такой сумрачный и блѣдный? Почему онъ такъ холодно отвѣтилъ на ея ласковое привѣтствіе?

— Послѣ болѣзни вы сидите на сыромъ камнѣ? Этого я не допущу. Вотъ ваше мѣсто!

Мара сбросила свою плюшевую кофточку на обломъ скалы. Слабая улыбка мелькнула по губамъ царевича и онъ покорно пересѣлъ на импровизированный коврикъ.

— Мы оба забрались сюда сегодня необычайно рано. Совпаденіе, или, какъ говоритъ Michel Волконскій — «совъ паденіе» — пошутила Мара.

Царевичъ не отвѣтилъ.

— Или вы дали обѣтъ молчанія, ваше высочество?

— Я жду полной откровенности моего друга.

Мара пожала плечами.

— Въ вашемъ письмѣ — недоговоренное; — царевичъ, смущенный, угрюмо смотрѣлъ въ сторону — какъ Хельстремъ попалъ ночью на ступени вашей виллы?

— Потому что вашъ адъютантъ безконечно дерзокъ.

— Дерзокъ?

Брови царевича сдвинулись, его взглядъ сверкнулъ.

— Вотъ вы какой? — удивленно отступила Мара. — Орленокъ! Этой молніи я еще не замѣчала въ вашихъ глазахъ.

Онъ упрямо хмурился.

— Вы избѣгаете отвѣта. Какъ очутились вы ночью съ Хельстремомъ на ступеняхъ вашей виллы и почему... почему вы бесѣдовали съ нимъ? Вы обѣщали мнѣ вашу откровенность.

— А развѣ я что-нибудь скрыла отъ васъ?

Царевичъ нервно срываетъ листочки клевера.

— Хельстремъ опирается на чары темной, безлунной, волшебной ночи. Тамъ онъ почерпаетъ свою дерзость. И вы

не отрицаете чаръ этой ночи, вы только не хотите довѣрить ихъ мнѣ — тихо, упрямо роняетъ Георгій. — Я вижу, что Хельстремъ не совсѣмъ неправъ.

— Вы! И вы! — вскипѣла Мара. — Не ожидала я этого отъ друга! И какъ теперь себя браню за глупую откровенность! Всего лучшаго, ваше высочество.

Она круто повернулась и уходила рѣшительно и быстро.

— Не сердитесь!

Но несмѣлый призывъ его высочества остался безъ отвѣта. Георгій еще долго сидѣлъ на кофточкѣ разгнѣваннаго друга. Точно чьи-то холодные, жесткіе пальцы сдавили сердце царевича. Крохотные, розовые сны уплывали... Нѣжная дружба милой женщины... Онъ виноватъ, онъ не могъ сдержать упрямой вспышки...

— Алексѣй!

Испуганный, полуодѣтый Артемовскій отворилъ дверь своей комнаты.

Царевичъ стоялъ за дверью, розовый отъ смущенія, съ письмомъ и дамской кофточкой въ рукахъ.

— Что съ тобой? Откуда эта кофта?

Георгій не смотрѣлъ на друга.

— Если-бъ ты, Алексѣй, сейчасъ... сію минуту отнесъ это письмо и эту кофточку княгинѣ Рокотовой!

Артемовскій только печально вздохнулъ.

— И нуженъ отвѣтъ? — отрывисто спросилъ онъ.

Хрупкія руки царевича съ нѣжною благодарностью сжали руку Артемовскаго.

— Не сѣтуйте на столь ранній визитъ! — и Артемовскій изъ сада изысканно поклонился Марѣ, разливавшей утренній кофе на балконѣ.

— Алексѣй Владиміровичъ, пожалуйста, прошу! — засуетилась Мара.

— Я только посыльный — холодно проговорилъ Артемовскій, поднимаясь по ступенямъ балкона — возвращаю вамъ вашу кофточку, чудомъ очутившуюся въ комнатѣ великаго князя. И вотъ еще одно письмо.

— Надѣюсь, вы не откажетесь выпить чашечку кофе, пока я его прочту?

Я былъ слишкомъ откровененъ и Вы разсердились. Сознаюсь — я виноватъ и надѣюсь, что повинную голову мечъ не сѣчетъ. Когда Вы ушли, стало такъ пусто и холодно. Ваша поляна казалась унылой, какъ будто солнце уже не согрѣвало ее. Печальный, встревоженный вернулся я домой. Неужели конецъ нашей дружбѣ? Неужели не будетъ отвѣта? Георгій.

(Письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)

— Алексѣй Владимировичъ — лукаво взглянула Мара на Артемовскаго — пока вы выпьете вторую чашку кофе, я настрочу маленькій отвѣтъ.

— Пожалуйста, княгиня!

«Другъ — по прежнему другъ! Вы меня задѣли и я вспылила. Я, вѣдь, дикарка. Теперь отъ вспышки не осталось и слѣда. Я думаю, что мы никогда не поссоримся, тѣмъ болѣе изъ-за Хельстрема. Неизмѣнный другъ его высочества Рокотова.

P. S. Въ память нашего мира подарите мнѣ фотографію моей симпатіи — Георгія.»

(Письмо княгини Рокотовой царевичу.)

Артемовскій разглядывалъ Рокотову, пока она писала. Улыбкой счастья свѣтилось ея оживленное лицо.

— Видите, какъ скоро. Стараюсь не злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ.

— Какой вы еще ребенокъ — поднимаясь, сказалъ Артемовскій. — Мнѣ васъ жаль. Сознаете ли вы *кому* вы написали эти строки? Я люблю Георгія, можетъ быть, больше собственной жизни, но я знаю, что онъ — обреченный. Онъ можетъ вырваться изъ когтей болѣзни, но изъ лапъ «высшаго назначенія» и политики ему не вырваться никогда... О личной жизни Георгій не долженъ и мечтать. Государь недолговѣченъ, всѣ это знаютъ. Его смерть приблизитъ Георгія къ трону. Онъ — будущій наслѣдникъ и, кто знаетъ, можетъ быть — будущій царь. Вдумайтесь въ мои слова, княгиня, и остерегайтесь нашихъ придворныхъ. Въ ихъ тонкихъ, ядовитыхъ планахъ вы не разберетесь.

Еще одинъ корректный поклонъ и адъютантъ его высочества быстро удалился. Мара, смущенная, смотрѣла ему вслѣдъ. Словно завѣсу сорвалъ онъ съ ея глазъ. Георгій — будущій царь! Не для него личная жизнь съ маленькими радостями и печалями. Онъ — будущій царь. Милліоны человѣческихъ жизней въ его власти. И онъ многихъ можетъ сдѣлать счастливыми. Теперь, юношей, онъ уже такъ тонко все чувствуетъ, такъ все понимаетъ. И она, Мара, его другъ! Это сознаніе опьянило ея гордость. Пусть вліяніе этой дружбы будетъ благодѣтельно, какъ солнце и чисто, какъ кристаллъ.

Царевичъ, волнуясь, разорвалъ конвертъ, переданный ему Артемовскимъ. Онъ читалъ быстро и внимательно. Лицо его прояснилось.

— Полное высочайшее помилованіе — прошепталъ онъ, улыбаясь.

Ласковая рука Артемовскаго опустилась на плечо Георгія.

— И это только дружба? — тихо спросилъ адъютантъ.

— Чистая, святая дружба, Алексѣй.

Внутреннимъ свѣтомъ озарились черты царевича и стали они прекрасны, какъ все, что «выше земли».

На полянѣ, среди скалъ, озаренные лучами утренняго солнца, встрѣтились примирившіеся друзья. Иными глазами смотрѣла теперь Мара на царевича — съ благоговѣніемъ и гордостью.

— Совсѣмъ прощенъ?

— Ну, конечно.

— А это въ память нашего мира.

Смущаясь, передалъ онъ Марѣ свою фотографію съ надписью: «Дорогой княгинюшкѣ на память отъ ея симпатіи».

Они дружно расположились подъ дикой черешней на «знаменитой» кофточкѣ Мары.

— Я больше не намѣрена скрываться, ваше высочество. Я возвращаюсь изъ Уравеля.

— И не боитесь?

— Даже предъ могуществомъ графа-наставника не трепещу. Вдругъ захотѣлось веселья, музыки, общества.

Когда пріѣдутъ ваши близкіе, я не вынесу одиночества. Я знаю, они оторвутъ васъ отъ новаго друга.

— О, нѣтъ! Увѣренъ, что въ часы нашихъ прогулокъ они будутъ также крѣпко спать, какъ сейчасъ спитъ мой дворецъ.

— Ахъ, если-бы вернулось волшебное время сказокъ, я бы всѣхъ ихъ усыпила на цѣлое лѣто. Оно промелкнетъ такъ быстро. А осень — конецъ моей свободы и начало жестокой борьбы.

— Неужели вы уѣдете осенью?

— Придется. Всякому своя судьба. Ваша лучше моей. Вы посвятите свою жизнь многомилліонному народу и, если сохраните чистоту сердца, сколько добра вы совершите! Тогда позовите вашего безкорыстнаго друга. Я прилечу, гдѣ бы я ни была, и буду вѣрною слугою его величества.

Облако грусти покоилось на челѣ царевича.

— Въ вашихъ словахъ — вліяніе Артемовскаго. Я только братъ своего брата — не больше. Пожалуй, я могъ-бы найти свою долю счастья, если-бъ родился простымъ смертнымъ.

Онъ порывисто поднялся, какъ бы сбрасывая всѣ эти ненужныя, тяжелыя мысли.

— А пока мой другъ у меня въ долгу. И *вы* должны мнѣ дать свою фотографію.

— У меня тутъ только одна, снятая три года тому назадъ. Тогда я еще была юная, беззаботная, свободная Мара.

— Мара... это ваше уменьшительное имя?

— Такъ зовутъ меня всѣ мои близкіе.

— Мара... — тихо, тихо повторилъ царевичъ.

— Только восемь! — взглянула Мара на часы. — Ваше высочество, я провожу васъ до дальней рощи.

Они осторожно спустились по скаламъ на лѣсную тропу.

— Знаете, намъ не миновать «источника любви», гдѣ Хельстремъ представилъ меня вамъ!

Сухая вѣтка треснула такъ близко. Они невольно остановились и затихли. Но — поздно. Чьи-то торопливые смѣлые шаги. Раздвинулись вѣтви орѣшника и... показалось красивое возбужденное лицо Хельстрема.

— Я угадалъ. Я узналъ васъ по смѣху, княгиня.

И вдругъ онъ замѣтилъ царевича.

— Ваше высочество! — пробормоталъ изумленный адъютантъ.

— Вы, кажется, принимаете меня за привидѣніе, Хельстремъ?

— Я думалъ, въ такой ранній часъ, его высочество всегда почиваетъ и...

— Ну, а сегодня я проснулся рано, рѣшилъ пройтись и случайно встрѣтилъ княгиню.

— Я вчера вечеромъ вернулась изъ Уравеля.

Хельстремъ не вѣрилъ, это такъ ясно отражалось въ его расширенныхъ голубыхъ глазахъ.

— И теперь — забавлялась Мара — я провожаю его высочество до дальней рощи.

— Разрѣшите и мнѣ, ваше высочество?

Георгій пожалъ плечами.

— О, пожалуйста — насмѣшливо протянула Мара.

Они вышли на крохотную лужайку у «родника любви». Настроеніе царевича рѣзко измѣнилось. Онъ шелъ, опустивъ голову, не реагируя на шутливыя замѣчанія Мары.

— Альфонсъ Леонардовичъ, я знаю, что съ вами всегда записная книжка. Дайте мнѣ карандашъ и листокъ бумаги. Благодарю. Здѣсь, въ память нашего знакомства, я вамъ напишу два слова, ваше высочество.

Лукаво смѣясь, она передала записку царевичу:

«Кажется, мой другъ очень ревнивъ».

Онъ прочелъ и смутился.

— Правда? — спросила Мара.

Злыми глазами смотрѣлъ на нее Хельстремъ.

— Я, какъ будто, лишній, княгиня.

— О, какъ вы смотрите, Альфонсъ Леонардовичъ! Не надо. Злоба не идетъ къ вашимъ небесно-голубымъ глазамъ. А вотъ и роща! Дальше я васъ не провожаю. Всего лучшаго, ваше высочество.

Со стороны дворца прозвучалъ колоколъ, призывавшій къ утреннему завтраку.

— Ваше высочество, поторопитесь — нервно сказалъ Хельстремъ — во дворцѣ встревожатся, если замѣтятъ ваше отсутствіе. Я провожу княгиню.

Георгій быстро, съ удивленіемъ взглянулъ на своего адъютанта.

— Я не выйду къ утреннему завтраку. Въ моемъ распоряженіи полчаса и княгиня позволитъ мнѣ проводить ее.

— Ваше высочество, я провожу княгиню — настойчиво повторилъ адъютантъ.

Въ потемнѣвшемъ небѣ глазъ царевича блеснула молнія.

— Я вамъ приказываю, лейтенантъ — идите во дворецъ.

Его голосъ не дрогнулъ, тихій, но грозный.

Хельстремъ поблѣднѣлъ. Красивая голова адъютанта гордо закинулась.

— Слушаюсь, ваше высочество.

Возмущеніемъ звучали слова покорности.

— До скораго свиданія, княгиня.

Хельстремъ порывисто поцѣловалъ руку растерявшейся Мары, вытянулся въ струнку, приложилъ руку къ козырьку и гордый, стройный, быстро зашагалъ ко дворцу.

Георгій смотрѣлъ ему вслѣдъ. Въ его глазахъ еще вспыхивала молнія.

— Ваше высочество!

Мара ласково коснулась его дрожавшей руки. Онъ какъ-то сразу погасъ, согнулся, словно застыдился своего порыва.

— Донъ-Жуанъ невмѣняемъ. Не сердитесь. Не стоитъ — пробовала шутить Мара. — Охъ, кажется, я сегодня написала жестокую правду его высочеству!

— Княгиня — вспыхнулъ царевичъ — я вѣрю дружбѣ только тѣхъ, у кого мало друзей. Я вѣрю Артемовскому — у него только одинъ другъ — Георгій.

— А у Георгія — шаловливо улыбнулась Мара — сколько у него друзей? Хельстремъ, Артемовскій, Полина, Максени, Рокотова, Мѣшковъ, Азбелевъ, графъ, Бойсманъ. И еще, и еще...

— Только Артемовскій и...

— И Мара? — кокетливо наклонила она головку.

— И Мара.

— Улыбнулись! — какъ дитя, радостно захлопала она руками. — А теперь спѣшите, вамъ окончательно пора.

— Княгиня! — покраснѣлъ царевичъ — на вашей полянкѣ, между скалъ, три кривыя сосны. Вы ихъ замѣтили?

— Еще-бы, я наизусть знаю свою полянку.

— Между ними, подъ камнемъ, я вамъ оставлю письмо. И, надѣюсь, я найду тамъ отвѣтъ.

Не глядя на Мару, онъ торопливо простился съ нею.

Порою мнѣ такъ хочется Вамъ написать. Въ письмахъ я смѣлѣе. Когда я вдали отъ Васъ — такъ много хочется Вамъ сказать. Встрѣчаемся — и я не рѣшаюсь. А я такъ одинокъ въ своемъ дворцѣ, Мара. Позвольте мнѣ такъ называть моего друга въ письмахъ, только въ письмахъ. И Вы придумайте мнѣ дружеское имя для писемъ. А то, вѣдь, смѣшно, когда друзья титулуются: «ваше высочество», «ваше сіятельство». Переписываясь, мы будемъ откровенны, мы скорѣе узнаемъ другъ друга. Вотъ Вы мнѣ написали сегодня: «мой другъ очень ревнивъ». Да, Мара, сознаюсь, эта черта съ дѣтскихъ лѣтъ во мнѣ. Самолюбіе, робость и ревность. Три порока. Вспышка самолюбія или ревности гаситъ робость и тогда — «молнія». Отъ Васъ, вѣдь, ничто не скроется. Я слишкомъ много пишу о себѣ, но... сколько невысказанныхъ мыслей, чувствъ, настроеній! Будьте снисходительны къ своему другу. *Георгій.*

P. S. А Хельстремъ! Какая развязность! Кажется, онъ пытался унизить меня въ Вашихъ глазахъ, но, чувствую, что это ему не удалось!

(Письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)

«Ваша идея восхитительна. Утромъ друзья встрѣчаются, наслаждаясь природой. Бесѣдуютъ «полу-тонами». Они подъ властью робости. А потомъ письмо — откровенное и смѣлое. Душа постепенно обнажается передъ другомъ. Вы признались уже въ своихъ «порокахъ». По моему они обаятельны, но, можетъ быть, я пристрастна къ Жоржику? Видите, я уже выбрала своему другу имя для писемъ! Воображаю, какъ мы оба будемъ смущены завтра при встрѣчѣ. Конечно, я не назову его высочество «Жоржикомъ», а «Мара» застынетъ у Васъ на губахъ. До завтра, Жоржикъ. Я не робка и не застѣнчива, какъ мой другъ, не знаю царственныхъ «молній», но самолюбива... А уже ревнива! Молите судьбу, чтобы она избавила Васъ отъ моей ревности. Мара.

P. S. О Донъ-Жуанѣ не хочется писать. Онъ невмѣняемъ и глупитъ и сердиться на него не стоитъ.»

(Письмо княгини Рокотовой царевичу.)

XXII.

— Узналъ о вашемъ возвращеніи изъ Уравеля, княгиня, и сейчасъ же съ визитомъ. Вѣрный вашъ поклонникъ.

Графъ Олтуфьевъ тяжело поднимался по ступенямъ балкона виллы Рокотовой въ сопровожденіи доктора. Бойсманъ скромно ждалъ въ коляскѣ у калитки.

— Вы такъ внезапно скрылись. Вѣроятно, пришлось вамъ поскучать съ нами на «праздникѣ весны»?

— Графъ! — укоръ великолѣпно удался Марѣ. — Это одинъ изъ самыхъ блестящихъ дней моей жизни и я не забываю «праздника весны». Неправда ли, докторъ?

— На меня не опирайтесь, княгиня. Я вѣдь противникъ женскаго коварства — пошутилъ докторъ.

— Самоваръ на столѣ, дорогіе гости. Прошу. Я уже по весеннему — пью чай на балконѣ.

Мара хозяйничала, разливала чай, старалась занимать своихъ гостей, но чувство неловкости не оставляло ее. Ей казалось, что докторъ наблюдаетъ за каждымъ ея движеніемъ, ловитъ каждое ея слово. Ей казалось, что глаза Олтуфьева слѣдуютъ за нею неотступно и вспыхиваютъ яркими огоньками.

— А я вѣдь не только съ визитомъ, princesse, но и съ приглашеніемъ. И, если вы мнѣ дѣйствительно рады, вы не откажете. Завтра, въ одиннадцать утра, маленькая поѣздка къ «Воротамъ очарованія». Докторъ заѣдетъ за вами, если позволите.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ за вниманіе, графъ, къ одиннадцати я уже буду готова.

— Я долженъ благодарить васъ, princesse. Вашу ручку!

Этотъ прощальный поцѣлуй руки былъ слишкомъ дологъ. За спиной графа докторъ насмѣшливо улыбался.

— Я за вами, княгиня.

Мара невольно разсмѣялась — крупная фигура доктора Порова, плохого наѣздника, такъ забавно подскакивала на сѣдлѣ.

— Я готова.

Тоненькая и высокая, въ гладкой синей амазонкѣ, Мара сбѣжала съ веранды и заботливо оглянула уже осѣдланную

Бѣлянку. Смуглый слуга, Абрамъ, подставилъ ей руку и она легко коснулась ногой его ладони и вскочила въ сѣдло.

— Великолѣпно! — одобрилъ докторъ, осаживая коня — ѣдемте, васъ ждутъ.

Легкой рысью они направились къ дворцу.

— Въ васъ много граціи — хладнокровно проговорилъ докторъ, оглядывая Мару — и, знаете, я часто думаю о васъ. Не такъ, какъ Хельстремъ, конечно. Вѣдь если-бъ не ваши причуды, вы бы могли сыграть видную роль. Мы вернемся къ этой темѣ, а пока вдумайтесь въ мои слова, раскусите «орѣшекъ».

— Не стану грызть — тономъ капризнаго бэби отвѣтила Мара. — И чего это мы полземъ? Храбрѣе, докторъ, дворецъ недалеко.

Легкое движеніе хлыста и Бѣлянка помчалась. Докторъ старался не отставать.

У дворца всадники присоединились къ оживленной кавалькадѣ. Рокотову привѣтствовали, какъ старую знакомую. Изысканно вѣжливо обмѣнялась она поклонами и храбро выдерживала взгляды — любопытные и ядовитые.

Царевичъ заговорилъ съ докторомъ, а Артемовскій подъѣхалъ къ Марѣ.

— На меня возложена трудная обязанность — быть вашимъ кавалеромъ и я трепещу, что вы соскучитесь въ моемъ обществѣ, княгиня.

— О, напротивъ. Сегодня вы, вѣроятно, будете веселѣе. Вы уже «кавалеръ», а не почталіонъ, не посыльный и не посолъ! Ѣдемте быстрѣй!

Въ нѣсколько мгновеній они опередили кавалькаду.

— Дивный день! Онъ усыпляетъ тревоги и сомнѣнія. Хочется шалить, какъ въ дѣтствѣ. Вамъ — нѣтъ?

— Нѣтъ — покачалъ головой Артемовскій. — Раскисъ я за послѣдніе дни. Крѣплюсь, а мысли не веселыя. Только *вы* меня радуете.

— Я?

— Нашъ другъ поправляется. Настроеніе у него совсѣмъ иное. Вы — хорошій врачъ, княгиня.

— Лучше Порова? Кажется, это не трудно!

Мара смѣялась, перегибаясь въ сѣдлѣ. Это былъ смѣхъ сіяющаго весенняго дня, молодого избытка силъ.

— Осторожнѣй! Еще упадете и меня проберутъ! Да вы, кажется и со мною кокетничаете, княгиня?

— Ну, конечно! А вы развѣ противникъ флирта?

— Не умѣю.

— Ну вотъ! Неужели Хельстремъ васъ не научилъ этому несложному искусству? Сдѣлайте...

Мара не договорила. Хельстремъ неожиданно догналъ ихъ. Невольный громкій смѣхъ встрѣтилъ блестящаго адъютанта.

— Надѣюсь, не я причина столь откровеннаго сарказма? — спросилъ Хельстремъ, уязвленный.

— Удивительная самовлюбленность! — пожала плечами Мара. — Вы убѣждены, что всѣ и всюду думаютъ и говорятъ только о васъ. Ошиблись, Альфонсъ Леонардовичъ, у насъ тутъ свои тайны.

— Уже и съ Артемовскимъ?

— Что за «и»? Съ вами у меня, кажется, ихъ не было.

— Ради Бога, княгиня — шутилъ Артемовскій — пожалѣйте меня. Я попалъ въ перестрѣлку и жизнь моя въ опасности.

— Я не шучу! — сердито возразилъ Хельстремъ. — У княгини плохая память. Наши съ нею тайны она уже забыла.

— На васъ и сердиться нельзя! — дѣланно разсмѣялась Мара. — Вы ненормальны. Отъ васъ можно только бѣжать.

— Бѣгите! — стиснувъ зубы проговорилъ Хельстремъ и неожиданно нагайка взвилась въ его рукѣ и съ силою опустилась на серебристую спину Бѣлянки.

Лошадь рванулась, вырывая поводья изъ рукъ Мары, понеслась, какъ безумная и скрылась за поворотомъ. Артемовскій безпощадно хлесталъ своего коня, стараясь догнать Мару. Хельстремъ опомнился и тоже пришпорилъ свою лошадь.

Царевичъ издали тревожно наблюдалъ. Его новый другъ въ опасности. На поблѣднѣвшемъ лицѣ Георгія сверкнула молнія. Быстрый вороной царевича въ нѣсколько мгновеній опередилъ Артемовскаго и Хельстрема. Онъ уже за поворотомъ, онъ догоняетъ Бѣлянку.

Смѣлой и твердой рукой царевичъ схватилъ поводъ. Мара инстинктивно держалась за луку, ея глаза были закрыты.

— Вамъ дурно? Обопритесь на мою руку.

Мара узнала голосъ своего новаго друга.

— Ваше высочество... прошептала она.

— Успокойтесь. Опасность миновала.

Ободреніе звучало нѣжностью. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Мары, глаза ея открылись и встрѣтились съ сіяющимъ, нѣжнымъ взоромъ.

— А я немного струсила. Бѣлянка! ты совсѣмъ сошла съ ума, ты чуть не свернула меня въ кручу! Вся взмылилась! Взгляните на нее, ваше высочество, она понимаетъ, она стыдливо опустила голову.

Отставшая кавалькада приближалась быстрою рысью.

— Насъ догоняютъ — шепнула Мара.

— Вы уже улыбаетесь, но вы еще блѣдны.

— Пустое. Испугалась. Кажется, Хельстремъ намѣревался отправить меня на тотъ свѣтъ, но вы, мой другъ, спасли меня.

— Хельстремъ поплатится! — вспыхнулъ Георгій.

— Но вы... вы, ваше высочество? Вы тоже переволновались, я это чувствую, я боюсь за васъ.

— Все уже прошло. Осторожнѣй — докторъ за нами.

— Ваше высочество — подъѣхалъ взволнованный докторъ.

— Вы уже тревожитесь за своего пацієнта? — улыбнулся Георгій. — Напрасно. Я здоровъ и спокоенъ. Я даже немного горжусь своей побѣдой надъ этой капризницей — потрепалъ онъ серебристую шею Бѣлянки.

— Все хорошо, что хорошо кончается. Бѣдный Хельстремъ совсѣмъ съежился, онъ жаждетъ извиниться передъ вами, княгиня.

— Ради Бога, пусть только не извиняется!

Къ маленькой группѣ присоединился смущенный Артемовскій.

— Взгляните, княгиня! Я изломалъ свой хлыстъ объ эту противную клячу, но она не могла догнать вашу быструю Бѣлянку.

— Мы слишкомъ много вниманія удѣляемъ маленькому происшествію и только тѣшимъ самолюбіе Хельстрема — сказала Мара. — Алексѣй Владиміровичъ, ѣдемте впередъ. Вѣдь сегодня вы — мой кавалеръ.

Рокотова и Артемовскій отдѣлились отъ маленькой группы. Имъ на смѣну подъѣхали Полина и Мѣшковъ.

— Какъ красива была ваша смѣлость, ваше высочество. Я съ замираніемъ сердца слѣдила за вами. Это былъ рискъ.

— Ни малѣйшаго риска, княжна — сухо отвѣтилъ царевичъ. У меня одного быстрый конь и это его заслуга.

Коляска Олтуфьева первая достигла назначеннаго пункта. Графъ медленно прогуливался въ сопровожденіи [illegible]ймсмана. Но, вотъ, показались и первые всадники, Рокотовъ, Артемовскій.

[illegible]нула на траву, оставляя Бѣлянку на попеченіи Бо[illegible]бѣжала къ Олтуфьеву.

— Мы запоз[illegible]насъ задержало одно трагическое происшествіе — [illegible]

— Даже трагическое, prin[illegible]

— Хельстремъ, шутя, хлестнулъ [illegible]нику, она понеслась, какъ бѣшеная и чуть не свернула [illegible] кручу. Везетъ мнѣ у «Воротъ очарованія»! Тогда я сп[illegible]а васъ, сегодня меня спасла смѣлость великаго князя.

— Шутки Хельстрема становятся дикими — [illegible]льные глаза графа грозно блеснули — я разберусь въ этой [illegible]оріи.

Остальные всадники подъѣхали дружнымъ галопомъ. Послѣдній — Хельстремъ. Его попытка переговорить [illegible]еоргіемъ не удалась. Онъ ѣхалъ сумрачный, опустивъ [illegible]ову. Онъ сознавалъ, что катится по наклонной плоскости уже не могъ остановиться.

А вокругъ него всѣ уже смѣялись и шутили, как[illegible]ни въ чемъ не бывало. Азбелевъ выбиралъ высокую гл[illegible]ую скалу, гдѣ участники поѣздки могли-бы отмѣтить [illegible] имена. Мѣшковъ приготовлялъ краски и кисти.

— Царевичъ первый начерталъ свое имя кистью на вѣсной скалѣ. За нимъ — графъ Олтуфьевъ и всѣ остальные. Въ концѣ Мѣшковъ помѣтилъ годъ и число.

Другъ мой,

никогда въ жизни я такъ не волновался, какъ сегодня. Хельстремъ могъ быть Вашимъ убійцей. Когда я Васъ нагналъ и мнѣ удалось схватить поводъ,

почувствовалъ, что Вы спасены. Это было лучшее мгновенье въ моей жизни. До завтра. Жоржикъ.

P. S. Какъ тепло, какъ сердечно это маленькое «Жоржикъ». Для васъ, Мара, я не великій князь, не будущій наслѣдникъ короны — я только «Жоржикъ».

(Письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)

«Мой другъ и мой спаситель!

Какъ жаль, что въ тѣ минуты мы не были наединѣ. Тогда я сумѣла-бы Вамъ сказать, что [illegible] живала. Теперь ужъ не могу. Ощущенія [illegible] комъ эфирны и такъ восхитите[illegible]икъ? Въ Васъ два человѣка. Одинъ, [illegible], робкій. Другой — какъ божество, отважный, сильный, гордый. Пока, этотъ второй въ Васъ пробуждается такъ рѣдко. И это — будущій царь. Мара.»

(Письмо княгини Рокотовой царевичу.)

XXIII.

[illegible] настойчиво желали меня видѣть, Елена Васильевна. Я к[illegible]шимъ услугамъ.

[illegible]льстремъ церемонно поцѣловалъ руку Елены.

Садись.

Ея лицо было блѣдно и озлобленно горѣли ея великолѣпные, сѣрые глаза.

— Слушаюсь... и слушаю.

Изящнымъ эластичнымъ движеніемъ Хельстремъ опустился на указанное ему кресло. Елена съ удивленіемъ вглядывалась въ его лицо — разстроенное, но рѣшительное.

— Что это за гнусная комедія разыгралась вчера по дорогѣ къ «Воротамъ очарованія»? Весь Абастуманъ кричитъ о твоемъ безуміи. Неужели эта дѣвченка свела тебя съ ума?

— Свела! — коротко и злобно отвѣтилъ адъютантъ.

— Альфонсъ! Я не привыкла къ глупымъ шуткамъ, я требую серьезнаго объясненія.

— Вы спрашиваете, очаровательная Елена Васильевна — я отвѣчаю.

— Брось этотъ тонъ! вспыхнула она. — Мое терпѣніе исчерпывается.

— Тѣмъ лучше. Пора положить конецъ террору. Подъ угрозой скандала я вамъ подчинялся. Теперь и я пошелъ по вашей дорожкѣ. Вы же говорите, что весь Абастуманъ кричитъ о моемъ безуміи. Мнѣ теперь все безразлично. Ашифируйтесь. Пишите вашему мужу. Можетъ быть, васъ устроитъ, если одинъ изъ насъ проломитъ другому черепъ. Тогда — пожалуйста. Я увлекался вами, не спорю, но только увлекался. Увлеченіе остыло, оставалась дружба, расположеніе. А теперь... теперь я васъ ненавижу. Вы вѣдь хотѣли знать правду. Я васъ ненавижу! За короткое увлеченіе я дорого заплатилъ. Вы вмѣшались въ мою жизнь въ самую неудачную минуту. Вы разрушили зарождавшееся счастье. Я васъ ненавижу!

— Альфонсъ — прошептала Елена — ты сердитъ, ты золъ, ты мстишь мнѣ, но это жестоко. Если-бъ я вѣрила твоимъ словамъ, сердце мое разорвалось-бы отъ страданья.

Красивая гибкая рука съ мольбой тянулась къ Хельстрему.

— Это былъ бы лучшій исходъ! — жестко бросилъ ей онъ. — Но ваше сердце еще долго будетъ биться ревнивою, ядовитою злобой! Я, кажется, вамъ все сказалъ.

Онъ поднялся.

— Ты не уйдешь! Нѣтъ — нѣтъ! Я не пущу тебя!

— Довольно, Елена Васильевна. Передъ вами всѣ пути къ мести. Выбирайте любой. Я ничего не боюсь. Я самъ иду напроломъ.

Онъ безпощадно сдавилъ цѣплявшіяся за него нѣжныя руки и отбросилъ Елену. Впервые онъ былъ грубъ съ женщиной.

Елена, жалкая, уничтоженная, уже не пыталась его удерживать. Захлопнулась дверь. Замерли шаги. Шарабанъ промчался мимо ея оконъ. Кончено.

Елена вскочила. Новый порывъ злобы захватилъ ее. Планы мести, самые безумные, зарождались въ ея головѣ. Ея мужъ разсчитается съ этимъ негодяемъ! Она металась, сжимая перо въ рукѣ. Вызвать мужа телеграммой!

«Можетъ быть васъ устроитъ, если одинъ изъ насъ проломитъ другому черепъ!» — звенѣли въ ея ушахъ безпощадныя слова Хельстрема.

Она отбросила перо и безпомощно, по дѣтски, зарыдала.

— Ваша комнатка такая уютная и забавная — застѣнчиво говорилъ царевичъ Марѣ. — Не сердитесь, что я такъ пристально все разглядываю. Даже обои разрисованы игрушками! Вы здѣсь росли?

Мара пододвинула къ столу глубокое, старое кресло.

— Садитесь, ваше высочество. Вы угадали — я здѣсь росла. Тутъ все — реликвіи моего дѣтства. Мама ихъ хранитъ, какъ память. Вотъ въ этомъ шкафу мои игрушки.

Мара распахнула стеклянную дверцу.

— Смотрите! Чего-чего тутъ только нѣтъ! А вотъ и моя любимица!

Крохотная, кудрявая куколка появилась въ рукахъ Мары.

— Неправда-ли, миловидная мордашка? Хотите, я вамъ ее подарю? Вы ее посадите на вашъ письменный столъ и она будетъ васъ развлекать.

Георгій, улыбаясь, опустилъ въ карманъ фарфоровую любимицу Мары.

— А тутъ мои старыя книги. Вотъ мой любимый поэтъ.

— Надсонъ? Вы любите этого пѣвца смерти и печали? Прочтите мнѣ одно изъ вашихъ любимыхъ стихотвореній.

Мара раскрыла книгу и тихо, волнуясь, прочла:

«Любили-ль вы, какъ я?..»

И вдругъ рука ея почувствовала легкое прикосновеніе теплой, нѣжной руки.

— Какъ вы красиво читаете.

— Я люблю стихи. Тончайшія движенія души такъ просятъ музыки словъ. Во дни моего дѣтства я заслушивалась пѣсенками слѣпого импровизатора. Опуститъ, бывало, сѣдую голову, неподвижными голубыми глазами вопьется въ невѣдомую даль и ударитъ дрожащими темными пальцами по струнамъ. Жалобно такъ, нѣжно зазвенитъ чонгури*). И поетъ, бывало, старикъ свои пѣсенки — примитивныя, но трогательныя..., а я слушаю, не шелохнусь.

Тихо. Легкая дрожь пробѣгаетъ по тѣлу Мары.

---

*) Старый грузинскій струнный инструментъ.

— Какъ сонъ! — прошептала она. — И — уже пробужденіе. Стукнула калитка. Это — Артемовскій, за вами.

— Волшебные сны мимолетны... — грустно проронилъ Георгій.

Мара осторожно отстранила руку царевича и захлопнула книгу.

На поворотѣ къ дворцу Хельстремъ осадилъ лошадь, выпрыгнулъ изъ шарабана и передалъ его груму.

Темнѣло. Хельстремъ быстро шелъ къ дачѣ Рокотовой. Волненіе, вызванное открытымъ разрывомъ съ Еленой, затихло. Вызовъ брошенъ и пусть эта сумасшедшая поступаетъ, какъ ей вздумается. Не все ли равно?

Послѣ его дикой выходки по дорогѣ къ «Воротамъ очарованія», царевичъ и не глядитъ на него. Георгій, какъ будто, не замѣчаетъ привѣтствій своего адъютанта.

Увы, въ сердцѣ Хельстрема борьбы уже нѣтъ. Своему безумію онъ готовъ пожертвовать и высочайшей дружбой, и блестящимъ будущимъ. Первое серьезное чувство захватило это легкомысленное сердце и познало оно первыя муки ревности. Розовая надежда, рожденная темною волшебною ночью, не гасла. Влюбленное воображеніе не забывало нѣжной мечты золотыхъ глазъ. Пріѣздъ Елены оскорбилъ дьявольское самолюбіе этой дѣвочки, пробудилъ ея ревность. Она мститъ и избѣгаетъ его. Но теперь онъ броситъ ей свой открытый разрывъ съ Еленой *изъ-за нея!*

Вдали уже виднѣлись очертанія такъ хорошо ему знакомой виллы и онъ заволновался. Онъ былъ увѣренъ, что застанетъ Мару.

Но, вдругъ, онъ остановился, затаивъ дыханіе. Царевичъ!

Да, Хельстремъ видѣлъ собственными глазами, какъ Георгій подошелъ къ калиткѣ виллы. И Мара выбѣжала ему навстрѣчу, какъ будто ждала его. Хельстремъ видѣлъ, какъ они поднялись на веранду и скрылись за дверью виллы.

Минуты медленно ползли и онъ ждалъ напрасно. Дверь больше не открывалась.

Какъ раненный звѣрь, вдругъ рванулся Хельстремъ во власти вспыхнувшей ревности. Онъ бродилъ вокругъ виллы, онъ подсматривалъ и подстерегалъ.

Садъ такъ роскошно распустился. Цвѣли деревья и кустарники. Привѣтливые огоньки свѣтились изъ оконъ сквозь кружево занавѣсокъ. Вотъ ярко освѣщенное окно Мары, вотъ *гдѣ они!* Словно чьи-то жесткіе пальцы сдавили горло адъютанта. Окно слишкомъ высоко и онъ, какъ воръ, осторожно поднялся по забору.

За столомъ, у яркой лампы «они» сидѣли рядомъ. Мара вслухъ что-то читала. Ея нѣжный голосъ долеталъ до Хельстрема. Царевичъ слушалъ такъ внимательно. Его глаза сіяли невѣдомой мечтой.

На балконѣ, почуявъ «чужого», зарычалъ Джипсъ, любимый песъ Мары.

Хельстремъ отшатнулся. Но онъ видѣлъ, видѣлъ то, *что хотѣлъ!*

Онъ шелъ такъ быстро, какъ будто влекла его зловѣщая сила. Жгучая, незнакомая боль пронизывала его грудь. Нѣтъ, *этого* не будетъ! Никогда! Онъ ни о чемъ опредѣленномъ не думалъ, онъ терялся, но безотчетно и злобно твердилъ: этого не будетъ! Никогда!

«Этого не будетъ! Никогда!» Упорная мысль засѣла въ возбужденномъ мозгу Хельстрема. Онъ еще не зналъ *какъ* ее осуществить. Онъ наблюдалъ и выслѣживалъ, а случай самъ шелъ навстрѣчу его безумію.

Блуждая по лѣсной горной тропѣ противъ дачи Рокотовой, Хельстремъ внизу, на скамьѣ, замѣтилъ царевича. Можетъ быть, Георгій ждалъ Рокотову въ этомъ укромномъ уединеніи?

Адъютантъ осторожно спустился къ скамьѣ. Онъ спрятался за деревьями. Невидимый, онъ ясно видѣлъ царевича и могъ наблюдать за каждымъ его движеніемъ. Это былъ рискъ. Но развѣ безуміе боится риска?

Въ рукахъ Георгія — письмо; онъ его внимательно перечитываетъ. Нѣжная улыбка все той-же невѣдомой мечты скользитъ по его лицу. «Ея» письмо, это ясно! Чуткость ревности подсказала Хельстрему правду.

Царевичъ поднялся и медленно, наклонивъ голову, прошелъ мимо адъютанта. Онъ дочитывалъ послѣдній листокъ и та-же улыбка, улыбка мечты, скользила по его губамъ.

Хельстремъ дрогнулъ въ своей засадѣ, напрягая зрѣніе. Онъ уловилъ только одно крупно написанное слово, только коротенькую подпись «Мара».

Только? Развѣ *этого* не достаточно? Развѣ это не *все?!*

Планы — несуразные и смѣлые — рождались въ возбужденномъ мозгу, смѣнялись, какъ молніи.

Твердыми шагами поднялся Хельстремъ на веранду дачи Рокотовой. Счастье неизмѣнно шло навстрѣчу его безумію — ему отворила дверь сама Мара.

— Мое почтеніе, княгиня.

Его офиціальное привѣтствіе было проникнуто злымъ холодомъ.

— Вы? Опять вы?! — отступила Рокотова. — Я думала, что послѣ...

— Я выполняю лишь порученіе его высочества.

Въ быстромъ взглядѣ Мары — глубокое изумленіе.

— Его высочество проситъ княгиню Рокотову — холодно отчеканилъ адъютантъ — возвратить ему въ запечатанномъ конвертѣ его письма.

Мара ярко вспыхнула. Мысль, что Хельстремъ лжетъ, даже не мелькнула. Онъ зналъ о перепискѣ и это ее ошеломило.

— Великій князь мнѣ не довѣряетъ?

Ея вопросъ былъ слабымъ протестомъ. Мара не смотрѣла на Хельстрема. Дикое торжество, мелькнувшее въ его голубыхъ глазахъ, ускользнуло отъ нея.

— Довѣріе тутъ ни причемъ, княгиня.

Холодный, офиціальный тонъ плохо ему давался, но оскорбленная и этого не замѣчала.

— Царевичъ неопытенъ, онъ сразу не оцѣнилъ послѣдствій своего легкомыслія. Письма будущаго наслѣдника не должны...

— Я понимаю — гордо прервала Хельстрема Мара. — Великій князь получитъ свои письма, всѣ до единого. Только одну минуту терпѣнія, Альфонсъ Леонардовичъ.

Мара скрылась за дверью своей комнаты. Хельстремъ напряженно ждалъ.

Она вернулась скоро съ объемистымъ пакетомъ въ рукѣ.

— Передайте его высочеству, что я въ точности исполняю его приказъ. Что касается *моихъ* писемъ — я оставляю

ихъ царевичу. Я далека отъ трона и обратно ничего не беру. Царевичъ можетъ выбросить мои письма, или уничтожить ихъ, или даже подарить ихъ по своему усмотрѣнію.

— Вы напрасно волнуетесь, княгиня, вы...

— А вы напрасно успокаиваете! Это ужъ не ваша обязанность. Высочайшее порученіе вы выполнили блестяще.

Корректный поклонъ — и трепещущія губы Хельстрема прикоснулись къ маленькой, словно ледяной, рукѣ.

— Что это ты пріуныла, дѣтка?

Ласковая рука Татьяны Алексѣевны опустилась на склоненную голову дочери.

— Развѣ у меня такой печальный видъ? — силилась улыбнуться Мара.

— Ты что-то скрываешь, Мара. Почему ты не откровенна со мной?

— Ахъ, мама, иногда нѣтъ словъ, чтобы выразить то, что волнуетъ душу. Что-то неуловимое, самой себѣ непонятное. Какъ спутанный сонъ. Вѣдь сны и воздушные замки всегда разлетаются въ одно мгновенье.

— Ты говоришь загадками, Мара. Боюсь, что твоя головка уже кружится на высотѣ. Визиты придворныхъ, царевичъ и его приближенные въ нашемъ скромномъ домѣ... и теперь это твое подавленное настроеніе...

— Не тревожься — усмѣхнулась Мара — визитеровъ мы постараемся избѣгнуть, а царевичъ... онъ уже къ намъ не заглянетъ.

Ея голосъ дрогнулъ.

Майское солнце клонится къ западу. Его слабѣющіе лучи не проникаютъ въ густую липовую аллею. Въ таинственномъ шелестѣ листьевъ расплываются грустныя думы Мары.

Будущій наслѣдникъ трона! Какъ много въ немъ противорѣчій и неожиданностей. Открыть Хельстрему интимную тайну ихъ переписки! Или это высочайшая награда дерзости адъютанта?

Какъ дивно звучала неземная мелодія и какъ рѣзко она оборвалась на фальшивой нотѣ. И, сколько ни думай, не поймешь, откуда взялась эта фальшивая нота?

А Хельстремъ, «высочайшій посолъ», какъ онъ мелокъ! Холодный и важный, злобный и торжествующій.

Нѣтъ — нѣтъ! бѣжать отъ измѣнчивой высоты, гдѣ все поглотила тина интригъ! Но *куда?* И какъ разобраться въ сложной гаммѣ переживаній! Короткій сонъ былъ такъ нѣженъ — сонъ золотыхъ грезъ и неясныхъ ощущеній. Увы, настало пробужденіе..., но душа все еще во власти волшебнаго сна, утерянной сказки.

Глубоко задумалась Мара. Не слышитъ она стука калитки, легкаго шелеста шаговъ?

А царевичъ золотой сказки стоитъ такъ близко, смущенный, встревоженный, съ опущенной головой.

— Я принесъ ваши письма — наконецъ тихо проронилъ онъ — я не могъ ихъ довѣрить Хельстрему.

Они — другъ противъ друга — оба блѣдные, оба взволнованные.

— Почему... почему вы такъ поступили? такъ сразу и такъ жестоко? — еле слышенъ вопросъ царевича.

— Я?! — отступила пораженная Мара.

— Вы вернули мнѣ мои письма. И съ *кѣмъ?* Но, все-таки, я думалъ, что вы придете сегодня утромъ, какъ всегда, на полянку. Вы не пришли. Вы жестоко караете. Но за что? Вѣдь еще такъ недавно ваша комнатка... и ваша рука...

Онъ остановился, задыхаясь.

Такъ тихо въ саду. Легкій шелестъ листьевъ... Гдѣ-то отдаленный стукъ колесъ... Чьи-то заглушенные голоса за рѣкой. Но сердце Мары такъ сильно бьется. Она слышитъ только его удары. Въ тѣни липовой аллеи она видитъ только силуэтъ царевича, его склоненную голову и блѣдныя руки, закрывшія лицо. Безъ словъ, такъ нѣжно, тонкими пальчиками она опускаетъ его руки.

— Ваше высочество...

Какъ дрожитъ ея голосъ.

— Все это ложь. Глупая, подлая, мелкая месть Хельстрема. Вашимъ именемъ онъ потребовалъ у меня ваши

письма. Мысли не было, что онъ лжетъ. Я повѣрила... и отдала. Я, все-таки, считала его честнымъ. Это было послѣднее испытаніе. Теперь наша дружба станетъ еще крѣпче и, какъ залогъ, вы мнѣ вернете ваши письма. Я сохраню ихъ, какъ святыню... до могилы.

Тихо въ саду. Только листва перешептывается подъ неумолчный говоръ рѣки.

XXIV.

Графъ Олтуфьевъ распечаталъ высочайшую телеграмму и взволновался. Высокіе гости уже въ Тифлисѣ, но тамъ, противъ ожиданія, не задержатся и черезъ день уже будутъ въ Абастуманѣ. Императрицу Марію сопровождаетъ старшій сынъ, цесаревичъ Николай, старшая дочь, царевна Ксенія, ея женихъ, великій князь Александръ Михайловичъ и небольшая свита съ неизмѣннымъ свѣтлѣйшимъ княземъ Шервашидзе. Надо забыть все личное и готовиться къ встрѣчѣ.

Графъ дѣятельно распоряжается. Встрѣча будетъ торжественной. Строится тріумфальная арка, вьются зеленыя гирлянды, у дворца путь императрицы будетъ усыпанъ цвѣтами. Всѣхъ «подтягиваютъ». Все и всѣ будутъ сверкать и улыбаться, встрѣчая высокихъ гостей. И майскіе дни сіяютъ солнцемъ и лазурью небесъ. И природа такъ пышно распускается и благоухаетъ.

Пріунывшій принцъ Константинъ куритъ сигару въ кабинетѣ Олтуфьева.

— Такъ ѣдутъ?

— Ѣдутъ, ваше высочество.

Блѣдныя щеки принца-изгнанника на мгновенье вспыхиваютъ и загораются искрами бѣлые глаза.

— Изъ столицы, изъ центра я изгнанъ на Кавказъ. Не будемъ касаться высочайшей несправедливости. Я — вѣрноподданный ихъ величествъ и покоряюсь. Но, вѣдь, здѣсь — Кавказъ и въ Петербургѣ знаютъ, что я здѣсь.

— И, кажется, не совсѣмъ довольны — осторожно замѣтилъ графъ.

— Можетъ быть, вамъ свыше даны какія-нибудь директивы? — вздрогнулъ принцъ.

— О, нѣтъ, ваше высочество! — возразилъ графъ. — Это мое личное, можетъ быть, невѣрное предположеніе. Я боюсь, чтобы не вышло осложненій. Императрица сюда не надолго и вы можете потомъ вернуться. А то... все возможно. Императрица, къ сожалѣнію, не симпатизируетъ принцу. Начнутся сплетни и доносы. Подумайте, ваше высочество и поступайте, какъ найдете лучше.

Результатъ этой бесѣды — отъѣздъ принца и его «дворика» въ Кутаисъ.

— Что затуманилась зоренька ясная? — шаловливо спросила Мара, стараясь заглянуть въ глаза царевичу.

— Сегодня пріѣзжаетъ мама.

— Знаю. А вы... вы развѣ не рады пріѣзду императрицы?

— Для меня это большой праздникъ. Я такъ люблю мама. И я увижу свою любимицу Ксенію и ея жениха. Онъ такъ мнѣ симпатиченъ. Мнѣ кажется, что я уже давно, давно не видѣлъ близкихъ. Только... первые два-три дня мнѣ придется отказаться отъ нашихъ прогулокъ. Конечно, я выберу минутку, чтобы захватить ваше письмо на нашей почтѣ.

— А на разсвѣтѣ я приду за отвѣтомъ. Буду васъ вспоминать въ уединеніи, буду мечтать. Вѣдь вы мѣшаете мнѣ мечтать, я все время съ вами болтаю.

Царевичъ слабо улыбнулся и тревожно взглянулъ на часы.

— Чувствую, что вамъ пора и не удерживаю.

Онъ пожалъ ея руку.

— И только? — лукаво прищурилась она. — Мы, вѣдь, не скоро увидимся. — Поцѣлуйте же руку вашего друга на прощанье.

Царевичъ вспыхнулъ, губы его легко, какъ нѣжный листокъ, коснулись руки Мары. Онъ круто повернулся и уходилъ такъ быстро, какъ будто-бы бѣжалъ.

— Ваше высочество!

Онъ остановился.

— Ай-ай! — смѣясь, укоряла Мара.

Георгій еще ниже опустилъ голову, весь — смущеніе. Мара неожиданно придвинулась къ нему и губы ея легко и нѣжно коснулись блѣднаго лба.

— До свиданья! — прошептала она и быстро-быстро, цѣпляясь за вѣтви, спустилась съ пригорка.

«Вы не очень разсердились? Моя смѣлость граничила съ дерзостью — я поцѣловала Васъ въ лобъ! Но я не могла удержаться. Вы такъ напоминали милаго, испуганнаго ребенка, такъ забавно убѣгали отъ меня. Еще бы! Вы совершили страшное преступленіе — Вы поцѣловали мою руку выше перчатки. Но вѣдь и я, послѣ своего, еще болѣе тяжкаго преступленія, постыдно бѣжала. Вы и меня заразили своею робостью. Не сердитесь же на друга.»

(Записка княгини Рокотовой царевичу.)

Мара!

Вашъ поцѣлуй былъ легокъ, какъ пушинка. Я шелъ домой безъ фуражки — я боялся стереть слѣдъ дорогой пушинки.

(Записка царевича княгинѣ Рокотовой.)

Царевичъ Георгій, графъ Олтуфьевъ и свита блестящей кавалькадой промчались по Абастуману навстрѣчу ея величеству. У полустанка рѣшено было ждать императрицу.

Георгій замѣтно волновался, нетерпѣливо вглядываясь вдаль. Артемовскій не отходилъ отъ друга.

— Они! — дрожащей рукой царевичъ сжалъ руку адъютанта.

Развѣялось облако пыли.

Передовые — конвой ея величества, отдавая честь, дружно привѣтствовали великаго князя.

Въ первой коляскѣ — императрица и Ксенія, въ скромныхъ дорожныхъ туалетахъ, цвѣтущій молодой цесаревичъ Николай и великій князь Александръ Михайловичъ — красивый и стройный.

Георгій, взволнованный, подалъ руку матери. Порывистое движеніе..., но онъ сдержалъ себя, онъ почтительно

поцѣловалъ руку императрицы, а ея губы коснулись его щеки. И — только. Но юная Ксенія забыла объ этикетѣ, она обняла брата и крѣпко его разцѣловала; ея дивные глаза сіяли счастьемъ.

Привѣтствовалъ высокихъ гостей и Артемовскій и разсѣянный взоръ его скользнулъ по длинной лентѣ экипажей. И, вдругъ, онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, вся кровь бросилась ему въ голову. Онъ не могъ владѣть собой. Пристальный взглядъ красивыхъ женскихъ глазъ впивался въ него. Блѣдное лицо, какъ зеркало, отражало муку ожиданія, радость встрѣчи, нѣмой вопросъ: «забыта или нѣтъ?»

— Что съ тобой, Алексѣй? — тихій голосъ царевича вернулъ Артемовскому самообладаніе.

Нетвердой поступью приблизился адъютантъ къ коляскѣ графини Ольской. Немного еще блѣдный — на видъ онъ былъ спокоенъ; только въ глазахъ его вспыхивали искры. Корректный поклонъ — и холодныя губы еле коснулись трепетавшей руки.

— Я очень счастливъ, графиня, что вижу васъ въ нашемъ дикомъ углу. И, долженъ признаться, встрѣча совсѣмъ неожиданная.

Обычный насмѣшливый тонъ! Печально поникла ея кудрявая головка, окутанная зеленымъ вуалемъ.

— А вы измѣнились, Алексѣй Владиміровичъ — грустно и заботливо прозвучалъ ея нѣжный голосъ — похудѣли, осунулись, словно больны.

— Вамъ это только кажется графиня, или вы уже забыли меня. Извиняюсь, долженъ васъ оставить — сейчасъ мы двигаемся.

Поклонъ на разстояніи и Артемовскій присоединился къ царевичу. Кортежъ тронулся.

Вотъ, наконецъ, въѣхали въ Абастуманское ущелье. Легко дышется въ ароматномъ воздухѣ. Зеленѣютъ кудрявыя горы въ нѣжномъ отблескѣ заходящаго солнца. Блѣднѣетъ голубой эфиръ неба. Быстрая рѣчка пѣнящимся каскадомъ съ грохотомъ падаетъ съ высокой скалы. И горделиво высится тріумфальная арка, вѣнчанная императорской короной. И падаютъ душистые цвѣты подъ быстрые колеса экипажей.

Высочайшій обѣдъ затянулся.

Императрица Марія — моложавая, привѣтливая, въ простомъ сѣромъ туалетѣ, облегающемъ ея стройную, некрупную фигуру — милостиво бесѣдуетъ съ адъютантомъ Георгія, Хельстремомъ.

— Графъ — повернулась Марія къ Олтуфьеву — я просила Хельстрема; сегодня за винтомъ онъ будетъ моимъ партнеромъ.

Олтуфьевъ почтительно наклонилъ голову. Въ его стальныхъ глазахъ блеснулъ насмѣшливый огонекъ. Вчера царевичъ непривычно рѣзко отзывался о своемъ недавнемъ любимцѣ, а сегодня императрица такъ ласкова съ тѣмъ-же Хельстремомъ.

За высочайшимъ винтомъ Олтуфьевъ, одинъ изъ трехъ партнеровъ императрицы, внимательно слѣдилъ за ея величествомъ и адъютантомъ. Хельстремъ, сначала упоенный вниманіемъ государыни, снова отдался личнымъ думамъ и тревогамъ. Его разсѣянность граничила съ некорректностью. Онъ часто отвѣчалъ невпопадъ на вопросы императрицы. Въ игрѣ, пока Хельстремъ былъ противникомъ императрицы, на странныя ошибки адъютанта мало обращалось вниманія. Но вотъ онъ ея партнеръ. У государыни на рукахъ большой шлемъ — 12 пикъ съ огромной коронкой и тузъ червей. Она волнуется. Для «хода» она послала своему партнеру бубну и ждетъ. Хельстремъ ходитъ съ червей и тузъ императрицы битъ. Она съ изумленіемъ взглянула на Хельстрема. Ея тонкія темныя брови чуть сдвинулись, но она промолчала.

Играютъ дальше. На трефу разсѣянный адъютантъ нечаянно сбрасываетъ пику; надо «крыть» — онъ «пропускаетъ»; на рукѣ у него масть — онъ «бьетъ» козыремъ.

— Mais, Helstrème, qu'avez-vous donc? — Съ чарующей лаской спрашиваетъ государыня.

Адъютантъ разцвѣтаетъ — онъ въ фаворѣ...

Георгій и Артемовскій сражаются въ шахматы, молча и напряженно. Побѣда клонится то на одну, то на другую сторону.

Быстрые шаги. Шелестъ шелка. Графиня Ольская подошла къ играющимъ. Эти легкіе шаги слишкомъ хорошо

знакомы Артемовскому, но онъ не шевелится, не оборачивается, онъ только жадно вдыхаетъ ароматъ ея духовъ, все тотъ-же самый. Кружится голова и кажется, что шахматныя фигурки прыгаютъ по доскѣ. Слѣдуетъ его невѣрный ходъ и царевичъ, торжествуя, объявляетъ «шахъ и матъ» королю Артемовскаго.

— Bravo, побѣдителю! — шаловливо апплодируетъ Ольская.

— Какъ вы рады моему пораженію! — наконецъ обернулся Артемовскій.

Теперь онъ невольно любуется ею. Ея очаровательно капризное, нѣжное лицо такъ измѣнчиво, чудесные глаза искрятся плѣнительной улыбкой. Гибкія линіи миніатюрнаго тѣла сквозятъ въ бѣлыхъ облакахъ моднаго туалета.

— Я — эгоистка, Алексѣй Владиміровичъ. Мнѣ скучно и душно и хочется пройтись по воздуху, а одной...

— Какъ будто мало у насъ блестящихъ кавалеровъ! — усмѣхнулся Артемовскій.

Ея тонкія брови сердито округлились.

— Алексѣй Владиміровичъ, а если я васъ буду очень-очень просить?

— «Очень просить?» — прищурился онъ. — Вѣдь вы привыкли только «повелѣвать». *Просите* — это любопытно.

Она вспыхнула и круто повернулась на каблучкѣ. Дрожащими пальчиками она набросила накидку и торопливо вышла въ садъ.

Надвигалась весенняя ночь въ волшебномъ сіяніи луны. Небесная мантія ярко блистала звѣздами.

Графиня Ольская быстро шла по дорожкамъ дворцоваго сада и скрипѣлъ песокъ подъ ея каблучками.

Напрасно сломила она свою гордость и скакала сотни и сотни верстъ. Вѣдь только первыя мгновенья встрѣчи дали ей слабую надежду, а теперь... все та-же корректная вѣжливость на фонѣ насмѣшки!

Взволнованная, она опустилась на скамью.

Медленно плыла царственная луна въ небесной высотѣ и озаряла бѣлое видѣніе и поникшую кудрявую головку.

— Ты — чудовище, Алексѣй. Почему ты грубъ съ графиней? Тебя она такъ мило проситъ, а ты...

Царевичъ вступился за Ольскую.

— Не потакай женскимъ причудамъ! — отрывисто проговорилъ Артемовскій.

— Ну, а если я попрошу тебя, Алексѣй? Догони графиню и извинись за свою грубость. Я бы пошелъ съ тобой — лукаво добавилъ Георгій — но неудобно оставить мама.

— Тебѣ, Георгій, я ни въ чемъ не могу отказать.

Лѣниво всталъ Артемовскій, не поднимая глазъ, словно неловко ему было и умышленно неторопливо вышелъ въ садъ. Зоркіе глаза его сразу примѣтили бѣлый силуэтъ на скамьѣ, озаренный луною. Невольная улыбка сверкнула подъ темными усами.

Артемовскій двигается медленно и осторожно, а предательскій песокъ хруститъ подъ его ногами.

Вотъ онъ уже совсѣмъ близко за ея спиною, остановился, не шелохнется, не дышетъ.

— Ахъ!..

Какъ тяжело она вздохнула, бѣдненькая! Самообладаніе вдругъ измѣнило Артемовскому, онъ неожиданно наклонился и его горячія губы порывисто прижались къ кудрявой головкѣ.

Ольская испуганно обернулась.

— Вы?!

Въ огнѣ желанія вдругъ вспыхнула улыбка счастья на ея губахъ и поцѣлуй страсти жегъ непокорнаго.

— Ради Бога, осторожнѣе! — очнулся Артемовскій. — Нашъ дворецъ полонъ добровольныхъ шпіоновъ. Особенно слѣдятъ за мной. Вѣдь меня ненавидятъ за любовь ко мнѣ Георгія.

— Я — сумасшедшая! — прошептала Ольская. — Я все забыла. Слишкомъ дорого далась мнѣ эта минута счастья.

Все еще крѣпко сжимала она его руку.

— Скажите... скажите, почему вы такъ избѣгали меня?

— Я вамъ не вѣрилъ — тихо отвѣтилъ онъ — но, видно, отъ судьбы не уйдешь.

Темные глаза его строго заглянули въ глубину ея искрившихся глазъ.

— Согласны-ли вы порвать съ блестящимъ прошлымъ и прочно связать свою жизнь съ моею? Навсегда. Я вѣдь не графъ Ольскій и не дамъ вамъ полуцарственнаго положенія и не дамъ свободы.

— Я люблю васъ... — ея голосъ трепеталъ счастьемъ. — За вами я летѣла на край свѣта. Дѣлайте со мной, что хотите. Я отъ васъ не уйду. Никогда!

XXV.

«Безъ Васъ, Жоржикъ, въ моихъ скалахъ стало очень скучно. Брожу, какъ тѣнь, или отдыхаю подъ дикой черешней. Пыталась мечтать — не могу. Притащила книгу — не читается. Думаю — другъ мой такъ близко и, въ то-же время, такъ далеко. Брела, брела и думала и сама не знаю, какъ очутилась въ ближней рощѣ. И вдругъ... блестящіе силуэты царской сказки горделиво промчались мимо меня. Я такъ растерялась, когда увидала Васъ и когда глаза наши встрѣтились. А потомъ, Жоржикъ, я уже не чувствовала себя такой одинокой, какъ утромъ подъ дикой черешней.

Мара.»

(Письмо княгини Рокотовой царевичу.)

---

14 мая.

Какъ я былъ доволенъ, другъ мой, Мара, когда сегодня утромъ неожиданно Васъ встрѣтилъ въ рощѣ. Мы оба растерялись и я Васъ привѣтствовалъ только взглядомъ. Сейчасъ я вырвался на минутку, чтобы захватить Ваше письмецо и набросать отвѣтъ. Я все боюсь, что Вы меня забудете за эти дни. Или повѣрите Хельстрему, или кому-нибудь еще? Мара, обѣщайте, что будете вѣрить только мнѣ, своему другу. Сегодня нашъ семейный праздникъ и весь Абастуманъ принарядился. Вечеромъ нашъ садъ будетъ красиво иллюминованъ. Если Вы вздумаете пройтись мимо дворца, Мара, то загляните въ окна второго этажа. И я опять Васъ увижу, хоть издали. Вчера, когда меня, наконецъ, оставили одного въ моей комнатѣ, я

думалъ только о Васъ. Я закрылъ глаза и такъ ясно Васъ увидѣлъ. И вдругъ мнѣ показалось, что Ваши губы снова коснулись моего лба. Я чувствовалъ, какъ горитъ мое лицо. Мара, я такъ часто думаю о поцѣлуѣ-пушинкѣ. Не сердитесь за мою откровенность.

Жоржикъ.

(Письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)

Тысячи разноцвѣтныхъ огней озаряли дворецъ царевича, утопавшій въ цвѣтахъ и зеленыхъ гирляндахъ, высокую ограду, причудливыя клумбы и пышные цвѣты сирени и жасмина. Изъ глубины дворцоваго сада неслись мощные и стройные звуки военнаго оркестра. Огненными буквами сіяли царственные иниціалы подъ императорской короной. Трехцвѣтные русскіе флаги, въ ласкѣ вѣтерка, горделиво рѣяли надъ дворцомъ и садомъ.

Абастуманцы, праздничные, говорливые, фланировали по шоссе мимо дворца и сотни любопытныхъ глазъ впивались въ раскрытыя окна, ловили мелькавшіе силуэты золотой царской сказки.

А дворецъ жилъ своею особою жизнью и высокая огненная ограда отдѣляла высочайшихъ отъ простыхъ смертныхъ.

Въ широко открытомъ окнѣ второго этажа, у письменнаго стола, виднѣлась такъ хорошо всѣмъ знакомая, хрупкая, изящная фигура Георгія. Онъ что-то писалъ, но часто отрывался и бросалъ быстрые взгляды въ густую толпу.

Княгиня Рокотова бродитъ въ этой толпѣ объ руку съ своей пятнадцатилѣтней пріятельницей, Лелей Базаровой. Плутоватые глазенки рыженькой Лели вездѣ поспѣваютъ. Ея шаловливая улыбка рождаетъ милыя ямочки на цвѣтущихъ щечкахъ.

— А вѣдь красиво, Мара. Все горитъ и благоухаетъ. И музыка! А тамъ въ окнѣ — царевичъ, настоящій царевичъ. Мара, Мара! Онъ смотритъ на васъ и улыбается! Васъ бы туда — во дворецъ, вы были бы сказочной царевной.

Но Мара не слушаетъ болтовни Лели. Изъ окна свѣтитъ ей улыбка царевича ея сказки. Глаза ихъ встрѣтились и оба взволнованы и смущены.

— Княгиня! Вотъ неожиданная радость!

Стройная фигура Хельстрема заслонила царевича.

— Съ пріѣздомъ императрицы мы скованы, каждый часъ росписанъ. И все-таки я вчера вечеромъ собирался къ вамъ.

Давно не видѣла Мара Хельстрема такимъ сіяющимъ, веселымъ и цвѣтущимъ. Или онъ не знаетъ, что его дикая игра проиграна?

А Хельстремъ внимательно слѣдилъ за Марой. Спокойна. Ни тоски, ни досады. Видно не такъ ужъ она дорожила дружбой Георгія и задѣтое самолюбіе излѣчило ее отъ увлеченія «высотой».

— Вчера я проскучала весь вечеръ дома и рада была бы васъ повидать — улыбаясь, дразнила Хельстрема Мара.

— Жаль, очень жаль. А, знаете, кто меня задержалъ? — торжествуя, сообщалъ онъ. — Ея величество! Государыня пригласила меня на партію винта. Я, конечно, не могъ отклонить, но какъ я былъ разсѣянъ за игрой! Ошибался безъ конца. По моей винѣ ея величество проиграла вѣрный «большой шлемъ». Къ счастью я въ исключительномъ фаворѣ и мнѣ все прощается. Козни враговъ и жалобы друзей, очевидно, не имѣли успѣха. Чарующая ласка моей государыни окрылила меня.

Мара уже не слушала Хельстрема.

Она отодвинулась и осторожно взглянула наверхъ, въ открытое окно дворца. Георгій стоялъ у самаго окна и наблюдалъ за Хельстремомъ и Марой, но едва глаза его встрѣтились съ глазами Мары, онъ круто повернулся и исчезъ въ глубинѣ комнаты.

— Вечеръ прохладный — въ голосѣ Мары слышалась усталость. — Я такъ легко одѣта. Пора и домой. Всего лучшаго, Альфонсъ Леонардовичъ.

— Надѣюсь, вы разрѣшите васъ проводить? — встрепенулся Хельстремъ.

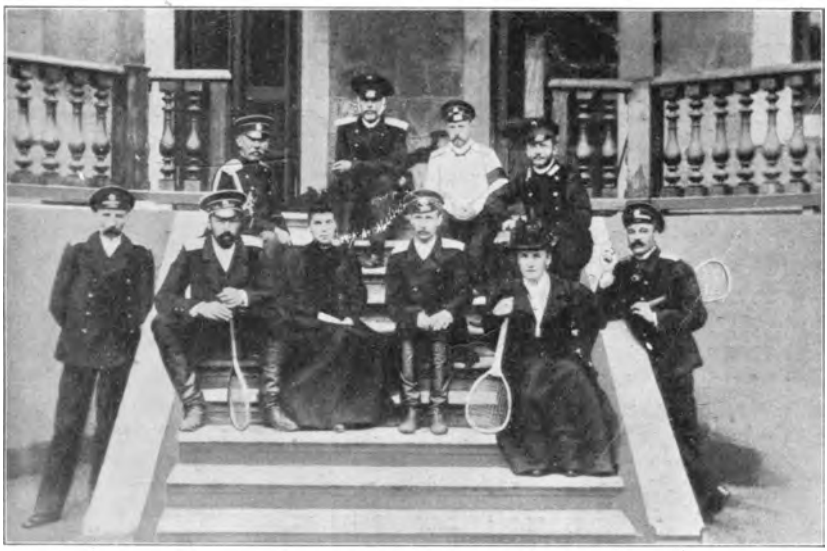
— Насъ ждетъ экипажъ и я... очень-очень устала.

— Но завтра я буду у васъ, княгиня. Разрѣшаете?

— Пожалуйста. Пожелайте мнѣ полнаго выздоровленія. А я желаю вамъ чарующей благосклонности всѣхъ величествъ міра сего.

Пикникъ въ Курцханскомъ ущельи.

На балконѣ абастуманскаго дворца послѣ игры въ лаунъ-теннисъ (за три мѣсяца до кончины царевича Георгія).

Хельстремъ, весело мурлыкая пѣсенку, сражался съ Мѣшковымъ на бильярдѣ. Онъ былъ «въ ударѣ» и его шары такъ удачно летали.

— Сдавайся, Николай Михайловичъ, плохи твои дѣла. Или ты все-таки еще попытаешься? — насмѣшливо спросилъ побѣдитель.

— Попытаюсь — кисло отвѣтилъ Мѣшковъ — попытаюсь!

Въ дверь бильярдной заглянуло мышиное лицо Бойсмана.

— Лейтенантъ — его голосокъ звенѣлъ тихо и язвительно — ея величество васъ проситъ.

Хельстремъ заволновался и бросилъ кій.

Онъ слѣдовалъ за Бойсманомъ быстро-быстро, еле касаясь земли. Вниманіе къ нему государыни безгранично и блестящее будущее рисовалось молніеносной фантазіи адъютанта.

Въ маленькой гостиной императрица Марія граціозно расположилась въ глубокомъ креслѣ и дружески бесѣдовала съ графомъ-наставникомъ. На ея моложавомъ, безъ единой морщинки, лицѣ застыла любезная улыбка. Легкая тѣнь опущенныхъ рѣсницъ скрывала ея взоръ. За кресломъ императрицы стоялъ элегантный князь Шервашидзе, ея гофмейстеръ и любимецъ. Красивыя черты ярко-восточнаго лица, густыя черныя брови и молодыя уста эффектно выдѣлялись въ рамкѣ почти серебряныхъ волосъ. Любимецъ царицы насмѣшливо улыбался любимцу царевича.

— Ваше величество приказали — вытянулся Хельстремъ.

Любезная улыбка ея величества теперь свѣтила адъютанту сына.

— А! Хельстремъ! прошу... Я давно уже хотѣла вамъ выразить особую благодарность за преданную службу великому князю. Васъ всѣ считаютъ любимцемъ Георгія, вамъ завидуютъ. Но вѣдь вы на своемъ посту безсмѣнно нѣсколько лѣтъ и графъ мнѣ сказалъ, что вы давно не пользовались отпускомъ. Вамъ слѣдуетъ немного отдохнуть, повидать родныхъ, повеселиться. Я благодарна графу за его къ вамъ вниманіе и согласна съ нимъ. Отдохните, Хельстремъ. Вы можете воспользоваться двухмѣсячнымъ отпускомъ. И, конечно, будете награждены по заслугамъ.

Императрица милостиво протянула руку смертельно блѣдному, растерявшемуся Хельстрему, давая понять, что аудіенція кончена.

Утомленная напряженною рѣчью, она откинулась на спинку кресла и снова повернулась въ сторону графа Олтуфьева.

Ошеломленный вышелъ изъ гостиной Хельстремъ. Прикосновеніе нѣжной царственной руки жгло его губы. Вѣтерокъ не охлаждалъ разгоряченной головы.

— Все кончено — шепталъ онъ побѣлѣвшими губами — императрица сама, сама мнѣ предложила отпускъ... Я погибъ!

Съ сердцемъ, полнымъ тревоги и тоски, стучался адъютантъ Хельстремъ въ дверь кабинета царевича, въ ту дверь, которую онъ, бывало, такъ часто и беззаботно отворялъ «безъ разрѣшенія».

— Войдите! — отозвался голосъ Георгія на робкій стукъ.

И вотъ, на мгновенье глаза ихъ встрѣтились и оба потупились въ смущеніи.

— Ваше высочество — грустно проговорилъ адъютантъ — я пришелъ поблагодарить васъ за все, за все и проститься. Я чувствую, что мы больше не увидимся.

Голосъ измѣнилъ Хельстрему, дрогнулъ, но онъ оправился и продолжалъ.

— Годы дружбы — я цѣнилъ ее дороже жизни. Я думалъ, что дружба эта... до могилы. Но судьба сложилась иначе. Знаю, я былъ неправъ. Я глубоко сожалѣю и, ради прошлыхъ, хорошихъ, долгихъ дней — простите безумцу его нелѣпыя ошибки. Только-бы не было вражды въ вашемъ сердцѣ!

Медленно поднялись длинныя рѣсницы и прозрачные глаза пристально глянули на бывшаго фаворита.

Хельстрему казалось, что эти прекрасные глаза печальны и, словно, подернуты слезой. Но рѣсницы снова медленно опустились и тучка мелькнула по блѣдному челу царевича.

— Хельстремъ, я не забуду хорошихъ минутъ, ихъ такъ немного въ моей жизни. За прошлое — благодарю и отъ души желаю вамъ удачъ и счастья. И вы будете счастливы, потому что вы умѣете забывать.

— И для меня есть незабвенное, ваше высочество. Я теряю больше, чѣмъ вы думаете; я долго дышалъ однимъ съ вами воздухомъ и душно мнѣ будетъ вдали отъ васъ. Но, въ порывѣ безумія, я забылъ кто *я* и кто *вы*.

— Хельстремъ — снова холодно прервалъ адъютанта царевичъ — я не умѣю мстить... и отъ души желаю вамъ всего лучшаго, но, пока, ваша близость тяготитъ меня и намъ лучше разстаться.

— Не *пока*, а навѣки! — почти рыдая, глухо проговорилъ Хельстремъ. — Только простите, простите меня!..

Царевичъ, тронутый, порывисто подошелъ къ адъютанту и крѣпко пожалъ его руку.

Понурившись, Хельстремъ медленно повернулся и побрелъ. Ему казалось, что его остановятъ и вернутъ, что тихій голосъ вновь зазвучитъ ласково и дружески.

— Хельстремъ!

Рука адъютанта, уже коснувшаяся двери, быстро опустилась. Онъ снова повернулся. Голубые глаза напряженно и жадно впивались въ лицо царевича. Онъ молча ждалъ...

— Обѣщайте мнѣ — дрогнулъ голосъ Георгія — что вы оставите тѣхъ... ту... — онъ запнулся въ смущеніи.

— Я понимаю — вспыхнулъ Хельстремъ. — Вы этого хотите? Вы просите?

Въ невольномъ порывѣ холодныя руки адъютанта сдавили пылавшую голову.

— Это высшая жертва — пробормоталъ онъ — но я принесу ее въ память дорогой дружбы.

Жестокимъ усиліемъ воли онъ овладѣлъ собой.

— Завтра я уѣзжаю, ваше высочество.

Онъ выпрямился, гордый, красивый, стройный. Бывшіе друзья разстались.

Торжественный обѣдъ въ честь отъѣзжающаго адъютанта его высочества, Хельстрема, затянулся. Такъ много было сказано рѣчей, пожеланій, столько похвалъ сыпалось на голову опальнаго адъютанта. Но натянутыя струны звучали фальшиво. Въ каждомъ взорѣ блестящій адъютантъ чувствовалъ или скрытую насмѣшку, или обидное соболѣзнованіе. И также фальшиво звучала его отвѣтная рѣчь.

Подарокъ императрицы, великолѣпныя запонки и не менѣе великолѣпные часы — подарокъ Георгія, сверкали брилльянтами, сверкали, какъ слезы.

Въ одиннадцать Хельстремъ, въ послѣдній разъ, простился со всѣми и удалился въ свою комнату.

Молчитъ дворецъ, погруженный въ глубокій сонъ. Гаснутъ огни одинъ за другимъ.

Но Хельстремъ не спитъ. Въ его широко открытое окно глядитъ ночь, ночь свѣтлая и загадочная, какъ вѣчность. Это *послѣдняя* его ночь подъ кровлей дворца!

Какъ яркая панорама мелькаютъ въ воспаленномъ мозгу минувшіе три года. Дружба царевича! Не такъ ужъ легко была завоевана эта дружба, зато потомъ жизнерадостному, легкомысленному адъютанту дозволялось и прощалось все.

Такъ шли годы. И что создали годы — разрушили дни.

Тупая боль тѣснила грудь отверженнаго.

Яркая луна медленно всплывала. Она безцеремонно заглядывала Хельстрему въ лицо. И вспомнилась другая ночь, когда мечтой зарождавшейся любви сіяло ему золото любимыхъ женскихъ глазъ. Вспоминались капризныя губки женщины-ребенка, тоненькой и стройной, гордой и нѣжной.

Сразу *все* порвать, все! Даже не сказать послѣдняго прости... это воля царевича.

Красивая голова адъютанта поникла, словно придавила ее высочайшая воля. А горькія думы и радужныя воспоминанія сплетались причудливымъ хороводомъ и быстро уходили послѣдніе часы подъ кровлей дворца.

Въ шесть утра, когда всѣ еще спали, ко дворцу былъ поданъ экипажъ. Хельстремъ, блестящій, какъ всегда, только необычно блѣдный, твердо ступилъ на подножку. Его глаза были прикованы къ окнамъ царевича. За легкой занавѣсью ему чудился хрупкій знакомый силуэтъ. Лошади тронулись. Быстро пронеслись они мимо ограды. Первый поворотъ... и дворецъ въ русскомъ стилѣ, окна царевича, благоухающій садъ, все это, до боли знакомое и родное, исчезло, какъ видѣніе.

Въ послѣднемъ «прости» мелькаетъ Абастуманъ.

Вотъ вилла Рокотовой и сердце дрогнуло подъ наплывомъ воспоминаній. Вотъ ванное зданіе среди роскошнаго

парка. Каждое утро онъ подъѣзжалъ сюда съ Георгіемъ. Вотъ водопадъ. Внизу, на огромномъ камнѣ, царевичъ и онъ стояли рядомъ, любуясь бѣшеными пѣнистыми струями.

Исчезли зданія. Вотъ Курцханское ущелье. Вотъ хуторъ. По этому пути такъ часто катались они съ Георгіемъ верхомъ или на велосипедахъ.

Мимо — мимо!

Хельстремъ откинулся на подушки экипажа подавленный, блѣдный. Глаза его закрылись.

Куда онъ ѣдетъ? Гдѣ будетъ отдыхать? Онъ одинокъ. Его семья — въ далекой Швеціи и она ему чужда. Какую участь готовятъ ему тѣ, кто властно распоряжается его судьбой? Тяжелое предчувствіе сжимало его сердце. Двѣ тяжелыя слезы медленно скатились по его лицу.

Въ Петербургѣ Хельстремъ сразу узналъ свою участь. Холодныя, мертвыя строки приказа его извѣстили, что «адъютантъ великаго князя Георгія Александровича, Альфонсъ Леонардовичъ Хельстремъ, отчисляется отъ свиты его высочества и назначается въ трехлѣтнее морское плаванье».

Долго вчитывался бывшій адъютантъ царевича въ бездушный приказъ, словно не могъ его сразу понять. Дрожали руки.

Исчезъ и послѣдній проблескъ надежды. Все было кончено.

XXVI.

Печальная вернулась Мара съ обычной утренней прогулки среди любимыхъ скалъ. Не было тамъ царевича и не было письма подъ камнемъ. Мара уныло бродила по саду и вспоминался ей вечеръ 14 мая. Дворецъ, сверкавшій огнями, благоухавшія гирлянды, торжественные звуки музыки и шумливый говоръ праздничной толпы. Вспоминалось ей, какъ изъ далекаго окна сначала сверкнула благосклонная улыбка царевича золотой сказки, а потомъ тѣ-же глаза глянули на нее, такъ холодно, почти враждебно. И опять изъ-за Хельстрема! Какъ много огорченій приноситъ Марѣ вниманіе блестящаго Донъ-Жуана!

— Мара!

Жена лѣсничаго, раскраснѣвшаяся, взволнованная носилась по аллеямъ сада, разыскивая Мару.

— Знаете послѣднюю новость?

— Какую? — послышался равнодушный вопросъ.

— Альфонсъ Леонардовичъ Хельстремъ сегодня покинулъ Абастуманъ. Навсегда. Императрица *сама* предложила ему отпускъ. Со всѣхъ сторонъ доносы и сплетни и рѣшили, что близость Хельстрема вредна его высочеству. И, знаете, царевичъ не отстаивалъ своего адъютанта. А вѣдь какая была дружба! Георгій прежде всегда стоялъ горой за Хельстрема. Во дворцѣ всѣ, кажется, торжествуютъ. А мнѣ жаль Альфонса Леонардовича. Онъ такой симпатичный, блестящій, жизнерадостный. И онъ любилъ дворецъ. Въ иной жизни онъ задохнется. Но если-бы вы видѣли отчаянье Елены, Мара! Вотъ это — любовь! Весь Абастуманъ волнуется и обсуждаетъ событіе. Бездна самыхъ разнообразныхъ сплетенъ!

Мара, блѣдная, молчала. Развѣ еще недавно Хельстремъ не говорилъ ей съ такимъ восторгомъ объ исключительной благосклонности государыни? И торжествовалъ свою побѣду надъ врагами! И что-же? Онъ изгнанъ. Или тамъ, за высочайшей оградой, чарующе ласкаютъ, когда рѣшили погубить? Красивый образъ царедворца такъ ярко рисовался Марѣ. Жалость къ поверженному закрадывалась въ ея сердце.

— Его высочество! — всплеснула руками жена лѣсничаго. — На велосипедѣ подъѣхалъ къ вашей калиткѣ!

— Чего-жъ вы испугались? — вся вспыхнула Мара. — Пойдемте вмѣстѣ и встрѣтимъ царевича.

Но почтенная женщина только головой отмахнулась въ знакъ протеста и торопливо скользнула въ густую липовую аллею.

— Вотъ это дорогой и рѣдкій подарокъ, ваше высочество, заглянули въ мою хижину! — ласково встрѣтила Мара царевича.

Потупившись, онъ пожалъ ей руку.

— Усталъ, княгиня. Захотѣлось отдохнуть въ тѣни вашего сада, если не помѣшаю.

Они медленно шли къ верандѣ.

— Если вы не торопитесь, ваше высочество, пройдемся въ мою комнату. Тутъ много любопытныхъ глазъ.

— Я не тороплюсь.

Въ комнатѣ Мары свѣтло и уютно. Она спустила легкую занавѣсь и пододвинула кресло царевичу. Обоимъ неловко, словно эти нѣсколько дней разлуки внесли новое, чуждое въ ихъ молодую дружбу.

— Хельстремъ уѣхалъ — вдругъ сказалъ Георгій и быстро и пристально взглянулъ на Мару.

— Знаю — невольно покраснѣла она.

— Васъ удивилъ этотъ внезапный отъѣздъ?

Молчаніе.

— Я очень любилъ его — не глядя на Мару, отрывисто говорилъ царевичъ. — Безпутный, веселый — всѣ это знали. Здоровьемъ, энергіей, искренностью вѣяло отъ него. Онъ оживлялъ мою монотонную жизнь. Казалось, онъ былъ мнѣ преданъ. Я это цѣнилъ. Хельстремъ виноватъ. Онъ переступилъ границу. Въ послѣднее время его присутствіе тяготило меня. И стало легче, когда онъ уѣхалъ. Бываютъ минуты, которыя не могутъ быть забыты и не могутъ быть прощены. И все-таки мнѣ было жаль его, когда онъ пришелъ проститься. Мнѣ было жаль прошлаго. И я не спалъ всю ночь. Вспоминалась былая дружба. Всплывала каждая мелочь. Все доброе. Но, если-бы онъ остался, я могъ-бы его возненавидѣть. Меня уже раздражалъ его видъ, его голосъ, его смѣхъ. Послѣ прежней близости я уже не могъ выносить его присутствія. Не знаю, понимаете-ли вы меня?

— И меня тяготило присутствіе Хельстрема. Еще часъ тому назадъ я съ досадой думала о томъ, какъ много непріятныхъ минутъ мнѣ приносило его благосклонное вниманіе, но, когда мнѣ стала извѣстна постигшая его печальная участь, мнѣ такъ стало жаль его! Еще недавно вечеромъ, у окна сіявшаго огнями дворца, онъ радовался, какъ дитя, милости императрицы. Онъ чувствовалъ твердую почву подъ ногами. Ему казалось, что онъ побѣдилъ враговъ и получилъ прощеніе друзей. Близость ко двору была его жизнью, его гордостью. Мнѣ кажется — этотъ ударъ не по силамъ его слабой душѣ. И мнѣ жаль его. Отчасти и я была невольной причиной его гибели.

Слово сорвалось и Мара, смущенная, умолкла. Она почувствовала внимательный и острый взглядъ царевича.

— Такъ мало было у меня друзей. Хельстремъ и Артемовскій. Потомъ — вы. Хельстремъ мнѣ солгалъ, онъ разбилъ мою вѣру. Артемовскій — святая, чистая, вѣрная душа, но... его отнимутъ у меня, я это знаю. Любовь сильнѣе дружбы. Остается только одинъ другъ — Мара. Я хочу вамъ вѣритъ, какъ Богу, хочу, чтобы каждое ваше слово было моей святыней. Если обмануться и въ васъ, какъ въ Хельстремѣ, что останется? Опять замкнуться въ себѣ самомъ? Уйти отъ людей? Отъ ихъ невѣрной дружбы?

Царевичъ нервно, обѣими руками, сжималъ голову. На его лицѣ ярко отражались переживанія взволнованнаго сердца.

А Мара? Можетъ быть, ей не совсѣмъ были понятны утонченныя страданія этой одинокой ревнивой души, но глубокая, нѣжная жалость охватила все ея существо. Въ невольномъ порывѣ близко-близко подошла она къ царевичу. Ея легкое платье касалось его колѣнъ. Ея руки опустились на его узкія плечи.

Дрогнули рѣсницы, медленно поднялись ясные глаза и съ робкой надеждой смотрѣли на Мару. А она, вдругъ, наклонилась... и ея горячія губы коснулись этихъ ясныхъ печальныхъ глазъ.

— Мара... прошепталъ царевичъ.

Ея пальцы съ такою нѣжною, почти материнскою лаской, коснулись шелка каштановыхъ волосъ. А Георгій закрылъ глаза, отдаваясь невинной ласкѣ всѣмъ своимъ существомъ.

«Бываютъ незабвенныя минуты. Я пережила ихъ вчера. Но Вы были такъ холодны. И вечеромъ, въ уединеніи, я вновь переживала незабвенное и думала: почему Вы были такъ холодны?»

(Записка княгини Рокотовой царевичу.)

Ты укоряешь меня, Мара. Я былъ холоденъ? Пойми, никто никогда такъ не ласкалъ и не цѣловалъ меня, какъ ты, моя дорогая. Я летѣлъ домой на велосипедѣ. Голова моя горѣла, какъ въ огнѣ. Дома — разспросы, взгляды, вниманіе. А я такъ жаждалъ уединенія! Я заперся въ своей комнатѣ подъ предлогомъ отдыха.

Я досталъ твою фотографію и долго не отрывался отъ нея. Твои чудесные глаза задумчиво, безмятежно глядѣли вдаль. Я дерзко отдалъ имъ поцѣлуй, который не посмѣлъ вернуть оригиналу. Мара, когда мы встрѣтимся завтра, не говори объ этомъ, если не хочешь, чтобы я сгорѣлъ. И я не посмѣю сказать тебѣ «ты», но въ письмахъ рука больше не повернется на холодное «вы». Твоя нѣжность дала мнѣ эту смѣлость. Не сердись. *(Письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)*

«Я, кажется, блестяще выдержала экзаменъ? Мы утромъ встрѣтились въ тобою, какъ вѣжливые гранды. Церемонно привѣтствовали другъ друга, говорили о природѣ, погодѣ, дворцовыхъ сплетняхъ и, конечно, ни слова о страшномъ поцѣлуѣ. И разстались мы, какъ дружественные гранды. Ты доволенъ мною. Кажется, я заслужила интимное «ты» въ твоихъ письмахъ? Вѣдь все это далось мнѣ совсѣмъ не такъ легко, какъ ты думаешь. На бархатистой травѣ, подъ черешней, мы сидѣли такъ близко. И мнѣ хотѣлось тихо-тихо спросить: «Мы только друзья?» Чтобы ты мнѣ отвѣтилъ? Мара.»

(Записка княгини Рокотовой царевичу.)

Мара появилась на скалѣ, озаренная утреннимъ солнцемъ. Быстрымъ взоромъ окинула она свою любимую поляну. Царевичъ неподвижно полулежалъ подъ черешней, весь во власти своихъ думъ.

Мара, улыбаясь, осторожно подкрадывалась. Противная вѣтка хрустнула подъ ея ногами. Царевичъ быстро обернулся и приподнялся, но Мара удержала его.

— Я сяду рядомъ — шаловливо улыбнулась она — можно?

И она опустилась на траву, сбросила шляпу и волнистой, слегка растрепавшейся головкой приникла къ его колѣнямъ.

— Чудесная подушка — шутила она. — Мнѣ очень, очень удобно. Вы не разсердитесь, если я засну?

— Нѣтъ...

Взволнованый, онъ боялся взглянуть на нее. Онъ думалъ о томъ, какъ смѣлы его письма и какъ много-много онъ хотѣлъ-бы ей сказать... и не рѣшался.

— Засыпаю... — шепнула Мара.

Ея вѣки медленно сомкнулись. Теперь, когда она казалась спящей, онъ рѣшился взглянуть на нее. Онъ видѣлъ ея профиль, пушистыя рѣсницы, тонкій изгибъ ея шеи.

— Жоржикъ — сказала Мара не открывая глазъ — поцѣлуй меня. Я не взгляну... не бойся.

Ближе и ближе... ихъ губы встрѣтились.

И было такъ тихо. Только листва шелестѣла, да падали свѣтлыя струи воды, ударяясь о камни.

«Только друзья?» Нѣтъ, Мара, нѣтъ! Никогда еще мое сердце такъ бѣшено не билось, не замирало такъ сладко. Я никогда еще не былъ такъ счастливъ. Жизнь пробудилась во мнѣ. Жизнь! Только теперь я себя понялъ. Мара, это — любовь!

(Письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)

«Любовь! Да, милый, первая для насъ обоихъ, вѣрь мнѣ! Первая и послѣдняя. Робкая, какъ твоя улыбка, сильная, какъ божество. Царевичъ моей золотой сказки, моя лучшая дѣтская греза, я люблю тебя вѣчной любовью... Мара.»

(Письмо княгини Рокотовой царевичу.)

Конецъ первой части.

Часть II.

I.

Крошечная дача — игрушка пряталась въ разросшемся полудикомъ саду. Изъ густой зелени кокетливо выглядывали ея балконы, террасы и башенки, обвитые дикимъ виноградомъ. Воздушныя занавѣси и тяжелые драпри плотно закрывали окна и дачка казалась погруженной во мракъ.

Гдѣ-то старинные часы прокуковали восемь. Двери распахнулись и мелькнула полоса яркаго свѣта. Въ ней обрисовалась мужская фигура въ темномъ, короткомъ плащѣ. Съ балкона она спустилась въ садъ и быстро двигалась по заглохшимъ аллеямъ къ калиткѣ. Въ густой, мягкой травѣ терялись торопливые шаги.

Нѣсколько минутъ ожиданія и у калитки остановился экипажъ.

— Вы меня, конечно, ждете, Алексѣй? — капризными нотками звенѣлъ нѣжный женскій голосъ.

Калитка захлопнулась. Щелкнулъ замокъ.

— Если-бъ вы не пріѣхали, Вѣра, я самъ полетѣлъ-бы за вами.

— Охъ-охъ! Хотѣла-бы я видѣть холоднаго, насмѣшливаго, надменнаго синьора Артемовскаго, летающимъ на пламенныхъ крыльяхъ любви! Это была-бы сенсація.

Прижимаясь другъ къ другу шли они къ домику.

— Какъ хороша жизнь! — мѣняя тонъ, вздохнула графиня Ольская. — Какъ дорого счастье, когда его выстрадаешь!

— А Вѣра страдала? — сжимая ея руку и радостно улыбаясь, спросилъ Артемовскій.

— Очень! Ахъ, очень!

Они вошли въ домикъ и дубовая дверь за ними захлопнулась.

— Здѣсь прелестно! — какъ любопытное дитя озиралась Ольская. — Свѣтло, тихо, уютно.

— И нѣтъ шпіоновъ. Можно свободно дышать.

— Мы совсѣмъ, совсѣмъ одни?

— А вы развѣ боитесь, Вѣра?

— Съ вами, Алексѣй, я ничего не боюсь.

Она шаловливо пробѣжала по миніатюрнымъ комнатамъ, утопавшимъ въ цвѣтахъ.

Въ столовой былъ сервированъ ужинъ. Въ гостиной ея вниманіе привлекъ рояль. Ея быстрые пальчики пробѣжали по клавишамъ. Бравурные, блестящіе звуки Шопеновскаго вальса оборвались и Вѣра Аркадьевна побѣжала къ Артемовскому.

— Садитесь, Алексѣй! — Она его шутливо толкнула и онъ покорно опустился въ кресло.

На ручку этого кресла, какъ птичка, вспорхнула графиня Ольская.

— Сколько въ васъ жизни и веселья, Вѣра! Неужели эти лукавые глазенки умѣютъ плакать?

— И какъ еще!

Кудрявая головка наклонилась къ плечу Артемовскаго, а пальчики — нѣжные лепестки причудливаго цвѣтка — одинъ за другимъ тянулись къ его губамъ.

— Цѣлуйте, противный, въ наказаніе за то, что вы все-таки покинули бѣдную Вѣру и полетѣли за вашимъ Георгіемъ. Еще и еще, чудовище!

— Если вы будете *такъ* наказывать, такъ я и теперь полечу вслѣдъ за Хельстремомъ.

— Никуда, противный! Эти пальцы превратятся въ страшные когти и сумѣютъ васъ удержать.

Въ невольномъ порывѣ Артемовскій крѣпко обнялъ любимую.

— Ой!

— Испугалась?

— Нѣтъ — нѣтъ, Алексѣй. Еще крѣпче.

Кудрявая головка запрокинулась, капризныя милыя губы такъ близко...

— Ты сведешь меня съ ума, Вѣра... — еле слышенъ его шопотъ.

Какъ дологъ поцѣлуй любви. Двѣ пары глазъ впиваются одна въ другую. Страсть, такъ долго нѣмая въ цѣпяхъ — теперь захватила обоихъ. Отрывистыя слова, звуки поцѣлуевъ, какъ безумье, врываются въ тишину.

И вдругъ... заглушенный стонъ. Запрокинулась голова Артемовскаго, закрылись его глаза, губы окрасились кровью.

— Алексѣй!

Ольская соскользнула къ его ногамъ. Ея батистовый платочекъ трепещетъ въ рукѣ, касаясь любимыхъ окровавленныхъ устъ.

— Милый, милый... что съ тобой?!

Онъ глубоко вздохнулъ и рѣзкая боль пронизала его грудь. Глаза открылись.

— Кровь! — тихо сказалъ онъ. — Я боленъ, Вѣра, но я не думалъ, что это такъ серьезно.

— Ваше мнѣніе, докторъ?

Блѣдное лицо Артемовскаго было спокойно. Докторъ Поровъ загадочно качалъ головой. Въ глубинѣ его стальныхъ глазъ сверкали злобныя искры.

— Всѣ розы съ шипами, Алексѣй Владиміровичъ и даже роза святой дружбы. Она васъ смертельно уколола. У васъ болѣзнь его высочества.

Артемовскій понялъ. Георгій заразилъ его своею болѣзнью — они были слишкомъ близки. Но напрасно Поровъ упорно вглядывался въ паціента — ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ лицѣ Алексѣя Владиміровича. Слабая улыбка мелькнула по его губамъ.

— Благодарю васъ, докторъ. Надѣюсь, эта маленькая тайна останется между нами.

И почти весело онъ добавилъ.

— Всякій идетъ своимъ путемъ. Всего добраго, докторъ.

II.

Жизнь во дворцѣ шла своимъ чередомъ. Поѣздки, прогулки, бесѣды, игры на воздухѣ и неизмѣнный «винтъ» по вечерамъ. Отъѣздъ императрицы былъ вопросомъ ближайшихъ дней и государыня почти не разставалась со своимъ

больнымъ, любимымъ «мичманомъ» передъ этой новой вынужденной разлукой.

Длинный списокъ щедрыхъ царскихъ наградъ уже въ рукахъ графа Олтуфьева. Высочайшее къ нему довѣріе окрѣпло и робкіе протесты Георгія быстро обрывались государыней.

Доносы и сплетни торжествовали. Веселая жизнь принца Константина при дворѣ Георгія уже не была тайной для государыни. Ей дали возможность хорошо «изучить» маленькій дворикъ Ольденбургскаго со всѣми его недостатками. Ей ярко нарисовали «портреты» княжны Турадзе, генеральши Рубанъ и княгини Максени. Императрица все приняла къ свѣдѣнію, но распоряженій пока не было и даже графу Олтуфьеву она не сказала ни слова.

Лицо государыни по обыкновенію было привѣтливо спокойно, почти неподвижно и только въ глазахъ отражалась жизнь ея сердца — они были печальны и задумчивы.

Наканунѣ отъѣзда вечеромъ вошла государыня въ комнату сына. Георгій уже лежалъ въ постели. Долго и ласково смотрѣла на него императрица. Она его перекрестила и поцѣлуй ея былъ такъ нѣженъ.

Царевичъ приподнялся въ невольномъ порывѣ. Онъ, какъ будто, хотѣлъ что-то сказать, довѣрить своей мамá. Въ глазахъ его блистали слезы.

Но, можетъ быть, императрица-мать не замѣтила этого порыва? Она медленно поднялась.

— Мы навѣрно опять скоро-скоро навѣстимъ тебя, Георгій — ласково сказала она. — Такъ жаль, что здоровье не позволяетъ тебѣ присутствовать на свадьбѣ Ксеніи. Но потомъ, конечно, сестра пріѣдетъ къ тебѣ, къ первому. Она такъ къ тебѣ привязана.

Еще одинъ ласковый, привѣтливый жестъ и императрица удалилась.

Сынъ ея — покорный и тихій — снова откинулся на подушки. Въ глазахъ его блеснули слезы. Со вздохомъ онъ ихъ смахнулъ и вѣки его сомкнулись.

Печальныя думы смѣнились грезами. Ласковый сонъ вѣялъ надъ изголовьемъ царевича и юные уста Георгія улыбались надеждѣ.

«Уѣхали мои родные. Когда-то встрѣтимся? И такъ грустно, что мое счастье осталось тайной. Не только мама, даже Ксеніи я не открылъ своего сердца — не рѣшился. Сестрѣ я напишу. Она сама любитъ и она меня пойметъ. Буду просить ея помощи и защиты. Не надо мнѣ высоты, я хочу простого маленькаго счастья. Личнаго. Я боленъ. Вѣдь жизнь угасала во мнѣ. Только любовь пробудила меня къ жизни.

. . . . . .

Письмо сестрѣ отослано... Что-то будетъ?»

(Изъ дневника царевича.)

Графиня Ольская притихла, какъ птичка въ бурю. Съ тревогой вглядывалась она въ любимыя черты. А Алексѣй, у него такая желѣзная сила воли — онъ безпечно ей улыбался.

— И все-таки мнѣ придется огорчить тебя, моя маленькая Вѣра. Я люблю тебя безконечно, но... кромѣ тебя, еще двое любящихъ и любимыхъ. Мои бѣдные, старые родители, они мнѣ слезно напомнили о себѣ. Прочти это письмо, Вѣра и ты сама прогонишь меня къ нимъ.

Строки, начертанныя старческой рукой, передъ глазами Вѣры. Прочла и поникла кудрявой головкой.

— Конечно, ты поѣдешь, Алексѣй. И ты скажешь имъ — слезами дрожитъ ея голосъ — что я имъ принесла тяжелую жертву. Но вѣдь ты то пожалѣешь меня? И ты скоро-скоро вернешься?

— Моя маленькая, мужественная — спасибо!

Онъ нѣжно цѣловалъ слезинки въ ея глазахъ.

— Наконецъ-то! — радостно привѣтствовалъ Георгій Артемовскаго. — Графиня Вѣра Аркадьевна тебя похитила и ты, какъ метеоръ, въ моемъ дворцѣ.

Нѣжно и грустно всматривался Артемовскій въ своего высочайшаго друга. Какъ любитъ онъ этого хрупкаго юношу и все ему отдалъ... все... вѣдь за эту дружбу онъ платитъ жизнью.

— А я, Георгій, скоро покину твой дворецъ и оставлю на твоемъ попеченіи «похитительницу» моей особы — графиню Ольскую.

Шутливый тонъ его звучалъ фальшивой нотой.

— Почему, Алексѣй? — взволновался царевичъ.

— Надо-же, наконецъ, подумать и о моихъ старикахъ. Я такъ давно не заглядывалъ въ родимое гнѣздо. Матушка моя хвораетъ и отецъ такъ проситъ ее навѣстить. Ты, конечно, отпустишь своего адъютанта?

— Придется, Алексѣй — грустно улыбнулся Георгій. — Только не надолго.

— Ну, конечно! — вѣдь оба магнита остаются въ Абастуманѣ.

Артемовскій въ своей комнатѣ — у письменнаго стола. Который уже разъ онъ начинаетъ прощальное посланіе и все не то, не то...

Ну вотъ! Наконецъ-то мысль передала перу желанія сердца. И бѣжитъ перо, быстро бѣжитъ, чернѣетъ строка за строкой... Кончено.

Артемовскій склонился надъ письмомъ, надъ этимъ крикомъ надорваннаго сердца. Онъ перечитываетъ. Глаза горятъ. Сжимается сердце. Если-бы онъ умѣлъ рыдать!

— Графиня, вы, кажется, очень сердитесь? — раздался за спиной Ольской ласковый вопросъ царевича и она быстро обернулась.

— Еще-бы, ваше высочество, вашъ противный Алексѣй Владиміровичъ просилъ меня его тутъ подождать... и вотъ жду его цѣлую вѣчность и злюсь.

— Ахъ, какой онъ нехорошій, этотъ *нашъ* Алексѣй Владиміровичъ! И мы его накажемъ, графиня, мы сейчасъ-же проникнемъ во всѣ его тайны. Довѣрьтесь мнѣ, я незамѣтно проведу васъ въ его комнату. Вы не боитесь?

— Или вы думаете, что я трусиха, ваше высочество?

Царевичъ осторожно пріотворилъ дверь комнаты своего адъютанта.

— Какая досада, графиня — Алексѣй упорхнулъ черезъ другую дверь.

Волнуясь, Ольская вошла въ комнату любимаго. Впервые!

Какъ внимательно разглядывала она каждую мелочь этого интимнаго уголка.

Подошла къ письменному столу. Перо небрежно брошено. Запечатанное письмо. Наклонилась надъ конвертомъ и вздрогнула, блѣднѣя. И сердце невольно сжалось.

— Что это значитъ? — голосъ ея рвался. — Тутъ мнѣ письмо. Только что написано. Въ такихъ случаяхъ пишутъ то, что не рѣшаются сказать. Разрѣшите, ваше высочество, я его прочту, это загадочное письмо.

«Прощай, моя любимая. Я знаю, какъ тебѣ будетъ больно, когда ты прочтешь эти строки; но противъ судьбы не пойдешь. Только тебѣ, тебѣ одной я открою мою грустную тайну. Я знаю — ты не обманешь моего довѣрія. Разгадана загадка моего недомоганія — царевичъ передалъ мнѣ свою болѣзнь и во мнѣ она развилась необычайно быстро. Спасенія ужъ нѣтъ. Для меня — все кончено, у тебя-же, молодой и прекрасной, всѣ права на жизнь. Было-бы и подло, и безчестно, пользуясь твоей любовью, связать свои послѣдніе дни съ твоими. Вѣдь я и тебѣ передалъ бы роковой недугъ. Прощай. Ты, вѣдь, чувствуешь, какъ тяжела мнѣ эта разлука. Еще сегодня я буду съ тобой и я ничего, ничего тебѣ не скажу. Ничего, кромѣ словъ любви. И ты только завтра узнаешь, что эта разлука — вѣчная. Прощай, моя любимая и храни мою тайну, храни ради Георгія.

Весь твой Алексѣй Артемовскій.»

(Письмо Артемовскаго графинѣ Ольской.)

Дочитано послѣднее слово и брызнули жгучія слезы.

— О чемъ? — волнуясь, спросилъ царевичъ.

Графиня Ольская поспѣшно спрятала письмо. Только-бы Георгій не проникъ въ эту роковую тайну!

— Алексѣй — чудовище — путаясь шептала она — онъ завтра рѣшилъ насъ покинуть. Но мы его не отпустимъ, ни вы, ни я. И, ради Бога, не говорите ему, что я уже прочла его противное письмо. Я сейчасъ-же увезу его къ себѣ и уже не выпущу; нѣтъ — нѣтъ!

Она подбѣжала къ зеркалу и торопливо пудрила покраснѣвшіе отъ слезъ глаза.

— Незамѣтно? Пойдемте-же! Я найду его и увезу къ себѣ.

Царевичъ и Ольская спустились въ садъ и быстро, молча шли по аллеямъ.

— Вотъ онъ! — вздрогнула Ольская.

Въ освѣщенномъ подъѣздѣ, въ бѣломъ кителѣ выдѣлялась фигура Артемовскаго. Онъ ихъ замѣтилъ, царевича и Ольскую. Онъ торопливо, весело улыбаясь, двинулся имъ навстрѣчу. Онъ умѣлъ владѣть собой.

Игрушечная дачка стала еще уютнѣе. Милая женщина оживила ее. Тутъ ароматъ ея духовъ, ея любимые цвѣты, фарфоровыя и кружевныя бездѣлушки. Тутъ шелестъ ея туалета и легкихъ шаговъ, нѣжный звонъ ея голоса, бравурные звуки рояля. Тутъ маленькій рай Артемовскаго. И разстаться съ этимъ раемъ, съ милой женщиной, со всѣми волшебными чарами первой глубокой и страстной любви?!

Стонутъ клавиши рояля подъ быстрыми пальчиками Вѣры Аркадьевны. Нѣжно и печально льется «романсъ безъ словъ» Чайковскаго. И теперь, когда любимая не видитъ его лица, Артемовскій уже не улыбается. Складка скорби прорѣзала его лобъ и забота сдвинула брови. Невеселыя думы захватили его и не слышалъ онъ, какъ замерла послѣдняя нота «романса безъ словъ».

— Вотъ теперь ты не притворяешься! Нѣтъ — нѣтъ, не старайся улыбнуться. Я все равно уже не вѣрю твоей улыбкѣ. Но судьба за меня, Алексѣй и ты никуда — никуда не поѣдешь.

Дрожащей рукой она бросила на столъ скомканное письмо.

— Я прочла его. Я десять разъ его прочла и я люблю тебя еще больше, если только это возможно. А ты хотѣлъ бѣжать отъ моей любви? Глупый, глупый! Да развѣ я покорилась-бы? Развѣ я въ тотъ-же день не помчалась-бы за тобой?

Артемовскій долго молчалъ, пораженный.

— Кто отдалъ тебѣ это письмо? — наконецъ растерянно спросилъ онъ.

— Сама взяла. На твоемъ письменномъ столѣ.

— Ты была въ моей комнатѣ?

— Подумаешь, какая трагедія! Я тебя искала и царевичъ провелъ меня въ твою комнату. Но вмѣсто тебя насъ встрѣтило это письмо.

— И ты молчала?

— Молчала, зато теперь я буду говорить.

— Зачѣмъ, Вѣра? Ничто не измѣнитъ моего рѣшенія. Неужели тебѣ непонятенъ весь ужасъ? Смертельную болѣзнь ношу я въ своей груди, заразительную. Я — обреченный. Неужели и тебя я долженъ обречь? Нѣтъ, Вѣра, нѣтъ!

— Ты хочешь спасти мою жизнь? Это твоя цѣль? — рѣзко спросила она.

— Это — необходимость.

— И ты уѣдешь? Оставишь меня?

Онъ упрямо наклонилъ голову.

— Своимъ бѣгствомъ ты не спасешь моей жизни — рѣзко и твердо сказала она. — Я разобью себѣ голову, если ты покинешь меня. Богомъ клянусь тебѣ, это правда, Алексѣй.

Она медленно отошла отъ него и поникла головкой.

— Путь свободенъ, Алексѣй. Уходи. Думаю, ты вернешься съ дороги, чтобы сказать мнѣ вѣчное, послѣднее прости.

— Что ты со мной дѣлаешь, Вѣра?

— Пока еще защищаю свое счастье. Не удержу его — не стоитъ жить. Ты былъ далеко отъ меня и я рвалась къ тебѣ. Тогда за день твоей любви я отдала-бы жизнь. А теперь уже прожиты недѣли счастья.

— Вѣра!

— Я знаю свое имя. Лучше подойди ко мнѣ и скажи: «я остаюсь». И вѣдь мнѣ тоже отрѣзаны всѣ пути къ отступленію. Я уже написала графу Ольскому, что прошу развода ради тебя. Я даже ему сообщила, что ты мнѣ гораздо ближе, чѣмъ онъ. Видишь, какая я наглая. Мое письмо — бомба. Графъ Ольскій привыкъ къ моимъ флиртамъ, но убѣжденъ, что серьезнаго быть не можетъ и что я дорожу своимъ блестящимъ положеніемъ. А я дорожу только тобой. Глупый ты, глупый.

А такъ какъ онъ не двигался съ мѣста, она сама подошла къ нему и нѣжно обняла его.

— У тебя отвратительный видъ, Алексѣй. И я тебя сейчасъ уложу. Сопротивленіе немыслимо. И ты будешь спать долго, долго. Я такъ хочу.

— Экипажъ заказанъ къ шести утра — слабо протестовалъ онъ.

— Новое дѣло! Мы прокатимся въ этомъ экипажѣ къ полустанку, когда ты проснешься. Будетъ странно, право, если изъ-за экипажа ты доведешь меня до самоубійства.

— Ты еще можешь шутить, Вѣра?

— Ну, конечно. Развѣ моя любовь не побѣдила твоего упрямства?

Надувъ губки, съ серьезнымъ видомъ, она укладывала спать своего Алексѣя и онъ ей покорялся, какъ послушное дитя. А когда, утомленный душевной борьбой, онъ крѣпко заснулъ, Вѣра Аркадьевна сообщила царевичу:

«Ваше высочество,

Алексѣй пойманъ и остается. Онъ у меня въ плѣну. Въ коляскѣ для «бѣгства» мы совершимъ маленькую прогулку къ полустанку, когда онъ проснется. Вы себѣ, конечно, представляете, какъ я счастлива?

Вѣра Ольская.»

III.

Послѣ недолгой разлуки, какъ радостно они встрѣтились — царевичъ и Мара. Нѣсколько мгновеній молча смотрѣли другъ другу въ глаза, озаренные пурпуровыми лучами восхода. И опять душистая полянка у родника «міровой любви», развѣсистая дикая черешня, бархатистый коверъ зеленой травы, усѣянный пестрыми лѣсными цвѣтами. Все такъ-же робко царевичъ садится на кофточку Мары, а она шаловливо запрокинула головку на его колѣни.

— Такъ скучно было послѣдніе дни безъ тебя, Мара — тихо роняетъ Георгій. — Ксенія вставала рано и мы вмѣстѣ гуляли. Душой я рвался къ тебѣ, но пойти не рискнулъ. Вѣдь могли-бы замѣтить.

Съ горечью вслушивалась Мара въ эти робкія рѣчи. Такой близкій ей здѣсь и такой далекій, недоступный въ своемъ дворцѣ. Увы, это горькое сознаніе особую остроту придавало ея любви въ вѣчномъ страхѣ потери и она становилась глубже и трепетнѣй.

— А ты, Мара?

— Бродила по скаламъ. Мечтать не удавалось. И дома не находила себѣ мѣста. Но вѣдь это былъ скучный сонъ. Онъ прошелъ и мы опять вмѣстѣ.

— Я съ тобой всегда — ласково отвѣтилъ онъ. — Мысль моя и мое сердце всегда съ тобой.

— Милый.

Его рука такъ нѣжно сжимала ея руку, такъ довѣрчиво и любовно ея головка прижималась къ его груди.

— А знаешь, черезъ недѣлю я участвую въ благотворительномъ спектаклѣ.

— Продаешь билеты?

— Нѣтъ, играю. И даже въ двухъ пьескахъ. Сначала въ маленькой комедіи — изображаю институтку, а потомъ — въ отрывкѣ изъ драмы. Ты будешь?

— Ну, конечно. И поѣдутъ всѣ наши. Только, право, я себѣ не представляю тебя на сценѣ. Зачѣмъ это, Мара?

— Я вѣдь не въ первый разъ. Я люблю сцену. Если-бы я не была княгиней, то навѣрно стала-бы актрисой. Посмотришь. А если я тебѣ не понравлюсь, встань и уйди. Хорошо?

— Хорошо — разсмѣялся царевичъ.

— Завтра я продаю билеты съ женой лѣсничаго и Лелей. Весь день будемъ носиться въ шарабанѣ. Завтра, вѣдь, воскресенье. И сюда я уже не выберусь, съ утра начнется суматоха. Какой ты сталъ грустный! Почему? Вѣдь вечеромъ ты придешь ко мнѣ. Я буду ждать. Милый, милый! Улыбнись-же. Ну вотъ! Какъ солнышко, грѣетъ твоя улыбка. Ты — мое солнышко. Ты — царевичъ моей золотой сказки...

Уѣхали императрица, наслѣдникъ, царевна и ея прекрасный женихъ. За ними послѣдовала царицына свита. Но на смѣну явились новые гости — вернулся принцъ Константинъ и прилетѣли кутаисскія красавицы. Опять въ живописномъ ущельи Абастумана замелькали знакомыя лица. Граціозная Дарико Максени, стройная Полина, длинная генеральша Рубанъ, эффектныя сестры Залѣсскія. Опять пикники и поѣздки, задорный смѣхъ и фривольное кокетство. И среди веселыхъ лицъ — скорбное лицо покинутой Елены

Мицкой, какъ единственный памятникъ блестящему Хельстрему.

Воскресенье... и «маленькій дворъ» въ церкви. Царевичъ усердно молится. За нимъ — высокая, элегантная фигура принца Константина въ блестящемъ мундирѣ. Рядомъ — блѣдное, ясное лицо Артемовскаго и кудрявая, хорошенькая головка графини Ольской. Она такъ близко и не сводитъ глазъ со своего любимаго, словно охраняетъ его. Полина и Alexandrine непринужденно бесѣдуютъ, привлекая вниманіе молящихся. Княгиня Максени, набожно поднимая подведенные глазки, медленно ставитъ свѣчу. И тутъ они всѣ: графъ Олтуфьевъ, сестры Залѣсскія, Азбелевъ, Мѣшковъ, Бойсманъ, докторъ.

Кончилась обѣдня. Хлынула публика. Промчались дворцовые экипажи.

Имъ навстрѣчу — шарабанъ, украшенный незабудками. Въ немъ — Рокотова, жена лѣсничаго и Леля въ легкихъ голубыхъ туалетахъ. Ѣдутъ медленно, останавливаются и предлагаютъ билеты на спектакль.

Вотъ шарабанъ поравнялся съ экипажемъ царевича.

— Четыре билета въ первомъ ряду — подошелъ къ Рокотовой Артемовскій.

Съ другой стороны — докторъ Поровъ.

— Я ужъ лучше возьму самъ свой билетъ изъ ручекъ голубой богини — посмѣивается онъ. — Кстати разскажу вамъ, княгинюшка, чудесную сказку.

— Ахъ, вы и сказки умѣете разсказывать? Универсальный докторъ! Что-жъ это за сказка?

— Моя. Я ее придумалъ для васъ.

— Интересно.

Мара всѣмъ улыбалась, но глаза ея были прикованы къ грустнымъ глазамъ царевича.

— Мы такъ близки — и такъ далеки и такъ больно, что я не могу подойти къ тебѣ — словно говорятъ ей печальныя глаза Георгія.

И вдругъ, неожиданно, крошечный букетикъ незабудокъ, словно случайно, упалъ на колѣни царевича. Онъ вспыхнулъ и прижалъ его къ губамъ.

Улыбка счастья озарила лицо Мары и она быстро отвернулась. А докторъ щурился, наблюдая, и огоньками загорались его острые глаза.

Когда, проѣзжая, Мара преувеличенно почтительно поклонилась Георгію, она замѣтила свой скромный букетикъ въ его петлицѣ.

Усталая, раскраснѣвшаяся, Мара отдыхала на верандѣ, утопавшей въ цвѣтахъ. Раскинувшись въ качалкѣ, Мара обмахивалась огромнымъ вѣеромъ. День жаркій и ея голубое платье кажется блѣднымъ въ сравненіи съ густою лазурью ясныхъ небесъ.

— Отдыхаете?

Надъ рѣзными периллами показалась кудрявая голова доктора.

— Я за своимъ билетомъ, княгинюшка.

— И сказку мнѣ разскажете?

— Могу и сказку.

Онъ поднялся на веранду. Поцѣловалъ руку Мары и примостился на скамеечкѣ у ея ногъ.

— Вотъ ужъ не для васъ! Какъ медвѣдь на перышкѣ — разсмѣялась она.

— Когда нужно, я и въ мышку превращусь. А пока сказочку вамъ разскажу. Тишина и вниманіе. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ ясный королевичъ. Сердце у него было большое и красивое — драгоцѣнное сердце. И пошла по свѣту Божьему молва о сердцѣ королевича. И поспѣшили въ это царство, въ это государство дивныя красавицы — каждой хотѣлось завладѣть сердцемъ королевича. Увы, берегли это драгоцѣнное сердце, день и ночь берегли драконы и змѣи и разныя чудища. Съ высокой башни тоскливо смотритъ королевичъ на землю и печаль томитъ драгоцѣнное сердце. А внизу, по большой, свѣтлой дорогѣ, вся залитая солнцемъ, павой выступаетъ молодая свѣтъ-княгинюшка. Подняла красу-головку, примѣтила королевича. Встрѣтились ихъ очи и зажглись любовью. Потянулись руки королевича къ чудному видѣнію. Не достать красавицу. И упала горячая слеза королевича на голову одному чудищу. Встрепенулось чудище, оглянулось — и мигомъ постигло все.

И тогда прикинулось чудище добрымъ молодцемъ и по свѣтлой дорогѣ идетъ навстрѣчу свѣтъ-княгинюшкѣ. И говоритъ ей: «Дай мнѣ твою рученьку бѣлую, проведу я тебя къ терему королевича. Злыхъ драконовъ и змѣй я перебью на твоемъ пути-дороженькѣ и возьмешь ты драгоцѣнное сердце королевича. Сослужу я тебѣ службу великую, довѣрься мнѣ свѣтъ-княгинюшка.» И довѣрилась красавица чудищу. Какъ сказало оно, такъ все и сдѣлало. И любовь разцвѣла, пышнымъ садомъ росла, солнцемъ краснымъ сіяла! А чудище жило въ почетѣ да ласкѣ и злато, и самоцвѣтные камни, что дарилъ ему королевичъ, считало и враговъ своихъ грызло и съ пути ихъ сметало.

Умолкъ докторъ и пытливо поглядывалъ на Мару.

— Хорошая сказка — спокойно сказала она — только конецъ невѣрный.

— Моя сказочка. Мнѣ-ли не знать конца?

— Ваша-ли... нѣтъ..., а только слыхала я ее и конецъ былъ не тотъ.

— Какой-же?

— Вотъ какой. Какъ приблизилось чудище къ свѣтъ-княгинюшкѣ, да повело свои рѣчи невѣрныя, ядовитыя — съ великимъ срамомъ прогнала красавица злое чудище, земно издали королевичу поклонилася и пошла своимъ путемъ-дороженькой. Вѣдь высоко и далеко теремъ королевича! Да и ей ли подъ силушку съ чудищами сражаться? Божій свѣтъ великъ — найдетъ и она свою долюшку. Великъ Божій свѣтъ — найдетъ и королевичъ другую красавицу.

И обычнымъ шаловливымъ тономъ она добавила:

— Вы меня простите, что я вашу сказочку передѣлала. А вамъ спасибо — развлекли меня, докторъ. Только-бы ночью чудище не приснилось! Что это? Еще одинъ почетный гость?

— Къ вамъ графъ Олтуфьевъ, княгиня. Спѣшу ретироваться. Ворона съ мѣста, соколъ на мѣсто.

— У насъ сегодня все наизнанку: и сказки, и пословицы — разсмѣялась Мара.

— Какія сказки, princesse?

Съ этимъ вопросомъ графъ Олтуфьевъ подошелъ къ Марѣ.

— Мы все пикируемся съ докторомъ, compte.

— Пикируемся на прощанье, ваше сіятельство, такъ какъ я уже пріобрѣлъ билетъ и спѣшу во дворецъ. Нѣтъ-ли порученій, ваше сіятельство?

— Вы слишкомъ любезны, докторъ. Порученій нѣтъ.

Докторъ корректно поклонился и торопливо ретировался.

— Я тоже за билетомъ, princesse. Но это предлогъ, конечно. Привѣтствую богиню незабудокъ.

— Прошу.

Мара уступила гостю качалку и сама опустилась на скамеечку.

— Вамъ было весело эти дни! Высокіе гости. Почетъ.

— И заботы. Высочайшіе гости отбыли и вѣрноподанные слуги теперь вновь на свободѣ. Вѣдь я даже не могъ позволить себѣ удовольствія заглянуть къ вамъ. И вотъ мой первый визитъ — феѣ цвѣтовъ.

— Благодарю. Стараюсь вѣрить, хотя это и не благоразумно. А блестящій Хельстремъ, кажется, совсѣмъ улетѣлъ?

— И васъ это огорчаетъ?

— Нисколько. Въ послѣднее время онъ сталъ очень... смѣлъ, сказала бы я. И потомъ, у него два недостатка, которые я никогда не прощаю мужчинамъ.

— А именно?

— Излишняя красота и излишняя молодость. Вѣроятно, мой вкусъ испорченъ.

Улыбка мелькнула подъ сѣдѣющими усами.

— Мнѣ это даетъ надежду. У меня, конечно, много недостатковъ, но этихъ двухъ, увы, нѣтъ.

А такъ какъ гордая сѣдѣющая голова наклонялась къ Марѣ ближе, чѣмъ слѣдовало, она, смѣясь, вскочила.

— Бѣдный Бойсманъ — замѣтила она въ поджидавшемъ экипажѣ маленькаго человѣчка — ваша огромная коляска совсѣмъ поглотила его и я боюсь, что онъ уснулъ.

— Сейчасъ я разбужу его, princesse. Я вѣдь заѣхалъ только на минутку.

— Я провожу васъ до экипажа. Ахъ, у меня такая большая къ вамъ просьба, compte.

— Повелѣвайте.

— Мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы вы присутствовали на нашемъ спектаклѣ.

— Конечно, конечно. Вѣдь я, кажется, увижу васъ тамъ на новомъ поприщѣ? Охъ, наши дамы, любятъ онѣ себя демонстрировать на сценѣ. Но на просьбу отвѣчу просьбой.

— Повелѣвайте! — въ тонъ ему сказала Мара.

— Со спектакля разрѣшите доставить васъ домой.

— Невозможно! Я буду на попеченіи мамы. Но разрѣшите васъ пригласить въ антрактѣ въ мою уборную на бокалъ вина.

Нахмурившіяся было брови раздвинулись въ любезной улыбкѣ.

— Польщенъ и буду, princesse.

Легкій стукъ въ дверь ея комнатки и Мара радостно поднялась навстрѣчу царевичу.

— Милый!

Она въ смущеніи отступила.

— Да ты сегодня сердитый.

— Не то, Мара.

Онъ опустился на старый диванчикъ рядомъ съ нею.

— Грустно мнѣ. Когда ты подъѣхала сегодня, вся голубая, прекрасная, — я не смѣлъ подойти къ тебѣ, боялся лишній разъ взглянуть на тебя, а другіе свободно подходили и цѣловали твою руку — казалось, что ты имъ ближе, чѣмъ мнѣ. Ты бросила мнѣ букетикъ. Спасибо. Не выдержалъ, поцѣловалъ его при всѣхъ. Я сохраню его, Мара.

— Зато теперь, когда никто не смѣетъ, ты со мной. Милый!

Она нѣжно прижалась головкой къ его плечу и утѣшала его, какъ ребенка и тихо, любовно звенѣлъ ея голосъ.

— Ты мой единственный. Ты моя лучшая мечта, ты все благородное, возвышенное моего сердца. И, если когда-нибудь тебѣ скажутъ, что я полюбила другого — не вѣрь. Только тебя! Все лучшее, прекрасное, святое — тебѣ одному!

Онъ весь дрожалъ. Волненіе его росло. Радостно билось его сердце. Слезы счастья трепетали въ глазахъ.

Мара не разсказала Георгію сказки о «чудищахъ». Слишкомъ циничными ей казались планы доктора. Они коробили. Ей было стыдно заговорить о нихъ съ царевичемъ. Развѣ этотъ невѣрный, грубый аккордъ не ворвется дикою фальшью въ нѣжную гармонію ихъ любви?

IV.

Словно вся кружевная, ротонда сіяла огнями на высокомъ пригоркѣ надъ паркомъ. Ея площадка, какъ на ладони. Широкія скамьи переполнены нарядной публикой. И внутри ротонда приняла необычный видъ. Разставлены ряды креселъ и стульевъ, а разрисованный занавѣсъ таинственно скрываетъ наскоро сколоченную сцену.

Третій звонокъ. Залъ наполняется публикой, но занавѣсъ задерживаютъ — дали знать, что подъѣхали дворцовые экипажи.

Вотъ они, силуэты царской сказки! Царевичъ, принцъ, графъ-наставникъ, прекрасныя дамы и блестящіе адъютанты. Жадные взоры толпы впиваются въ нихъ.

Наконецъ, все затихло. Пестрый занавѣсъ дрогнулъ и быстро взвился. Въ остромъ любопытствѣ насторожился залъ.

Рокотова выбѣгаетъ на сцену преображенная. Короткое институтское платьице. Волосы падаютъ длинными локонами и схвачены голубымъ бантомъ. Совсѣмъ дѣвочка. Непринужденно, наивно щебечетъ и получается забавный контрастъ съ ея мрачнымъ партнеромъ.

Публика начинаетъ улыбаться. Улыбка превращается въ смѣхъ. Занавѣсъ падаетъ подъ дружные апплодисменты.

Антрактъ и залъ опустѣлъ. Только царевичъ остался въ первомъ ряду съ Артемовскимъ и графиней Ольской.

— Она очень мила, княгиня Рокотова. Ваше мнѣніе, ваше высочество?

— Вы правы, графиня. Мнѣ не пришлось бѣжать изъ зала — улыбнулся Георгій — вѣдь княгиня взяла съ меня слово, что, если она будетъ плоха, я демонстративно удалюсь.

— Взяла съ тебя слово? — усмѣхнулся Артемовскій — а потомъ растерялась бы и расплакалась! Знаемъ мы эти женскія просьбы.

— Демонстрація среди пьесы? Это вѣдь не парламентъ! — подхватила Ольская.

— О, женщины! Причемъ тутъ парламентъ? — возмутился Артемовскій.

Неожиданное появленіе графа Олтуфьева прервало шутливую бесѣду.

— Кажется онъ не къ намъ — тихо сказалъ Артемовскій. — Ого! Да онъ за кулисы.

Администраторъ, изогнувшись, подскочилъ къ графу Олтуфьеву и широко распахнулъ передъ нимъ таинственную дверь, на которой красовалась надпись: «Входъ постороннимъ воспрещается». За этой дверью скрылась широкая спина наставника.

— Алексѣй — дрожавшая рука царевича незамѣтно сжала руку адъютанта — я тебя прошу, пройди въ уборную княгини, передай ей мой привѣтъ, скажи, что она мнѣ понравилась и я останусь до конца. Вѣдь мы домой поѣдемъ съ тобою вмѣстѣ, Алексѣй — такъ ты скажи княгинѣ, что я заѣду къ ней сегодня послѣ спектакля.

Маленькая импровизированная уборная. На столикѣ у зеркала разбросанъ гримъ. За ширмочкой Катя разглаживаетъ русскій костюмъ. Въ креслѣ важно возсѣдаетъ графъ Олтуфьевъ. Передъ нимъ, на столѣ, Мара, все еще въ институтской формѣ, съ бокаломъ въ рукѣ. Она какъ будто еще продолжаетъ свою роль и по дѣтски кокетничаетъ съ могущественнымъ повелителемъ.

— И вамъ, такому строгому судьѣ, я понравилась? Нѣтъ, вы только утѣшаете меня. Развѣ я играла? Я только шутила, забавлялась. Вотъ *теперь* я буду играть.

— Вы были, есть и будете очаровательны! — таетъ графъ въ лучахъ ея кокетливой улыбки.

— Да? А вѣдь вы совсѣмъ милый и не страшный.

— А вы думали, что я страшный?

— Всѣ васъ боятся и я заразилась страхомъ. Особенно, когда видала васъ только издали. Недоступный, гордый, властный. Ледяной царь.

— Ха-ха-ха! Ледяной царь! Это ужъ изъ міра сказокъ. И вдругъ ледяной царь растаялъ. Очевидно, глаза княгини обладаютъ силой солнечныхъ лучей.

— Еще одинъ бокалъ за искусство.

— Голова кружится и безъ шампанскаго въ этой крошкѣ-уборной.

Онъ задержалъ ея руку, наполнявшую бокалъ.

— Благодарю.

Чувственныя губы плотоядно прижались къ рукѣ Мары. Непріятное, влажное прикосновеніе. Сѣрые глаза уже не пронизывали холодною сталью; маслянистые, они жадно вглядывались въ юное женское лицо. Мара невольно отшатнулась.

Какъ во время постучали въ дверь ея уборной!

— Войдите!

Вошелъ Артемовскій.

— Алексѣй Владиміровичъ? — сухо проговорилъ графъ. — Какими судьбами?

— Выразить восхищеніе молодой артисткѣ. Не ждали мы въ нашемъ дикомъ углу такого великаго удовольствія.

— Боже, какъ напыщенно! — разсмѣялась Мара — Господинъ адъютантъ, благодарю васъ за высокую честь.

Она спрыгнула со стола и присѣла въ шаловливомъ реверансѣ.

— А теперь — штрафъ за посѣщеніе моей уборной. Извольте осушить бокалъ до дна. Второй — за здоровье моего почетнаго гостя и главу нашего ордена, графа Олтуфьева, третій — за искусство и четвертый...

— Пощадите! Я вернусь въ залъ слишкомъ веселый.

— Тогда постараюсь заставить васъ плакать. Вѣдь черезъ полчаса я выступаю въ драмѣ. Однако... третій звонокъ, дорогіе гости, и мы должны проститься на сегодняшній вечеръ.

— Мы еще будемъ наслаждаться вашимъ талантомъ — любезно сказалъ графъ, цѣлуя руку Мары.

Артемовскій преувеличенно любезно пропустилъ графа-наставника и, когда скрылась его широкая спина, плотно притворилъ дверь уборной.

— Великій князь просилъ вамъ передать, что вы ему нравитесь и что онъ останется до конца. А потомъ, послѣ спектакля, онъ заѣдетъ къ вамъ. Желаю полнаго успѣха.

Шелъ крохотный драматическій отрывокъ изъ «Русалки» Пушкина. Опять взвился пестрый занавѣсъ.

На сценѣ мельница. Вдали — рѣка. Старый мельникъ уныло бродитъ и ворчитъ. Подъ раскидистымъ деревомъ, на скамьѣ — его дочь. Пышная коса упала на грудь. Глаза,

полные муки, неподвижно впиваются вдаль. Зрительный залъ затихъ уже подъ властью этихъ выразительныхъ глазъ.

Нежданно пріѣхалъ ея милый и она вся вспыхнула радостью. Глаза сіяютъ звѣздами, голосъ воркуетъ. Сцена стала жизнью, стихи — музыкой сердца.

Но, увы, милый пріѣхалъ, чтобы навѣки проститься — онъ женится на *другой*. Ея голосъ рвется, слезы въ ея глазахъ.

Ушелъ. Покинулъ навсегда. Дорогое ожерелье повѣсилъ ей на шею, дорогою повязкой обвилъ ея голову. И — деньги! Сунулъ ей въ руку мѣшочекъ съ золотомъ. Откупился!

Старый мельникъ-отецъ радуется. Разбогатѣли! А дочь его застыла, словно окаменѣла. Только глаза ея говорятъ о безумной мукѣ сердца.

Очнулась. Порывъ отчаянья. Укоръ отцу. Швырнула ему золото въ лицо!

Ожерелье душитъ ее, какъ холодная змѣя. Повязка давитъ голову. Все сорвала и топчетъ. Послѣдній укоръ соблазнителю... и... на днѣ рѣки находитъ несчастная вѣчный покой.

Опустился пестрый занавѣсъ. Тишина. Чей-то вздохъ. Робкій стукъ... и залъ дрогнулъ отъ рукоплесканій...

— Elle a du talent, cette petite princesse! — раздался рѣзкій голосъ генеральши Alexandrine.

Въ этотъ теплый темный вечеръ царевичъ съ графиней Ольской и Артемовскимъ пѣшкомъ возвращался во дворецъ.

— Вѣдь это было хорошо, Алексѣй? — тихо спросилъ Георгій.

— Это было прекрасно. Порывъ истиннаго вдохновенія. Одаренная натура эта Рокотова и жаль, если она такъ погибнетъ.

— Погибнетъ?! Почему? — вздрогнулъ царевичъ.

— Что это вы все выдумываете, Алексѣй! — разсердилась Ольская.

— А вы уже оба взволновались. Просто сорвалось глупое слово. Вѣдь эти «медвѣжьи углы» — могилы всякаго дарованія.

— Алексѣй путается, ваше высочество. Неудавшійся Бисмаркъ.

— Вѣра Аркадьевна, пощадите! Причемъ тутъ Бисмаркъ?

— Не оправдывайтесь, Алексѣй. Отъ меня, ваше высочество, передайте княгинѣ сердечное спасибо — ея игра меня тронула.

— Непремѣнно, графиня.

— А какъ-бы вы посмѣялись оба, если-бъ видѣли, какъ я спасалъ сегодня «молодую артистку» отъ восторговъ графа! — не унимался Артемовскій. Нашъ грозный властелинъ растаялъ! И какими злыми глазами онъ встрѣтилъ мое появленіе въ уборной, какъ былъ безпощадно сухъ. Онъ и до сихъ поръ меня не долюбливалъ, а теперь — ужъ воображаю! Сумѣешь-ли ты защитить своихъ друзей отъ лютой ненависти графа?

— Сумѣю-ли я защитить свою жизнь? — медленно, грустно проговорилъ царевичъ.

— Мара!

Царевичъ порывисто ее обнялъ и нѣсколько мгновеній они стояли, молча, не шевелясь, наслаждаясь близостью.

— И ты меня ревнуешь къ этой старой сосулькѣ?!

— Ко всему міру, Мара. Я вѣдь, какъ воръ, пробираюсь въ твой домъ. Я такъ боюсь, чтобы кто-нибудь не проникъ въ нашу тайну. Я трепещу за каждый свой взглядъ, за каждую свою мысль. Или все это скоро измѣнится, или... я погибну. Вотъ и сейчасъ — схватился онъ за голову — какъ я рискую. Такъ поздно, а я у тебя. Артемовскій и Ольская ждутъ меня у калитки. Дворцовые шпіоны уже, конечно, насторожились, уже считаютъ каждую минуту моего промедленія. Мара, Ольская просила тебѣ передать, что она очарована тобой. Всѣ они очарованы тобой... и мнѣ хочется всѣмъ имъ крикнуть, что ты — моя, только моя...

— Только твоя — нѣжно, нѣжно прозвучалъ ея заглушенный голосъ и она еще тѣснѣе прижалась къ нему.

Онъ вздрогнулъ.

— Уйти! Уйти отъ тебя, когда моя душа остается здѣсь. Я — сынъ императора. Милліоны глазъ, можетъ быть, съ завистью смотрятъ на меня. А я? Я помѣнялся-бы съ послѣднимъ бѣднякомъ, я все-бы отдалъ за здоровье и... свободу. Пора, Мара! Пора!

«Какъ долго я ему смотрѣла вслѣдъ, милому царевичу моей золотой сказки. Ушелъ! А если-бы я ему сказала: «Останься, будь, что будетъ». Остался-ли бы онъ? Не знаю. Пожалуй — нѣтъ. Сегодня я торжествовала маленькую побѣду искусства. Нѣсколько мгновеній я царила надъ толпой. Сынъ императора, принцъ, графъ, блестящая свита и скромные обыватели — я ихъ всѣхъ властью моего вдохновенія соединила въ одномъ порывѣ. Успѣхъ опьянилъ меня. Теперь — отрезвленіе. Мнѣ вспоминается графъ Олтуфьевъ въ моей уборной. Онъ, кажется, не на шутку увлеченъ мною, а вѣдь съ нимъ не такъ легко справиться, какъ съ Хельстремомъ; его опора — императорская чета. Какъ странно! Еще такъ недавно все это «императорское» казалось мнѣ, маленькой провинціалкѣ, такимъ далекимъ, недосягаемымъ. А теперь? Я приблизилась къ солнцу — сынъ императора любитъ меня.»

(Изъ дневника княгини Рокотовой.)

V.

Трепетной рукой графъ Олтуфьевъ распахнулъ окно своего кабинета. Звѣздная ночь. Прохладная струя воздуха дышетъ ароматомъ левкоя, геліотропа и розъ.

Сѣдыя нависшія брови повелителя сдвинуты, глаза его неподвижны. О чемъ онъ думаетъ такъ упорно? Что шепчетъ ему эта звѣздная, ароматная ночь? Спокойно-ли бьется старѣющее гордое сердце въ мощной груди?

Въ темнотѣ сада деревья, кусты и клумбы кажутся таинственными, колеблющимися образами.

Онъ — смертный, этотъ гордый, сильный вельможа, онъ — человѣкъ; не побѣдить ему чаръ дивной ночи. Онъ отравленъ сладкимъ ароматомъ цвѣтовъ, онъ во власти волшебныхъ грезъ.

И чудится ему... Тамъ, въ глубинѣ сада, неясными очертаніями свѣтлѣетъ юный женскій образъ. Сердце сильнѣе бьется въ груди. А свѣтлый образъ все ближе и ближе. Горячая мечта ведетъ его. Онъ тутъ уже, рядомъ. Дрожащіе, холодные пальцы срываютъ легкую одежду и «она» передъ нимъ, вся обнаженная. Въ ней возродился образъ

Психеи! Онъ смѣло коснулся божественной груди. Атласный лепестокъ цвѣтка, согрѣтый солнцемъ! Въ безумномъ порывѣ онъ сжимаетъ въ объятьяхъ гибкое, молодое тѣло. Горячія губы его пьютъ страсть въ долгомъ поцѣлуѣ полураскрытыхъ, трепещущихъ устъ...

Какой-то отдаленный стукъ. Онъ вздрогнулъ. Рука его, холодная какъ ледъ, коснулась пылавшаго лба. Развѣялись чары... Тихій, злобный смѣхъ. Онъ, грозный наставникъ, словно надъ собой, смѣется надъ своими пылкими мечтами.

— Довольно — шепчетъ онъ — эта дѣвочка будетъ моей!

Порывистымъ, сильнымъ движеніемъ графъ Олтуфьевъ захлопнулъ окно, словно боялся онъ чаръ волшебной ночи, страшился сладкой отравы душистаго воздуха, таинственныхъ образовъ, мерцающихъ звѣздъ.

— Игра зашла слишкомъ далеко, эта дѣвочка будетъ моей! — повторилъ онъ.

---

4 іюня 1894 года.

«Разнообразіе моихъ дней однообразно повторяется. Утро — въ скалахъ. Мой царевичъ. Наша поляна. Отдыхъ подъ дикой черешней. Поэзія словъ, взглядовъ, нѣжныхъ прикосновеній. Днемъ — милая «наша почта» и... немилые визитеры. Графъ Олтуфьевъ! Хитростью парирую я его, увы, съ каждымъ днемъ все болѣе настойчивыя ухаживанія. Я боюсь его. Старѣющій котъ! Не кажусь-ли я ему маленькой мышкой, которую онъ собирается проглотить? Легкомысліе запутало меня въ эту противную сѣть, а рѣзко порвать ее — я боюсь. Я все надѣюсь, что графу наскучитъ его новая роль.

Иногда является докторъ со своими прозрачными сказочками и туманными обѣщаніями какого-то невѣдомаго «могущества». Надъ этимъ я откровенно подсмѣиваюсь. Вѣдь право же онъ великолѣпенъ со своей выдумкой о флорентинской Мадоннѣ и со своими сказками въ «русскомъ вкусѣ»! А вечеръ — опять мой! Опять моя золотая сказка, мой царевичъ. У большого круглаго стола — мы рядомъ. Наши книги. Мой трепетный голосъ произноситъ любимые стихи. Мы читаемъ другъ

другу наши наброски, мы дѣлимся мыслями. Какъ мой царевичъ быстро все схватываетъ, какъ многимъ интересуется. И какое это чистое, свѣтлое сердце! О, если онъ будетъ императоромъ — онъ многихъ сдѣлаетъ счастливыми! Увы, тогда на его путь, на его тронъ взойдетъ другая женщина. Люби ее, мой царевичъ, люби свою императрицу, но Марѣ, твоему скромному другу, оставь уголокъ въ твоемъ хрустальномъ сердцѣ. *Твоя* слуга, я буду слугой и *твоей императрицы.* Можетъ быть, мои ночи будутъ безсонны и подушка мокра отъ ревнивыхъ слезъ? Что-жъ! Развѣ я не была твоей первой любовью? Я первая цѣловала и ласкала тебя, эти губы были моими. «Никогда, никто такъ не ласкалъ и не цѣловалъ меня, какъ ты, моя дорогая.» *Это* написано *твоею* рукой, мой царевичъ!»

(Изъ дневника княгини Рокотовой.)

— Какая удача, princesse — застаю васъ дома. Что это за увѣсистая тетрадь въ вашихъ маленькихъ ручкахъ? И перо?!

Мара такъ увлеклась своимъ дневникомъ, а коляска графа Олтуфьева такъ безшумно подъѣхала по сырому шоссе! Мара, невольно краснѣя, поспѣшила захлопнуть тетрадь.

— Пробую сочинять, compte. Работа не спѣшная и я съ удовольствіемъ отдохну въ бесѣдѣ съ дорогимъ гостемъ.

— Я на одну только минуту и съ огромной просьбой. Завтра большой обѣдъ на моей виллѣ. Много-много приглашенныхъ и, я надѣюсь, что вы украсите его своимъ присутствіемъ, princesse.

Въ любезности повелителя чувствовалась необычайная настойчивость.

— Неужели колеблетесь? Неужели?

Что-то ледяное и угрожающее въ этихъ словахъ.

Шаловливая улыбка застыла на губахъ Мары.

— Я не колеблюсь, compte, напротивъ, я почтительнѣйше благодарю и принимаю лестное приглашеніе.

Сѣрые глаза блеснули удовлетвореніемъ, а гордыя губы любезно поцѣловали руку Мары.

— Не смѣю васъ задерживать, princesse.

---

4 іюня 1894 года.

«Однообразіе моей жизни нарушено. Впервые Олтуфьевъ удостоилъ меня приглашенія въ свой домъ. Какъ мнѣ хотѣлось уклониться отъ этого блестящаго обѣда, но я не посмѣла отказаться, не сумѣла отклонить. И я ощущала дрожь въ собственномъ голосѣ, когда «почтительнѣйше» принимала приглашеніе его сіятельства.»

(Приписка къ страницѣ дневника княгини Рокотовой.)

VI.

Элегантная, обширная вилла графа Олтуфьева казалась погруженной во мракъ — такъ плотно были затянуты толстыя драпри и только маленькій фонарикъ таинственно и тускло освѣщалъ подъѣздъ. Очевидно, интимное обиталище вельможи избѣгало любопытныхъ глазъ.

А, между тѣмъ, внутри виллы комнаты были залиты огнями и утопали въ цвѣтахъ. Въ узкой, длинной столовой накрытый столъ сверкалъ литымъ серебромъ и богемскимъ хрусталемъ. На бѣлоснѣжной скатерти еще трепетали жизнью только что срѣзанныя розы.

Въ гостиной уже развязно бесѣдуетъ принцъ Константинъ, окруженный дамами. Всѣ онѣ тутъ: генеральша Alexandrine, Полина, Максени, Ольга и Лизетъ и, даже, мрачная Елена! Свѣтлые, декольтированные туалеты, брилльянты и жемчугъ, запахъ пудры и духовъ... Жарко и въ женскихъ ручкахъ трепещутъ огромные вѣера, какъ свѣтлыя крылья.

Услужливыя руки вновь распахнули дверь гостиной и графъ Олтуфьевъ торжественно появился. Рука княгини Рокотовой, затянутая въ бѣлую перчатку, легко опиралась на его руку. Склонившись къ своей дамѣ, онъ любезно улыбался, словно хотѣлъ подчеркнуть свое особое къ ней вниманіе. Онъ зналъ, что женщины любятъ лесть и почетъ!

Этотъ интимный обѣдъ былъ торжествомъ Мары. Блѣднорозовый туалетъ гармонировалъ съ ея нѣжной юностью, съ золотомъ ея глазъ, съ бѣлизной ея полудѣтскихъ плечъ, съ ея плѣнительной улыбкой. Тонкой лестью дышали взгляды и слова придворныхъ. Можетъ быть, фальшь

звучала въ сладкихъ мелодіяхъ, воспѣвавшихъ красоту княгини Рокотовой и ея таланты? Фальшъ и зависть! Самъ хозяинъ, ея сосѣдъ, былъ изысканно вѣжливъ и утонченно почтителенъ, но странные огни, вспыхивавшіе въ глубинѣ его глазъ, тревожили Мару.

Шампанское лилось. Разгорались лица. Тонкимъ кружевомъ плелась игривая, пикантная бесѣда, ловко удерживаясь у самой границы недозволеннаго. Смѣлые взоры встрѣчались съ мраморомъ обнаженныхъ плечъ.

— Вашу руку, princesse. Вѣдь вы еще не видали моей маленькой берлоги. Устраивался по походному; не думалъ, что въ этой глуши придется провести цѣлые годы.

Олтуфьевъ и Рокотова первые вошли въ комнату-шатеръ, гдѣ былъ сервированъ кофе.

— Прелестный уголокъ! — остановилась Мара у стѣны, гдѣ на пестрыхъ персидскихъ тканяхъ сверкало серебромъ старинное оружіе.

— Я немного поклонникъ старины — сквозь зубы процѣдилъ Олтуфьевъ. А вы, princesse?

— Въ «старинѣ» я плохо разбираюсь. Просто люблю все красивое и интересное.

Изъ сосѣдней гостиной доносились шумный говоръ и веселый смѣхъ.

— Счастливъ, что вамъ нравится этотъ уголокъ. Располагайтесь на тахточкѣ, она создана для послѣобѣденнаго far-niente.

Графъ пододвинулъ столикъ и собственноручно налилъ двѣ чашки кофе.

— Вотъ, если-бы вы побывали въ моемъ старинномъ домѣ въ Москвѣ — небрежно заговорилъ онъ, усаживаясь въ кресло возлѣ тахты — тамъ бы вы нашли, чѣмъ полюбоваться. Маленькій музей.

И Олтуфьевъ разсказывалъ Марѣ о своихъ сокровищахъ. Это было ново и интересно и Мара слушала его со вниманіемъ.

Осторожно приподнялся край шатра и показалась крупная голова доктора. Но исчезновеніе его было также мгновенно, какъ и молніеносная усмѣшка, промелькнувшая въ его глазахъ.

— Счастливецъ вы, comte, что обладаете всѣми этими сокровищами — сказала Мара.

— Не завидуйте, princesse, я отдалъ бы ихъ лучшую половину, не жалѣя, чтобы удостоиться... вашей благосклонности.

Неожиданною страстью прозвучали эти слова, словно вырвались помимо его воли. Встревоженный взоръ Мары встрѣтился съ ярко блестѣвшими глазами.

— Гдѣ-же ... гдѣ-же всѣ остальные? — робко спросила она.

— Вамъ они такъ необходимы, эти мелкіе людишки? — усмѣхнулся графъ. — Или вы скучаете въ моемъ обществѣ?

— Что вы, графъ?! Но это не совсѣмъ удобно...

— А я счастливъ, что, наконецъ, мы наединѣ. Вы были такъ неуловимы. Вы — восхитительная, но злая кошечка, вы играли мною, какъ бѣдной мышью. Но, думаю, я мало похожъ на мышку.

— И даже не на тигра, а только на царственнаго льва!

— Нѣтъ, нѣтъ! я знаю, что вы большая шутница, но сегодня... сегодня не шутите со мной.

Жесткія ноты прозвучали въ голосѣ графа. Онъ теперь стоялъ передъ Марой — взволнованный и властный. Смущенная, она молчала.

Одно мгновенье... и онъ садится рядомъ съ нею. Она чувствуетъ его крупную, горячую руку на своей похолодѣвшей рукѣ.

— Вы слишкомъ долго играли огнемъ и вы... слишкомъ мнѣ нравитесь. Но я уже не молодъ и игра меня тяготитъ. Скажите мнѣ прямо и просто, каково ваше отношеніе ко мнѣ?

— Самое лучшее — съ напускной смѣлостью отвѣтила она. — Я не была-бы здѣсь, если-бъ васъ не уважала.

— Уваженіе?!... — протянулъ онъ. — Уваженіе!

— Развѣ я должна вамъ объясняться въ любви? — пошутила Мара.

— О, нѣтъ! Но мнѣ дайте право на это.

— Я готова вамъ вѣрить и безъ признаній! Однако мы увлеклись и забыли объ остальныхъ. Ваши гости возненавидятъ меня; я всецѣло завладѣла вашимъ вниманіемъ и...

— Я также считаюсь съ этими приглашенными, какъ со своими слугами — холодно улыбнулся онъ.

— Такъ подумайте обо мнѣ. Вѣдь злые языки испепелятъ меня.

— Мнѣ казалось, что вы не считаетесь съ глупыми сплетнями.

— Вы ошиблись! Я боюсь. Я всего боюсь.

Мара поднялась, но графъ рѣшительно заслонилъ ей дорогу.

— Нѣтъ, princesse, сегодня вы выслушаете меня! Сегодня я услышу вашъ отвѣтъ! Вы мнѣ безумно нравитесь. Или вы этого не замѣчаете? Помните нашу первую встрѣчу? Ваша внѣшность, ваша отвага... Я не могъ васъ забыть. Я думалъ о васъ, я искалъ новой встрѣчи. И вы, вы не оттолкнули старѣющаго поклонника. Ваши улыбки, взгляды... обѣщали такъ много. Разгоряченное воображеніе дополняло. Я, какъ мальчикъ, мечтаю о васъ. Я не циникъ, нѣтъ, я только откровененъ. Я уже прожилъ лучшую половину жизни, но я не первый встрѣчный. Я — графъ Олтуфьевъ. Богатство замѣняетъ мнѣ молодость, могущество — красоту.

Тишина. Мара смотритъ на графа пристальнымъ, острымъ взглядомъ. Можетъ быть, ея безмолвіе поощряетъ его смѣлость...

— Моя голова въ огнѣ, въ туманѣ — порывисто говоритъ онъ — вы свели меня съ ума. Я жажду васъ. Никогда еще женщина не казалась мнѣ такой желанной. Почетомъ и золотомъ я осыплю вашъ путь за призракъ, только за призракъ мимолетнаго счастья.

Такъ близко его прерывистое дыханіе. Дрожащая горячая рука коснулась обнаженнаго плеча Мары. Онъ ощущаетъ атласный лепестокъ цвѣтка, согрѣтый солнцемъ. На яву! Какъ *тогда*, въ своихъ безумныхъ грезахъ, въ ароматную звѣздную ночь. Глаза его впиваются въ полуоткрытыя уста, въ колеблющуюся надъ юной грудью легкую ткань и губы его трепещутъ, предвкушая сладость поцѣлуевъ страсти. На яву!

Но вотъ — дрогнуло атласное плечо и маленькая сухая рука съ силой сбросила его руку.

— Вы, кажется, и меня причислили къ приглашеннымъ, которые у васъ наравнѣ со слугами! — задыхаясь, наконецъ, заговорила Мара и бѣшенство измѣнило самый звукъ ея голоса. — Вы ошиблись. Мое невинное кокетство, потомъ

мой страхъ вы приняли за поощреніе. Отъ страха не осталось и слѣда. Вы циникъ, вы мнѣ противны! Какую низость вы предлагаете мнѣ! И васъ избрали наставникомъ царевича! Какъ я презираю вашу наглость. Какъ вы смѣли?.. Дорогу! Не пытайтесь меня остановить. Я не ручаюсь за себя.

Повелитель оцѣпенѣлъ. Мара оттолкнула его, какъ слабаго ребенка. Ураганомъ пронеслась она мимо него.

Его оцѣпененіе смѣнилось дикимъ гнѣвомъ.

— Вы поплатитесь! — угрожая, кинулъ онъ ей вслѣдъ.

Мара на улицѣ. Ея экипажа нѣтъ. Кто могъ отослать его? Возмущенная, она быстро-быстро направилась къ дому. Какое счастье, что она вырвалась изъ западни.

Шумъ рѣки, шелестъ листьевъ, ея быстрые шаги, громкій стукъ ея сердца... и въ этомъ хаосѣ звуковъ, все покрывая, какъ раскаты близкаго грома, отдаются въ ея ушахъ грозныя слова: «вы поплатитесь!»

Только въ своей комнатѣ Мара остановилась. Силы измѣнили ей. Какъ обиженный ребенокъ, приникнувъ къ своей постели, она рыдала, громко всхлипывая.

— Мара, Мара, что съ тобой?

Она вскочила. Это онъ, ея свѣтлый царевичъ! Какъ встревоженъ онъ ея слезами. И краска стыда залила ея лицо.

— Какъ низко я пала! — говорила она, рыдая. — Какъ рискнула я войти въ домъ этого чудовища!

— Графъ оскорбилъ тебя?!

— Смертельно! — Мара порывисто прижалась къ царевичу. — Какъ я люблю тебя. Сегодня больше, чѣмъ вчера. Какой ты свѣтлый, чистый!

— Какъ оскорбилъ онъ тебя? — настойчиво спросилъ царевичъ, отстраняя Мару.

— Онъ нагло предложилъ мнѣ свою любовь, свою страсть и, взамѣнъ, все, что я хочу... хотя бы половину своихъ несмѣтныхъ сокровищъ.

— А ты?

— Я окаменѣла. Я выслушала его до конца. И это былъ страхъ. Властный голосъ, острый, свинцовый взоръ... я была

скована нелѣпымъ страхомъ. Но, когда на моемъ обнаженномъ плечѣ я почувствовала дерзкую руку, я все забыла. Вся кровь бросилась мнѣ въ голову. Я отшвырнула его, какъ гада. Я кинула ему въ лицо всю правду, все, что я думала о немъ. И онъ невольно отступилъ, когда я крикнула ему «дорогу!» О, въ эту минуту во мнѣ пробудилась дикарка, я способна была его убить! Но вслѣдъ мнѣ онъ бросилъ свою угрозу: «вы поплатитесь». Безпощадной злобой звучалъ его голосъ и мнѣ казалось, что этотъ грозный голосъ гонится за мной, такъ отчетливо звенѣло въ моихъ ушахъ: «вы поплатитесь». Онъ не пощадитъ меня, я знаю.

Лицо царевича становилось все блѣднѣе. Не пощадитъ! Мара права. А онъ... сумѣетъ-ли онъ «отстоять»?

— Свинцовая тяжесть давила меня — шептала Мара, прижимаясь къ нему. — А теперь стало легко, потому что я съ тобой. Такъ легко у твоего сердца!

Что будетъ, Мара? Вчера, когда я встрѣтился съ графомъ, мнѣ такъ трудно было сдержать себя. Съ безпощадными словами хотѣлось мнѣ бросить ему въ лицо его золотую сережку. Осторожно я за нимъ наблюдалъ. Ледяная маска застыла на его лицѣ. Онъ ни разу не улыбнулся. А, между тѣмъ, въ глубинѣ его глазъ какая-то странная, лихорадочная жизнь вспышками. Я никогда не видалъ его такимъ. И еще мнѣ кажется, что и докторъ мой не такой, какъ обычно — оживленный и суетливый. И Бойсманъ бродитъ, то тутъ, то тамъ, какъ одинокій воронъ, опустивъ голову, словно прячетъ странную усмѣшку, блуждающую по его лицу. Мара, дорогая моя, не будемъ думать о нихъ — вѣдь настоящее наше! Каждый день я повторяю себѣ, что люблю тебя и больше любить невозможно, но съ каждымъ новымъ часомъ растетъ моя любовь, какъ сказочный богатырь. Когда твоя головка прижималась къ моему сердцу и ты въ слезахъ, какъ дитя, искала моей защиты, я понялъ, что за тебя я отдамъ свою жизнь.

(Письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)

«Прочла и радостно улыбнулась. Милый, наша греза такъ чиста, такъ прекрасна! Наши наслажденія такъ нѣжны, такъ упоительны. Я ничего не боюсь. Развѣ жизнь уже не подарила намъ счастья? Не хочу знать будущаго — я вся въ настоящемъ! Я упиваюсь имъ, я имъ дышу. Я твоя каждою мыслею, каждымъ біеніемъ сердца. До завтра, на нашей полянкѣ! Мара.»

(Письмо княгини Рокотовой царевичу.)

VII.

— Мое почтеніе, княгиня! Откуда? Куда вы такъ спѣшите?

Высокая, мощная фигура доктора Порова словно выросла на пути Мары, когда она возвращалась съ утренней прогулки.

— Здравствуйте, докторъ... и не задерживайте меня. Гуляла въ рощѣ, а теперь спѣшу домой.

— Такъ... — онъ язвительно усмѣхнулся и заговорилъ медленно, растягивая слова, смакуя громовое впечатлѣніе своихъ сообщеній. — Прогулка на завѣтной полянкѣ у импровизированнаго почтоваго ящика. Такъ, я проникъ во всѣ ваши тайны. Вы блѣднѣете и дрожите. Вы поняли, что теперь вы въ моей власти.

— Я не должна вамъ давать отчета въ своихъ поступкахъ — слабо защищалась пораженная Мара. — Для меня вы — никто и ничто.

— Ошибаетесь. Вѣдь вы витаете на опасной и запретной высотѣ. Я не «ничто и никто», я — докторъ его высочества. Я обязанъ зорко слѣдить за здоровьемъ царевича и отстранять отъ него все, что найду вреднымъ. Итакъ — бросьте тонъ вражды, ибо мы съ вами еще можемъ спѣться.

— Никогда!

— Выслушайте меня безъ гнѣва и презрѣнія, безъ ненужныхъ возраженій и тогда — рѣшайте. Только не сразу, а обдумайте какъ слѣдуетъ. Отъ сказки мы переходимъ къ жизни. Вы смертельно оскорбили могущественнаго графа Олтуфьева. *Гдѣ* и *когда* — я догадываюсь; *какъ* — это безразлично. Его восхищеніе, можетъ быть, даже увлеченіе — превратилось въ острую ненависть. Олтуфьевъ никогда ничего не прощаетъ и не теряетъ времени — его месть уже

осуществляется. Мнѣ было поручено слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ. Все въ моемъ распоряженіи: шпіоны, полиція, жандармы и пластуны, которыми вы, безпечно смѣясь, дразнили меня. За эти дни васъ выслѣдили! Вы встрѣчаетесь съ царевичемъ на разсвѣтѣ въ скалахъ. Нѣжныя встрѣчи! Днемъ вы обмѣниваетесь письмами. Копіи я снимаю. По вечерамъ — царевичъ въ вашей комнатѣ.

Какъ острыя иглы, слова доктора впивались въ сердце Мары. Вся ея кровь прихлынула къ этому трепетавшему сердцу и лицо ея стало блѣдно, почти до синевы.

— Какъ низко! Какъ все это низко! — порывомъ сорвалось съ ея устъ.

— Вы не правы. Великій князь не сегодня-завтра наслѣдникъ престола. Онъ боленъ. Его жизнь берегутъ, какъ зеницу ока. Сейчасъ — первая связь съ женщиной можетъ быть для него смертельной.

— Связь, но не дружба! Не забывайтесь! — вспыхнула Мара.

— Не возмущайтесь — усмѣхнулся докторъ. — Или вы забыли мою сказочку? Она чудесно превращается въ жизнь. Чудище стоитъ уже на бѣлой дороженькѣ передъ свѣтъ-княгинюшкой. Протяните мнѣ руку — и все это кончится вашимъ торжествомъ. Мы свалимъ Олтуфьева и вы будете подругой, возлюбленной царевича. Когда-нибудь — это время еще очень далеко — ему выберутъ царственную невѣсту и вы незамѣтно удалитесь. Васъ обезпечатъ, конечно, вы еще будете молоды и сумѣете создать себѣ новое счастье. Обдумайте мои слова. Сегодня вечеромъ вы мнѣ дадите отвѣтъ. Сегодня — обязательно. Завтра утромъ мой докладъ у Олтуфьева. Въ 9 часовъ вечера буду васъ ждать на маленькомъ мостикѣ противъ вашей дачи. Отъ вашего отвѣта будетъ зависѣть «характеръ» моего доклада.

Онъ говорилъ быстро и рѣшительно, затѣмъ рѣзко оборвалъ свою рѣчь и торопливо удалился, словно боялся, что Мара сейчасъ, не подумавъ, даетъ ему свой отвѣтъ.

«Душа моя осквернена. Грязныя руки безцеремонно коснулись моего сердца. Что-же теперь? Протянуть доктору руку? сказать ему «да! я согласна! я буду возлюбленной моего царевича!» — возлюбленной «на

время», а, когда его передадутъ въ непорочныя руки его будущей жены, потрясая денежнымъ мѣшкомъ, съ клеймомъ на лбу я буду создавать «новое счастье» на золото моего позора!? А если я рѣшительно скажу «нѣтъ!» и брошу вызовъ и этому негодяю? Тогда утромъ онъ сообщитъ графу плоды своего гнуснаго шпіонажа. Что будетъ тогда? Не знаю, но мнѣ страшно. Что дѣлать? Что дѣлать? Стрѣлка часовъ такъ бѣшено неудержимо стремится впередъ!.. Она близка къ роковымъ девяти.»

(Изъ дневника княгини Рокотовой.)

— Дѣтка моя, что съ тобой?

Мара порывисто прижалась къ матери, она почти все довѣрила ей.

— Скоро девять! — лихорадочно шептала Мара. — «Да» или «нѣтъ»? Пойти? Противно и страшно! Не пойти? Что будетъ тогда? Какъ тяжело мнѣ, мама! Тяжело и страшно.

Короткое молчаніе. Татьяна Сергѣевна крѣпко прижала Мару къ своей груди.

— Нѣтъ, Мара, ты не пойдешь, ты не можешь, не должна отдать себя во власть негодяя. Кто знаетъ, какой адскій планъ онъ затѣялъ? Не ловушка-ли это свиданіе? Развѣ рискнетъ онъ измѣнить могущественному графу? Нѣтъ, Мара, *я* пойду вмѣсто тебя.

Мара покорно склонила голову. Судьба, устами матери, рѣшала за нее.

Воздушный мостикъ граціозно виситъ надъ шумной рѣкой. Прохладная ночь звѣздной мантіей окутала небо... И такая тишина. Только рѣка бурлитъ, заглушая шопотъ листвы.

По каменнымъ, заросшимъ мхомъ ступенямъ съ горной тропы медленно спускался докторъ его высочества. У мостика онъ остановился. Никого. Мостикъ пустъ. Докторъ взглянулъ на часы. Безъ десяти девять; онъ болѣе, чѣмъ аккуратенъ.

— Подождемъ — пробормоталъ онъ.

Изъ густой тѣни орѣшника, за дачей Рокотовыхъ, уличный фонарь освѣщалъ калитку. Скрестивъ руки, докторъ

ждалъ. Только высоко вздымавшаяся грудь выдавала его волненіе.

— Ага! — торжествующій возгласъ невольно сорвался съ его устъ.

Калитка, въ которую онъ впивался глазами, скрипнула, распахнулась и пропустила темную женскую фигуру. Поспѣшно и смѣло приближалась она къ мостику. Походка Мары Рокотовой, мелкая и легкая, была совсѣмъ иной, но докторъ не замѣтилъ разницы...

— Привѣтствую васъ, княгиня — двинулся онъ ей навстрѣчу, протягивая ей обѣ руки, но онѣ такъ и остались въ воздухѣ одинокія и недоумѣвающе опустились.

— Это не княгиня — прозвучалъ незнакомый голосъ, это ея мать. Княгинѣ нездоровится и она поручила мнѣ узнать, чѣмъ можетъ быть вамъ полезна. Если-же необходима личная бесѣда, то дочь моя проситъ васъ зайти.

— Такъ это матушка! — въ рѣзкомъ стальномъ голосѣ доктора слились удивленіе, разочарованіе, гнѣвъ и злая насмѣшка. — Мнѣ матушки не нужно. Я вѣдь опредѣленно поставилъ свои условія. Я буду ждать княгиню до половины десятаго. Если она не придетъ — тѣмъ хуже для нея.

Гдѣ-то въ лѣсной чащѣ затрещали сухія вѣтви. Докторъ вздрогнулъ. Татьяна Сергѣевна насторожилась.

— Моя дочь не придетъ! — отчетливо, рѣзко сказала она. — Если-бы вы дѣйствительно желали ей сообщить что-нибудь важное, вы вошли-бы въ нашъ домъ. Вы уклоняетесь, вы — дерзки. Вы взбѣшены, что вашъ планъ не удался. Вы — низкій человѣкъ и, кромѣ презрѣнія, ничего не заслуживаете. Чувствую, что вы раскинули грязныя сѣти, но дочь моя подъ моей защитой и въ эти сѣти не попадется. Никогда!

— Мама! — Мара встрѣтила Татьяну Сергѣевну у калитки и жадно вглядывалась въ ея возбужденное лицо.

— Слава Богу, что ты не пошла!

Татьяна Сергѣевна все еще дрожала отъ гнѣва и волненія.

— Теперь я увѣрена, что это была ловушка. Я отчетливо слыхала подозрительный трескъ за нами въ лѣсу.

— Мама, о чемъ-же вы говорили?

— Сначала я была вѣжлива, больше того — любезна. Я объяснила твое отсутствіе нездоровьемъ и приглашала его зайти въ нашъ домъ. Какъ онъ былъ взбѣшенъ, что я вышла вмѣсто тебя! Онъ сразу сталъ циниченъ и грубъ. Меня это взорвало и я отчитала его, какъ слѣдуетъ! Почему чистая совѣсть выше всего!
ты дрожишь, Мара. Подальше отъ нихъ! Доброе имя и

VIII.

Такая-же ночь — волшебная, звѣздная. Въ открытое окно льется ароматъ левкоя, геліотропа и розъ; въ темнотѣ сада деревья и клумбы кажутся таинственными, колеблющимися образами.

Злобно и грозно, изъ-подъ нависшихъ бровей, сверкаетъ взоръ графа Олтуфьева, словно бросаетъ онъ дерзкій вызовъ сладкимъ чарамъ дивной ночи. Въ глубинѣ сада, въ темныхъ очертаніяхъ, чудится ему юный женскій образъ. Все ближе и ближе. Она уже тутъ, рядомъ съ нимъ, нѣжная Психея. Но не страсть пробуждаетъ она въ старѣющей груди, а бѣшеную злобу. Никогда не будетъ онъ владѣть этой дѣвчонкой! Съ отвращеніемъ, какъ грязную, ядовитую гадину, сбросила она его руку со своего плеча. — «Вы циникъ, вы мнѣ противны!» — Какъ молотъ стучатъ въ голову злыя слова. Своимъ откровеннымъ отвращеніемъ она навсегда погасила порывъ запоздалой страсти. Она смертельно его оскорбила — она поплатится и — жестоко!

Громкій, злобный смѣхъ сорвался съ его устъ. Не боялся онъ теперь чаръ волшебной ночи, не страшился сладкой отравы душистаго воздуха, не вѣрилъ обману таинственныхъ образовъ. Поплатится она, жестоко поплатится!

Осторожный стукъ въ дверь. Высочайшая телеграмма. Графъ распечаталъ ее, прочелъ. Одинъ разъ, другой, третій... Недоумѣніе... и торжество. Въ этихъ высочайшихъ строкахъ — неожиданный отвѣтъ его злому желанію.

Новый стукъ въ дверь. Входитъ докторъ. Угодливая полуулыбочка въ уголкахъ его румяныхъ губъ.

— Съ докладомъ, ваше сіятельство! — и звучный голосъ его вздрагиваетъ затаенной злой радостью.

Ледяная маска на лицѣ повелителя; глаза его опущены.

— Я выполнилъ порученіе вашего сіятельства. Результаты превзошли мои ожиданія. Княгиня Рокотова ловко и успѣшно увлекаетъ великаго князя.

— Такъ — наклонилъ голову графъ.

— Утромъ они встрѣчаются въ скалахъ. Днемъ переписываются. Вечера великій князь, подъ прикрытіемъ Артемовскаго, проводитъ на дачѣ княгини Рокотовой. Копіи послѣднихъ писемъ княгини и его высочества къ услугамъ вашего сіятельства.

Графъ внимательно, медленно перечитываетъ драгоцѣнныя копіи. Онъ громко, прерывисто дышетъ. Тяжелое молчаніе. Напрасно докторъ пытается заглянуть въ лицо повелителя — низко склонилъ Олтуфьевъ сѣдѣющую голову и обѣими руками заслоняетъ ее.

Тяжелое молчаніе. И, вдругъ, смѣхъ — злобный, торжествующій. Даже докторъ вздрогнулъ и съежился.

— Такъ вотъ какъ просто объясняется таинственная телеграмма императрицы! Я узнаю послѣдній объ этомъ романчикѣ! — Графъ говорилъ медленно и вѣско — словно смаковалъ собственныя слова. — Въ Петербургѣ уже освѣдомлены и я долженъ немедленно все это «ликвидировать по своему усмотрѣнію». Такова высочайшая воля. Мнѣ довѣряютъ. Carte blanche. И, конечно, ждать и раздумывать я не стану!

«Безотчетный страхъ растетъ въ моей душѣ, словно чей-то невидимый голосъ мнѣ шепчетъ: «берегись!» — Сегодня рукою мамы я бросила перчатку еще одному врагу и... вызовъ принятъ. А теперь...»

(Изъ дневника княгини Рокотовой.)

— Что это ты такъ усердно записываешь, Мара? Я постучался, а ты даже не слыхала... и я вошелъ.

Мгновенье... и головка Мары прижалась къ груди царевича.

— Милый, милый!.. я вижу тебя, я съ тобой, опять съ тобой, еще съ тобой!

— Ты вся дрожишь, дорогая. Что съ тобой?

— То былъ графъ, а теперь — докторъ — шептала Мара. — Онъ вызывалъ меня, онъ хотѣлъ что-то предложить, или

сообщить. Но вмѣсто меня вышла мама. Онъ возмутилъ ее, твой докторъ, и она отчитала его. Еще одинъ новый врагъ... и мнѣ страшно...

— Съ докторомъ я сумѣю справиться — нахмурился Георгій — я постараюсь завтра-же выяснить его роль. Не волнуйся, Мара. И ты писала доктору?

— Нѣтъ, милый. Это мой дневникъ. Я ему повѣряла свою новую тревогу.

— Твой дневникъ?! Хотѣлъ-бы я прочесть хотя нѣсколько страницъ... вѣдь тутъ вся правда твоей жизни и твоего сердца.

— Я его дарю тебѣ! — сказала она печально — только не читай его сегодня.

— А когда-же, Мара? Черезъ недѣлю можно? — улыбнулся онъ. — Я беру его, вѣдь это теперь моя собственность?

— Жоржикъ!

Легкимъ и быстрымъ движеніемъ, такъ хорошо знакомымъ Марѣ, онъ поднялъ голову.

— Садись со мной рядомъ. Ближе.

Онъ чувствовалъ, какъ вся она трепещетъ. Его милые, прозрачные глаза, молча, вопрошали.

— Не знаю, не знаю, милый, что со мной. Только теперь, когда ты такъ близко, я успокаиваюсь и мнѣ хорошо. О, если-бы ты никогда, ни на минуту не отходилъ отъ меня. Если-бы ты былъ бѣднымъ, отверженнымъ! Я никому-бы тебя не отдала! Скажи мнѣ: ты никогда меня не забудешь? Можетъ-ли твое сердце полюбить другую?

— Нѣтъ, Мара. Я отдалъ свое сердце разъ и навѣки. До могилы.

Какъ умирающій сухой листокъ, прошелестѣло это тихое: «до могилы». Прижимаясь другъ къ другу они умолкли и царило счастье въ этой тишинѣ.

А безпощадное, легкомысленное время неизмѣнно мчалось впередъ и часы гулко пробили роковые одиннадцать. Царевичъ заволновался. Онъ рано вышелъ изъ дворца, безъ Артемовскаго и другъ не зайдетъ за нимъ.

— Пора! — грустно проговорилъ онъ. — До завтра, Мара.

— Только здѣсь, у меня, а не въ скалахъ. Здѣсь мы можемъ говорить свободно, здѣсь нѣтъ шпіоновъ, нѣтъ пластуновъ. Тонкое ядовитое кружево придворной паутины не заглянетъ сюда.

— О чемъ ты, Мара? Какіе пластуны? Какіе шпіоны?

Онъ съ тревогой заглядывалъ въ ея лихорадочно блестѣвшіе глаза.

— Завтра, завтра, милый — часы не ждутъ!

Мара проводила царевича до калитки. Онъ нѣжно коснулся губами ея руки. Тревога наполняла его сердце.

— Жоржикъ — прошептала Мара, порывисто его обняла и сухими, горячими губами прижалась къ его губамъ. — До завтра!

Ночь. Глухая темная ночь. Она смотритъ въ мое окно, тревожитъ мою душу, гонитъ мой сонъ. Что скажетъ мнѣ завтра Мара? Какую новую интригу затѣялъ мой докторъ? Какіе шпіоны? Какіе пластуны? Завтра я все узнаю, но побѣдить свою тревогу не могу. Почему сестра не отвѣчаетъ на мое письмо? Сестра моя, родная, любимая! Неужели она не пойметъ моего сердца? Она, вѣдь, счастлива, любитъ и любима. Она всегда мнѣ повѣряла и свое горе, и свои радости. Она должна меня понять. Какъ хороша была-бы жизнь, если-бы Мара всегда была со мной! Счастье отогнало-бы мою болѣзнь, я этому вѣрю, я это чувствую.

(Изъ дневника царевича.)

IX.

Татьяна Сергѣевна — въ своей комнатѣ надъ раскрытой книгой. Глубоко задумалась она. Темныя печатныя строчки назойливо прыгаютъ передъ глазами, но не видитъ ихъ она, давно уже не переворачиваетъ страницу. Вся ушла въ тревожныя думы. Вспоминается ей вечернее свиданіе на мостикѣ и безпощадный взглядъ доктора, и его жесткая, злая усмѣшка, и его холодный смѣхъ. И жутко ей становится.

— Мама!

Татьяна Сергѣевна вздрогнула и быстро повернулась. Передъ нею Мара, блѣдная, встревоженная.

— Мнѣ страшно, мама. Не знаю почему мнѣ страшно въ моей комнатѣ. Я останусь у тебя. Можно?

— Ну, конечно, дѣтка. Я уложу тебя въ постельку, успокою. Какъ прежде, помнишь?

Да, какъ прежде. Уложила Татьяна Сергѣевна непокорную дочку, перекрестила, сидитъ рядомъ и крѣпко держитъ ея руку. Какъ прежде, когда сама она, еще юная, красивая, нарядная, сверкающая брилльянтами и бѣлизною глубокаго декольтэ, подходила къ кроваткѣ крошки Мары и дѣвочка не отпускала ее, крѣпко рученкой сжимая ея руку, пока не засыпала.

Спитъ Мара. Тревожно дышетъ. Снится ей странный и страшный сонъ. Будто бродитъ она среди своихъ любимыхъ скалъ и прячется отъ кого-то и жутко ей. И, вдругъ, блеснулъ гдѣ-то близко огромный огненный глазъ, за нимъ второй, третій... Много ихъ. Горятъ они зловѣщимъ, жаднымъ огнемъ. Не уйти, никуда не уйти!.. Страшныя чудовища кольцомъ окружили Мару. Тянутся къ ней зловѣщіе когти. Шумъ, грохотъ... Не спастись! Мара вскрикнула... и проснулась.

Стукъ и грохотъ продолжались и на яву.

— Мама!

— Тише, ради Бога, тише — шепчетъ Татьяна Сергѣевна. — Ломятся въ дверь зала. Я давно уже не сплю.

Дверь зала уступила жестокому напору и съ трескомъ распахнулась. Гулъ голосовъ и тяжелые шаги.

Татьяна Сергѣевна вскочила босая, неслышно притворила окна въ садъ и на балконъ и погасила ночникъ.

— Не шевелись — шепнула она, наклоняясь надъ изголовьемъ Мары.

А гулкіе шаги такъ близко за дверью. «Ихъ» много.

— Вотъ ея комната.

Мара узнала голосъ доктора.

Шаги направились къ ея комнатѣ и замерли. Секунды казались часами. Мара дрожала. Никогда еще такъ не колотилось ея сердце. Ея губы лихорадочно шептали безсвязную молитву.

Опять шаги. Опять голосъ доктора.

— Ея комната пуста и постель даже не смята. Вѣроятно, княгиня Рокотова упорхнула.

— И хорошо сдѣлала, если это такъ! — слышитъ Мара ненавистный повелительный голосъ графа Олтуфьева.

— Это ея комната, ваше сіятельство. Пройдемьте дальше, можетъ быть, она еще не ложилась и прячется гдѣ-нибудь.

Ужасъ охватилъ Мару.

Опять удалялись шаги. Затихли. Словно дразнили. Вотъ, подъ окнами, въ саду захрустѣлъ песокъ. По ступенькамъ поднимаются на балконъ. Совсѣмъ у двери. О, войдутъ, сейчасъ войдутъ! Сердце остановилось. Нѣтъ! прошли мимо. Словно не замѣтили этой двери, или подумали, что она ведетъ въ залъ.

Затихло.

Опять они въ залѣ.

— Кажется, добросовѣстно обошли весь домъ, ваше сіятельство — гулко отдавался ненавистный голосъ доктора. — Думаю, что княгиня Рокотова уѣхала и мы напрасно взломали столько дверей.

— Она не такъ глупа, если уѣхала. И насъ избавила отъ многихъ непріятныхъ хлопотъ — странными нотками дрогнулъ голосъ графа Олтуфьева.

— Пойдемьте, докторъ; эта ночная прогулка не такъ уже заманчива.

Шаги направились къ выходу. Дверь захлопнулась. Но долго еще Мара боялась шевельнуться.

— Ушли — проговорила Татьяна Сергѣевна. — Зачѣмъ они приходили? Почему они такъ радовались, что ты «догадалась уѣхать?» И, право не могу понять, какъ не вошли они въ эту комнату и почему не взломали и эту дверь, когда съ остальными не поцеремонились? Какое низкое насиліе! Я вся дрожу отъ негодованія! И эта низость останется безнаказанной? Мара, почему ты молчишь? Или ты не слышишь меня?

— Все кончено — беззвучно проговорила Мара — враги сильнѣе меня! Господь сегодня внялъ моей молитвѣ. Вотъ почему злые, низкіе люди не взломали *эту* дверь, не вошли въ *эту* комнату. Господь ослѣпилъ ихъ и я не выпила до горькаго дна чашу униженій. Но я должна, должна бѣжать. Царевичъ безсиленъ, онъ не защититъ меня. Не сегодня, такъ завтра... враги меня найдутъ. Твоя отповѣдь обозлила доктора и онъ «ускорилъ» свой докладъ.

— Доложите графу Олтуфьеву — мать княгини Рокотовой.

Татьянѣ Сергѣевнѣ казалось, что насмѣшливые взоры со всѣхъ сторонъ пронизываютъ ее.

— Ихъ сіятельство васъ просятъ.

И вотъ Татьяна Сергѣевна въ кабинетѣ Олтуфьева. Повелитель важно возсѣдаетъ въ креслѣ. Онъ даже не приподнялся, онъ только слегка кивнулъ ей головой.

— Я знаю по какому вы дѣлу. Присядьте.

— Графъ, я пришла къ вамъ съ жалобой. Сегодня ночью совершено дерзкое нападеніе на мой домъ, взломали замки и...

— Позвольте, сударыня — насмѣшка промелькнула по надменному, словно ледяному, лицу Олтуфьева. — Напрасно вы волнуетесь. Искали вашу дочь. Ее не нашли. Она, вѣроятно, уѣхала. Тѣмъ лучше. Конечно, вы знаете *куда*. Такъ напишите ей, чтобы она не возвращалась въ Абастуманъ, такъ какъ, все равно, ей не позволятъ здѣсь остаться.

— Можетъ быть, вы объясните мнѣ...

— Никакихъ объясненій! — рѣзко прервалъ онъ. — Я думаю, вы и такъ понимаете *въ чемъ дѣло*. Сейчасъ я здѣсь хозяинъ и воспрещаю вашей дочери въѣздъ въ Абастуманъ безъ объясненія причинъ. А если княгиня Рокотова добровольно не подчинится — будутъ приняты самыя крутыя мѣры.

И графъ Олтуфьевъ слегка отвернулся, какъ-бы давая понять, что аудіенція кончена.

X.

Артемовскій, блѣдный и взволнованный, порывисто вошелъ въ комнату царевича.

— Алексѣй — ласково улыбнулся Георгій. — Но что съ тобой?

— Я возмущенъ, я негодую! Но я вижу, что ты еще ничего не знаешь. Сегодня ночью графъ Олтуфьевъ и докторъ ворвались въ домъ княгини Рокотовой.

— Посмѣли? Они посмѣли? — какъ стонъ сорвались эти слова и руки царевича конвульсивно прижались къ груди. — Договаривай, Алексѣй, не щади меня...

— Княгиня невредима, ради Бога, не тревожься. Но... Самый актъ насилія меня такъ взволновалъ, что я забылъ всякую осторожность. Беззащитная женщина, почти ребенокъ... и графъ знаетъ, что ты любишь ее. Наглость фаворита твоихъ родителей!

Молнія сверкнула въ глазахъ царевича.

— Почему-же ты медлилъ? Пойдемъ къ ней, пойдемъ скорѣе! Развѣ я полное ничтожество? Развѣ я не могу защитить ее? Не отдамъ свою жизнь за нее?

— Мара!

Царевичъ порывисто обнялъ блѣдную встревоженную Мару. Онъ такъ крѣпко прижималъ ее къ груди. Развѣ онъ не рѣшилъ защищать ее своею жизнью? А она пристально смотрѣла ему въ глаза, какъ будто хотѣла запечатлѣть ихъ въ своей памяти. Она смотрѣла въ прозрачные глаза и губы ея дрогнули и слезинки медленно покатились по ея лицу.

— О чемъ ты, родная? О чемъ? Вѣдь теперь ты подъ моей защитой. Я не отойду отъ тебя. Я отстою мою любовь.

Какъ волшебная эолова арфа отдавались въ ея сердцѣ нѣжныя слова любви. Слезъ уже нѣтъ. Лихорадочный взоръ тонетъ въ прозрачной глубинѣ его глазъ. Тамъ — кристальная чистота, тамъ — свѣтлая любовь. Тамъ вспыхиваетъ чудесными огнями порывъ. Губы Мары благоговѣйно коснулись блѣднаго лба, очерченнаго тонкими, благородными линіями.

— Прощай моя мечта, царевичъ моей золотой сказки, прощай моя греза!

Ея голосъ вздрагиваетъ, какъ вздрагиваютъ струны въ рукахъ генія.

— Какъ можешь ты отстоять меня? Съ кѣмъ хочешь ты бороться? Развѣ не чувствуешь ты волю императрицы въ неудержимой дерзости графа Олтуфьева?

— Алексѣй! — рѣзко повернулся царевичъ къ безмолвному другу. — Если-бы ты былъ на моемъ мѣстѣ, какъ-бы ты поступилъ? Разстался-бы съ любимой женщиной и уступилъ-бы насильникамъ?

— Нѣтъ — правдиво отвѣтилъ Артемовскій — я защищалъ-бы ее покуда билось-бы сердце.

— Ты слышишь, Мара?

Потрясенная, Мара молчала. Столько мыслей, столько ощущеній; въ эти мгновенья пережита цѣлая вѣчность. Но рѣшеніе ея было непоколебимо.

— Алексѣй Владиміровичъ — наконецъ, просто сказала она — къ вашему благоразумію я обращаюсь. Графъ дѣйствуетъ по высшему веленію и приговоръ уже заранѣе произнесенъ. Я должна уѣхать. Это — лучшее. Силой мы ничего не добьемся. Одна мѣткая пуля уложитъ меня и вопросъ будетъ рѣшенъ. Жизни не жаль, когда разстаешься съ мечтой. Но — зачѣмъ? Лучше временно разстаться и сдѣлать все, чтобы скорѣе снова свидѣться.

Царевичъ медленно отошелъ отъ Мары и безсильно опустился въ кресло. Обѣими руками онъ закрылъ поблѣднѣвшее лицо. Сквозь тонкіе пальцы скользнула слезинка... другая, третья. Узенькія плечи колыхнулись.

Они стояли растерянные оба — и Мара, и Артемовскій. Но вотъ въ неудержимомъ порывѣ рванулась къ царевичу Мара, къ его ногамъ. Она молча обняла его колѣни. Слова застыли гдѣ-то въ глубинѣ трепетавшаго отъ боли сердца.

— Ты права, Мара — голосъ Георгія — заглушенный, словно чужой. — Ты должна уѣхать. Но мы вновь свидимся съ тобою, чтобы больше никогда не разлучаться!.. если сердце мое выдержитъ разлуку.

— Живи для меня, для будущей встрѣчи, для долгаго счастья! И я буду жить для жгучей радости свиданія, для тебя! А теперь, милый, пора.

— Уже? — вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ царевичъ. — Сейчасъ? сію минуту?!

Они прижались другъ къ другу. Въ этой прощальной ласкѣ — отчаянье, боль, тоска близкой разлуки и все прошлое, вся свѣтлая греза ихъ упоительной любви.

И, вдругъ, на мгновенье Мара вся вспыхнула страстью, словно протестовалъ каждый нервъ ея молодого тѣла противъ жестокой казни-разлуки. Теперь ея поцѣлуй жегъ, туманилъ разсудокъ. Онъ былъ такъ дологъ, этотъ послѣдній поцѣлуй!..

— Мара... — прошепталъ царевичъ.

Но она уже распахнула дверь.

— Алексѣй Владиміровичъ — голосъ ея рвался. — Всего вамъ добраго... и счастья!..

Съ глубокимъ уваженіемъ поцѣловалъ онъ эту ручку, такъ крѣпко и нервно сжимавшую его руку.

— Вы — настоящая женщина, княгиня.

— Поручаю вамъ царевича моей золотой сказки. Берегите его. Верните мнѣ его цвѣтущимъ и любящимъ.

Еще какія-то слова. Все — какъ въ туманѣ. Колеблющейся походкой Мара прошла черезъ залъ. Сломанный замокъ напомнилъ ей минувшую жуткую ночь. Она сбѣгаетъ по ступенямъ каменной веранды. Опять волна воспоминаній.

Татьяна Сергѣевна уже въ коляскѣ. Она провожаетъ дочь до Уравеля.

Какъ Мара блѣдна — ни кровинки; даже губы побѣлѣли и вздрагиваютъ. Дорого ей стоитъ наружное спокойствіе.

— Тебѣ такъ удобно, дѣтка?

Короткій жестъ Мары, нѣмая мольба, чтобы ее не тревожили. Откинулась на подушки коляски, словно окаменѣла.

Четверка тронулась. Зазвенѣли бубенчики. Взглядъ Мары неподвиженъ — даже рѣсницы не дрогнутъ. И только, когда скрылось послѣднее строеніе, она судорожно закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Мара, дитя мое!..

— Не утѣшай. Не надо!..

Конецъ второй части.

Часть III.

I.

Уравель.

«Милый Уравель! думала-ли я, что ты будешь моею тюрьмой? Гляжу на знакомую зеленую полянку, окруженную лиственнымъ лѣсомъ, на разбросанные по ней домики, черные, красные, бѣлые, какъ грибки, и думаю свою думушку. Какъ я страдала всѣ эти дни, сколько пролила слезъ, сколько разъ переживала исчезнувшее счастье. Эту страницу жизни не вырвать изъ сердца. Никогда! А одинокая долгая ночь такъ упоительна, такъ ярка! Что-то тамъ, въ Абастуманѣ? Спитъ дворецъ. А мой царевичъ? Мнѣ кажется, я вижу его. Глаза его открыты и грустно свѣтятся. Милый, я издали любовной мыслью охраняю твой покой. Далекимъ поцѣлуемъ закрою твои глазенки. Я тутъ совсѣмъ одна и вся полна тобой. Царевичъ мой! Глаза твои прозрачны, какъ воды океана. Твоя улыбка, какъ лучъ солнца. Твой голосъ — дуновеніе зефира, аккордъ эоловой арфы. Только твой образъ въ моемъ сердцѣ и тоска моя все глубже, все шире, все необъятнѣе.

(Изъ дневника княгини Рокотовой.)

Раннее утро. Солнце еще наполовину тонетъ въ свѣтлой полосѣ горизонта. Золотые лучи будятъ природу. Мара, блѣдная послѣ безсонной ночи, бредетъ по лѣсной тропѣ. Понурила голову, словно гнететъ тоска ея тоненькія плечи. Какъ высоко она забралась! Гдѣ-то внизу міръ суетъ —

пестрый и шумливый, а тутъ, въ этихъ скалахъ, божественная тишина. Воспоминанія растутъ волшебными, яркими образами. Злая тоска жесткими пальцами давитъ бѣдное сердце. Разбить бы голову объ эти скалы! Навѣки успокоиться! Безумное желаніе порою захватываетъ душу, но, видно, чья-то молитва бережетъ отъ высшаго грѣха.

А солнце уже такъ высоко. Навѣрно полдень. Мара уныло поднялась и медленно спускается заглохшею тропой туда, внизъ, къ жалкому мірку жалкихъ суетъ. Никто о ней не думаетъ, не безпокоится, не ждетъ ее. Татьяна Сергѣевна уѣхала, но со дня на день Мара ждетъ свою любимую бабушку. Старушка такъ тонко чувствуетъ, такъ умѣетъ молчать, такъ ушла отъ суеты суетъ, съ нею не будетъ тяжело.

Все тише бредетъ Мара, опустивъ голову, вся во власти своихъ думъ.

— Княгиня Рокотова?

Мара вздрогнула и быстро подняла голову. Передъ нею — незнакомецъ въ военной формѣ — толстый, круглый, жизнерадостный. Онъ весь изогнулся въ почтительномъ поклонѣ. Гдѣ-то, когда-то Мара видѣла его.

— Полковникъ Тарановскій, Евгеній Александровичъ — галантно представился онъ, обнажая лысую голову.

Лицо — потное, круглое, красное. Сѣрые бѣгающіе глазки. Надъ толстыми губами — лихіе усы. Голосъ — вкрадчивый, льстивый.

— Прошу прощенія, княгиня, что я такъ смѣло вамъ представился. Вы вѣдь теперь подъ моей охраной. По долгу службы. Ну и измучили вы меня сегодня! Это вы всегда такъ высоко порхаете?

— Я ровно ничего не понимаю — холодно сказала Мара.

Толстякъ добродушно разсмѣялся.

— Не моя вина, ваше сіятельство. Повелѣніе начальства-съ. Приставили меня къ вамъ. Охранять васъ буду и... слѣдить за вами, за каждымъ вашимъ шагомъ. Какъ нянюшка за младенцемъ... хе-хе-хе.

И онъ снова добродушно разсмѣялся, довольный собственнымъ остроуміемъ.

Мара поблѣднѣла. Теперь только обратила она вниманіе на его погоны и синія брюки. Жандармскій полковникъ. Его приставили слѣдить за нею, какъ за опасной преступницей.

Конечно, это распоряженіе графа Олтуфьева! Онъ и здѣсь преслѣдуетъ ее.

— Достойная дѣятельность! — презрительно взглянула она на Тарановскаго, быстро сѣменившаго, чтобы поспѣвать за нею.

— Вы еще слишкомъ молоды и строго судите. Не такъ живи, какъ хочется. У меня большая семья. Развѣ я посмѣю не повиноваться начальству? Полѣзъ въ кузовъ — и называюсь груздемъ.

— И вы теперь будете шпіонить за мной? — не вытерпѣла Мара.

— Бейте, бейте! Заслуживаю. Самъ себя порою презираю. А ослушаться не могу. Эхъ, вы, хрустальная душа! Не даромъ самъ царевичъ... Что только съ нимъ дѣлалось, когда вы уѣхали!

Мара вспыхнула. Тарановскій задѣлъ больную струну ея сердца и она насторожилась. А по лицу ея спутника промелькнула чуть замѣтная усмѣшка.

— Съ вами, какъ со всякой благородной натурой, можно сговориться — вкрадчиво продолжалъ Тарановскій. — Сознайтесь, что вы залетѣли слишкомъ высоко. «Наверху» испугались. Идиллическіе романы и прекрасныя женщины съ высокими душами коронованнымъ особамъ опаснѣе самыхъ прозаическихъ встрѣчъ.

— Довольно! — рѣзко остановила его Мара. — Я добровольно уѣхала изъ Абастумана. Я — замужемъ. Великій князь — у трона. Наши дороги разошлись. Всего лучшаго, полковникъ, я уже почти дома.

— И я «почти дома»! — ухмыльнулся онъ. — Я вашъ vis-à-vis. Сначала наблюдалъ за вами изъ норки. Потомъ выползъ. Думаю, что мы еще будемъ друзьями. А что вы уѣхали изъ Абастумана — хорошо сдѣлали, а то бы васъ все равно увезли силой, со скандаломъ. И не пытайтесь туда возвращаться; тамъ съ вами шутить не станутъ.

II.

«Тоска, тоска. Моя очаровательная тюрьма съ каждымъ днемъ кажется мнѣ темнѣе и душнѣе. Отвратительный толстый жандармъ «добросовѣстно» слѣдитъ за мною». *(Изъ дневника княгини Рокотовой.)*

Мара на своемъ балкончикѣ пьетъ утренній кофе. На дачѣ vis-à-vis Тарановскій не сводитъ съ нея глазъ. Его настойчивость и бѣситъ, и забавляетъ Мару. Поднялась она, поднялся и онъ.

— Вы куда, княгиня? — тревожно кричитъ онъ ей.

Она, молча, пробѣгаетъ мимо него къ лѣсу. Онъ растерянно смотритъ, а потомъ упрямо слѣдуетъ за нею.

По тропинкамъ, по скаламъ карабкается Мара. Она устала, но сознаніе, что гдѣ-то далеко за нею изнемогаетъ ея толстый шпіонъ, тѣшитъ ее.

Наконецъ, другой дорогой вернулась она на полянку Уравеля. Сѣрый осликъ, нагруженный почтой, стоялъ у лавченки. Мара равнодушно прошла мимо.

— А вамъ письмо, княгиня.

— Мнѣ?!

Въ рукахъ Мары изящный конвертъ, надписанный незнакомымъ мелкимъ почеркомъ. На немъ двѣ крохотныя золотыя буквы подъ императорской золотой короной. Мара въ недоумѣніи, но почему-то волнуется, дрожитъ и торопливо прячетъ на груди загадочный конвертъ. Если-бъ Тарановскій, ея толстый шпіонъ, его увидѣлъ? Но не проникнутъ его хитрые глаза въ спальню Мары.

Ночь. Мара въ своей спальнѣ. Тщательно занавѣсила окна и дрожащими пальчиками распечатала таинственный конвертъ. Въ немъ нашла она второй конвертъ — тоже запечатанный, тоже адресованный ей, но уже знакомой рукою Георгія, рукою царевича ея золотой сказки. Волненіе захватило ея дыханіе. И дикая радость, и непонятный страхъ.

Мара, моя Мара!

Какое счастье — я нашелъ друга, который поможетъ намъ переписываться. Вѣдь всѣ мои письма вскрываются, кромѣ высочайшихъ; и я придумалъ! Пишу тебѣ, и запечатанный, надписанный конвертъ вкладываю въ другой, который посылаю въ Боржомъ — великому князю Николаю Михайловичу. Мой дорогой дядюшка перешлетъ его тебѣ въ своемъ конвертѣ. Отвѣтъ пошли ему въ Боржомъ, а онъ перешлетъ его

мнѣ въ своемъ конвертѣ. Ура! Наши враги и не догадываются о нашемъ новомъ покровителѣ! Когда ты уѣхала, Мара, я думалъ, что сойду съ ума. Я пробрался въ лѣсъ, въ самую чащу, бросился на землю и плакалъ, какъ ребенокъ. И я думалъ о тебѣ, о каждомъ мгновеньи нашего счастья. Я думалъ, что уже не вернусь во дворецъ, что умру въ этой чащѣ лѣсной съ твоимъ образомъ въ душѣ, съ твоимъ именемъ на губахъ. Увы! Меня нашли! И какъ меня упрашивали вернуться. Особенно Артемовскій. Я уступилъ. Мара, я почти не сплю. Мучительная тоска растетъ. Близкіе думаютъ, что сохраняютъ мою жизнь разлукой съ тобой, а вмѣсто того медленно меня убиваютъ. Какъ дивно я себя чувствовалъ послѣднее время. Силы прибывали. Я забывалъ свой недугъ — и это было счастье. Ты — цвѣтущая, ты не поймешь этого, Мара. А я? Я годы провелъ между жизнью и смертью. Абастуманъ мнѣ помогъ, но твоя любовь воскресила меня. Въ тебѣ я видѣлъ свое спасеніе. Но тебя вырвали изъ моихъ слабыхъ рукъ. И ты все унесла съ собой. А тутъ еще смертельная тревога — гдѣ ты? жива ли? не оскорбляютъ ли тебя? За что, Мара? Только за то, что ты любишь меня. Видишь, какой я отверженный! Тогда я написалъ сестрѣ о нашей любви. Ксенія сочувствуетъ мнѣ, но ничего не могла сдѣлать, не посмѣла. А мама́ — она иначе понимаетъ мое счастье, она безотчетно губитъ меня. Олтуфьевъ и Поровъ ходятъ за мною... и говорятъ. Такъ много говорятъ. Но лгутъ. Все лгутъ. Ни слова правды. Эти подлецы умѣютъ только лгать. Какъ опустѣлъ безъ тебя Абастуманъ, Мара! Наши любимыя мѣста осквернены шпіонами. Часто прохожу мимо твоей виллы. Твое окно. Твоя комнатка. О, если-бъ, какъ прежде, я могъ очутиться въ твоей комнаткѣ, рядомъ съ тобой! Ради Бога, не замедли отвѣтомъ. Мнѣ страшно. Что ты? Что съ тобой? Меня увозятъ отсюда, хотятъ, чтобы я разсѣялся. А меня теперь успокоитъ только твое письмо. Я жду его, какъ милости Господней.

Весь твой любящій тебя *Жоржикъ.*

(Письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)

«Твое письмо! Это была дикая, безумная, нежданная радость! Любишь, помнишь, тоскуешь. Какъ и я. Сколько разъ я прочла твое письмо; я погрузилась въ него, я все забыла. А настоящее такъ скверно. Правда, я жива и здорова, но... ко мнѣ приставили противнаго толстаго шпіона — жандармскаго полковника Тарановскаго. Можетъ быть, ты помнишь его? Иногда мелькомъ я его видѣла въ Абастуманѣ. Могла-ли я думать, что этотъ толстякъ будетъ играть такую странную и страшную роль въ моей жизни? Какъ онъ «добросовѣстенъ» и какъ я его терзаю! Его дачка противъ моей. Встаю я, встаетъ и онъ и весь день слѣдуетъ за мной. Я нарочно взбираюсь на высокія крутыя скалы, или бѣшено скачу верхомъ. Тогда онъ изнемогаетъ и, при встрѣчѣ, слезно молитъ о пощадѣ. Можно было-бы смѣяться, если-бъ не было такъ горько. Уравель — дивное мѣстечко. Природа здѣсь — мягкая, спокойная. Но глушь. Ни церкви, ни почты! Только одна лавченка. А письма привозитъ изъ города сѣренькій осликъ. Миленькій, онъ привезъ мнѣ письмо моего царевича! Сосны здѣсь почти нѣтъ, но богатый лиственный лѣсъ и поэтичные полузаглохшіе сады. Желѣзно-кислый источникъ творитъ чудеса и, хотя я тоскую и плачу, волшебная вода окрашиваетъ мои щеки и губы. Пиши мнѣ чаще. Твои письма — безумная радость. О будущемъ не думаю. Мнѣ-ли, безпомощной, повернуть гигантское колесо судьбы? Но, любимый, гдѣ-бъ я ни была — вездѣ и всегда ты будешь царить въ моемъ сердцѣ. Куда тебя увозятъ? Далеко-ли? Меня изгнали, тебя увозятъ. Несчастныя мы былинки. Гонитъ насъ вѣтеръ. Морскія мы капельки. Несутъ насъ волны, куда вздумаютъ. Цѣлую, цѣлую, цѣлую.

Вся твоя — Мара.»

(Письмо княгини Рокотовой царевичу.)

III.

«Писемъ пока нѣтъ. Волнуюсь и жду. Или далеко-далеко увезли моего милаго? Мою былинку, мою морскую капельку? Пріѣхала бабушка. Пытливо смотритъ на меня старушка,

но молчитъ. Тарановскій къ ней пристроился — когда я дома, онъ на балконѣ играетъ съ нею въ карты. Мой жандармъ и не подозрѣваетъ, что у моего сердца письмо царевича, но что-то чуетъ... и тревоженъ.»

(Изъ дневника княгини Рокотовой.)

г. Артвинъ.

Я ожилъ и безумно счастливъ! Утромъ, когда мнѣ принесли почту, я увидѣлъ конвертъ съ иниціалами Н. М. Я весь дрожалъ. Конечно, я его распечаталъ, когда меня, наконецъ, оставили одного. Твое письмо! Жива, здорова, не забыла. Сердце такъ колотилось въ груди, чуть не выскочило! Я уже не въ Абастуманѣ, Мара. Меня возятъ, «разсѣиваютъ». Ѣду по рѣкѣ Чороху. Быстрая рѣка со скалистыми берегами. Летимъ и, кажется, вотъ-вотъ разобьемся о скалы. Но эти дикари такъ ловко управляютъ. И снова несемся къ новой скалѣ. Дикій, поэтичный, интересный край. Если-бы ты была со мной, Мара, все казалось бы мнѣ въ тысячу разъ прекраснѣе. Какая низость! Приставили къ тебѣ Тарановскаго. Я его знаю. У него большая семья и теперь онъ хлопочетъ о пенсіи. Я постараюсь повидать его. Мара, какъ я тоскую. Сегодня я видѣлъ тебя во снѣ. Въ Гатчинѣ, въ нашемъ паркѣ, ты пряталась у соловника. Я видѣлъ тебя такъ ясно и такъ было жаль, когда проснулся. Мара, не забывай, пиши твоему бѣдному, измученному

Жоржику.

(Письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)

На балконѣ, за игрой, медленно тасуя карты, Тарановскій «наставляетъ» бабушку Мары.

— Эхъ, барынька, жаль мнѣ вашу милую внучку. Отъ трона простымъ смертнымъ надо подальше — не долго и голову сломить. У насъ, вѣдь, не поцеремонятся. Охъ, много я бы могъ вамъ поразсказать изъ моей долголѣтней практики! Такъ «ненужные» люди исчезали, словно сквозь землю проваливались. И ничего не подѣлаешь! Сами лѣзутъ, трону угрожаютъ, колеблютъ основы страны.

Старушка удивленно подняла ясные сѣрые глаза, такъ странно молодые на морщинистомъ лицѣ и, словно, пронизывала ими Тарановскаго.

— Развѣ Мара угрожаетъ трону? Колеблетъ основы страны? Что вы говорите, Евгеній Александровичъ?!

— Эхъ, голубушка, еще больше угрожаетъ, чѣмъ «тѣ». Какого-нибудь нигилиста, или террориста проглотишь, какъ устрицу, а тутъ царевичу отчетъ подай *гдѣ* «она», да *что* съ нею.

— И оставили-бы ее въ покоѣ, самое лучшее.

— Какъ можно, милая барынька! А ну, какъ она вздумаетъ поѣхать туда, къ нему?

— Мара? Никогда!

— А вдругъ? Тутъ тогда такое подымется! Мнѣ тогда легче живому въ гробъ лечь. Право.

— И не могу я понять — развела руками старушка — почему такъ боятся дружбы царевича съ культурной, порядочной женщиной?

— Наивны-же вы, барынька, хоть и пожили достаточно. Первое — скандалъ. Мужъ и все такое. А затѣмъ, царевичъ, вѣдь, можетъ такъ полюбить, что и отъ трона откажется. А какъ это можно? Правильное престолонаслѣдіе — это основа государства. Эхъ! и разболтался-же я! Не жандармскій я полковникъ, а просто болтунище. Бить меня некому.

На балконѣ, въ креслѣ, закутанная плэдомъ, бабушка грустно любуется дивною ночью. Въ лунномъ сіяніи бѣлѣетъ полянка, домики кажутся волшебными избушками, кудрявыя деревья — таинственными призраками. Гдѣ-то звучитъ грузинская хоровая пѣсня, то приближаясь, то удаляясь.

А Мары нѣтъ. Бродитъ она со своею вѣчною тоской. И грустныя думы тревожатъ бабушку. Словно подмѣнили ея любимицу, прежде веселую и безпечную, какъ Божья пташка.

— Не спишь еще, буся?

Мара появилась такъ неожиданно.

— Чудная ночь, буся.

Какъ прежде, въ дни дѣтства, Мара опустилась на край плэда у ногъ бабушки и приникла головкой къ ея колѣнямъ.

— А у тебя на родинѣ бывали такія ночи? Разскажи мнѣ, буся. Давно ужъ ты не вспоминала своей далекой, милой старины.

— Не до того тебѣ, Мара. Я вѣдь чувствую, какъ ты страдаешь. Не дѣлишься со мной — твоя воля. А одной съ горемъ — тяжело. Давитъ оно, какъ камень. Я вѣдь знаю. Я годы его одиноко несла.

— О чемъ говоришь, буся? Налетѣла мечта, захватила меня. Дивная мечта, но такая легкая, эфирная, неуловимая. Словомъ *мечта*. Провѣдали злые люди, оторвали меня отъ моей мечты. И вотъ — я одна. Восемнадцать лѣтъ мнѣ, буся. Но золотая мечта, улетая, захватила часть моей души и не выпуститъ ее... никогда. Ты поняла меня, буся?

— Да, Мара, и чувствую, какъ болитъ твое сердечко.

Старая дрожащая рука ласково опустилась на голову Мары.

— Вѣчнаго на землѣ ничего нѣтъ! — торжественно произнесла старушка. — И лучше не добрать счастья, чѣмъ перебрать его. Недобранное, оно остается въ душѣ свѣтлымъ воспоминаніемъ. Острота горя пройдетъ, а все прекрасное запечатлѣется въ сердцѣ. Кто знаетъ, если-бъ не эти злые люди, во что превратилась-бы твоя мечта? И не пришлось-ли бы тебѣ пережить горькаго разочарованія?

И совсѣмъ тихо старушка добавила:

— Господь управляетъ нами. Ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы нашей помимо Его воли. И счастье, и несчастье мы должны принимать смиренно изъ рукъ Его. Десятки лѣтъ я повторяю себѣ это, я дожила до глубокой старости... и не страшно мнѣ переступить за ту грань, гдѣ суета-суетъ уступаетъ мѣсто вѣчному.

Еще тише отвѣтила Мара:

— Конца еще не было, буся. Омертвѣвшее сердце вновь ожило. Я получила тайную вѣсточку.

— Берегись, Мара — вздрогнула старушка — вѣдь за тобою слѣдятъ.

«Получила твое второе письмо, милый, изъ Артвина. Придетъ-ли третье? Только-бы не прервалась эта послѣдняя нить между нами! У меня все то-же. Милый, грустный Уравель, противный толстякъ Тарановскій,

сердечныя бесѣды съ бабушкой. Она мнѣ ближе душой, чѣмъ мама. Вся жизнь ея — незамѣтная, тихая, но полная дивнаго самоотверженія. Къ ея неугасшей сентиментальности жизнь прибавила много горькаго опыта. Наивный, безсознательный философъ. Тарановскій обхаживаетъ ее, но она больше слушаетъ, чѣмъ говоритъ. А душа моя полна тобой, однимъ тобой. Люблю тебя такъ безмѣрно, что уже не чувствую границъ. О свиданіи боюсь мечтать — это слишкомъ дразнило-бы меня. Пиши, люби, не забывай свою Мару.»

(Письмо княгини Рокотовой царевичу.)

IV.

— Что это вы со мной дѣлаете, княгиня?

Тарановскій порывисто и смѣло вошелъ въ комнату Мары. Она вспыхнула и въ упоръ взглянула на него. Только легкая краска выдавала ея волненіе.

— Я васъ не понимаю, Евгеній Александровичъ.

— Да вѣдь вы затѣяли переписку съ великимъ княземъ!

Краска сгустилась на лицѣ Мары.

— Ужъ не вы-ли передаете мнѣ письма его высочества?

— Не хитрите. Я обыщу весь вашъ домъ и всѣхъ его обитателей, если вы добровольно не отдадите мнѣ письма.

— Пожалуйста! Наконецъ-то вы сбросили личину добродушія и явились въ своемъ настоящемъ видѣ. Къ сожалѣнію я рву всѣ свои письма и случайно остался только одинъ конвертъ. Получите его, господинъ шпіонъ.

Съ презрѣніемъ и гнѣвомъ Мара бросила ему конвертъ и онъ его поднялъ съ поразительною для его тучности ловкостью и быстротой.

— Что это? — пробормоталъ онъ съ изумленіемъ. — Иниціалы Н. М.? Императорская корона?

— Ну, да! — торжествуя, отвѣтила Мара. — Вы вѣдь не знали о моей перепискѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ. Онъ мой давнишній другъ и я его извѣщу о вашемъ насиліи.

Тарановскій замѣтно поблѣднѣлъ.

— Это маленькое недоразумѣніе, княгиня. Не сердитесь.

Онъ уходилъ жалкій, съ жалкими извиненіями. На этотъ разъ находчивость выручила Мару.

Уравель. Нарочнымъ. Княгинѣ Рокотовой.

Не откажите пріѣхать Боржомъ. Необходимо лично переговорить. Жду отвѣта.

Великій князь Николай Михайловичъ.

(Высочайшая телеграмма.)

«Боржомъ. Великому князю Николаю Михайловичу.
Завтра буду Боржомѣ. Рокотова.»

(Отвѣтная телеграмма.)

Тарановскій уже тутъ-какъ-тутъ и округленными, встревоженными глазами смотритъ на Мару.

— Видите! — торжествуетъ она. — Намъ съ вами суждено таки разстаться. Сегодня я уѣзжаю.

Мара направилась въ Боржомъ, Тарановскій — въ Абастуманъ съ докладомъ.

Откинувшись на подушки легкой коляски, Мара мчится къ Боржому. Она вся въ мечтахъ. Почему ее вызвали? И такъ офиціально, такъ открыто!

Великій князь Николай Михайловичъ! Она его никогда не видала, но такъ много слышала о немъ. Въ дѣтскіе годы онъ такъ владѣлъ ея воображеніемъ. Старшій сынъ великаго князя Михаила Николаевича, владѣлецъ знаменитаго боржомскаго имѣнія. Его громкій романъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ первой красавицей Тифлиса былъ такъ знакомъ Марѣ. Въ ея памяти, какъ живая, воскресла героиня этого романа, Катя Трубачева, дочь модной портнихи. Маленькой институткой Мара любовалась этою стройною, высокою блондинкой — воспитанницей старшаго класса.

Въ рамкѣ пышныхъ, свѣтлыхъ волосъ, словно выточенное изъ мрамора, вырисовывалось прекрасное лицо ея, озаренное большими сѣрыми глазами и милою улыбкой. Чуть-ли не весь институтъ былъ «влюбленъ» въ Катю Трубачеву. Мать ея хорошо зарабатывала и ничего не жалѣла для своей любимицы. Лѣтнія каникулы Катя проводила на дачѣ въ Боржомѣ. Вся лучшіе кавалеры увивались за нею, она безспорно царила на вечерахъ. Но сердце спокойно билось въ груди восемнадцатилѣтней красавицы.

Неожиданно въ Боржомъ пріѣхалъ великій князь Николай Михайловичъ, молодой, блестящій, красивый. Его

высочество не только замѣтилъ Катю Трубачеву, но даже увлекся ею. А она, увы! полюбила его со всѣмъ пыломъ нетронутаго сердца. Весь міръ былъ забытъ. Катя всѣхъ избѣгала. Скромные обыватели такъ часто встрѣчали влюбленную парочку въ уединенныхъ аллеяхъ парка.

И вдругъ, неожиданно, великій князь Николай Михайловичъ покинулъ Боржомъ. Катя бродила по пустымъ аллеямъ парка грустная, подавленная, одинокая. Какая трагедія разыгралась межъ влюбленными? Почему эта безумная любовь такъ внезапно оборвалась? Стоустая молва хладнокровно рѣшила: «Надоѣла — и бросилъ». И та, которою раньше восхищались, гордились, первая красавица Тифлиса, пала въ общественномъ мнѣніи. Поверженный кумиръ! Отъ нея отвернулись и безпощадная, стоустая молва презрительно ее осмѣяла. Молодое разбитое сердце красавицы переживало первую трагедію. И вотъ, въ одну лунную, дивную ночь была «закончена» «исторія Кати Трубачевой». Ее нашли въ густой аллеѣ парка — холодную, бездыханную, гордую въ вѣчномъ безмолвіи.

Трагедія боржомскаго парка! Какъ много и долго о ней говорили. Сочувствіе стоустой молвы вновь улыбалось холодному трупу первой красавицы Тифлиса. Ея ранняя могила утопала въ цвѣтахъ. Искреннія слезы проливались на мраморныя плиты, мѣшаясь со слезами одинокой матери. Поздно!

Долго не возвращался въ Боржомъ великій князь Николай Михайловичъ, пока не затихла стоустая молва, все забывающая.

И вотъ теперь Мара мчится въ Боржомъ — колыбель и могилу короткаго счастья Кати Трубачевой. Старыя деревья и аллеи парка, свидѣтели любовныхъ встрѣчъ, слезъ отчаянья и предсмертнаго вздоха, не разскажутъ Марѣ ихъ тайны. Но она увидитъ высочайшаго соблазнителя! Судьба вмѣшала его въ жизнь Мары. Какую онъ въ ней сыграетъ роль? Жуткая дрожь ожиданія пробѣгала по тѣлу Мары.

Въ Ахалцыхѣ она получила вторую телеграмму великаго князя Николая Михайловича.

«Безконечно признателенъ. Жду. Кавалерской оставленъ номеръ. Вѣрный человѣкъ, Рухвадзе, проведетъ васъ ко мнѣ.»

Вотъ и «Страшные Окопы», послѣдняя большая станція. Хорошо знакомъ Марѣ полуразвалившійся станціонный грязный домикъ на пустынномъ берегу быстрой рѣки. Какъ часто ребенкомъ сидѣла она на этомъ подгнившемъ балконѣ, окруженная близкими. Спокойно билось тогда ея сердце и наивно смотрѣли глаза ея вдаль, въ грядущую жизнь. А теперь? Тоска и надежда, печаль и счастье... и не разберешь, гдѣ кончается одно, гдѣ начинается другое. Все спуталось, свилось въ ея жизни.

— Лошади поданы.

И опять мчится коляска по ровному, пыльному шоссе. Вотъ боржомское ущелье въ густой, пышной зелени. Таинственно шелеститъ лиственный лѣсъ. Шумно и весело мчится Боржомка. Нарядныя дачи утопаютъ въ цвѣтахъ.

Коляска въѣхала въ роскошный паркъ и остановилась у подъѣзда «Кавалерской» гостиницы, эффектной, въ изумрудномъ уборѣ ползучихъ растеній, обвивающихъ ея стѣны и балконы.

— Княгиня Рокотова?

Къ коляскѣ Мары подошелъ высокій молодой грузинъ.

— Да. Мнѣ, кажется, оставленъ номеръ?

— Оставленъ, ваше сіятельство.

— Вы, вѣроятно, господинъ Рухвадзе?

— Рухвадзе, ваше сіятельство. Разрѣшите доложить его высочеству о вашемъ пріѣздѣ.

V.

Боржомскій дворецъ великаго князя Николая Михайловича своею простотою скорѣе походилъ на барскую дачу. Онъ, словно, прятался въ густой тѣни роскошнаго сада.

Мара шла, какъ во снѣ. Ея воздушное голубое платьице мелькало по аллеямъ, дорожкамъ, мимо клумбъ. Рухвадзе указывалъ ей дорогу почтительно и молча.

Вошли въ маленькій интимный подъѣздъ. Нѣсколько шаговъ по широкому коридору — и Рухвадзе постучалъ въ первую же дверь направо.

— Войдите! — раздался звучный повелительный голосъ.

Рухвадзе пропустилъ Мару и плотно прикрылъ за нею дверь. Его миссія была окончена.

Мара очутилась въ огромномъ кабинетѣ въ персидскомъ стилѣ. Пестрые ковры и яркія шелковыя ткани, старинное оружіе на стѣнахъ, огромный письменный столъ — все запечатлѣлось въ скользнувшемъ взорѣ Мары.

Высокій, статный полковникъ привѣтливо шелъ ей навстрѣчу. На его красивомъ лицѣ выдѣлялись большіе, каріе бархатные глаза. Лобъ казался особенно большимъ и высокимъ, сливаясь съ лысиной, обрамленной каштановыми волосами. Характерное лицо это, еще молодое и свѣжее, выдавало не русскую кровь — кровь его матери. Это былъ онъ, великій князь Николай Михайловичъ, новый покровитель царевича.

— Очень радъ познакомиться и безконечно вамъ благодаренъ за довѣріе.

Было что-то небрежное въ его голосѣ, манерѣ говорить, движеніяхъ, что-то «свысока». Красивые глаза его высочества испытующе глядѣли на Мару, но она спокойно выдержала этотъ взглядъ.

— Прошу покорно.

Мара легкимъ граціознымъ движеніемъ опустилась въ любезно пододвинутое ей кресло.

— Да, вы красивы — съ разстановкой проговорилъ великій князь Николай Михайловичъ — вами можно увлечься.

Это былъ небрежный и увѣренный тонъ мужчины-знатока.

— Я думаю, не о моей внѣшности мы будемъ говорить сегодня, не ради этого вы меня вызвали въ Боржомъ, ваше высочество — вспыхнула Мара.

— Вы горды — усмѣхнулся онъ — породистыя женщины всегда горды. Не сердитесь. Я стараюсь завязать бесѣду, какъ умѣю. Вѣдь мы съ вами еще совсѣмъ «незнакомцы», хотя насъ уже связываетъ *тайна*.

— Великій князь Георгій Александровичъ вамъ довѣрилъ нашу переписку — подчеркнула Мара.

— О, у него не было другого выхода! — разсмѣялся великій князь, Николай Михайловичъ. — Я подъ рукой, не любопытенъ и не могъ не оправдать довѣрія моего племянника. Его крошечное посьмо отражало душевное волненіе, маленькую бурю въ стаканѣ воды. И я откликнулся на его просьбу и превратился въ таинственнаго покровителя, конечно, любовной переписки.

Все, что говорилъ великій князь, Николай Михайловичъ, было полусерьезно, словно подернуто легкой ироніей. Мара вглядывалась въ красивое, самодовольное, цвѣтущее лицо и ей невольно вспоминалась трагедія боржомскаго парка и Катя Трубачева. Совсѣмъ инымъ рисовала себѣ Мара образъ героя, соблазнившаго первую красавицу Тифлиса, совсѣмъ инымъ. И напрасно искала Мара въ этомъ красивомъ лицѣ отблескъ грустнаго прошлаго.

— О чемъ вы такъ задумались, княгиня?

— Я думала о васъ, ваше высочество — невольно покраснѣла Мара. — Я совсѣмъ инымъ васъ себѣ представляла.

— Какимъ-же? — разсмѣялся онъ. — Маленькимъ? Толстымъ? Кудрявымъ?

Смѣхъ его, веселый и холодный, дрожью пробѣгалъ по тѣлу Мары. Ей думалось, что плохъ выборъ царевича, что его «дорогого дядюшку» ничто не тронетъ. Ему доступна только «земля» и непонятно все, что выше земного. Слѣпой не видитъ солнца, глухой не слышитъ божественной мелодіи.

— Ваше высочество — медленно заговорила Мара и ея собственный голосъ поражалъ ее спокойствіемъ, только онъ былъ тихъ, какъ слабый шелестъ вѣтра — я до сихъ поръ еще не знаю, *почему* я въ Боржомѣ, въ вашемъ дворцѣ?

— Наединѣ съ прелестной женщиной и не для любовнаго свиданія. Это мало на меня похоже — снова разсмѣялся князь. — Не хмурьтесь, я буду серьезенъ, я перехожу къ дѣлу. Георгій — любимецъ императрицы, больной любимецъ и она съ тревогой слѣдитъ за каждымъ шагомъ его жизни. Ея величество узнала объ увлеченіи «своего мичмана» и это ее безконечно волнуетъ.

— Почему? Вѣдь это только святая дружба и ни въ чемъ не могу я упрекнуть ни себя, ни царевича.

— Знаю, знаю... и это — ваше счастье! Вѣдь все леченіе Георгія основано на жизни аскета. Холодъ, физическій трудъ на воздухѣ и полное воздержаніе. Ни женщинъ, ни вина! Если Георгій выдержитъ эту систему до 30 лѣтъ — онъ будетъ спасенъ. А теперь — первая связь съ женщиной будетъ его могилой. Вѣдь вы бы не хотѣли быть его убійцей. Кромѣ гоненій, невзгодъ и отравленной совѣсти — это вамъ ничего не дало-бы.

Голова Мары низко опущена.

— Боже мой... развѣ нельзя быть только близкими друзьями?

— Вы замужемъ и такъ наивны! — громко разсмѣялся великій князь. — Думаю, что вы еще очень юны.

— Мнѣ 18 лѣтъ.

— Ну, конечно, ребенокъ. Вотъ вы и не понимаете, какъ опасна игра съ огнемъ. А вѣдь тутъ идетъ вопросъ о жизни и смерти. Я съ вами откровененъ, вы этого заслуживаете.

— Можетъ быть, я тоже «заслужила» ночное нападеніе графа и доктора на мой домъ?!

— Ахъ, знаю! — поморщился великій князь. — Грубые, глупые люди. Держиморды! Наверху очень недовольны всѣмъ этимъ шумомъ. Проще было объяснить вамъ все и вы уѣхали-бы добровольно. Не правда-ли?

— Конечно!

— Вы — очаровательное дитя, а усердные слуги ихъ величествъ выставили васъ злой авантюристкой, искательницей выгодныхъ приключеній. О, какъ я теперь посмѣюсь надъ нашими глупыми бульдогами! Императрица поручила мнѣ распутать всю эту исторію, вотъ почему я такъ смѣло вызвалъ васъ въ Боржомъ. Черезъ нѣсколько дней я ѣду въ Петербургъ на свадьбу брата моего Александра съ царевной Ксеніей и я все, въ правдивомъ свѣтѣ, доложу императрицѣ. Можетъ быть, вы мнѣ дадите еще какія-нибудь указанія?

— Нѣтъ, ваше высочество. Скажу только, что я и моя мать были глубоко возмущены насиліемъ графа Олтуфьева. Это — нехорошій человѣкъ.

— Георгій — потрясенный и оскорбленный — извѣстилъ меня обо всемъ. Бѣдняжка робокъ, боленъ, всего боится, а, главное, боится за васъ. «Мнѣ ничего не сдѣлаютъ плохого» — жалобно пишетъ мнѣ онъ — «но за княгиню Рокотову я страшусь. Я пойду на всѣ уступки, на все — только-бы ее не тревожили.» Онъ охраняетъ васъ, какъ можетъ, а *многое* не въ его силахъ.

Мара молчала, подавленная.

— Вообще при «маленькомъ дворѣ» произойдутъ «большія» перемѣны — тонко улыбнулся великій князь. — Я въ этомъ увѣренъ.

— Итакъ — все? — медленно проговорила Мара — бесѣда закончена и я могу удалиться, ваше высочество?

— Минутку, княгиня. Позвольте вамъ вручить послѣднее письмо Георгія, уже изъ Абастумана. Я получилъ его вчера. Прочтите его на досугѣ и, если хотите, завтра передайте мнѣ отвѣтъ. Я надѣюсь, вы позавтракаете у меня. Буду ждать васъ къ часу. ____

Опять я въ Абастуманѣ, моя Мара. Моя поѣздка была прекрасна, она меня освѣжила, а, главное, я спокоенъ за тебя. Жива, здорова и ничто плохое тебя не коснется. Н. М. далъ слово. Онъ ѣдетъ на свадьбу Ксеніи, онъ всѣхъ тамъ увидитъ, онъ будетъ нашимъ добрымъ геніемъ, нашимъ защитникомъ. Мара, что, что насъ ждетъ?! Уѣдетъ Н. М. и, на время, прервется наша переписка. Это тяжело, Мара, но я буду думать о тебѣ, перечитывать твои письма, любоваться твоею фотографіей, наслаждаться твоимъ дневникомъ. Это чудный даръ, Мара. Въ немъ я вижу отраженіе твоей чистой, трепетной души и всей идилліи нашей любви. Я ожилъ, Мара, потому что я надѣюсь. Съ О. и П. я не разговариваю, не скрываю своего презрѣнія. И они присмирѣли, скоты старые. А вотъ Тарановскому я сказалъ нѣсколько вѣскихъ фразъ и, думаю, онъ теперь оставитъ тебя въ покоѣ. Жду твоего отвѣта, Мара, а потомъ... терпѣніе. На три недѣли! Цѣлую тебя, моя дорогая. Не забывай и люби своего вѣрнаго Жоржика.

P. S. У меня еще одна печаль, Мара — плохъ Артемовскій и я боюсь за него.

(Письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)

____

«Боржомъ.

Вотъ куда меня забросило, любимый! Сижу у раскрытаго окна Кавалерской гостиницы и къ трепещущему сердцу прижимаю твое письмо. Вечеръ лунный и теплый. Звѣзды горятъ такъ ярко въ свѣтломъ небѣ. Милый, можетъ быть и ты теперь смотришь на эти звѣзды и думаешь обо мнѣ? Пусть перенесутъ онѣ тебѣ мою любовную мысль, мой печальный вздохъ.

Милый, милый. Сегодня нѣсколько часовъ провела въ кабинетѣ Н. М. Онъ былъ любезенъ, ради тебя, конечно. Но эта встрѣча не согрѣла моего сердца и я не надѣюсь. А какъ-бы я хотѣла надѣяться! Завтра въ часъ я опять во дворцѣ Н. М. и передамъ ему это письмо. А вечеромъ я уже буду въ Уравелѣ, въ моемъ заточеніи, мечтать и отчаиваться, волноваться и ждать. Передай милому Абастуману мой привѣтъ. Тамъ всѣ мои грезы, весь волшебный сонъ моей любви. Если когда-нибудь я вновь увижу дорогія мѣста, я поклонюсь имъ, какъ святынѣ. Не забывай меня, любимый. Вся, вся я мысленно прижимаюсь къ тебѣ и цѣлую тебя безконечно.

Твоя Мара, вѣчно твоя.

P. S. Какъ жаль мнѣ Артемовскаго. Передай ему мой сердечный привѣтъ.»

(Письмо княгини Рокотовой царевичу.)

Часъ.

Рухвадзе проводилъ Мару черезъ точеный, словно кружевной, балконъ дворца въ интимную столовую и скрылся.

Было уютно. Свѣтло-желтыя, покрытыя легкимъ бѣлымъ кружевомъ, гардины защищали отъ яркаго солнца. Небольшой столъ у окна былъ сервированъ на два прибора. На бѣлоснѣжной скатерти трепетали росинками только что срѣзанныя розы.

Въ свѣтло-желтой рамкѣ всколыхнувшейся портьеры появилась статная фигура великаго князя Николая Михайловича. Пожимая руку Мары, онъ задержалъ ее въ своей. Настойчивый взглядъ улыбающихся бархатныхъ глазъ — и Мара невольно опустила рѣсницы.

Великій князь любезно подвелъ Мару къ столу и съ легкимъ вздохомъ сѣлъ «vis-à-vis».

— Клянусь честью — проговорилъ онъ фатовски — еще ни разу красивая женщина не завтракала со мною «vis-à-vis» по дѣлу... Вы все молчите, княгиня? Васъ не развеселишь и, кажется, мои шутки васъ только сердятъ.

— Слишкомъ тяжело на душѣ, ваше высочество.

— Напрасно. Теперь вы уже внѣ опасности. Руки вашихъ враговъ стали слишкомъ коротки. А вѣдь тогда оча-

ровательный старый селадонъ серьезно рѣшилъ свести съ вами счеты. И это былъ-бы не веселый для васъ «итогъ».

Онъ наполнилъ ея бокалъ шампанскимъ.

— Итакъ, выпьемъ за ваше освобожденіе отъ графа и доктора!

— Съ наслажденіемъ и благодарностью.

Мара шаловливо закинула головку и осушила бокалъ.

— Bravo! Забудьте всѣ ваши невзгоды. Хорошо? Этотъ кусочекъ моего дворца созданъ для беззаботнаго веселья и напоминаетъ интимный уголокъ Парижа. За это я его люблю.

— И Парижъ вы любите?

— Безмѣрно. Только тамъ, не создавая эфемерныхъ иллюзій, умѣютъ наслаждаться жизнью и берутъ лучшее отъ земного. И это правильно. Вѣдь все равно на землѣ не найти неба.

— Вы реальны, ваше высочество.

— Не принадлежу къ фантастамъ. Свято выполняю свой долгъ и обязанности, что налагаетъ на меня императорскій гербъ.., а въ остальномъ наслаждаюсь свободой. Еще бокалъ, княгиня, за мое здоровье. Задорный румянецъ и искрящіеся глаза, право, это гораздо лучше, чѣмъ грусть и меланхолія. Я предпочитаю игривый вальсъ сентиментальному менуэту, свадьбу — похоронамъ, легкую, веселую музыку — минорной симфоніи. Третій бокалъ за царевича Георгія!

— За моего славнаго, бѣднаго друга! — съ чувствомъ проговорила Мара и задумчиво добавила: — Итакъ, ваше высочество, вы — за веселье, за легкую жизнь, за эгоизмъ. А если-бы вамъ пришлось хоронить самое дорогое..., какую музыку предпочли-бы вы на этихъ похоронахъ? Неужели вальсъ Оффенбаха маршу Шопена?

— То, что мнѣ дорого — мой императорскій гербъ — похоронятъ вмѣстѣ со мною и тѣ, что будутъ хоронить, сами найдутъ мотивы для моего «marche funebre» — почти надменно проговорилъ великій князь и инымъ, шутливымъ тономъ добавилъ — а пока — забвенье всему мертвому. Живое — живымъ! Когда вы возвращаетесь въ Уравель, княгиня?

— Сегодня послѣ завтрака.

— Жаль! Я думалъ, что мы пообѣдаемъ вмѣстѣ. Я, кажется, вхожу во вкусъ крохотной идилліи. Вѣдь для меня

это новая роль — друга влюбленныхъ, серьезнаго собесѣдника красивой женщины. Новое меня всегда забавляетъ.

— Сердце мое ранено, ваше высочество и теперь я — плохая забава. Когда-нибудь, если жизнь насъ снова столкнетъ, мы веселѣе позавтракаемъ.

— Ловлю васъ на словѣ. Обѣщайте всегда мнѣ сообщать, когда жизнь насъ столкнетъ въ одномъ городѣ.

— Обѣщаю — слабо улыбнулась Мара — но только... вамъ — Парижъ, Петербургъ, Боржомъ, Тифлисъ, а мнѣ — скромная провинція, гдѣ служитъ мой мужъ.

— Ахъ, да! вѣдь вы замужемъ. Что это за странный мужъ, который отпускаетъ васъ одну и не реагируетъ на шумные толки, связанные съ вашимъ именемъ.

— Мое неудачное замужество — это драма моей жизни — тихо, вспыхнувъ, проговорила Мара — не будемъ касаться больного для меня вопроса. Князь Рокотовъ — мнѣ чужой. Судьба и выборъ царевича сдѣлали васъ довѣреннымъ моего сердца.

— И вы такъ любите Георгія?

— Какъ грезу, какъ свѣтлую мечту. Ему — все доброе моего сердца, все лучшее моей души, а зло... зло — моему будущему. Перешлите ему это письмо — мой отвѣтъ.

— Я сначала ѣду въ Абастуманъ, а потомъ уже въ Питеръ и лично передамъ Георгію ваше письмо. Сидите спокойно въ вашемъ Уравелѣ и ждите извѣстій. Они не замедлятъ.

Великій князь Николай Михайловичъ проводилъ Мару до послѣдней ступени кружевнаго балкона.

— Очень, очень былъ радъ узнать васъ, княгиня — задерживая ея руку въ своей, говорилъ онъ — жаль только что вы героиня драмы, гдѣ мнѣ отведена роль добраго ментора.

И онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не исчезла въ густой зелени аллеи.

VI.

«Опять безконечные, жаркіе дни, теплыя, душистыя ночи. Безъ конца переживаю прошлое, бесѣдую съ бусей и жду, тревожно жду. Тарановскій исчезъ куда-то... и ни одна вѣсть, ни одно письмо не доходятъ до меня.»

(Изъ дневника княгини Рокотовой.)

«Хотя я далъ тебѣ слово не писать и не тревожить твоего уединенія, но, дорогая Мара, странные, чудовищные слухи, съ которыми связываютъ твое имя, вынуждаютъ меня написать тебѣ эти строки. Въ чемъ дѣло? Объясни откровенно. Не нуженъ-ли я? Не можетъ-ли тебѣ помочь мое присутствіе?»

(Отрывокъ изъ письма князя Рокотова — мужа Мары.)

«Зачѣмъ Вы нарушили данное слово? Зачѣмъ Вы мнѣ пишете? Самое лучшее, не вѣрьте досужимъ языкамъ. Вы знаете, я не умѣю лгать... Я въ Уравелѣ совсѣмъ одна — если не считать бабушку. И ничего не случилось такого, чтобы могло Васъ особенно волновать. Ваше присутствіе въ моемъ уединеніи еще сильнѣе натянуло-бы и такъ уже натянутую струну. И не лопнула-бы она. Сейчасъ мое уединеніе мнѣ необходимо, какъ воздухъ, безъ него я задохнусь. Мара.»

(Отвѣтъ Мары князю Рокотову.)

Уравель. Княгинѣ Рокотовой.

Императрица и я просимъ Васъ не выѣзжать до моего возвращенія.

Великій князь Николай Михайловичъ.

(Высочайшая телеграмма изъ Петербурга.)

«Петербургъ. Великому князю Николаю Михайловичу. Обѣщаю не выѣзжать изъ Уравеля до Вашего возвращенія. Княгиня Рокотова.»

(Отвѣтная телеграмма княгини Рокотовой.)

Уравель. Княгинѣ Рокотовой.

Прошу пріѣхать Боржомъ.

Николай Михайловичъ.

(Высочайшая телеграмма изъ Боржома.)

Мара уже въ Ахалцыхѣ. Пока слуга нанимаетъ ей коляску въ Боржомъ, она бродитъ по кривымъ улицамъ грязнаго городка. Вотъ крѣпость. Высокія каменныя стѣны съ яркими слѣдами былыхъ кровавыхъ сраженій. Когда-то

за этими стѣнами прятались плачущія женщины и дѣти отъ наступавшихъ турокъ. Послѣдніе воины, защищавшіе крѣпость, падали одинъ за другимъ. Надежды не было. И когда казалось, что все уже кончено, когда отчаянье и ужасъ достигли высшихъ предѣловъ, появилась неожиданная подмога. Всѣ уцѣлѣвшіе были спасены, а турки постыдно бѣжали, покрывая путь отступленія своими разноцвѣтными туфлями. Такъ часто объ этомъ далекомъ прошломъ разсказывала Марѣ ея буся, живая свидѣтельница жестокой осады.

А она, Мара, развѣ не такая же «приговоренная», какъ тѣ, что рыдали за этими стѣнами. И не придетъ ли къ ней неожиданная помощь, какъ свѣтлый лучъ спасенія?

Мара вернулась на станцію. Тамъ застала она свою мать.

— Ты знаешь, царевичъ только что проѣхалъ въ Боржомъ! нервно цѣлуя Мару и волнуясь, сообщила Татьяна Сергѣевна.

— И я... я тоже сейчасъ ѣду въ Боржомъ. Меня вызвалъ телеграммой великій князь Николай Михайловичъ. Я его увижу! Я увижу моего царевича! — радостно трепетала Мара.

— Я все это знаю — ласково прижала мать къ груди ея горячую головку — и потому я такъ торопилась къ тебѣ. Слава Богу, я поспѣла во время. Поѣзжай завтра, Мара! Пошли телеграмму, что будешь завтра. Если рѣшили васъ разлучить, то свиданіе только прибавитъ новой горечи и унизитъ тебя. А если... если возможно и нужно, царевичъ дождется твоего пріѣзда. Дѣтка, вдумайся въ мой совѣтъ и...

Улыбка счастья померкла на устахъ Мары и она печально опустила голову.

— Побольше твердости, Мара. Чуть поманили — и ты летишь, не разсуждая. Гдѣ твоя гордость? Еще одно униженіе можетъ быть послѣдней каплей.

— Ты права — тихо сказала Мара. — Если мнѣ суждено счастье, оно не уйдетъ отъ меня. А... если вѣчная разлука, то... лучше не встрѣчаться. Ты права, мама. Я поѣду завтра.

VII.

Быстро мчится коляска по пыльному шоссе. Мара лихорадочно подгоняетъ возницу. Черезъ два-три часа она уже будетъ въ Боржомѣ. Позднее сожалѣніе волнуетъ ее. Зачѣмъ не выѣхала она вчера? зачѣмъ послушалась матери? Теперь она бы уже знала свою судьбу.

— Скорѣе. Пожалуйста, поскорѣе.

Неутомимо щелкаетъ кнутъ и лошади напрягаютъ всѣ свои силы, а Марѣ кажется, что они ползутъ такъ медленно и каждая минута для нея — вѣчность.

Что это? Топотъ копытъ. Навстрѣчу сѣрое облако пыли... и вырисовываются силуэты знакомаго конвоя... Мара похолодѣла и порывисто поднялась. Конвой царевича! А тамъ... дальше лихорадочный взоръ ея видитъ длинную ленту придворныхъ экипажей.

— Неужели?! Боже мой, неужели?

Онъ! Георгій! Онъ тоже приподнялся въ своемъ экипажѣ. Руки конвульсивно сжимаютъ грудь. Ихъ взоры встрѣтились. Въ свѣтлыхъ глазахъ царевича отчаянье, безсиліе и тоска...

Экипажъ промчался такъ быстро. Царевичъ оглянулся, махнулъ рукой. Свѣтлые глаза блеснули алмазами слезъ. Все кончено.

Мелькаетъ лента экипажей. Знакомыя лица: Азбелевъ, Мѣшковъ, Бойсманъ. За облакомъ пыли скрылись и они...

Уѣхалъ царевичъ изъ Боржома въ свой Абастуманъ. Не дождался. Все кончено. И даже не остановилъ экипажа, чтобы сказать Марѣ послѣднее прости!

Теперь ужъ некуда спѣшить. Зачѣмъ, зачѣмъ не поѣхала она вчера?! Однимъ мгновеньемъ счастья было бы больше. А теперь мракъ, только мракъ.

Опять Мара въ кабинетѣ Боржомскаго дворца. Великолѣпные бархатные глаза великаго князя Николая Михайловича всматриваются въ ея блѣдное разстроенное лицо и онъ дружески жметъ ея руку.

— Очаровательная княгиня, почему такъ поздно? Я нарочно одновременно далъ обѣ телеграммы — въ Абастуманъ и въ Уравель. Георгій пріѣхалъ, а вы замедлили. Я хотѣлъ вамъ дать возможность переговорить и проститься..., а вы потеряли ее. Почему?

— Дальніе проводы — лишнія слезы — тремолировалъ голосъ Мары и улыбка не давалась ея судорожно подергивавшимся губамъ. — Если-бы царевичъ желалъ этого свиданья, онъ подождалъ-бы меня.

— Я его удерживалъ..., но онъ все чего-то боится. Онъ даже упрекнулъ меня, что я вызвалъ васъ вмѣстѣ. Запугали-же его! Онъ такъ волновался, что вы пріѣдете, пока онъ еще у меня, и такъ былъ вамъ благодаренъ за вашу «гордую тактичность». Его подлинныя слова. А теперь прочтите это маленькое письмо. Я перешлю вашъ отвѣтъ. Въ послѣдній разъ я буду въ роли таинственнаго почтальона и то на страхъ и рискъ, такъ какъ свыше это мнѣ строго воспрещено. Но я уступилъ просьбѣ Георгія.

Великій князь Николай Михайловичъ передалъ Марѣ запечатанный конвертъ со своими иниціалами.

— Это писано у меня. Не буду вамъ мѣшать. Читайте.

И, наклонивъ голову, онъ оставилъ Мару одну.

Мара, дорогая моя,

пишу эти строки въ послѣднюю минуту, сейчасъ уѣзжаю. Ты не пріѣхала, а я такъ этого боялся. Прости мнѣ мое сомнѣніе. Знаю, какъ тебѣ было тяжело отказаться отъ свиданія и особенно цѣною твою гордость и осторожность... и съ самою глубокою страстностью повторяю: «это моя, моя Мара». Можетъ быть, мы встрѣтимся въ пути. Я къ этому готовъ. Не удивляйся, если я проѣду мимо и въ послѣднемъ поцѣлуѣ не прижмусь къ твоей рукѣ. Мнѣ это будетъ дорого стоить, такъ-же, какъ мой отъѣздъ изъ Боржома до твоего пріѣзда. Такъ надо. И не прощай, любимая, а до свиданья. Какъ это будетъ, когда и гдѣ... еще не знаю, но это будетъ. Надѣйся, вѣрь мнѣ и жди, моя дорогая, и не забывай твоего вѣрнаго

Жоржика.

(Письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)

«Милый,

пишу въ кабинетѣ Н. М. и потому тороплюсь. Ты угадалъ, я много выстрадала, отказавшись отъ свиданія съ тобой и теперь я безумно жалѣю..., но поздно! Я поняла это, когда ты промчался мимо меня — моя

мечта, мой любимый, моя золотая сказка. Никогда еще не знало мое сердце такой острой боли. И въ твоихъ глазахъ я уловила откликъ моихъ страданій..., но поздно, поздно. Надѣяться? Ждать? Хотя бы годы! Лишь бы знать, что ты не забылъ, что ты — мой. Мужество и силы оставляютъ меня. Я чувствую себя безпомощнымъ ребенкомъ. Пожалѣй меня. Я такъ люблю тебя и мнѣ такъ больно. Неужели никогда я не прижмусь къ твоей груди и въ слезахъ счастья не отольется мое горе?! Люби и не забывай свою бѣдную одинокую Мару.»

(Письмо княжны Рокотовой царевичу.)

— Уже написано? Не помѣшаю?

— Прошу, ваше высочество. Вотъ мое послѣднее письмо царевичу, ваша послѣдняя услуга.

Великій князь Николай Михайловичъ пытливо вглядывался въ поблѣднѣвшее лицо Мары.

— Георгій вамъ пишетъ все подробно?

— Нѣтъ, ваше высочество, очень коротко и очень туманно.

— Правды Георгій не знаетъ. Ему даны смутныя обѣщанія въ будущемъ въ надеждѣ, что онъ васъ забудетъ. И рѣшено принять всѣ мѣры, чтобы вы больше не встрѣчались и не переписывались. Я думаю иначе. По моему — Георгій скрытенъ, упрямъ и настойчивъ, болѣзнь повышаетъ его чувствительность и онъ изъ тѣхъ Романовыхъ, которые разъ и навѣки отдаютъ свое сердце. Я высказалъ свое мнѣніе, но тѣ, которые сильнѣе меня, разсудили иначе. Я рѣшилъ вамъ устроить на свой рискъ это послѣднее, увы, неудавшееся, свиданіе, передать прощальное письмо и, какъ Понтій Пилатъ, умываю руки.

Инымъ, веселымъ, почти игривымъ тономъ онъ добавилъ:

— Надѣюсь, мы вмѣстѣ пообѣдаемъ?

— Сегодня нѣтъ, ваше высочество. Сейчасъ я уѣзжаю обратно — упавшимъ, словно надломленнымъ, голосомъ проговорила Мара. — Мнѣ еще очень тяжело. Я должна все это пережить. Забыть то, что выше земли, все лучшее своего сердца.

— Когда вы разцвѣтете восхитительной и опасной розой съ ядовитыми шипами, вы сами будете смѣяться надъ этою страничкою вашей жизни «выше земли».

Мара упрямо покачала головкой.

— Нѣтъ. Что-бы ни дала мнѣ жизнь, хотя-бы самое острое торжество... земное уйдетъ, оскверняя душу, а то, что «выше земли», будетъ вѣчно таиться и жить въ ея глубинѣ. Еще разъ благодарю ваше высочество... и прощайте.

— Не прощайте, а до свиданья. Вѣдь вы дали мнѣ слово увѣдомить меня, когда жизнь столкнетъ насъ въ одномъ городѣ, или вы уже забыли?

— Нѣтъ, не забыла. До свиданья!

— Жаль, жаль! Я не думалъ, что буду сегодня одинокъ за обѣдомъ. Всего лучшаго, княгиня. Ваше письмо пошлю завтра утромъ.

VIII.

Стеклянная веранда залита солнцемъ. Въ глубокомъ креслѣ, среди подушекъ, тревожно дремлетъ Алексѣй Владиміровичъ Гулакъ-Артемовскій. Его исхудалая, прозрачная рука — въ рукѣ графини Ольской. Какъ блѣдно ея лицо, истомленное горькими думами и безсонницей. Лихорадочный взоръ разсѣянно скользитъ по пестрой роскоши цвѣтника, по изумрудной зелени стараго сада. Дорогая ей жизнь догараетъ. И въ эти часы, когда Алексѣй безъ конца дремлетъ, не выпуская ея руки, Вѣра Аркадьевна вновь переживаетъ минувшее. Первая встрѣча. Опасная игра съ огнемъ. Полупризнаніе на лазурномъ берегу Ниццы. Таинственная прелесть надежды и муки перваго отчаянья. Если-бы Артемовскій не уѣхалъ тогда къ Георгію, можетъ быть, его жизнь была-бы спасена, но тогда-бы «что-то» свое, лучшее потерялъ-бы его образъ — вѣдь въ нѣжной самоотверженной дружбѣ къ царевичу — самое прекрасное его свѣтлой души.

Вся во власти любви, въ погонѣ за счастьемъ мчалась она въ Абастуманъ. Въ погонѣ за призракомъ. Нѣтъ — нѣтъ! Развѣ первое признаніе не было счастьемъ? Первая нѣжная ласка? Увы, зато первый порывъ страсти былъ отравленъ страшнымъ недугомъ. Алексѣй хотѣлъ бѣжать,

но она его не отпустила. И жадно, бѣшено ловили они — приговоренные — минуты недолгаго блаженства. Ихъ слѣпая страсть ускорила развязку.

Внезапно Алексѣю стало хуже. Надо было спѣшить домой, сюда, въ родовое имѣніе, чтобы проститься съ родителями. Они, одинокіе и старые, такъ жалобно и нѣжно его призывали.

Не забыть ей, никогда не забыть, прощанія Алексѣя съ царевичемъ. Оба скрытные, они глубоко въ сердцахъ затаили горечь разлуки. Что выдавало ихъ? Печальная нѣжность во взорѣ, трепетавшій голосъ, дрожавшія губы и руки... Коляска тронулась. Артемовскій прижался къ ней, къ своей Вѣрѣ; она была его утѣшеніемъ. Но царевичъ остался тамъ одинокій. Онъ терялъ одного за другой — любимую женщину и лучшаго друга.

Ольская невольно обернулась. Георгій пристально смотрѣлъ вслѣдъ экипажу и столько тоски было въ его чудесныхъ глазахъ. И такимъ онъ казался слабымъ, беззащитнымъ, хрупкимъ, какъ птенчикъ, выпавшій изъ гнѣзда. Сынъ императора, будущій наслѣдникъ великолѣпной короны. Можетъ быть, никто такъ не понималъ всю глубину его несчастья, какъ она, Ольская.

Послѣ утомительнаго пути, Артемовскій и Ольская прибыли въ имѣніе. Ихъ встрѣтили блѣдные, растерянные старики — родители Алексѣя. Радость свиданія не могла погасить горести близившейся утраты. Онъ былъ неузнаваемъ, ихъ кумиръ, исхудалый, пожелтѣвшій. Синева подъ глазами, зловѣщія, алыя пятна на щекахъ. И надо было всю силу воли, чтобы на его жалкую улыбку отвѣтить улыбкой и не зарыдать.

Вѣра Аркадьевна скоро сблизилась со стариками. Они растаяли въ лучахъ ея любви, искренности, самоотверженія, въ чарахъ ея обаянія.

— Вѣра!

Тихій голосъ больного, звенѣвшій неземною мечтой, оторвалъ ее отъ печальныхъ думъ.

— Что родной?

— Вѣра!.. какой я странный видѣлъ сонъ. Тебя я видѣлъ, моя Вѣра! Лазурный берегъ Ниццы. Нашу про-

гулку вдвоемъ. Ты говорила о своей любви. Но, замирая отъ счастья, я, въ то-же время, сознавалъ всю его эфемерность. У берега на тихихъ волнахъ покачивался крохотный корабликъ. Я зналъ, что онъ ждетъ меня, что это *моя судьба.* И я покорно оставилъ твою дорогую руку и пошелъ. Едва моя нога ступила на крохотную палубу кораблика, онъ оторвался отъ берега и медленно поплылъ въ глубину моря. Ты плакала и звала меня, но голосъ твой доносился все тише... и замеръ. Туманъ окуталъ берегъ и я уже не видѣлъ его очертаній. Казалось, я былъ одинокъ въ огромномъ морѣ, но, вдругъ, я замѣтилъ еще такой же корабликъ, какъ мой, еще... и еще... Ихъ было много и надъ каждымъ сіялъ золотой крестъ! Какъ кладбище. Еще и еще! И надъ моимъ корабликомъ вспыхнулъ крестъ золотыми огоньками. Стало душно, темно, страшно. И я проснулся. Это вѣщій сонъ. Жизнь моя отлетаетъ, Вѣра. Это вѣсть изъ иного міра. И надо готовиться къ вѣчной разлукѣ, къ иной вѣчной жизни!..

О близкомъ концѣ онъ заговорилъ впервые и впервые струны неземной мечты звенѣли въ его голосѣ. Повѣяло загадочнымъ могильнымъ холодкомъ. Слышался торжественный, таинственный шелестъ завѣсы, раздѣлявшей два міра. И не было словъ для протеста. Вѣра Аркадьевна молчала.

Артемовскій исповѣдался и причастился. Стало легче на душѣ; исчезъ страхъ смерти. Но святая молитва не побѣдила жажду жизни и сожалѣній.

Развѣ не все улыбалось умирающему?

Сверкающіе образы любви, счастья, дружбы, богатства, карьеры — дразня, сплотились надъ его изголовьемъ, плѣняли угасающую мечту.

Нѣтъ, полнаго смиренія не было въ сердцѣ Артемовскаго — оно роптало.

Это былъ чудный, іюльскій день, когда тоскующая душа покинула молодое тѣло. Закрылись навѣки темные глаза, свѣтившіеся любовью. Холодѣя, навѣки умолкли уста. И навѣки разомкнулись пальцы, сжимавшіе любимую руку.

«Каплямъ подобно дождевымъ, злые и малые дни его, лѣтнимъ обхожденіемъ оскудѣвающе, помалу исчезаютъ уже; Владычица, спаси его...»

Какъ сквозь сонъ, слышала Вѣра дрожащій старческій голосъ несчастнаго отца, читавшаго отходную молитву и

глухія рыданія матери. И Вѣра *поняла*. Нечеловѣческій крикъ вырвался изъ ея груди и все исчезло въ зловѣщей темнотѣ.

«28 іюля 1894 года.

Ваше Высочество!

Только теперь, когда прошла недѣля со смерти Алексѣя, я, напрягая всѣ силы, пишу Вамъ. Вашъ другъ умеръ тихо; онъ сознавалъ, что умираетъ..., но *жить* ему такъ хотѣлось!.. И у него были всѣ права на жизнь. Я еще не могу примириться. Въ моемъ сердцѣ безумное горе сплелось съ озлобленіемъ. За что эта кара, незаслуженная, необъяснимая? Почему такъ пристрастно небо?! Въ свои послѣдніе дни, какъ и всегда, Алексѣй много и долго говорилъ о Васъ. Вѣдь онъ любилъ Васъ больше собственной жизни и эта любовь была лучшей красотой его свѣтлой души. Когда-нибудь, черезъ долгіе годы, Вы встрѣтитесь въ иномъ мірѣ и только тогда Вы *все* поймете. И вотъ его послѣдній Вамъ привѣтъ: «мой бѣдный, далекій, дорогой другъ — я уже не увижусь съ нимъ на землѣ, а ты передай ему мое благословеніе. Желаю ему силъ и стойкости въ борьбѣ съ жизнью. Все равно — отъ судьбы не уйдешь. Мое счастье губитъ смерть, а его счастье — высота. Передъ волей Господа все, побѣжденное, склоняется!» — Что будетъ со мной — не знаю. Хотѣлось-бы уйти отъ земной жизни, чтобы не страдать. Но Алексѣй взялъ съ меня слово, что я дождусь своего часа. Молиться о немъ, помогать обездоленнымъ во имя его, утѣшать осиротѣлыхъ родителей. О, этихъ бѣдныхъ, старыхъ утѣшитъ только могила! Да, Ваше Высочество, такъ разцвѣтаютъ чудесныя розы счастья, такъ умираютъ онѣ, только дохнувъ соблазнительнымъ ароматомъ! Прощайте, дорогой другъ моего друга! Врядъ-ли увидимся на землѣ, гдѣ я буду вѣчной скиталицей. Позвольте мнѣ молиться за Васъ, а Вы помолитесь за меня. За ту, что такъ дорого оплачиваетъ короткое счастье. Но оно было мгновеньями такъ ярко, такъ упоительно! Прощайте и да хранитъ Васъ Богъ.

Ваша Вѣра Ольская.

(Письмо графини Ольской царевичу Георгію.)

IX.

«Уравель.

Скоро, скоро конецъ моей свободѣ и я вернусь къ своей обыденной жизни. Но пока я еще среди грезъ — жалобныхъ, стонущихъ, но милыхъ! «Надѣйся, вѣрь и жди.» Эти слова жгутъ меня днемъ, съ ними я засыпаю, ночью я грежу ими. Увы, опять появился на дачѣ vis-à-vis Тарановскій. Теперь онъ молчаливъ, не бѣгаетъ за мной. Его присутствіе давитъ меня и я забираюсь въ свои скалы. Тамъ, на высотѣ, я просиживаю часы. Все думаю, думаю безъ конца. Такъ хочется быть одной. Даже бусю я только передъ сномъ молча цѣлую въ морщинистый лобикъ. И чуткая старушка не спрашиваетъ, не допытывается. Она понимаетъ, какое горе таится за моимъ безмолвіемъ. Ахъ, когда я стою на высотѣ скалы, страшная пропасть манитъ меня. Одно мгновенье рѣшимости — и я перестану существовать! Все исчезнетъ — думы, страданія, обиды. Что тамъ за гранью небытія? Но мнѣ становится страшно и стыдно своего малодушія. Видно, чья-то молитва хранитъ меня отъ высшаго грѣха. «*Надѣйся, вѣрь мнѣ и жди.*» Огненными буквами слова эти сжигаютъ мой умъ, сердце, память, волю. Гдѣ отвѣтъ? Кто скажетъ мнѣ правду? Кто приподниметъ, хоть на мигъ, завѣсу будущаго? Увы, я одна. Вокругъ меня только природа и мнѣ непонятны ея голоса. Что шепчетъ мнѣ вѣтеръ? О чемъ молчатъ скалы? Не знаю, не знаю... Каждый нервъ мой дрожитъ. Покоя или бури жаждетъ мое измученное сердце?»

(Изъ дневника княгини Рокотовой.)

Попрятались обитатели Уравеля. Закрылись двери, окна и ставни. Воетъ буря въ горахъ. Раскаты грома потрясаютъ землю и отдаются гулкимъ эхо. Крупныя капли дождя осыпаютъ лѣсъ и траву, скалы и домики-грибки.

Тарановскій запрятался, онъ боится грозы. Только одно окно безстрашно открыто — окно бабушки Мары. Блескъ молніи озаряетъ ея трясущуюся голову въ черной наколкѣ на полутемныхъ, полубѣлыхъ волосахъ. Тревожнымъ взглядомъ она слѣдитъ за внучкой. А Мара бродитъ во тьмѣ

съ открытой головой, прислушивается къ стонамъ бури, ждетъ яркой молніи и любуется грознымъ небомъ. Не вытерпѣла старушка, зоветъ Мару.

— Иду, буся.

Мара сбросила мокрое платье, закуталась въ шаль и примостилась у ногъ буси. Старушка заботливо прикрыла окно.

— Ты еще простудишься, Мара!

— Нѣтъ, буся. Я такъ ждала этой бури. Казалось мнѣ, что, можетъ быть, ея грозные порывы погасятъ огонь, сжигающій мою душу. И, знаешь — мнѣ легче... Но вѣдь *этому* придетъ когда-нибудь конецъ?

— Всему приходитъ конецъ, Мара. Ты еще дитя. Новые интересы, новые люди, чувства, если не сметутъ, то изгладятъ слѣды прошлаго. Твои нелады съ мужемъ — это серьезнѣе. Это тяжелыя реальныя цѣпи.

— Жалкія цѣпи! Ихъ можно порвать однимъ ударомъ. Да цѣли нѣтъ.

Мара вдругъ умолкла. Ея чуткое ухо уловило какой-то странный стукъ въ наружную ставню.

— Что ты, Мара?

Мара приложила палецъ къ губамъ. Стукъ повторился. Теперь и старушка услыхала его.

— Это вѣтка сирени, улыбнулась она — когда вѣтеръ, она всегда бьется въ наше окно.

Но Мара смѣло распахнула окно и ставню. Невольно она отшатнулась. Во тьмѣ неясными очертаніями выдѣлялся высокій силуэтъ.

— Кто вы?

— Тише. Не бойтесь. Я вамъ привезъ письмо великаго князя. Я нарочно выбралъ эту бурную ночь. За вами теперь не слѣдятъ. Скорѣе прочтите письмо. Я тороплюсь и мнѣ нуженъ отвѣтъ.

Незнакомый голосъ. Блеснула молнія и Мара примѣтила темную бурку и башлыкъ, заботливо скрывавшіе лицо.

— Когда отвѣтъ будетъ готовъ, зажгите свѣчу у самаго окна; я буду слѣдить.

Опять молнія. Незнакомецъ поднялъ руку, передавая письмо и изъ-подъ его бурки блеснуло оружіе. И снова все погрузилось во мракъ.

Гремитъ раскатами громъ. Незнакомецъ исчезъ, но письмо — въ дрожащей рукѣ Мары.

Мара безшумно притворила окно и, молча, опустилась къ ногамъ бабушки.

Грудь Мары трепетно колышется. Трудно дышать, словно кто-то сдавилъ ей горло. Знакомый конвертъ съ иниціалами Г. А. подъ императорской короной. Знакомый, дорогой почеркъ, ровный, аккуратный, красивый — еще не вполнѣ сложившійся.

Я вѣрю тому, кто передастъ тебѣ это письмо, моя Мара. Ему я ввѣряю самое дорогое — твою честь и жизнь, свое счастье и свою душу. Но, Мара, это все-таки безумный рискъ. Вполнѣ вѣрить мы можемъ только самимъ себѣ. А между тѣмъ безъ посторонней помощи намъ не обойтись. Тамъ, наверху, меня обманываютъ, стараются утѣшить, какъ ребенка. Но я не ребенокъ. Я слишкомъ много пережилъ за это время... и я люблю. Рискнешь-ли ты, Мара? Вѣдь я зову тебя къ новому счастью, пока теплится искорка жизни. Если ты рѣшишься довѣриться моему послу — онъ ловко перевезетъ тебя черезъ границу Турціи и, когда ты будешь въ безопасности, я присоединюсь къ тебѣ. Я не настаиваю. Я даже не прошу. Я не смѣю просить. Я только предлагаю. Выбирай и рѣшай. А, вдругъ, если вмѣсто радостной встрѣчи и счастья — твоя гибель? Я холодѣю отъ ужаса, когда думаю объ этомъ. А, между тѣмъ, все существо мое рвется къ тебѣ такъ жадно и безумно, что... что я иду на этотъ рискъ. Вѣдь съ тобою уходитъ послѣдняя надежда на счастье, гаснетъ послѣдній свѣтъ жизни и остается только мракъ отчаянья, тоски и ранней могилы. Мара, Мара! я люблю тебя, я жду. *Георгій.*

(Письмо царевича княгинѣ Рокотовой.)

Мара рѣшительно поднялась.

— Прощай, буся!

— Куда? — задрожала старушка.

Мара, молча, роняя слезы, цѣловала поблекшее лицо, морщинистыя руки.

— Отъ кого это письмо, Мара? Куда ты рѣшаешься итти въ эту страшную ночь? Кому ты довѣряешь свою жизнь и честь?

Мара безъ словъ передала бабушкѣ письмо царевича. Вооружившись очками, при колеблющемся свѣтѣ свѣчи, бабушка медленно читала. Ея руки безсильно упали на колѣни.

— И ты пойдешь? Довѣришься первому встрѣчному? Даже самъ царевичъ въ безумiи своей любви понимаетъ весь ужасъ риска, которому подвергаетъ тебя. Я молчала, Мара. Я долго молчала, но теперь я *должна* говорить. Въ бурную ночь неизвѣстному довѣришь ты свою жизнь и честь? Вѣдь, можетъ быть, это одинъ изъ клевретовъ графа Олтуфьева?! Можетъ быть, онъ уже посвятилъ своего патрона въ планъ царевича и враги твои уже смакуютъ близкую позорную побѣду. Натѣшатся надъ тобой и убьютъ. Мара, Мара! какимъ химерамъ ты приносишь въ жертву свою восемнадцатилѣтнюю жизнь?! Представь даже, что посолъ надежный, такъ вѣдь завтра-же Тарановскiй замѣтитъ твое исчезновенiе и тебя нагонятъ, найдутъ — живую или мертвую. А если даже не найдутъ, то развѣ выпустятъ царевича?! Мара!

Старушка поднялась, вся дрожа.

— Если даже повѣрить въ слѣпое счастье, Мара, если все вамъ удастся, весь вашъ безумный планъ осуществится, то, вѣдь, ты получишь Георгiя больнымъ, изнемогающимъ. Страсть унесетъ его въ безвременную могилу. А ты? Отверженная, разбитая, ты не посмѣешь вернуться на родину.

Теряя силы, старушка снова опустилась въ кресло; сѣдѣющая голова поникла, голосъ сталъ тихъ и слабъ, какъ шелестъ листвы.

— Послушайся ту, которая такъ любитъ тебя. Моя жизнь догараетъ, личное умерло давно... въ тебѣ мое возрожденiе. Я такъ бы хотѣла твоего счастья... Мара, останься... останься, родная!..

Молча, вслушивалась внучка въ трепетныя слова и голова ея вздрагивала, приникнувъ къ колѣнямъ бабушки, и каждое слово, какъ раскаленная капля, жгло ея сердце. Жестокая правда!

Бабушка, рыдая, обняла мятежную головку. Мара еще никогда не видѣла слезъ своей буси и эти слезы потрясли ее.

— Ты не пойдешь, Мара, нѣтъ, нѣтъ, ты останешься со мной!

Мара поднялась, нѣмая въ своемъ отчаяніи. Словно гигантскіе каменные пальцы сдавили ея виски, горло, грудь... остановили біеніе ея сердца...

«Твой посолъ привезъ мнѣ твое письмо. Я прочла его. Любимый, дорогой! Первый мой порывъ — къ тебѣ! Что моя жизнь? Я тысячу разъ рискну ею для тебя! Но старый голосъ, голосъ безконечной любви, голосъ опыта — остановилъ мое безуміе. Только ради тебя вѣрь мнѣ. Въ погонѣ за счастьемъ быть твоей убійцей? Нѣтъ, не могу! Люблю тебя, какъ святыню. Колѣнопреклоненная, цѣлую слѣды твоихъ ногъ. Молюсь о тебѣ и тоскую. И опять люблю, все люблю! Божество мое, мой милый! Царевичъ моей золотой сказки, греза моихъ дѣтскихъ сновъ — прощай... и прости свою бѣдную Мару.»

(Письмо княгини Рокотовой царевичу.)

— Буся... зажги свѣчу у окна... и когда... когда онъ подойдетъ... передай ему это письмо. Я не могу. Силъ больше нѣтъ...

Мара бросилась на постель и обхватила голову обѣими руками. Она вся дрожала отъ заглушенныхъ рыданій.

Ласковая рука бабушки нѣжно коснулась плеча Мары.

— Не надо, Мара; не надо, родная. Все уже кончено. Онъ уѣхалъ... и ты спасена.

Мара вскочила... Бѣжать, догнать, остановить...

Поздно!

Въ ночной тьмѣ слышенъ только вой бури, да мѣрный стукъ дождевыхъ капель. Сверкнула молнія. Воспаленный взоръ впился въ ленту дороги, терявшуюся у опушки лѣса. Никого. И опять мракъ. И опять протяжный стонъ бури.

Поздно!

X.

— Мара, прелесть моя!

Молоденькая пріятельница цѣлуетъ Мару и восторженно вглядывается въ ея грустное лицо, гдѣ все-же молодая кровь бьетъ нѣжнымъ румянцемъ.

— Леля! Какъ вы сюда попали въ мой Уравель? Прямо изъ Абастумана?

— Да, Мара. Меня послала къ вамъ моя мама. Мы такъ все время душою были съ вами. И волновались, и переживали вашу драму. И вотъ...

Леля вдругъ замялась. Мара внимательно заглянула въ ея свѣженькое миловидное лицо, особенно яркое въ сочетаніи рыжихъ волосъ и въ ея сѣрые, быстрые, умные глазенки.

— Что-то случилось, Леля? Говорите, не бойтесь. Я стала такъ вынослива.

— Князь Рокотовъ, вашъ мужъ, ѣдетъ сюда.

Мара стала блѣдна, какъ полотно ея рубашечки.

— Ѣдетъ сюда? Въ Уравель? Ко мнѣ? — беззвучно переспросила она.

— Да, Мара. И меня послали васъ предупредить.

— Благодарю.

Ужасъ этого свиданья холодилъ кровь Мары.

— Леля, родная, не оставляйте меня съ нимъ одну. Прошу васъ, Леля. И еще прошу, спрячьте эти письма. У васъ они сохранятся. Вы мнѣ ихъ потомъ вернете. Вѣдь это часть моей души, моя единственная, послѣдняя радость.

— Я сохраню ихъ, какъ святыню — тихо, торжественно сказала Леля.

И письма царевича золотой сказки скрылись за тонкою тканью у молодой дѣвичьей груди.

Коляска лихо подкатила къ балкончику дачи.

Пассажиръ, князь Рокотовъ, стучится въ запертую дверь.

— Войдите! — доносится звонкій голосъ Мары.

— Вы? Вы все-таки пріѣхали? — Холодно, на видъ почти спокойно, встрѣчаетъ мужа Мара. — Или вы не получили моего письма?

Князь Рокотовъ — красивый, видный, смотритъ моложе своихъ 40 лѣтъ. Теперь онъ смущенъ пріемомъ Мары и крупная голова его потупилась.

— Я такъ тревожился о тебѣ. Всѣ эти чудовищные слухи... Будто тебя выслали изъ Абастумана. И эти твои поѣздки въ Боржомъ. Думаю, что я вправѣ спросить тебя...

— Требовать отчета? Я — ваша жена. Я ношу ваше имя... Какъ много правъ! Успокойтесь, ничего позорнаго я не совершила..., а за несбыточныя грезы, за эфемерныя мечты ни наказывать, ни казнить нельзя. Вѣдь сердцу не прикажешь.

— Какъ понимать тебя, Мара?

— Какъ вамъ угодно.

— Этотъ враждебный тонъ...

— Постойте. Или вы думаете, что, какъ обычно, мы будемъ спорить до утра? У меня нѣтъ ни желанія, ни силъ. Я просто и прямо поставлю передъ вами роковой вопросъ: сердце мое для васъ закрыто, но, какъ супруга, я не грѣшна. Если хотите, если я оскорбила ваше имя — я возвращу вамъ его.

— Мара!

— Постойте. Но, если вы немедленно уѣдете безъ разспросовъ и шума, безъ требованій — черезъ мѣсяцъ я вернусь. Я вернусь въ вашъ домъ.

Усмѣшка кривила его губы.

— Но, можетъ быть, ты разрѣшишь мнѣ отдохнуть послѣ пути?

— Нѣтъ! — сказала она рѣзко. — Не требуйте того, что не въ моихъ силахъ. Сейчасъ я не могу съ вами говорить, не могу васъ видѣть. И, если я вамъ еще нужна, будьте счастливы, что сердце мое осталось такъ высоко, что мнѣ самой его не достать. Вы гарантированы.

Задыхаясь, глотая слезы, она вышла изъ комнаты.

Князь Рокотовъ уѣхалъ.

Такъ медленно догоралъ этотъ послѣдній мѣсяцъ свободы Мары. Завтра она покидаетъ Уварель.

Лѣто уже хмурится, чуя приближеніе осени. И вечера стали холодными, и грозы миновали.

Послѣдніе дни Мара часами просиживала въ своихъ любимыхъ пещерахъ. Какъ тяжело и ярко она вновь переживала прошлое. Или воспоминанія вѣчнымъ камнемъ легли на душу? Не уйти отъ нихъ? Не развѣять тоски? Пора, пора отсюда! Одиночество — плохой помощникъ забвенію.

— Завтра я съ тобой разстаюсь, дорогая старушка — грустно и ласково шепчетъ Мара, склонивъ голову на колѣни своей буси. — Вѣдь, ты не поѣдешь со мною? —

— Нѣтъ, Мара. Ты, вѣдь, знаешь, что твой мужъ меня не долюбливаетъ. И Танѣ я нужнѣе, чѣмъ тебѣ. Я провела съ тобою тяжелые дни. Слава Богу, я во время пріѣхала. Можетъ быть, моя любимая, безумная внучка уже не существовала бы. Я и теперь вся дрожу, когда вспоминаю ту страшную ночь.

— А мнѣ порою до ужаса жаль, что я не рискнула тогда. Погибла-бы! Такъ что-жъ? Теперь развѣ лучше? Тоска. Сердце стонетъ, какъ скрипка съ надорванными струнами. Не забыть мнѣ, буся, царевича золотой сказки, не забыть никогда!

— Тревожитъ меня твое будущее, Мара. Кипучая ты, страстная и фантастка въ то-же время. Любовь могла-бы тебя спасти. Но твоя любовь переступила грань возможнаго. Далека она отъ тебя, далека какъ небо.

— Прощай, Мара. Увидимся-ли? Да сохранитъ тебя Господь!

Трясущеюся рукой крестила бабушка склоненную мятежную головку внучки. Крѣпилась старушка, но губы ея вздрагивали и невольныя слезы катились по морщинистымъ щекамъ.

Злое предчувствіе больно сдавило сердце Мары. Порывисто обняла она свою бусю и разрыдалась.

— Прощай, дорогая старушка!

Коляска, увозившая Мару изъ Уравеля, тронулась. Мара обернулась. Зеленая поляна у опушки лѣса, домики-грибки... все, какъ въ туманѣ. И только ярко-ярко выдѣлялась на балкончикѣ въ лучахъ осенняго солнца согбенная фигура буси, ея печальное лицо, ея слабая рука, посылавшая прощальное благословеніе.

XI.

— Вотъ и свидѣлись! И какъ скоро! — весело, бравурно встрѣтилъ Мару великій князь Николай Михайловичъ въ кабинетѣ своей тифлисской квартиры на Михайловскомъ проспектѣ, въ домѣ Соловцова. Шелковая ткань мелкимъ

пестрымъ узоромъ падала съ высоты потолка по стѣнамъ мягкими складками. Два огромныхъ письменныхъ стола. Грандіозный шкафъ, наполненный книгами. Крупная восточная мягкая мебель. По стѣнамъ — портреты, картины, старинное оружіе.

— Держу свое слово, ваше высочество. Въ Тифлисѣ я проѣздомъ. Завтра утромъ мчусь уже домой и единственный здѣсь вечеръ посвѣщаю вамъ.

— Мило. Очаровательно — ласково говорилъ великій князь, но легкій оттѣнокъ фатоватой ироніи былъ все тотъ же.

— А вы, княгиня, измѣнились къ лучшему. Немного пополнѣли, румянецъ, улыбка. А то были совсѣмъ какъ воздухъ, какъ греза, «выше земли». Тоска развѣялась?

— Нѣтъ, ваше высочество — усилилась, какъ все безнадежное. А какъ *тамъ*, въ Абастуманѣ?

— Замкнулись въ себя — усмѣхнулся великій князь. — Ваши враги — графъ и докторъ — слетѣли. Вы можете торжествовать полную надъ ними побѣду. Принцъ Константинъ со своими гуріями вновь водворенъ въ Кутаисѣ безъ права въѣзда въ Абастуманъ. Изъ прежнихъ остались Бойсманъ, Азбелевъ и Мѣшковъ. Когда дѣло коснулось графа, нашъ слабый Георгій выказалъ необыкновенную твердость; а такъ какъ ставкой были вы, ему уступили. Теперь онъ — какъ медвѣженокъ въ берлогѣ зимой. Всѣ пріемы прекратилъ, замкнулся и... сосетъ лапу воспоминаній. Вотъ и все, что я знаю. А теперь поужинаемъ, конечно?

— О, нѣтъ! я только что обѣдала.

— Такъ. Но отъ бокала шампанскаго вы, вѣдь, не откажетесь? Выпьемъ за здоровье одинокаго медвѣженка. А мнѣ его, ей Богу, жаль. Не даютъ ему жить. Ему опять хуже. Еще-бы — первая драма любви!

Великій князь Николай Михайловичъ умолкъ и задумался.

— А ваша первая любовь — она была счастливѣе? — осторожно спросила Мара.

— Нѣтъ! — рѣзко отвѣтилъ онъ — но я самъ прервалъ нить, когда почувствовалъ, что она меня душитъ.

— Она была красива, та, которую вы покинули?

— Красавица.

Можетъ быть, лишній бокалъ шампанскаго дѣлалъ его откровеннымъ. Онъ открылъ ящикъ письменнаго стола и досталъ уже пожелтѣвшую фотографію. Головка чарующей красоты предстала передъ Марой. Она сразу узнала первую красавицу Тифлиса — Катю Трубачеву. Прекрасные глаза ласково искрились на словно выточенномъ изъ мрамора лицѣ. Улыбка нѣжныхъ устъ сверкала жемчугомъ зубовъ. Чистая линія лба выступала въ роскошной рамкѣ пушистыхъ волосъ.

— Безконечно красива и обаятельна. Какъ вы могли съ нею разстаться, ваше высочество?

Онъ нахмурился и быстро спряталъ фотографію.

— У нея было слишкомъ большое сердце и она слишкомъ многаго хотѣла — того, что я не въ силахъ былъ ей дать. Вы могли-бы ей служить примѣромъ. Васъ такъ грубо разлучили съ Георгіемъ, онъ навсегда для васъ потерянъ, а вы... вы не только живы — вы разцвѣтаете, вы улыбаетесь.

— А у меня развѣ не было страстнаго желанія разбить себѣ голову, когда въ Уравелѣ, тоскующая и одинокая, я стояла надъ бездной?!

— Разбить такую дивную головку? Ахъ, вы! Вотъ и меня увлекли на путь драмы. Лучше чокнемся, какъ добрые друзья.

Въ легкой бесѣдѣ такъ незамѣтно промелькнуло время.

— Мнѣ пора — поднялась Мара и золото ея глазъ блеснуло печальной мольбой. — Когда увидите царевича, скажите ему, что мнѣ совсѣмъ не весело и что незабвенное не забудется никогда. Можетъ быть, это его утѣшитъ.

— Въ Абастуманъ не собираюсь и когда увижу Георгія — не знаю — сухо и холодно отвѣтилъ великій князь Николай Михайловичъ. — Совѣтую вамъ забыть все это. Васъ туда, все равно, не пустятъ и ни одно ваше посланіе уже не дойдетъ до Георгія. Приняты всѣ мѣры. Малѣйшее поползновеніе вамъ будетъ стоить крупныхъ непріятностей... и только.

Словно невидимая холодная стѣна враждебности вдругъ выросла между ними.

— На совѣтъ осмѣлюсь вамъ отвѣтить совѣтомъ, ваше высочество. Будьте душою ближе къ тому, что *выше земли*

и тогда на землѣ вы найдете больше смысла и удовлетворенія. Всего лучшаго.

Великій князь любезно провелъ Мару до самаго подъѣзда и съ легкой усмѣшкой смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она шла по палисаднику, пока ея стройный силуэтъ не скрылся за желѣзной рѣзной оградой.

XII.

Въ августѣ съѣхались въ Крымъ всѣ близкіе императора Александра III. Тамъ сумрачный царь умиралъ въ своемъ новомъ, такомъ-же сумрачномъ, ливадійскомъ дворцѣ.

«Построилъ себѣ роскошный склепъ, а не дворецъ» — говорили недоброжелатели.

Пріѣхали въ Ливадію и всѣ дѣти императора и даже больной царевичъ Георгій. Чтобы принять послѣднюю исповѣдь его величества, приглашенъ былъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Мрачное, молитвенное настроеніе царило во дворцѣ.

Наслѣдникъ цесаревичъ Николай, послѣ продолжительной бесѣды съ умирающимъ отцомъ, вышелъ изъ спальни императора блѣдный, съ покраснѣвшими глазами, но просвѣтленный. Желѣзная воля Александра III сломила его сердце и онъ далъ слово забыть все личное и свое маленькое счастье принести въ жертву своему назначенію. И былъ безповоротно рѣшенъ его бракъ съ Алисой Гессенской и вѣчная разлука съ Матильдой Кшесинской.

Продолжительна была и послѣдняя бесѣда императора съ царевичемъ Георгіемъ. И на сердцѣ своего второго сына наложилъ отецъ желѣзную руку. Печальный и подавленный бродилъ Георгій по роскошному ливадійскому саду. Стройные кипарисы, кокетливыя глицинiи и роскошныя розы, свидѣтели страданій царевича золотой сказки, молчаливые — хранятъ его тайну.

Надъ изголовьемъ императора уже стояла смерть. Пора! Ледяной поцѣлуй ея коснулся посинѣвшихъ устъ его величества.

Императора Александра III не стало. На россійскій престолъ вступилъ его старшій сынъ, императоръ Николай II. Наслѣдникомъ трона сталъ великій князь Георгій Александровичъ.

Изъ Крыма наслѣдникъ-цесаревичъ Георгій Александровичъ возвратился въ Абастуманъ. Здоровье его рѣзко ухудшилось и не дало ему возможности проводить прахъ отца въ Петербургъ, въ Петропавловскій соборъ, усыпальницу русскихъ императоровъ. И не присутствовалъ онъ на свадьбѣ своего брата и на его торжественной коронаціи.

Вся жизнь наслѣдника-цесаревича круто измѣнилась. Почти весь его дворъ обновился. Графъ Олтуфьевъ отбылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ докторомъ Поровымъ. Смерть унесла Артемовскаго. Хельстремъ пребывалъ въ дальнемъ плаваніи. Мѣшковъ подалъ въ отставку.

Царевичъ избѣгалъ общества. Онъ сталъ еще болѣе скрытнымъ и замкнутымъ, молчаливымъ. По его волѣ былъ построенъ въ лѣсной глуши, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дворца, охотничій домъ. Этотъ крохотный дворецъ сталъ любимымъ мѣстопребываніемъ царевича. Единственнымъ свѣтлымъ лучемъ его грустной, монотонной жизни были частыя посѣщенія любимой сестры Ксеніи Александровны и ея супруга Александра Михайловича.

Часть IV.

I.

Зима 1898 года. Петербургъ.

Артиллерійскій балъ въ разгарѣ. Огромныя залы залиты электричествомъ — свѣтлѣе, чѣмъ днемъ. Въ пестрой, нарядной толпѣ все смѣшалось. Блескъ мундировъ, орденовъ и брилльянтовъ, шелкъ и газъ бальныхъ туалетовъ, обнаженныя плечи, женскія головки, украшенныя модными прическами, цвѣтами и драгоцѣнностями, легкія крылья свѣтлыхъ вѣеровъ, сверкающіе глаза и улыбки. Всѣ они тутъ — нарядныя дамы, важные генералы, блестящее офицерство, юнкера и пажи.

Гремятъ лихіе звуки мазурки и пары несутся одна за другой. Впереди — великая княжна Елена Владиміровна сказочно красивая, съ чарующей улыбкой на румяныхъ устахъ объ руку съ престарѣлымъ, увѣшаннымъ почетными орденами, генераломъ. Пара за парой проносятся танцующіе по огромнымъ заламъ. А въ гостиной, у широко раскрытыхъ дверей — высокіе гости съ небрежнымъ и снисходительнымъ любопытствомъ «наблюдаютъ».

— Кто эта дама, въ четвертой парѣ, съ генераломъ Евреиновымъ?

— Которая, ваше высочество? — подобострастно склонился къ моложавому, блестящему генералу юркій полковникъ.

— Высокая, красивая, въ свѣтло-сиреневомъ.

— Это княгиня Рокотова, ваше высочество.

Великій князь Николай Михайловичъ (это былъ онъ — молодой любопытствующій генералъ) слегка вздрогнулъ и обычная усмѣшка «свысока» скользнула по его губамъ. Онъ

сразу узналъ ее, княгиню Рокотову, свою случайную боржомскую гостью, героиню неудачнаго романа «выше земли».

Генералъ Евреиновъ, тряхнувъ стариной, прошелся въ общей мазуркѣ съ княгиней Рокотовой и подъ руку со своею дамой направился въ гостиную.

— Глотокъ холоднаго вина, княгиня? — предложилъ онъ.

— Можно, генералъ — кокетливо наклонила она увѣшанную жемчугомъ красивую головку.

Прищуривъ свои великолѣпные глаза, великій князь Николай Михайловичъ внимательно всматривался въ Мару. Оживленная, разсѣянная, она его не замѣтила и присоединилась къ маленькому обществу, поджидавшему ее.

— Ахъ, Мара, это было прелестно! Вы такъ граціозны — лорнируя Мару, быстро заговорила ея пріятельница Нина, тонкая, длинная, молодящаяся дама.

— Съ меня довольно — опустилась въ кресло Мара. — Бокалъ вина — и ѣду домой. Ненавижу эти балы.

Ея блѣдно-сиреневый вѣеръ быстро колыхался въ затянутой въ длинную перчатку рукѣ. Пріятный холодокъ освѣжалъ ея разгорѣвшееся лицо и обнаженныя плечи.

Изъ группы ея друзей выдѣлился блестящій молодой полковникъ.

— Если вы устали, княгиня — съ нѣжной заботой проговорилъ онъ — то лучше вернуться домой. Разрѣшите, я провожу васъ.

— Благодарю, Сергѣй Алексѣевичъ, но думаю, что и Нина не останется безъ меня. Мы поѣдемъ всѣ вмѣстѣ.

— Только послѣ котильона, Мара — взмолилась Нина — это такъ торжественно и красиво. Мара скучаетъ — повернулась она къ генералу Евреинову — вы плохой хозяинъ и плохо насъ угощаете.

— Сію минуту подадутъ шампанское — засуетился Евреиновъ. — Княгиня, ради Бога, будьте веселѣе.

Полковникъ Сергѣй Алексѣевичъ умоляющими голубыми глазами смотрѣлъ на Мару.

— Пройдемся по заламъ, княгиня... побесѣдуемъ. Мнѣ такъ много нужно вамъ сказать.

— Не сегодня — поморщилась Мара.

Она слегка отвернулась и маленькими глотками пила ледяное шампанское.

— Можетъ быть, вы, все-таки, узнаете меня, княгиня, и удѣлите мнѣ минуту — рѣшительно подошелъ къ Марѣ моложавый, высокій, красивый генералъ.

До боли знакомый голосъ — и Мара порывисто подняла голову. Гдѣ, когда видѣла она эти большіе бархатные глаза, эту небрежную улыбку «свысока»?! Блѣдно-сиреневый вѣеръ упалъ на ея колѣни, вся кровь бросилась ей въ голову.

— Вспомнили? Узнали?

— Ваше высочество...

Ласково и чуть насмѣшливо оглядывали ее бархатные глаза великаго князя Николая Михайловича.

— Вы измѣнились, но измѣнились къ лучшему. Изъ милой дѣвочки вы превратились въ прекрасную женщину.

— А въ вашей любезности по прежнему таится ядъ сарказма.

Мара поднялась и, бесѣдуя, они отошли отъ маленькой группы.

— Вы, конечно, забыли данное мнѣ слово. Мы въ одномъ городѣ, а вы не дали мнѣ знать. Можетъ быть, вы, все-таки, навѣстите меня? И непремѣнно завтра утромъ, такъ какъ вечеромъ я ѣду въ Ниццу.

— Съ удовольствіемъ.

— Позавтракаемъ вмѣстѣ?

— Къ сожалѣнію, я уже дала слово другимъ, но сейчасъ же послѣ завтрака пріѣду къ вамъ. Такъ хочется поговорить о прошломъ. О, да вы уже генералъ! Поздравляю.

— И не очень старый? — самодовольно прищурился онъ.

— Совсѣмъ молодой и красивый. Не смущайтесь. Вы, вѣдь, привыкли къ дамскому вниманію. А я — я только маленькій случайный другъ.

— До завтра, княгиня.

— До завтра, ваше высочество.

— Давно вы знакомы съ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ княгиня? — съ удивленіемъ спросилъ Евреиновъ, когда за дверью гостиной скрылась высокая фигура его высочества.

— О, давно! Старыя боржомскія встрѣчи, уже покрывшіяся плѣсенью забвенья — шутила Мара.

Голубые глаза полковника Сергѣя Алексѣевича потускнѣли.

— Но это старое васъ сильно взволновало, княгиня — съ горечью проговорилъ онъ.

На поблѣднѣвшемъ лицѣ Мары ярко вспыхивало золото ея глазъ.

— Вы угадали. Я взволнована. Эта встрѣча напомнила мнѣ другое прошлое, то, что выше земли.

Она залпомъ допила свой бокалъ.

— Какъ хотите, Нина, а я ѣду домой.

— Что дѣлать? Придется и мнѣ двигаться — поднялась Нина.

Мара медленно шла по заламъ, опираясь на руку полковника. Она не замѣчала устремленныхъ на нее любопытствующихъ глазъ, она чувствовала только одни темные, бархатные, насмѣшливые, пробуждавшіе тысячу воспоминаній.

II.

Пролетка остановилась у дворца великаго князя Николая Михайловича на набережной. Мара легко спрыгнула съ подножки экипажа и прошла въ подъѣздъ. Ее ждали.

Опять она въ кабинетѣ великаго князя Николая Михайловича. Третій его кабинетъ въ ея жизни. Просторно, элегантно и модно. Большой письменный столъ и за стекломъ, по стѣнамъ, много-много книгъ.

Великій князь сидѣлъ у письменнаго стола. Онъ поднялся навстрѣчу гостьѣ.

— Привѣтъ, княгиня. Застаете меня за работой. Увлекаюсь исторіей, недавнимъ прошлымъ. Описываю блестящіе дни нашихъ блестящихъ императоровъ. Матеріалы богатые и изданіе будетъ чудесное. Прошу, выбирайте любое кресло, а я устроюсь къ вамъ поближе.

Онъ внимательно осматривалъ гостью, особенно элегантную въ сѣромъ англійскомъ костюмѣ.

— Столица васъ отшлифовала — усмѣхнулся онъ. — А помните, въ Боржомѣ на васъ было что-то яркое, голубое... и безконечная волна бѣлыхъ кружевъ.

— У васъ хорошая память — разсмѣялась Мара.

Подали кофе и вино.

— Признайтесь, княгиня, съ идиллическимъ горнымъ уголкомъ у васъ все кончено?

— Все.

— И не было никакихъ вѣстей?

— Только одно. Два года тому назадъ я проводила лѣто на Черномъ морѣ въ Кобулетахъ. И, вдругъ, неожиданно мой печальный покой нарушилъ блестящій шпіонъ — жандармскій полковникъ Тарановскій; явился съ требованіемъ выдать ему подписку о невъѣздѣ въ Абастуманъ. Меня это возмутило и, вмѣсто подписки, я передала ему ругательное письмо къ тѣмъ, кто направилъ его ко мнѣ.

— Да, помню — поморщился великій князь Николай Михайловичъ. — Черезъ два года послѣ вашего отъѣзда рѣшили испытать сердце цесаревича. Заговорили о васъ. Кажется, назвали васъ авантюристкой. Это его взволновало, онъ горячо за васъ заступился, здоровье его ухудшилось. Слѣдствіе — посылка къ вамъ Тарановскаго за подпиской о невъѣздѣ въ Абастуманъ. Мнѣ говорили, что вы очень разгнѣвались.

— Еще бы! Два года я не дѣлала никакихъ попытокъ къ сближенію и старалась забыть незабвенное. А вы, ваше высочество, можетъ быть, вы мнѣ скажете нѣсколько словъ о наслѣдникѣ престола? Какъ его здоровье? Какъ ему живется??

— Изъ Абастумана не выпускаютъ — значитъ, здоровье не важно. Странный онъ какой-то, нелюдимый, молчаливый. Я плохо его понимаю.

— Что понимать, ваше высочество! Отняли у него всѣ радости жизни и окружили чуждыми ему людьми. Единственнаго, послѣдняго друга онъ потерялъ со смертью Артемовскаго.

— Онъ не такъ одинокъ. Туда часто наѣзжаютъ мой братъ Александръ, съ великой княгиней Ксеніей. Это лучшіе друзья цесаревича. Однако, довольно печальныхъ воспоминаній. Вы цвѣтете, нарядны, веселы, окружены блестящими кавалерами. Вы и Георгій, каждый по своему, переживаете вѣчную разлуку.

— Вы правы. Каждый по своему. Цесаревичъ забылъ меня, но я не забыла его.

Великій князь Николай Михайловичъ, какъ-будто, не слышалъ этихъ ея словъ.

— А ваши недоразумѣнія съ супругомъ? — неожиданно спросилъ онъ.

— Все тѣ-же — покраснѣла Мара. — Думаю о разводѣ.

— Для новаго замужества?

— Вѣроятно.

Опять молчаніе.

— А Тарановскій оставилъ васъ въ покоѣ?

— Совершенно. Я такъ далеко теперь отъ Абастумана — на разстояніи 10 дней.

Бесѣда плохо клеилась и Мара встала, чтобы проститься. А тутъ еще попросили великаго князя къ телефону.

— Когда вернусь изъ Ниццы, надѣюсь видѣть васъ у себя, княгиня.

— Непремѣнно, ваше высочество..., если я буду въ Петербургѣ.

III.

Къ ярко освѣщенному подъѣзду огромнаго дома на Бассейной подъѣзжаютъ элегантные «собственники». Окна бельэтажа сіяютъ огнями. Легкіе, веселые звуки струннаго оркестра доносятся до улицы.

Хозяинъ дома, самый старый камеръ-юнкеръ и супруга его, молодящаяся, рослая, вся въ соболяхъ и брилльянтахъ, встрѣчаютъ гостей. Первый часъ ночи и «съѣздъ» въ самомъ разгарѣ. Гостиныя и залъ наполняются приглашенными. Такъ много «великихъ міра сего», такъ много знаменитостей. Такъ ярокъ и пестръ блескъ мундировъ, орденовъ, почетныхъ лентъ, звѣздъ. Такъ блѣденъ мраморъ обнаженныхъ плечъ въ драгоцѣнной оправѣ камней.

— Наконецъ-то!

Хозяйка, Наталья Кирилловна, радостно встрѣчаетъ свою любимицу, княгиню Рокотову. Съ нею — неизмѣнная Нина и маленькій «штатъ» поклонниковъ. Конечно, между ними и голубоглазый полковникъ Сергѣй Алексѣевичъ.

— Вы не забываете вашихъ обѣщаній, княгиня? — тревожно спрашиваетъ онъ.

— Не забываю — холодно отвѣчаетъ Мара.

— Въ такомъ случаѣ сегодня мы продолжимъ нашъ разговоръ.

— Конечно. Въ этомъ гостепріимномъ домѣ такъ много уютныхъ уголковъ.

— Княгиня, милая — снова тревожитъ Мару хозяйка дома — Таскинъ*) у рояля и всѣ ждутъ вашего пѣнія.

Какъ кстати эта просьба! Сердце Мары сжимается, въ груди такъ тѣсно. Она будетъ пѣть *для себя*..., чтобы развѣять непонятную тоску. Въ пѣснѣ пусть отольется эта тоска, какъ невыплаканныя слезы.

Таскинъ у рояля перебираетъ ноты княгини Рокотовой.

— Что будемъ сегодня пѣть, княгиня?

Мара, молча пододвинула ему тетрадь.

«Помнишь-ли ты мгновенье, когда впервые
Такъ ласково взглянулъ ты на меня?
И тѣ мгновенья помнишь неземныя,
Когда тобою любовалась я?
Но ты, ты все забылъ,
Навѣкъ забыта я
И, какъ бывало прежде,
Не взглянешь на меня...»

Звучный голосъ Мары стоналъ затаенной страстью, рвался и плакалъ.

— Княгиня, милая, еще что-нибудь!

И зазвенѣлъ нѣжный, какъ мечта, какъ эфирная греза, романсъ Бома:

«Тиха, какъ ночь и глубока, какъ море,
Быть бы должна любовь твоя...»

И снова порывъ страсти:

«О! если-бъ ты меня любилъ,
Стала-бъ навѣки я твоей.»

И опять грустно и жалобно, какъ стонъ разлуки:

«Ярче огня, тверда, какъ скала,
Быть бы должна любовь твоя...»

Замерла послѣдняя нота, замерла, какъ шопотъ. Молчаніе. Глубокая тишина.

Мара вздрогнула, словно пробудилась отъ глубокаго сна на яву, отъ вдругъ ожившихъ, эфирныхъ грезъ, полныхъ грустной прелести, полныхъ тоски о невозвратномъ. Такія пѣсни не повторяются и Мара отошла отъ рояля, несмотря на просьбы гостей и хозяйки. Рука Мары устало опустилась на руку подоспѣвшаго Сергѣя Алексѣевича.

---

*) Модный аккомпаніаторъ.

— Продолжимъ нашу бесѣду, Сергѣй Алексѣевичъ, тутъ намъ не помѣшаютъ.

Пальцы Мары нервно теребили жемчужную цѣпочку, обвивавшую ея шею. Она не смотрѣла на собесѣдника.

— Все то-же — тихо сказалъ Сергѣй Алексѣевичъ. — Согласны-ли вы быть моей женой?

— Я еще подумаю. Подумайте и вы. Хотѣлось-бы избѣгнуть недоразумѣній. Въ душѣ моей все такъ сложно, что я сама теряюсь. Я не люблю васъ, но союзъ съ вами освободитъ меня отъ тяжелыхъ цѣпей, бряцающихъ на мнѣ годы.

— Я все учитываю. Вѣдь вы еще дитя, вы — мягкій воскъ въ любящихъ рукахъ. Въ моемъ сердцѣ любовь къ женщинѣ смѣшивается съ нѣжной жалостью къ ребенку. Конечно, я не стою васъ съ моими сорока годами, но стою васъ больше, чѣмъ тѣ, которые васъ окружаютъ, потому что я понимаю васъ. Я буду чуткъ и остороженъ. Рѣшайте же мою судьбу. Скажите «да» — и мы поѣдемъ къ вашей матушкѣ просить ея благословенія. Только дайте мнѣ *право* и вашу свободу я завоюю.

Опустивъ голову, задумчивая, Мара молчала.

— Почему вы колеблетесь? — съ тоскою спросилъ Сергѣй Алексѣевичъ.

— Потому, что вы не все знаете обо мнѣ.

Онъ пытливо смотрѣлъ на нее. На лицѣ ея волненіе зажгло два яркихъ пятна.

— Вы любили?

— Да.

Онъ скорѣе угадалъ, чѣмъ разслышалъ ея отвѣтъ.

— Со всѣмъ безуміемъ страсти? — нервно спросилъ онъ.

— Нѣтъ! о! нѣтъ! Эта любовь была выше земли. И это было давно. Остались грезы..., но онѣ гдѣ-то далеко, на днѣ души. Онѣ вспыхиваютъ все рѣже и рѣже, но... не забываются. На землѣ вѣдь никогда не торжествуетъ то, что выше земли. Тяжело мнѣ говоритъ объ этомъ, но я должна была сказать, чтобы вы знали, что лучшая часть моей души уже исчерпана. И никогда, никогда не возвращайтесь къ этому. Никогда больше — ни единаго слова!

Онъ, молча, наклонилъ голову.

— Вы ждали долго — сказала она — подождите еще немного.

И она рѣзко поднялась.

— Вотъ вы гдѣ уединились! Но я васъ, все-таки, нашелъ. Княгиня, на пару таинственныхъ словъ. Извиняюсь, господинъ полковникъ.

Модный пѣвецъ, Сѣверскій, который только что стяжалъ шумный успѣхъ въ гостиной своими романсами, лукаво улыбался Марѣ.

— Даже что-то таинственное? — пожала плечами Мара — это интересно. Пойдемьте. Вашу руку. Моя бесѣда съ Сергѣемъ Алексѣевичемъ закончена.

Они очутились въ обширной комнатѣ, уставленной растеніями и претендовавшей на громкое названіе «зимняго сада». Бархатные зеленые диваны замѣняли скамьи.

— Гдѣ-же ваше чудо? — усмѣхнулась Мара. — Я тутъ не вижу ничего таинственнаго.

Лукавыми огоньками искрились глаза моднаго пѣвца.

— Васъ жаждетъ повидать старый знакомый; онъ вамъ напомнитъ что-то далекое... и, по его мнѣнію, незабвенное. Разрѣшите ему придти?

Мара, встревоженная, ждала. Какъ испуганная птичка, билось ея сердце во власти предчувствія.

Сѣверскій вернулся подъ руку съ высокимъ, полнымъ моряком. Обрюзгшія черты все еще свидѣтельствовали о былой красотѣ. Что-то знакомое..., но что?

— Не узнаете?

Улыбнулись голубые глаза, улыбнулись румяныя губы... Какъ знакомо, какъ знакомо!

— Я знаю, я очень измѣнился — я постарѣлъ. Еще-бы, я такъ безумствовалъ, я жегъ свою жизнь съ обоихъ концовъ. Какъ будто добрыхъ двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. А это было такъ недавно, такъ недавно...

Мара закрыла глаза. Этотъ голосъ... гдѣ слышала она его?

— Кто вы? — прошептала она.

— Хельстремъ... Альфонсъ Леонардовичъ Хельстремъ — подсказалъ Сѣверскій.

Ея задрожавшія руки уронили вѣеръ и прижались къ сердцу, мучительно стонавшему.

Сѣверскаго уже не было. Онъ почувствовалъ, что онъ лишній при этой сценѣ.

Хельстремъ граціозно и быстро, какъ прежде, поднялъ вѣеръ.

— Разрѣшите, княгиня?

И онъ опустился на зеленый диванъ рядомъ съ нею. Затрепетали изящные листья худосочной пальмы.

— Не узнали? — тихо говорилъ Хельстремъ. — А я такъ сразу васъ узналъ. Разцвѣли. Теперь вы настоящая женщина. Но причуды, кажется, все тѣ же, что и прежде?

— Все тѣ же.

На неподвижномъ лицѣ Мары улыбка казалась улыбкой маски.

— А вы, Альфонсъ Леонардовичъ?

— Женатъ.

Онъ указалъ на обручальное кольцо.

— Старѣю, но кучу во всю.

— Жена не останавливаетъ?

— Махнула рукой. Она старше меня и любитъ меня такимъ, какъ я есть. А я, вѣдь, не способенъ вѣрно и долго любить. Правда, тогда вы зажгли въ моемъ сердце что-то похожее на любовь. Наглупилъ я тогда, сломалъ свою карьеру... и много выстрадалъ.

— И жалѣете?

— Еще-бы! Какъ умѣю, топлю свое сожалѣніе. Въ винѣ и цыганскихъ пѣсняхъ. Я съ вами даже не посмѣлъ проститься. Я — *обѣщалъ*. Я очень страдалъ, покидая Абастуманъ, но еще смутно надѣялся. Въ столицѣ и этотъ проблескъ надежды рухнулъ — меня назначили въ далекое трехлѣтнее плаваніе. Я былъ убитъ, но покорился. О, какъ были тяжелы тѣ дни!

— «Отмщеніе» за всѣхъ пострадавшихъ!

— По прежнему остро иронизируете! А когда корабль дни и ночи несется по волнамъ океановъ и морей... кругомъ — вода и небо. Сердце полно воспоминаній и отчаянья. Ахъ, эти одинокія ночи, вахты на капитанскомъ мостикѣ! Одно утѣшеніе — коньякъ и вино. Остановки въ портахъ — это были сплошные кутежи. Въ концѣ плаванія я познакомился со своей женой и рѣшилъ остепениться. Мнѣ это

плохо удалось. А вы? Слышалъ о вашей трагедіи въ Абастуманѣ. Тогда много объ этомъ говорили, приправляя разсказы чудовищными слухами. Вы совсѣмъ разстались съ Абастуманомъ?

— Совсѣмъ — глухо отвѣтила она.

— Георгій, Георгій! Я до сихъ поръ тоскую о немъ. Такъ много въ немъ чаръ, какая-то притягательная сила для тѣхъ, кто близко его зналъ, кого онъ удостоивалъ своей дружбой. Но онъ не простилъ мнѣ моихъ вспышекъ; до сихъ поръ... ни одной вѣсточки отъ него. Знаю, что здоровье его не важно и знаю, что новыхъ друзей у него нѣтъ. Замкнулся. Теперь никто не видитъ его улыбки. Не сердитесь, но чувство къ нему осталось неизмѣннымъ въ моемъ сердцѣ, и гораздо большимъ, чѣмъ къ вамъ. Если-бы вы мнѣ уступили тогда, врядъ-ли мы были-бы счастливы теперь. Надежды вашего сердца оправдалъ другой. Какъ вы поблѣднѣли?

— Рана еще не совсѣмъ зажила.

Молчаніе.

— А, все-таки, хорошо было тамъ, въ поднебесномъ уголкѣ, у сердца Георгія. Я такъ часто потомъ видѣлъ во снѣ узкое ущелье въ вѣчно зеленыхъ горахъ. И дворецъ въ русскомъ стилѣ. Сосновыя рощи, «родникъ любви», «ворота очарованія». Тамъ, на скалахъ, остались наши имена. «Морская дорожка», которую я выкапывалъ вмѣстѣ съ царевичемъ! Скамьи нашей работы... Веселыя поѣздки, пикники, гаремъ принца Константина, мрачная фигура графа Олтуфьева. И слышалъ я такъ ясно, сквозь шумъ Абастуманки и грохотъ водопада, ласковый голосъ моего высочайшаго друга. Все это ушло безвозвратно и преждевременно. И молодость моя уходитъ преждевременно. Помните церковь съ золотыми куполами? Тамъ я увидѣлъ васъ впервые. А наши встрѣчи въ домикѣ лѣсничаго? Какъ робко царевичъ просилъ меня познакомить его съ вами. На маленькой лѣсной дорожкѣ, противъ вашей дачи, мы васъ подстерегали, упрямую дикарку.

— Не надо, не надо — наконецъ прошептала Мара — зачѣмъ я васъ встрѣтила? Раскрылась рана... и долго, мучительно ее залечивать.

— А тамъ, далеко, думаете, зажили раны? Не только васъ, меня не забылъ царевичъ. Это сердце не умѣетъ за-

бывать. Если-бы не замкнутая, упрямая гордость, я опять былъ-бы съ нимъ. Я вызвалъ-бы старую улыбку. Мы говорили бы о васъ и, съ моей помощью, вамъ удалось бы встрѣтиться. Мое увлеченіе вами было роковымъ для всѣхъ насъ.

Онъ опустилъ голову.

— А помните, какъ я глупилъ? Я стегнулъ вашу лошадь и царевичъ своею отвагою спасъ васъ отъ смертельной опасности. Помните, какъ я съ нимъ спорилъ за право проводить васъ до дому? И какъ я глупо выманилъ у васъ письма царевича?

— Довольно, Альфонсъ Леонардовичъ — вдругъ поднялась Мара.

— Уже?! И мы разстанемся? Неужели мы не встрѣтимся въ интимной обстановкѣ? Не переживемъ еще разъ прошлое за бокаломъ вина? Неужели эта встрѣча будетъ послѣдней?

— Послѣдней, если не будетъ новаго слѣпого случая.

Она крѣпко пожала руку этой новой тѣни прошлаго. Знакомое прикосновеніе теплой мягкой руки...

Мара уѣхала домой до ужина, она не дождалась мужа. Сергѣй Алексѣевичъ провожалъ ее домой.

Зачѣмъ, зачѣмъ прошлое такъ настойчиво стучится въ ея жизнь?

— Сергѣй Алексѣевичъ — рѣзко сказала она — вы такъ нетерпѣливо ждете моего отвѣта. Я согласна, я буду вашей женой. Но, надо торопиться — я изнемогаю.

— Все въ вашихъ рукахъ — проговорилъ онъ, волнуясь, сіяя счастьемъ.

— Недѣли черезъ двѣ я поѣду къ матери — тихо сказала Мара.

Голосъ ея дрогнулъ. Мечта такъ ярко воскресила въ ея памяти узкое ущелье въ зеленыхъ горахъ, шумъ рѣки, грохотъ водопада, ароматъ сосенъ. И полянку въ скалахъ, и старую развѣсистую черешню. Мелкнулъ хрупкій силуэтъ... и милые глаза — прозрачные, глубокіе, измѣнчивые, какъ океанъ.

— Да! къ матери! — въ забвеніи, вся дрожа, повторила Мара.

IV.

— Княгиня дома?

Веселый женскій голосъ прозвучалъ въ гостиной Мары.

— Какъ прикажете доложить? — слышитъ Мара вопросъ Кати.

И отвѣтъ:

— Скажите, что старый другъ изъ Абастумана.

Опять! опять Абастуманъ. Вся дрожа, Мара нетерпѣливо вышла въ гостиную. Молоденькая дамочка, цвѣтущая, веселая, модная, съ умненькими сѣрыми глазами, кокетливо выбивающимися изъ-подъ черной шляпочки пушистыми рыжими волосами, бурно заключила Мару въ объятія.

— Неужели вы меня не узнаете? Это я, я, Леля! Я уже замужемъ. Теперь мы переѣхали въ Петербургъ. Я сейчасъ же васъ разыскала. Васъ — *первую*. Мара, славная, дорогая моя Мара.

Леля и смѣялась, и слезы блистали въ ея сѣрыхъ глазахъ.

— Помните, Мара?

Ахъ, опять это «помните»!

— Въ Уравелѣ я спасала васъ отъ мужа и вы довѣрили мнѣ письма царевича. Вотъ они. Всѣ въ сохранности. Я берегла ихъ, какъ святыню.

Мара развернула пакетъ. Пожелтѣли листки бумаги, но ровныя буквы такъ-же ярко передаютъ прошлое. Вотъ карточка. На оборотной сторонѣ нацарапано карандашомъ: «Дорогой княгинюшкѣ на память отъ ея симпатіи». Знакомыя, милыя черты, грустные глаза.

«Мара, моя дорогая, не забывай любящаго тебя Жоржика. Надѣйся, вѣрь мнѣ и жди.»

Четвертый годъ... четвертый годъ. Или можно надѣяться, вѣрить и ждать вѣчно?

Все ожило! Кажется, что прошлое ярче въ душѣ, чѣмъ прежде. Непобѣдимая сила манитъ, притягиваетъ къ поднебесному уголку. Опять туда, хотя бы на нѣсколько мгновеній. Этой жажды ничто не побѣдитъ, этого рѣшенія никто не остановитъ!

V.

Коляска въѣхала въ абастуманское ущелье. Знакомый легкій воздухъ; его пьешь, какъ драгоцѣнный нектаръ.

Полузакрытые глаза Мары пожираютъ каждую мелочь. Все, все знакомо. Мара забываетъ о своихъ спутникахъ — неизмѣнной Катѣ и Сергѣѣ Алексѣевичѣ. А онъ смотритъ на нее такъ пытливо. Нѣтъ, не разгадать ему этой странной, сложной души.

— Вотъ и водопадъ, ваше сіятельство — весело говоритъ Катя. — А паркъ-то какъ разросся! Хорошо тутъ, ваше сіятельство.

Да! хорошо и *больно*.

Коляска мчится мимо дачи Татьяны Сергѣевны. Проѣхала большой мостъ, повернула и остановилась у калитки. Все то-же! все то-же! Только дача изъ голубой превратилась въ розовую и липы такъ разрослись, и садъ сталъ такимъ густымъ.

Мара въ объятьяхъ матери. Вѣдь два года онѣ не видались. А Сергѣй Алексѣевичъ въ сторонкѣ умиленно смотритъ на эту встрѣчу.

— Мой женихъ, мама — представила Мара. — Знаю, онъ тебѣ понравится. Сергѣй Алексѣевичъ въ твоемъ вкусѣ.

Мара оставляетъ ихъ и спѣшитъ въ свою комнату. Остановилась на порогѣ. Пошатнулась отъ волненія. Пережито больше и глубже, чѣмъ она думала. Подошла къ окну. Какъ разрослись, какъ благоухаютъ жасмины! Разглядываетъ свою комнатку. Лампа, круглый столъ, кроватка, этажерка съ книгами. Милые, милые старички! А на этомъ диванчикѣ такъ часто сидѣли *они* рядомъ, прижимаясь другъ къ другу...

Татьяна Сергѣевна заглянула въ комнату дочери. Мара и не слыхала. И Татьяна Сергѣевна поняла, что захватило ея дочь и, молча, притворила дверь.

Маленькая абастуманская церковка... Купола ея сіяютъ на солнцѣ, на солнцѣ зак[illegible]а. Церковка заперта..., но... въ оградѣ могилка буси.

Мара колѣнопреклоненная, украшаетъ ее цвѣтами и слезами печали и любви. Никому не довѣряла она такъ своего сердца, какъ этой дорогой старушкѣ. Такъ ярко

ожило передъ мысленнымъ взоромъ сморщенное лицо буси, ясные глаза, добрая улыбка, гладкія пряди волосъ подъ кружевомъ наколки. Трясущаяся голова, дрожащія руки...

И звенитъ въ ушахъ Мары родной старческій голосъ, полный слезъ:

«Мара, Мара, ты не пойдешь; въ страшную бурную ночь ты не довѣришься неизвѣстному.»

Въ ту роковую ночь голова Мары вздрагивала на колѣняхъ бабушки. Подъ грозные раскаты грома боролось ея сердце послѣдней мучительной борьбой. Первыя слезы бабушки были послѣдней каплей. И Мара не пошла — отвергла, разорвала послѣднюю нить.

Мара среди знакомыхъ скалъ. Она задыхается отъ волненія. Все, какъ прежде. Черешня, ручей, пестрая полянка, три кривыя сосны и, между ними, все тотъ-же камень.

Дрожащею рукою Мара пишетъ:

«Я здѣсь... и, если я не совсѣмъ забыта, сердце подскажетъ Георгію и онъ найдетъ эти строки. Каждый вечеръ, какъ только стемнѣетъ, я буду у калитки и буду ждать до десяти. Черезъ нѣсколько дней я покину Абастуманъ... и, если эти строки останутся нетронутыми, значитъ Мара забыта.»

«Наслѣдникъ болѣнъ, онъ уже недѣлю не выходитъ изъ комнаты.»

Болѣзненнымъ уколомъ отдалась эта вѣсть въ сердцѣ Мары.

Мара, въ сопровожденіи Сергѣя Алексѣевича, уныло бродитъ по тѣнистымъ аллеямъ своего сада.

— Прелестный уголокъ вашъ Абастуманъ — говоритъ Сергѣй Алексѣевичъ — чувствую себя бодрымъ, какъ въ дни юности. Я даже порозовѣлъ. А вотъ вы все такая же блѣдненькая. Почему? И какъ я радъ, что познакомился съ Татьяной Сергѣевной, что видѣлъ вашу встрѣчу съ матерью. Теперь я еще больше васъ цѣню. Моя задача —

вырвать васъ изъ рукъ князя Рокотова и поднять на высоту — совсѣмъ меня захватила. О чемъ вы такъ задумались?

— О прошломъ. Здѣсь я росла и каждое деревцо росло вмѣстѣ со мною. Съ каждой пядью земли здѣсь связано столько воспоминаній.

Съ большого моста послышался грохотъ быстро мчавшихся экипажей. Дрожь пробѣжала по тѣлу Мары; но она не подняла головы, она словно пряталась въ тѣнистой аллеѣ.

Сергѣй Алексѣевичъ торопливо подошелъ къ калиткѣ. Экипажи промчались мимо дачи.

— Проѣхалъ наслѣдникъ со свитой — сообщилъ онъ, возвращаясь къ Марѣ. Я имѣлъ честь его привѣтствовать. Какой онъ печальный, блѣдный, хрупкій. Онъ смотрѣлъ въ мою сторону и глаза наши встрѣтились. Онъ такъ ласково отвѣтилъ на мое привѣтствіе. Боже мой, какъ вы поблѣднѣли! Вамъ нездоровится? И рученьки, какъ ледъ.

— Здѣсь душно — пробормотала Мара — пойдемьте.

Темнѣетъ. Въ столовой уже свѣтится лампа и такъ уютно за чайнымъ столомъ у самовара. Татьяна Сергѣевна разливаетъ чай; она привѣтливо угощаетъ своего новаго любимца — Сергѣя Алексѣевича. Все ея кулинарное искусство на столѣ. Бесѣда — на отвлеченныя темы.

Стемнѣло. Мара вдругъ рѣшительно, порывисто поднялась.

— Куда ты, дѣтка?

— Хочется пройтись. Я скоро вернусь. Надѣюсь, что вы съ мамой не соскучитесь, Сергѣй Алексѣевичъ?

— Иди, иди... Постараюсь, чтобы твой Сергѣй Алексѣевичъ не скучалъ.

— Но я бы могъ вамъ сопутствовать...

— Нѣтъ — нѣтъ!

Отказъ звучитъ рѣзко, какъ отчаянье, глаза Мары съ мольбой обращены къ матери. И Мара уходитъ одна.

— Вы на это не обращайте вниманія, Сергѣй Алексѣевичъ. Такая ужъ она у меня мечтательница — любитъ фантазировать въ уединеніи. Не мѣшайте ей, не надо. У нея здѣсь слишкомъ много воспоминаній. Каждое дерево, каждый цвѣточекъ, каждый камушекъ — все это старые друзья.

VI.

Темнѣетъ. Малѣйшій стукъ, шаги — и она трепещетъ. Напрасно! Забыта полянка и ея письмо лежитъ подъ завѣтнымъ камнемъ нетронутое. Еще нѣсколько дней и она уѣдетъ, не повидавшись. Вѣдь никто не осмѣлится передать ея письмо царевичу, а къ нему ее не допустятъ. И, можетъ быть, она уже забыта, имъ оклеветана? Можетъ быть, любовь смѣнилась презрѣніемъ и свиданье съ нею не желательно? Да? или нѣтъ? Не разгадать этой загадки, уйдетъ она въ могилу.

Мара съ тоской вглядывается въ темное небо, усѣянное звѣздами. Затихла природа. Ни малѣйшаго вѣтерка. Деревья, какъ завороженныя, не шелохнутся... и только шумитъ неугомонная Абастуманка.

Но вотъ шаги — неровные, торопливые. Промелькнулъ темный силуэтъ. Кто-то остановился у калитки.

— Ваше высочество...

— Княгиня...

Они другъ противъ друга въ этой темнотѣ — царевичъ и Мара. Холодная, влажная рука коснулась руки Мары и отдернулась, словно обоженная.

— Если вы не спѣшите — задыхаясь говоритъ Мара — пройдемте въ мою комнату.

— Я не спѣшу.

Мара плотно прикрыла ставни и заперла дверь. Наслѣдникъ-цесаревичъ стоялъ за порогомъ ея комнаты, опустивъ голову. Лицо его возмужало, стало острѣе, суше, подернулось болѣзненною желтизной. Но обликъ все тотъ же — хрупкій, изящный.

Мара, молча, пододвинула ему кресло и опустилась на диванчикъ, на *тотъ же*. Годы разлуки лежали между ними невидимой преградой.

— Такъ много хотѣлось вамъ сказать, такъ жадно хотѣлось этой встрѣчи..., а теперь нѣтъ словъ...

Голосъ Мары замеръ.

Долгое молчаніе.

— Инстинктивно чувствуете, что *поздно* — какъ-то глухо, словно издали, прозвучалъ милый голосъ царевича. —

Почему вы *тогда* не откликнулись, не рискнули, не повѣрили? Если-бы вы знали, *какъ* я ждалъ и чего мнѣ это стоило! Мой посолъ вернулся слишкомъ скоро и я сразу понялъ, что вы... струсили. Жизнь вамъ была дороже и вы ею не рискнули. Я, можетъ быть, хотѣлъ слишкомъ многаго...

Сухой кашель прервалъ его рѣчь. Оправившись, онъ продолжалъ:

— Для васъ, среди бурной, разнообразной жизни, время шло быстро и новыя впечатлѣнія вытѣснили старыя. А для меня, въ одиночествѣ, въ однообразіи дни тянулись такъ медленно, перемѣны давались такъ тяжело, какъ будто не годы, а одинъ тягучій, безконечный, печальный день я пережилъ. Вашъ отказъ, насилія моихъ близкихъ надъ моей душой, чуждые люди, смерть Артемовскаго — послѣдняго друга... Нѣтъ, говорить слишкомъ тяжело и долго.

Дрожащими пальцами онъ медленно вынулъ изъ кармана запечатанный конвертъ.

— Эти листки я вамъ хотѣлъ завѣщать, но, когда я почувствовалъ, что свиданіе наше неизбѣжно, я рѣшилъ передать ихъ вамъ лично. Тутъ выдержки изъ моего дневника. Очень немного, чтеніе васъ не затруднитъ. Теперь я уничтожу свой дневникъ. Я не хочу, чтобы когда-нибудь чужіе глаза смаковали мои страданія. А ваши письма и вашъ портретъ *пока* останутся. Потомъ... когда-нибудь... вамъ ихъ возвратитъ великій князь Николай Михайловичъ.

— Я видѣлась съ нимъ. Я допытывалась, просила, но онъ не хотѣлъ мнѣ говорить о вашей жизни, не хотѣлъ передать вамъ моего письма.

— Онъ былъ правъ — не надо было обострять страданій.

— Вы подошли къ нашей дачѣ случайно, или... или вы нашли мою записку на нашей бывшей почтѣ?

— Я не читалъ вашей записки. Я *тамъ* никогда не бываю. Я только вчера узналъ, что вы здѣсь. Меня тянуло къ вашей дачѣ, къ этому свиданію, но... вчера я поборолъ себя, а сегодня... сегодня уже не могъ.

— О моей жизни вы не спрашиваете? Послѣ долгой борьбы я все-таки расхожусь съ княземъ Рокотовымъ.

Странная, незнакомая Марѣ улыбка промелькнула по его губамъ.

— Расходитесь? Чтобы выйти замужъ за другого? И этотъ *другой* сопровождаетъ васъ!

— Иного не было выхода — торопливо, какъ-бы оправдываясь, заговорила она. — Мнѣ необходимъ разводъ. Этотъ *другой* очень скроменъ въ своихъ требованіяхъ, онъ знаетъ, что я его не люблю; онъ будетъ моимъ покровителемъ и отцомъ.

— Онъ будетъ вашимъ мужемъ, второй нелюбимый! А любимому и любящему не суждено было...

Онъ не договорилъ.

Такъ жаждала Мара этого свиданія, а теперь оно давило ее свинцовою тяжестью. Близость не могла уже связать порванную нить.

— Я *все* о васъ знаю. Меня не щадили. Думали, что излѣчиваютъ, а только...

Онъ опять не договорилъ.

— И вамъ навѣрно клеветали на меня?

— Я вѣрилъ только фактамъ, а они говорили громче напыщенныхъ словъ.

Мара вспыхнула.

— Вы выѣзжали, веселились, всегда въ шумномъ блестящемъ обществѣ. Теперь вы вторично выходите замужъ и женихъ вашъ здѣсь, съ вами. Это — все. Это — факты.

— Но, когда мы съ вами встрѣтились, я тоже была замужемъ и это не мѣшало мнѣ любить васъ и...

— Не надо, не надо — остановилъ Мару царевичъ. — Это опасная плоскость. Не надо!

Теперь глаза его, мрачные, полные укора, не отрывались отъ нея.

— Передъ вами жизнь, вы разцвѣтаете, вы стали еще красивѣе. Въ каждомъ вашемъ движеніи, во взглядѣ жизнь бьетъ ключемъ, а я... Посмотрите на меня и... довольно. Земное кончается. Въ лучшемъ мірѣ я буду счастливѣе, хотя уже не буду сыномъ императора и наслѣдникомъ престола.

Онъ нервно поднялся.

— Прощайте. Я все-таки радъ, что мы свидѣлись.

Холодная влажная рука опять скользнула по рукѣ Мары и быстро отдернулась, словно обожженная.

Мара молчитъ, ни слова, словно кто-то сдавилъ ея горло, она даже не взглянула ему вслѣдъ.

Щелкнулъ ключъ... скрипнула дверь...

Неожиданное громкое рыданіе вырвалось изъ ея груди... Она приникла головой къ диванчику, обнимая старую дорогую спинку.

Царевичъ остановился и притворилъ дверь. Борьба. Опять щелкнулъ ключъ. Онъ подошелъ къ Марѣ... и холодныя, влажныя руки опустились на ея голову.

— Эти слезы, Мара, лучшее утѣшеніе одинокому. Ты все-таки не совсѣмъ забыла меня.

— Забыла?!

Она порывисто подняла голову и передъ нимъ ея, залитое слезами, лицо.

— Забыла?! Развѣ не вырвалъ ты лучшую часть моей души? Не былъ ты моей единственной грезой? Мало я выстрадала, оторванная отъ тебя? Въ одномъ я виновна... виновна, что не пошла за твоимъ посланнымъ въ ту страшную бурную ночь. Я хотѣла. Меня остановилъ голосъ любви и благоразумія. Меня остановили слезы моей бабушки. А если-бы твой посланный оказался тайнымъ клевретомъ нашихъ враговъ и ждала-бы меня позорная смерть? Ты не думалъ объ этомъ? Если-бъ даже мнѣ удалось бѣжать, то тебя не пустили-бы ко мнѣ. Мы оба сгорѣли-бы въ острой пыткѣ этой разлуки. Моя дорогая старушка была права. Вотъ только *почему*, почему я *жила?* Почему не разбила себѣ голову? Мгновеньями я такъ этого жаждала! Вѣрно чья-то молитва хранила меня отъ высшаго грѣха. Ты не можешь, не смѣешь думать, что я забыла тебя! Я себя сдерживала, я страдала, боролась... И вотъ... черезъ четыре года я мчалась сюда такъ, какъ будто мы только наканунѣ разстались съ тобой. Я мчалась безъ цѣли, безъ мысли, только съ одною безумной жаждой дышать однимъ съ тобою воздухомъ! И мы встрѣтились, какъ чужіе, какъ чужіе!..

Новый взрывъ отчаянья потрясъ грудь Мары.

— Да, ты правъ, все кончено, все кончено.

Съ глубокою нѣжностью теперь онъ прижималъ къ груди дрожавшую отъ рыданій головку.

— Не надо, Мара. Прости. Прости, что я тебя обидѣлъ подозрѣніемъ. Я такъ много, такъ долго страдалъ. Душою я уже не тотъ, что прежде. Я — старикъ, Мара, я отшельникъ. Я живу грезами и молитвой. Я жду счастья только въ *иной* жизни. Но мнѣ такъ хотѣлось проститься съ

тобой. Въ этомъ тайномъ желаніи я самому себѣ боялся признаться. И эту награду я получилъ. Теперь все кончено. Мара, прощай!

Поцѣлуй, холодный, какъ поцѣлуй старца, какъ поцѣлуй мертвеца, коснулся ея лба.

Онъ уходилъ... и Мара шла за нимъ, до самой калитки.

Какъ медленно онъ бредетъ, словно тяжесть давитъ его худенькія плечи. Мара смотритъ ему вслѣдъ и вся дрожитъ. Догнать! Остановить эту неземную, улетающую грезу.

И Мара рванулась.

— Георгій!

Онъ остановился.

Въ порывѣ, въ которомъ трепетала вся ея душа, она его обняла.

— Прощай! Прощай навсегда!!

А изъ дому, изъ сада уже доносился голосъ Татьяны Сергѣевны, призывавшій Мару.

И Мара оторвалась отъ ошеломленнаго царевича и поспѣшила въ другую сторону, къ темному лѣсу, подальше отъ разспросовъ.

VII.

Когда всѣ уже спали, Мара вернулась въ свою комнатку, вся подъ впечатлѣніемъ пережитаго. Пакетъ, переданный ей царевичемъ, жегъ ея грудь. Она распечатала его и, трепещущая, погрузилась въ чтеніе.

1.

Послѣдняя надежда! Мой посланный поѣхалъ за Марой. Рѣшится ли она? Выдержитъ ли ея любовь это испытаніе? Если «да» — какое счастье! Уйти съ нею отъ людей, отъ высоты. Я и она! Правда, мы рискуемъ, мы страшно рискуемъ и я долго боролся, пока рѣшилъ. Мою надежду отравляетъ страхъ. Я боюсь за Мару. Своею жизнью я не дорожу, вѣдь безъ Мары она — тяжелый крестъ. Скорѣй бы вернулся мой посолъ. Я жду его. Какъ я его жду!

2.

Мара не рѣшилась. Все кончено. Кончена жизнь и...

3.

Дни идутъ. Они тянутся, какъ моя вѣчная тоска. Спасибо дорогой Ксеніи и Александру, они меня навѣщаютъ такъ часто. Они такъ счастливы. Я радуюсь вмѣстѣ съ ними, но... это свѣтлое счастье дразнитъ меня.

4.

Думали, что я совсѣмъ «излѣчился» отъ моего чувства къ Марѣ, вѣдь прошло два года. И вотъ одинъ изъ мерзавцевъ, окружающихъ меня, осмѣлился въ моемъ присутствіи назвать Мару авантюристкой. Вся кровь бросилась мнѣ въ голову, я потерялъ самообладаніе. Что я говорилъ, какъ возмущался — не помню. Мнѣ стало очень плохо. Опять кровохарканіе.

5.

Еще одинъ годъ. Новый Годъ! Такъ тихо въ моемъ, охотничьемъ домикѣ въ лѣсу. Горы, опустѣвшія лужайки, зеленыя сосны — все покрыто снѣгомъ. Въ этой божественной тишинѣ я былъ бы почти счастливъ, если-бъ не тоска, убивающая мое тѣло.

А Мара сейчасъ въ Петербургѣ, веселится, окружена поклонниками. Меня не щадятъ и вѣсти оттуда доходятъ до меня. Мнѣ, какъ-бы случайно, разсказываютъ, какъ Мара выѣзжаетъ, какъ разцвѣла, какую шумную ведетъ жизнь. Пусть она стала прекраснѣе, но мнѣ не нужно новой Мары. Ея старый милый портретъ — всегда со мною. Я часто имъ любуюсь. Ясные, невинные глаза смотрятъ на меня такъ задумчиво и грустно. Это моя Мара и новой, великолѣпной Мары мнѣ не надо.

6.

Тоска моя растетъ. Сегодня Александръ осторожно мнѣ сообщилъ, что они съ Ксеніей должны меня временно покинуть. Меня это взволновало. Разлука съ дорогими въ минуты острой тоски кажется мнѣ

особенно тяжкой. И опять кровь пошла горломъ. Какъ на свою злую судьбу глядѣлъ я на платокъ, обагренный кровью и я могъ сказать только одно:

«Ахъ, я несчастный, несчастный...»

7.

Я болѣнъ, прикованъ къ постели, но услужливые люди сообщили мнѣ, что княгиня Рокотова пріѣхала въ сопровожденіи блестящаго молодого полковника. Говорятъ, что она разсталась съ мужемъ и что этотъ полковникъ ея женихъ. Мара здѣсь! Хорошо, что я боленъ и лежу. Встрѣча съ нею была бы лишней.

8.

Проѣзжалъ мимо дачи Мары. У калитки стоялъ молодой полковникъ. Это, безъ сомнѣнія, ея женихъ. Какъ могъ, я отвѣтилъ на его привѣтствіе: въ сердцѣ — тупая боль. Новая? Или пережитокъ стараго? Вечеромъ меня такъ тянуло къ этой знакомой старой дачѣ. Но я думалъ: какъ я буду смѣшенъ — почетный гость на обрученіи. Представить себѣ мое измученное лицо среди этихъ здоровыхъ веселыхъ лицъ! И я не пошелъ.

9.

Не спалъ всю ночь. Невѣдомая сила толкаетъ меня туда, къ нимъ. Я уже не могу бороться, я пойду.»

(Отрывки изъ дневника царевича, переданные имъ княгинѣ Рокотовой.)

Изъ моего огромнаго дневника, который вамъ могъ бы показаться дикимъ и непонятнымъ, я беру только нѣсколько небольшіе отрывки, которые васъ касаются. Когда-то, въ Боржомѣ, въ кабинетѣ великаго князя Николая Михайловича, я написалъ вамъ: «надѣйся, вѣрь мнѣ и жди». Я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ и не моя вина, если... если все сложилось иначе. Теперь уже кончено. Поздно. Вы къ свѣту земному, я — къ свѣту вѣчному. Отъ умирающаго послѣднее прости.»

(Приписка царевича.)

VIII.

«Не сердитесь, хорошій мой другъ, что я такъ внезапно и такъ рѣшительно васъ покидаю. Я не могу быть вашей женой. Я даже сейчасъ не могу васъ видѣть, не могу съ вами говорить. Махните рукой на глупую фантазерку и ищите иного, лучшаго счастья. Къ князю Рокотову я, конечно, не вернусь... и пусть мое будущее сложится такъ, какъ повелитъ судьба. Отъ нее не уйдешь. И какъ зло она умѣетъ смѣяться! Какъ часто манитъ насъ призракомъ счастья, когда уже поздно. Поздно! Вдумайтесь въ это слово, какой таится въ немъ ужасъ! Поздно!

Если вы не забыли мое признаніе на балу, то, можетъ быть, оно броситъ нѣкоторый свѣтъ на мой поступокъ. Поднялись со дна души неясныя грезы прошлаго, ярко вспыхнули. Любовь, та, что выше земли, опять захватила мою бѣдную душу и... я безумствую, я готова растоптать все, что не выше земли. Прощайте, простите и не сердитесь. Лучше *теперь*, чѣмъ *потомъ*.

Рокотова.»

(Письмо княгини Рокотовой полковнику Сергѣю Алексѣевичу.)

«Мама, родная, прости, что уѣзжаю не простившись съ тобой — боюсь вліяній. Утѣшь твоего любимца — я не могу быть его женой. Я вся во власти странныхъ, страшныхъ, но милыхъ мнѣ чаръ. Я — безумная, шалая, но я люблю тебя по прежнему.

Мара.

P. S. Одна страстная къ тебѣ просьба. Пусть всѣ сплетники Абастумана знаютъ, что я неожиданно уѣхала сегодня утромъ и рѣшительно отказала Сергѣю Алексѣевичу въ своей рукѣ. Мама, прошу тебя объ этомъ страстно.»

(Письмо Мары Татьянѣ Сергѣевнѣ).

Съ первыми лучами солнца Мара выѣхала изъ Абастумана въ сопровожденіи своей вѣрной Кати. У церкви Мара остановила экипажъ и прошла за ограду къ могилѣ бабушки. Полными слезъ глазами смотрѣла она на эту дорогую могилу.

— Прощай, буся. Помолись за меня, родная старушка. Не знаю, вернусь-ли я еще когда-нибудь къ твоей могилкѣ?!

Послѣдніе цвѣты любимой внучки въ ласкѣ утренняго вѣтерка трепетали у подножія креста.

«Моя бѣдная, шалая, но дорогая и милая мнѣ дочурка, огорчила ты своимъ внезапнымъ отъѣздомъ и меня, и Сергѣя Алексѣевича. Бѣдняга все-таки не покоряется. Онъ убѣжденъ, что ты еще измѣнишь свое рѣшеніе и будешь въ концѣ концовъ его женой. Въ день твоего отъѣзда, подъ вечеръ, наслѣдникъ-цесаревичъ бродилъ у нашей дачи. Можетъ быть, онъ надѣялся повидать тебя? Ты со мною не откровенна и я могу только догадываться. Я рѣшилась подойти къ царевичу и сказала ему все, что знаю и о чемъ ты просила. Глаза его какъ-то странно вспыхнули, онъ пробормоталъ слова привѣта, благодарности и быстро, понурившись, отошелъ, словно боялся, что его замѣтятъ. Мара, Мара, забудь эту больную свою грезу, она губитъ твою жизнь. Цѣлуетъ тебя крѣпко твоя мама.

P. S. Въ день твоего отъѣзда я нашла свѣжіе цвѣты на могилѣ бабушки; я поняла, что это твои цвѣты, Мара.»

(Письмо Татьяны Сергѣевны дочери.)

IX.

Черезъ полтора мѣсяца. Въ Петербургѣ.

— Мара! Событіе, ужасное, печальное событіе!

Леля, запыхавшаяся, взволнованная, вошла въ крощечный будуаръ Мары, съ утренней газетой въ рукахъ.

— Что случилось, Леля?

Глаза Мары широко раскрыты, она вся замерла въ недобромъ предчувствіи.

— Неужели вы еще не знаете, еще не прочли, Мара? Телеграмма изъ Абастумана.

— Изъ Абастумана?

— Скончался наслѣдникъ-цесаревичъ Георгій Александровичъ — робко договорила Леля.

Все потемнѣло, все закружилось въ глазахъ Мары; острая рѣжущая боль пронизала ея грудь. Она протянула руки, какъ бы защищаясь и онѣ упали, какъ подстрѣленныя крылья и сама Мара, теряя сознаніе, безшумно склонилась къ ногамъ Лели.

«Абастуманъ.

Воображаю, моя бѣдная, дорогая Мара, какъ ты потрясена, какъ ты страдаешь. Навѣки отлетѣла твоя свѣтлая греза, не стало наслѣдника-цесаревича. Весь Абастуманъ горюетъ. Тутъ всѣ любили добраго, грустнаго, обездоленнаго на высотѣ престола страдальца. И умеръ онъ такъ странно, такой же одинокій. Императрица-мать прислала ему въ подарокъ мотоциклетку. Ее привезъ царевичу великій князь Николай Михайловичъ и она долго стояла безъ употребленія. Въ злополучное утро наслѣдникъ поднялся на разсвѣтѣ и, не говоря никому ни слова, сѣлъ на мотоциклетку и помчался съ невѣроятной быстротою по дорогѣ къ «Воротамъ очарованія». Говорятъ много страннаго и дикаго, но... но фактъ остается фактомъ — съ этой поѣздки наслѣдника-цесаревича принесли мертвымъ, разбитымъ. Какъ это произошло — никто не знаетъ. Наслѣдникъ лежалъ у пыльной дороги, окровавленный, безпомощный, пока какая-то случайно проходившая бѣдная женщина не подала ему воды, сжалившись надъ одиноко умиравшимъ сыномъ императора. Рядомъ валялась сломанная мотоциклетка. Несчастье произошло у «Клубничной» горы, ты помнишь ее, конечно. Рѣшили поставить часовню на томъ мѣстѣ, гдѣ пролилась невинная, святая кровь этого мученика трона, гдѣ послѣдній вздохъ его былъ принятъ Господомъ. Все лучшее русское гибнетъ и мы идемъ къ какому-то печальному концу. Помолись за царевича Георгія, Мара, онъ такъ искренно и свѣтло тебя любилъ. А императрица-мать безсознательно нанесла ему этотъ второй смертельный ударъ. Ты никогда не забудешь тотъ первый ударъ, когда такъ грубо коснулись самой чистой и святой глубины его сердца и безпощаднымъ насиліемъ разлучили васъ. По волѣ императрицы-матери! И теперь этотъ ея роковой подарокъ. Отмщеніе неба! Я ходила по-

клониться его гробу. Крышка заколочена. Говорятъ, потому, что лицо его сильно разбито. Его останки везутъ въ Петербургъ, въ соборъ Петропавловской крѣпости. Въ усыпальницу царей. Ближе къ тебѣ, Мара!»

(Письмо Татьяны Сергѣевны дочери.)

— Великій князь, Николай Михайловичъ, проситъ васъ къ телефону, княгиня — доложила Марѣ Катя.

Мара поднялась съ постели — утомленная, дрожащая и, пошатываясь, подошла къ телефону.

— Я слушаю, ваше высочество! — разбитыми нотами глухо отдался ея голосъ.

— Вы, конечно, освѣдомлены о несчастьи. Я только что изъ Абастумана. Я хотѣлъ бы васъ видѣть, княгиня.

— Я *сейчасъ* пріѣду, ваше высочество.

— Я васъ жду.

— Вотъ, княгиня, дожили и до печальной встрѣчи — грустно покачивая головой, говорилъ Марѣ великій князь Николай Михайловичъ. — Однако событіе на васъ отразилось — лица на васъ нѣтъ!

Мара молчала.

— Я только что изъ Абастумана — продолжалъ онъ. — По волѣ покойнаго возвращаю вамъ ваши письма и фотографію.

— Ваше высочество — голосъ Мары срывался — вы *оттуда*... скажите мнѣ все, всю правду о послѣднихъ его минутахъ... и...

— Въ газетахъ печатались всѣ подробности и вы, конечно, ихъ читали — нехотя отвѣтилъ великій князь Николай Михайловичъ. — Въ бумагахъ Георгія были еще какія-то женскія письма — странныя, мистическія. Какой-то бредъ. Я ихъ сжегъ.

Словно тоненькая иголочка пронизала сердце Мары. Другія женскія письма! Но вспомнились послѣднія слова Георгія, отрывки его дневника. Нѣтъ — нѣтъ! Любовь этого сердца принадлежала ей одной. *Другая*, авторъ писемъ, можетъ быть, зажгла мрачный огонь мистицизма въ этомъ сердцѣ, жажду счастья въ иномъ мірѣ — въ мірѣ міровъ.

Машинально Мара спрятала на груди свои старыя, пожелтѣвшіе письма. Сколько разъ они были перечитаны

прекрасными глазами, теперь навѣки сомкнувшимися! И тутъ-же ея дѣвичья фотографія со скромной, милой надписью: «моей симпатіи». Сколько разъ ее цѣловали губы — гордыя, замкнутыя. Теперь онѣ уже сомкнулись навѣки и, мертвыя, ледяныя, не подарятъ ни одного поцѣлуя.

И Мара словно ощутила на своемъ лбу послѣдній прощальный поцѣлуй этихъ губъ... холодный, какъ поцѣлуй старца, какъ поцѣлуй мертвеца.

Сухо разсталась Мара съ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ. Укоръ поднимался со дна ея души. Тогда онъ могъ спасти счастье царевича! Не захотѣлъ. Онъ тонкій, холодный политикъ. Въ душѣ эгоиста не нашлось ни жалости, ни капли поэзіи; ей непонятно то, что «выше земли». Спокойно и холодно помогъ великій князь Николай Михайловичъ императрицѣ-матери «ликвидировать» романъ Георгія, его невинное маленькое счастье.

Привезли останки наслѣдника-цесаревича Георгія Александровича въ Петербургъ, въ соборъ Петропавловской крѣпости. Еще одна новая гробница прибавилась въ усыпальницѣ русскихъ царей.

Мара не пошла поклониться гробу царевича своей золотой сказки. Дома, въ безсонныя ночи, она жарко молилась за свѣтлую душу его, молилась, обливаясь слезами.

Сотни пышныхъ, дорогихъ вѣнковъ были возложены на гробницу цесаревича и къ нимъ присоединился скромный серебряный вѣночекъ съ короткой надписью:

«Его Императорскому Высочеству Наслѣднику-Цесаревичу Георгію Александровичу, отъ Княгини Рокотовой.»

X.

1906 годъ. Петербургъ.

Мара, вся въ черномъ, словно въ глубокомъ траурѣ, вошла въ Петропавловскій Соборъ.

Высокіе мрачные своды. Сквозь цвѣтныя толстыя стекла готическихъ оконъ тускло проникали таинственными полосами лучи заходящаго солнца. Роскошныя и сумрачныя гробницы русскихъ императоровъ словно навѣки приросли къ мраморнымъ плитамъ, вѣнчаннымъ коронами подъ вѣчной лаской неугасимыхъ лампадъ.

Не молиться объ упокоеніи душъ земныхъ владыкъ земли Русской пришла Мара — она и не думала о нихъ. Вся во власти бурнаго океана жизни, во власти суеты суетъ, во власти земныхъ страстей, изнемогала ея мятежная душа. Въ ней уже ничего не было «выше земли» — она поклонялась земной славѣ, могуществу и золоту. Она кипѣла въ ураганѣ низменной борьбы, больного самолюбія.

Далекое прошлое покрылось пылью забвенья, вѣроятно, навѣки.

Равновѣсія не было. Мара бѣшено хватала жизнь. Ея бокалъ никогда не былъ пустъ, онъ вѣчно пѣнился, но горькій осадокъ бурлилъ на днѣ мятежнаго сердца, когда Мара «доливала» этотъ свой бокалъ.

И вотъ, въ минуту отчаянья, въ минуту, когда сама себя ненавидѣла — она пришла въ этотъ сумрачный торжественный храмъ... чего-то искать, какого-то успокоенія, какого-то чуда.

Кто-то ей сказалъ, что въ Петропавловскомъ Соборѣ, у гробницы убіеннаго Павла I, надо отслужить панихиду, чтобы найти то, чего ищешь. А она искала только забвенья. Въ минуту отчаянья случайный совѣтъ нашелъ откликъ въ ея душѣ — и она пришла... И вотъ она, колѣнопреклоненная, у гробницы убіеннаго императора Павла I. Свѣча дрожитъ въ рукѣ Мары и тревожно колеблется ея крохотное пламя.

Священникъ отчетливо служитъ панихиду въ этотъ неурочный часъ; ему вторитъ докучный, крикливый голосъ дьячка.

Мара молится горячо и безслезно.

«Спаси, научи, настави на истинный путь... помилуй!..»

Но почему ей такъ мучительно знакомъ мягкій, проникающій въ сердцѣ голосъ священника?

Кончена панихида... Батюшка съ крестомъ приблизился къ Марѣ. Она поднялась, смахнула слезы... и глаза ея встрѣтились со свѣтлыми, голубоватыми глазами священника. Гдѣ, гдѣ видѣла она этотъ ясный, строгій взоръ, блѣдное лицо, обрамленное бѣлокурой бородой? Гдѣ? Гдѣ?

— Вы о чемъ же молились? — тихо спросилъ священникъ.

— Не знаю, батюшка. Тяжко! Забвенья я ищу... отъ суеты суетъ... отъ мертвящей тоски. Я такъ вся среди земного, въ борьбѣ, въ страстяхъ, въ погонѣ за блестящими, обманчивыми призраками. Вездѣ я ищу забвенья — въ

грѣхѣ..., а въ минуты раскаянья — въ церкви. Мнѣ сказали, что у этой гробницы я найду забвенье.

— У этой гробницы теперь все чаще служатъ панихиды и часто получаютъ то, о чемъ молятъ. Я веду записи... потому и васъ спросилъ. Я думалъ, вы молитесь о чемъ-нибудь опредѣленномъ.

— Батюшка... помолитесь за меня! — вдругъ порывомъ вся вспыхнула Мара. — Я не умѣю молиться.

— И никогда не умѣли? — строго спросилъ онъ.

— Умѣла... но забыла.

Священникъ смотрѣлъ на Мару — строго и пристально.

— Вы княгиня Рокотова?

— Да.

— Вы были въ Абастуманѣ?

— Была... и... и...

Теперь она его узнала. Отецъ Рудневъ! Священникъ абастуманской церкви, духовникъ покойнаго царевича Георгія.

— Я такъ много, такъ долго и глубоко думалъ о васъ — тихо, взволнованно заговорилъ онъ. — Чистые, безгрѣшные уста такъ часто повторяли ваше имя. Такъ много было пролито свѣтлыхъ слезъ... за васъ. Я утѣшалъ, какъ могъ, какъ умѣлъ. Вы ищете забвенья, вы погрязли въ грѣховной, блестящей, суетной жизни. Бѣдная душа ваша томится и страдаетъ. Къ нему обратимся, къ безвременно угасшему свѣтлому страдальцу... помолимся.

Мара медленно, вся объятая трепетомъ, шла за священникомъ вглубь церкви. Онъ остановился почти посрединѣ, справа у темной таинственной гробницы.

— Здѣсь помолимся. Здѣсь бренные останки того, чей свѣтлый духъ у престола Господа. Я глубоко этому вѣрю. Онъ такъ любилъ васъ въ земной своей жизни, такъ жалѣлъ... и теперь своей молитвой онъ вымолитъ то чудо, котораго вы ждете.

Мара невольно опустилась на колѣни. Глаза ея впились въ надпись на гробницѣ:

«Его Императорское Высочество Наслѣдникъ-Цесаревичъ Георгій Александровичъ.» Сама судьба устами священника бросила ее, колѣнопреклоненную, къ гробницѣ того, къ кому, единственному, ея чувство было «выше земли».

— Прости, прости... помолись... пожалѣй!..

И долго рыдала она, вздрагивая, какъ тогда, въ часъ послѣдняго земного прощанья. Батюшка помогъ ей подняться и довелъ ее до дверей церкви.

— Не забывайте незабвенное — тихо сказалъ онъ. — И молитесь. Сегодня вы вновь научились молиться. Господь да сохранитъ васъ!

Сухія губы Мары жадно припали къ благословившей рукѣ.

Она быстро вышла изъ храма и шла, пошатываясь, къ своему автомобилю. Густой вуаль скрывалъ ея орошенное слезами, прояснившееся лицо.

XI.

«На Босфорѣ 1920 года.

Рухнуло! Со страшнымъ трескомъ, почти мгновенно, разлетѣлся трехсотъ-лѣтній тронъ Романовыхъ. Многое похоронилъ онъ подъ своими развалинами.

Какъ безкрылыя птицы потянулись русскіе бѣженцы по чужимъ землямъ въ поискахъ пріюта. Покинули родные очаги, покинули дорогихъ сердцу. Можетъ быть, навѣки!

И я, одна изъ безкрылыхъ птицъ, на дивныхъ берегахъ Босфора, одинокая, доживаю свои печальные дни. Жизнь пролетѣла, какъ пестрый яркій сонъ и тускло догораетъ, какъ сонъ зловѣщій. И именно *теперь* воспоминанія душатъ меня, теперь, когда я подвожу итоги. Что осталось отъ этой бурной, богатой, полной страстей и борьбы жизни?! Прошлое кажется далекимъ, жалкимъ, ненужнымъ. Творецъ такъ ярко указалъ намъ всю хрупкость и ничтожность «суеты суетъ», которой мы поклонялись. Все попрано, осмѣяно, раздавлено. Развѣялись, какъ дымъ, всѣ божки, которымъ мы поклонялись.

Мысли эти скользятъ и исчезаютъ, а каждое біеніе моего угасающаго сердца, вся душа моя — прикованы лишь къ одному. Герой любви моей, той, что была «выше земли», только ты теперь со мною. Я вижу твой образъ — хрупкій, застѣнчивый, замкнутый. Измѣнчивую синеву прозрачныхъ глазъ, милую улыбку. Я слышу голосъ — тихій и ласковый. Царевичъ моей золотой

сказки — это ты! Въ жуткія, долгія ночи, въ длинные скучные дни — всегда ты со мной. Ты являешься ко мнѣ изъ міра міровъ и все оживаетъ. Каждое движеніе, слово, взглядъ — все воскресаетъ. Полянка, развѣсистая черешня, пастушокъ со своимъ стадомъ, наивная почта подъ камнемъ, моя дѣвичья комнатка.

И «поднебесный уголокъ» не избѣгъ разрушенія войны и революціи. Абастуманскіе дворцы, церковка, часовня — сожжены. Исчезла наша дача и съ нею моя дѣвичья комнатка. Но скалы, хранившія нашу переписку, еще живутъ. Еще существуетъ «морская дорожка», проложенная до вершины горы рукою царевича и его адъютантовъ. У «Воротъ очарованія», на отвѣсной скалѣ, еще сохранилось имя Георгія рядомъ съ моимъ. Когда-нибудь и это все исчезнетъ...

Царевичъ мой! твой вѣнценосный братъ и вся семья его — убиты, но мать твоя, твоя любимая мама еще живетъ. Она пережила почти всѣхъ своихъ дѣтей. Можетъ быть, *теперь* въ ея сердцѣ всколыхнулось позднее сожалѣніе, что она такъ круто лишила тебя счастья, мой бѣдный другъ! И, все-таки, хорошо, что ты во время ушелъ въ иной, свѣтлый міръ, что не пришлось тебѣ пережить ужаснаго крушенія. Я холодѣю при мысли, что и ты могъ-бы попасть въ грубыя руки, которыя истязали бы твое хрупкое тѣло и тѣшились бы надъ твоей гордой, нѣжной душой. Ты во время ушелъ. Но почему, почему у тебя не было хоть короткаго земнаго счастья, личнаго? Почему я тогда не откликнулась на твой безумный призывъ? Или это было бы счастье, твое и мое, или — смерть. И не прожила-бы я долгой жизни, полной борьбы и страстей, всего этого прошлаго — жалкаго и ненужнаго...

Серебряная луна всплываетъ на небѣ и ярко отражается въ прозрачныхъ водахъ Босфора. На небѣ! Тамъ, гдѣ ты. И я думаю о тебѣ. И скоро-скоро мы свидимся... тамъ, гдѣ нѣтъ «суеты суетъ», гдѣ все выше земного. Теперь *я* говорю тебѣ:

«Свѣтлый царевичъ моей золотой сказки, надѣйся, вѣрь мнѣ и жди... и молись за твою бѣдную Мару!»

(Послѣдняя страничка дневника княгини Рокотовой.)
